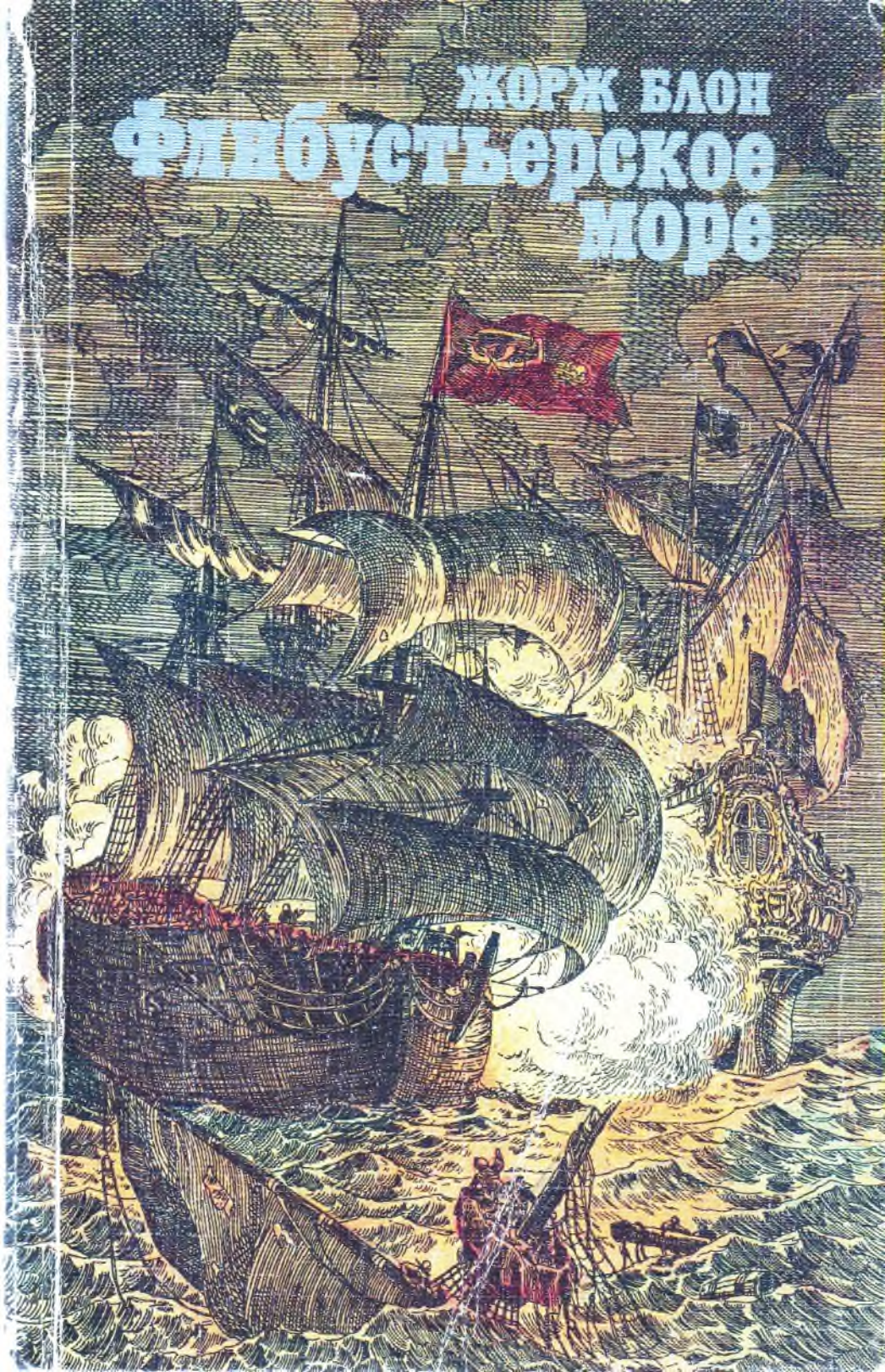
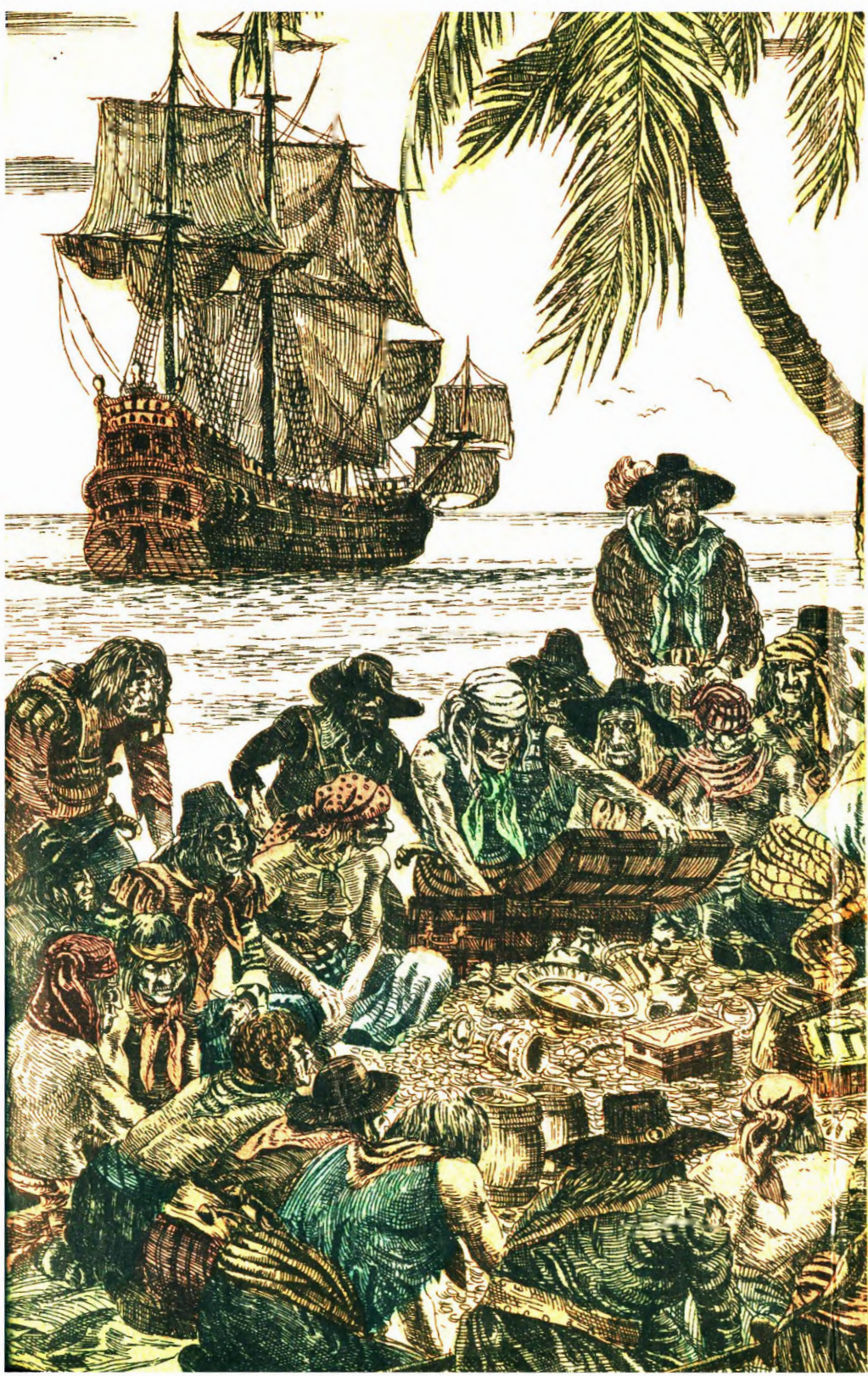

ЖОРЖ БЛОН
Флибустьерское
Море

ЖОРЖ БЛОН

Флибустьерское море

Москва «Мысль» 1985

ББК 26.8 г
Б70

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Georges Blond
Histoire de la Flibuste
Stock

Paris, 1969

Перевод с французского
А. М. Григорьева

Печатается с некоторыми сокращениями

Рецензент —
кандидат географических наук
Я. Ф. Антошко

Послесловие
А. Шумилова и Д. Демина

Художник
С. В. Юкин

ПЕРВАЯ ЭПОХА

**СЫНОВЬЯ
Тортуги**

Первое знакомство

По весне южный берег Кубы, обласканный солнцем, облачается в роскошный наряд. Вершины Сьерра-Маэстры четко вырисовываются на фоне пронзительно голубого неба, а лесистые склоны сбегают к белопесчаным пляжам.

Но пассажиры небольшого парусника «Дельфин», скользящего утром 16 мая 1668 года вдоль этого берега курсом норд-ост, не обращали на сушу ни малейшего внимания. Им было наплевать как на красоты пейзажа, так и вообще на любые диковины природы; осмелимся утверждать, что эстетические чувства вообще были чужды большинству этих примитивных натур, чьи души успели покрыться грубой коростой. Единственное, что занимало

их,—это вожаденная добыча, находившаяся сейчас в тысяче сажений* мористее «Дельфина» и стремившаяся прочь на всех парусах. Вот уже несколько часов эти люди жадно смотрели на далекое судно, ощущая сладостное жжение в груди и покалывание в брюхе, словно при виде богато уставленного стола.

Галион был замечен накануне под вечер примерно в пятнадцати морских лье** к юго-западу от оконечности Санто-Доминго***; он медленно двигался на север. Подвижный «Дельфин» мог бы догнать его, но, учитывая, что темнота в тропиках падает очень быстро, капитан смекнул, что есть риск потерять добычу. Поэтому он сказал Мигелю Баску, командовавшему походом:

— Возьмем его завтра утром.

— Как бы не случилось, что мы обгоним его за ночь. Он ведь не зажжет огней,—ответил предводитель.

Но капитан знал свое дело. Чтобы остаться позади галиона, он велел сбросить за корму плавучий якорь из бревен: таким образом, не управляя парусами, он мог держаться поодаль, не возбуждая подозрений у преследуемого.

Поняв, что ей предстоит набраться терпения до завтрашнего утра, команда «Дельфина» зароптала, пожирая глазами галион, таявший в лучах заходящего солнца. Одежда этой публики являла живописное зрелище — грязные отрепья и рванье. Большинство было облачено лишь в рубаху и обрезанные у колен штаны. Здесь были люди всех возрастов, но, если бы вам довелось заглянуть в их метрику, вы бы с удивлением узнали, что самым изможденным на вид старикам не больше сорока.

Настала ночь, и люди улеглись вповалку прямо на верхней палубе, под звездами. Им было не привыкать к неудобствам, по сути вся их жизнь состояла из неюта. На заре они пробудились и принялись справлять нужду прямо в море.

В одной из трех крохотных кают, устроенных на корме, плыл судовой хирург, молодой человек двадцати двух лет от роду. Минувшей ночью при свете фонаря, укрепленного на переборке своего убежища, он в течение часа делал записи. Покинув Францию два года назад, молодой врач начал вести дневник, делая пометы для себя, нисколько не помышляя о том, что он когда-нибудь опубликует их. И конечно же он не мог знать, что этому документу суждено будет пережить века.

* 1 морская сажень — 1,6 м.

** 1 морское лье — 3,5 км.

*** Санто-Доминго, или Эспаньола, — так тогда назывался остров Гаити. *Все примечания принадлежат переводчику.*

В то утро он поднялся на палубу, где суетились матросы, и тотчас заметил, что плавучий якорь уже выбран. Тем не менее «Дельфин» застыл на морской глади с бессильно обвисшими парусами.

Густой туман заволок море, судно дрейфовало, словно дохлая рыба в пруду. Капитан о чем-то беседовал на корме с Мигелем Баском. Остальные, пробегая по палубе, бросали на них угрюмые взгляды, в которых сквозила затаенная угроза.

Густейший ватный туман был непрогляден. Хирург подошел к корме и услышал слова капитана, обращенные к собеседнику, Мигелю Баску. «Когда встанет солнце,— говорил он,— туман рассеется. Одновременно начнет тянуть ветер». В словах старого морского волка звучала полнейшая уверенность.

Мигель Баск, коренастый мужчина средних лет, слушал его с непроницаемым выражением лица. Он стоял расправив плечи, широко расставив ноги и заложив руки за пояс, куда были задвинуты два пистолета, слегка изогнутая сабля и два кинжала.

Молодой врач спустился в каюту, открыл продолговатую деревянную шкатулку и в который раз осмотрел свои инструменты. Они напоминали скорее столярный инвентарь, нежели хитроумное оборудование современного хирурга. Но это на наш взгляд. А Александр Оливье Эксмелин* — так звали нашего героя — полагал, что имеет в своем распоряжении самое лучшее из того, что знала наука его времени. Единственное, что удручало его, — так это то обстоятельство, что за свою недолгую практику ему редко доводилось пускать в ход лекарский инструментарий — разве лишь на трупах. Врачевать живых ему пришлось мало. Место на судне досталось ему с большим трудом, пришлось даже умолять губернатора Тортуги господина д'Ожерона хлопотать за него перед Мигелем Баском. И теперь его снедало беспокойство, как воспримет этот безжалостный человек неопытность новичка.

С палубы донеслись гомон и выкрики. Эксмелин чуть было не решил, что начался бунт. Нет, возгласы были незлобные — кричали дружно и радостно. Да и волны теперь бились о корпус бойчее: «Дельфин» явно набирал скорость. Поднявшись по трапу, молодой человек убедился, что капитан был прав: туман рассеивался, светило солнце и дул бриз. А вопли экипажа возвестили о том, что галион вновь оказался на виду. Позади чужого судна высоко над горизонтом высилась Сьерра-Маэстра.

* Жорж Блон придерживается версии, согласно которой А. О. Эксмелин (он же Эксмелин), автор книги «Пираты Америки», был француз. Это мнение не разделяется целым рядом исследователей (см.: Предисловие Я. М. Света к русскому изданию книги А. О. Эксмелина «Пираты Америки». М., «Мысль», 1968).

«Испанец», повернув на северо-восток, теперь шел прямо к порту Сатьяго-де-Куба.

«Дельфин» был быстроходным судном с треугольным бермудским парусом на высокой мачте и кливером на бушприте, примерно тридцати метров в длину и шести-семи метров в ширину, то есть размером он более или менее напоминал современное промысловое судно для ловли тунца. Но на борту его теснилось семьдесят человек. Так диктовала тактика. Ведь речь шла не о прогулочном рейсе, а о походе, где добычу предполагалось брать на abordаж, и тут требовался максимум народа, каждая пара рук была на счету. «Дельфин» нес пять маленьких пушек, одна из которых была установлена прямо на носу. Люди были вооружены длинными ружьями, пистолетами, саблями и кинжалами.

Хирург, присев на ступеньке трапа, ведшего в его убежище, наполовину высунулся из люка и смотрел попеременно то на галион, то на капитана, стоявшего на корме рядом с Мигелем Баском. Все остальные неотрывно следили за галионом. Расстояние между ним и «Дельфином» заметно сокращалось.

Неожиданно Мигель Баск скороговоркой произнес что-то, чего Эксмелин не сумел разобрать. Капитан в свою очередь отдал приказ рулевому, и тот переложил штурвал круче на ветер. Преследуемый галион изменил курс, взяв вправо. По палубе «Дельфина», забитой людьми, прошел шелест, словно по трибунам ипподрома, следящим за перипетиями скачек. Что случилось? Хирург был еще новичком в деле, чтобы уловить суть происходящего.

Меж тем галион, заметив угрозу, развернулся бортом, чтобы встретить нападающих бортовым залпом. Капитан «Дельфина» тотчас произвел маневр, дабы вновь оказаться за кормой галиона, где ему угрожало лишь кормовое орудие. Конечно, маневр отнял некоторое время: судну пришлось сделать полукруг, чтобы встать по ветру, но флибустьерские корабли были очень подвижны, а их парусное вооружение позволяло круто идти бейдевинд.

Забившие палубу люди прекрасно понимали мельчайшие детали маневра. Теперь, когда добыча была видна отчетливо, их снедало нетерпение. Все надежды были связаны с будущей поживой, ни у кого за душой не было и мелкой монеты: все награбленное в предыдущих экспедициях было спущено в буйном загуле на берегу, пропито и проиграно.

Все знали, что должно произойти. Дистанция между кораблями уменьшится, потом сократится до минимума, будут брошены «кошки», вражеский борт подтянут abordажными крючьями, и яростный вал атакующих неудержимо накатится на галион.

Конечно, можно было биться об заклад, что прежде грохнет кормовое орудие «испанца» и картечь найдет своих жертв в толпе на палубе «Дельфина». Флибустьеры прекрасно понимали это, но перспектива ранения заботила их не больше, чем погода: дождь иль солнце, им было все едино. Смерть стояла за спиной каждого джентльмена удачи, и они сжились с ней. Куда больше их сознание занимали вожделенные картины кутежа, ожидавшего их на Тортуге в самое ближайшее время, часа через два от силы, если только они останутся в живых, а трюмы и каюты галиона не окажутся пусты. Впрочем, вероятность последнего они отметали. Райские кущи в мечтаниях этих людей были наполнены тоннами пищи, которые предстояло поглотить, бездонными бочками спиртного и доступной живой плотью портовых женщин.

Среди этих искателей приключений были выходцы из многих стран, представители двух религий, католической и протестантской, а также несколько метисов с большей или меньшей примесью турецкой крови. Накануне отплытия многие из католиков исповедались и причастились. А перед тем как выбрать якорь, все они — католики, протестанты и прочие, собравшись на палубе и повернувшись лицом к корме, выслушали молитву, вознесенную Мигелем Баском, и дружно, как один, откликнулись на нее громогласным «Аминь!».

Мигель Баск со товарищи просил у бога «ниспослать победу в самой справедливейшей из войн и вознаградить деньгами от щедрот своих». Один лишь бог смог бы уловить частицу человечности под зверской личиной этих субъектов. Хотя, возможно, их грубые молитвы, подчас граничившие со святотатством, коробили всевышнего меньше, чем те, в которых нынешние благочестивые прихожане более благозвучными речами просят его о том же самом.

Испанский галион назывался «Сан-Яго», он надеялся укрыться от разбойников в кубинском порту. На борту ежеутренне служили мессу — в тот день особенно торжественно, поскольку день был воскресный. Алтарь был установлен на юте, двое юнг прислуживали священнику. Густая толпа до отказа заполнила палубу.

На носу верхней палубы, в противоположном конце от алтаря, особняком держалась пестрая группа, состоявшая в основном из матросов и посаженных на борт солдат. На средней палубе, много ниже, ехали пассажиры попроще, тут можно было встретить и чиновников в темном платье, и низших офицерских чинов, и колонистов, и торговцев, и матерей семейств с чадами, а также девиц с нарумяненными щеками и густо напудренными волосами; среди них попадались хорошенькие и элегантно

одетые, что не мешало, однако, проказникам щипать их в толчее, ибо частенько то одной, то другой приходилось оборачиваться и гневно шлепать приставалу по рукам. Одернув платье, они надменно оглядывали присутствующих, презрительно поджимая губки, но ни одна не смела и помыслить о том, чтобы подняться по двум трапам на ют и присоединиться к другой толпе. Там тоже теснились — но среди своих, отделенные толстым палубным настилом от черни, — благородные сеньоры и богато разодетые офицеры. На мужчинах были подбитые шелком камзолы, мягкие сапоги со шпорами, шляпы с плюмажами и султанами, на дамах — дивные наряды, мантильи и драгоценные украшения, а манеры их свидетельствовали об истинно высокородном происхождении. Вся знать, забившая «Сан-Яго» от носа до алтаря, была выряжена точно так же, как если бы мессу служили в Мадриде или Севилье: мысль одеваться сообразно с тропическим климатом не приходила в голову никому.

Однако, присмотревшись внимательнее к уборам и нарядам великосветской публики, вы бы наверняка заметили прикрытые мишурой, а то и нет, пятна самого разнообразного свойства: от жира и вина, соуса и смолы. Что касается шелковых платьев, накидок и плащей, то они были измяты так, словно владельцы не снимали их на ночь, — что, впрочем, соответствовало истине. Тем не менее пятна и складки нисколько не смущали благородных особ, глядевших окрест себя с обычным высокомерием и чванным самодовольством. Заботило их лишь то, где кто стоит; некоторые норовили приблизиться к алтарю настолько, что почти касались «тела» Христова. На борту галиона теснота превосходила все мыслимые пределы, но и тут каждый из сеньоров умудрялся следить за тем, чтобы полагающееся его титулу и званию место не было узурпировано.

И все же, несмотря на надменные взоры и горделивые позы, на палубе «Сан-Яго» нельзя было не почувствовать тревогу. На лица благородных идалго и прекрасных дам набегала тень, когда их взгляд перебегал с алтаря и молящегося священника на море, где все четче вырисовывался черный корпус с высоким серым парусом; с каждым часом он приближался неотвратимо, как грозное знамение. На всем пространстве Карибского моря вот уже около века всякий корабль, шедший не под испанским флагом, считался пиратским, а значит, был вне закона. К несчастью, подлинными владыками здешних морей были именно они. Вот и на мачте черного судна, преследовавшего галион, не было поднято никакого флага. Зловещий знак!

Капитан «Сан-Яго» надеялся поспеть в порт Сантьяго до того, как его настигнут. Уже дважды он менял курс, поворачиваясь к

преследователю то одним, то другим бортом, дабы тот как следует рассмотрел торчащие из бортов жерла орудий. Однако неизвестный тотчас же повторял маневр и вновь заходил галиону в корму. Легкое судно скользило по ветру, словно толкаемое невидимой рукой. А галион, несмотря на три свои мачты и десять парусов, тяжело утюжил воду.

В 1892 году в ознаменование четырехсотлетней годовщины открытия Америки испанское правительство решило построить корабль, максимально похожий на Колумбову «Санта-Марию». Эта копия каравеллы прошла через Атлантический океан точно по маршруту, записанному в судовом журнале первооткрывателя, затратив, как и он, на дорогу ровно тридцать шесть дней от Лас-Пальмаса на острове Гран-Канария до Сан-Сальвадора на Багамах. Капитан второго ранга Виктор Конкас, командовавший судном, сказал, что корабль очень хороший, мореходный и способен совершать дальние плавания даже в плохих погодных условиях.

Галионы, пришедшие на смену каравеллам Колумбовой эпохи, были крупнее, имели водоизмещение в шестьсот — восемьсот тонн, три их мачты несли шесть, восемь или десять парусов, но они были гораздо менее ходкими в сравнении с каравеллами. С первых лет XVI века флотилии галионов стали медленно переползать через Атлантику, везя в трюмах сокровища Нового Света, без которых Испания уже не могла существовать. Галионы были одновременно грузовыми и боевыми судами — в те времена подобных различий никто не делал.

В Антильском море* галионам дозволялось плавать в одиночку, именно поэтому утром 13 мая 1668 года «Сан-Яго» оказался без сопровождения. Позволительно будет предположить, что форма этого судна была лучше, чем у галионов первой постройки, и что он в достаточной степени напоминал военный корабль — кстати, именно так, согласно французскому лексикону, именовал его молодой хирург, хотя испанцы все суда Золотых флотов называли *галионами*.

Как и у остальных его собратьев, бороздивших теплые моря, корпус у «Сан-Яго» был обшит тонкими свинцовыми пластинами во избежание слишком сильного обрастания водорослями. При сильном попутном ветре он шел в обычных условиях довольно хорошо. Но капитан прекрасно знал, по какой причине «Сан-Яго» двигался сейчас лениво, словно морской слон. Причиной была перегрузка.

* Так в ту эпоху именовалось Карибское море.

Устав Королевской торговой палаты в Севилье категорически запрещал перевозить на галионах иные грузы, нежели предназначенные для казны его величества короля Испании. С момента основания (1503) палата росла, расширяя свои полномочия и власть. Она превратилась в чудовищного монстра, гигантского паука, спрута; ее уставы и указы охватывали мельчайшие детали корабельной жизни. В Америке они предписывали все — от ширины полей шляп, которые надлежало носить находившимся в рабстве у испанских поселенцев индейцам, до порядка исполнения гимнов на борту галионов в разное время дня. Однако вся эта масса тщательно разработанных инструкций и маниакальных указов превращалась в мыльный пузырь, в ничто, ибо, чем больше пухла гора распоряжений, тем меньше их исполняли. В результате палата превратилась в *самодовлеющую бюрократическую систему*, потерявшую всякую связь с реальным миром.

Запрет перевозить какие бы то ни было иные грузы, кроме как предназначенные для государя, соблюдался менее всего; можно смело утверждать, что, наоборот, казенное имущество занимало в трюмах отнюдь не главное место и куда чаще суда использовались к вящей выгоде капитанов, офицеров и матросов. Даже адмиралы не чурались взимать комиссионные с пассажиров и негоциантов. Так, однажды галион, шедший под флагом главнокомандующего испанским флотом, вез на борту семьсот человек, из которых четверста пассажиров были нелегальными.

Капитан «Сан-Яго» наверняка затрундился бы ответить, сколько подобных пассажиров находилось у него на борту, зато он твердо знал, сколько полагающихся по штату орудий он снял перед отплытием, чтобы погрузить оплаченную звонкой монетой коммерческую поклажу. Согласно уставу палаты, перед выходом в море каждое судно должны были освидетельствовать инспекторы, дабы убедиться, что на борту имеется все полагающееся вооружение. Эти инспекторы действительно поднимались на палубу и видели орудия в полном комплекте, однако, поскольку и они получали свою мзду, ретивые служащие не желали знать того, что было известно каждому портовому бродяге от Панамы до Кубы, а именно: часть пушек была *одолжена* и, как только подписывался акт, их тут же сгружали на берег... для установки на следующем готовившемся к отплытию галионе.

Таким образом, половина орудий на «Сан-Яго» была заменена пассажирами и товаром, причем нелегальный фрахт тянул вдесятеро больше снятой артиллерии. Галион был нагружен до такой степени, что его средняя палуба между носовой и кормовой пристройками едва поднималась над водой, так что следовало благодарить бога за то, что море все это время оставалось

спокойным. Не счесть было собратьев, которые, нагружившись, как и он, сверх всякой меры, становились жертвами внезапно налетевшего тропического урагана. Вихрь не знал пощады и в одно мгновение уносил на дно судно со всем его живым и мертвым грузом.

Густая толпа слушала, как священник служил молебен на палубе «Сан-Яго». Но там были не все. Глубоко в трюмных отсеках при зыбком свете фонарей сидели люди, охранявшие имущество, свое либо чужое, к которому они были приставлены. Они находились там безвылазно, лежж на ящиках и мешках, а то и прямо на полу из неструганных досок, отгоняя жадных крыс, норотивших поживиться их провизией. Эти люди не видели дневного света с самого отплытия, живя, как тараканы, в духоте и зловонии.

Самый глубокий отсек в кормовой части, двумя палубами ниже капитанской каюты, был обит железными полосами, превращавшими его в подобие сейфа. Проникнуть туда можно было только через люк в потолке. Этот люк, тоже обитый железом и закрытый на огромный замок, выходил в другой отсек, где постоянно находилось десять вооруженных пистолетами и ножами охранников, половину которых меняли каждые два часа. Единственный фонарь, висевший под потолком этого убежища, светил так слабо, что, входя туда, люди поначалу ничего не могли рассмотреть во тьме и наталкивались друг на друга. Мрак был создан с умыслом — дабы легче уберечься от внезапного нападения.

В этом глубоком и надежно защищенном трюме покоилось скрытое от посторонних глаз в полной тьме тяжелое безгласное божество, которому люди поклонялись больше, чем Христу, — слитки золота.

Ежегодно два *флота* (так в Испании называли трансатлантические караваны), груженные европейскими товарами, отплывали из Севильи* в Америку. На обратном пути они везли золото, серебро и экзотические заморские продукты. Один караван шел из Испании на Кубу, другой, пройдя Атлантику, заходил в Картагену (ныне в Колумбии), а затем останавливался по меньшей мере на две недели в Пуэрто-Бельо на атлантическом побережье Панамского перешейка.

* Испанские морские суда выходили из аванпоста Севильи — гавани Санлукар-де-Баррамеда.

В порт Панама, расположенный на тихоокеанском берегу перешейка, свозили золото и серебро из рудников Перу и Чили; доставку осуществлял испанский флот на Тихом океане. Затем слитки перегружали на мулов и переправляли с вьючным караваном через перешеек в Пуэрто-Бельо, где слитки опускали в трюмы галионов *флота* номер два. Суда шли на Кубу, где соединялись с кораблями *флота* номер один. Часто по пути домой обе флотилии пересекали океан вместе.

«Сан-Яго» вышел из Пуэрто-Бельо 6 мая 1668 года в Гавану. Из всех островов Антильского моря Куба была единственным надежным владением испанцев. Но путь до нее был полон опасностей: он шел мимо гнезд французских и английских флибустьеров, осевших на островке Тортуга у северного берега Эспаньолы, у самого входа в Багамский пролив, и в Порт-Ройале на Ямайке.

Капитан галиона взял сначала курс норд-норд-вест с намерением достичь Гаваны, обогнув западную оконечность Кубы, но ветры и течения отнесли его к востоку. К концу дня 15 мая, заметив впереди по левому борту ямайский берег, он взял резко на север, поняв, что ему не остается ничего иного, как попробовать пройти между Ямайкой и Эспаньолой. Тут-то его и засек «Дельфин».

Месса на борту галиона подходила к концу. «Сан-Яго» находился приблизительно в двух морских лье от порта Сантьяго-де-Куба; преследователь шел точно в кильватере на расстоянии около восьмисот морских сажений. И это расстояние неуклонно сокращалось.

Кортеж, пробивавшийся через тропический лес под звуки музыки, имел совершенно необычный вид — казалось, он прибыл с другой планеты. Люди, раскрашенные красной, желтой и голубой краской, одетые в звериные шкуры и увенчанные разноцветными перьями, били в гонги, дули в изогнутые трубы, рога и морские раковины, трясли звонкими ожерельями. На груди у жрецов великанского роста, облаченных в черные тоги, сверкали массивные золотые украшения в форме солнца, на других были золотые венцы, с которых ниспадали нитки изумрудов, подчас закрывая лица.

Самые богатые украшения были на тех, кто шагал впереди сделанных из золота носилок, тоже помеченных знаком солнца. А на носилках восседал казавшийся золотым человек — живой идол, Эльдорадо (Золоченый). О том, что это не статуя, можно было догадаться лишь по тому, что фигура колыхалась в такт шагам

несших носилки принцев. Все тело этого человека было сплошь покрыто золотой пылью, смешанной с особым каучуковым составом. Иногда случалось, что «живой бог» *умирал*, задохнувшись под этим панцирем, прежде чем кортеж добирался до озера.

Процессия медленно и торжественно шествовала к озеру в такт музыке, тревожные басы прерывались пронзительными всплесками рожков. Священная «змея» ползла через лес, сверкая золотой чешуей в местах, где солнечным лучам удавалось прорезать густую листву. Невидимая толпа следила за шествием: непосвященные под страхом смерти боялись показаться на глаза жрецам, ибо ослушнику мгновенно пронзили бы грудь обсидиановым кинжалом. Но тысячи индейцев, прижавшись обнаженными телами к земле, каждый раз рисковали жизнью в безумной надежде хоть краешком глаза взглянуть на золоченого касика (вождя).

Длинная лодка небесно-голубого цвета ждала на озере, уткнувшись носом в берег; двадцать голубых гребцов в золотых масках застыли на веслах. Носилки ставили наземь, и Эльдorado переносили в лодку. Тотчас гребцы сгибались, словно пружина, а когда они распрямлялись, за лодкой до середины озера тянулся узкий, будто прорезанный ножом, след. Жрецы и участники процессии, замерев на берегу, неотрывно смотрели на воду, музыка смолкала. Наконец лодка останавливалась на середине озера, Эльдorado на корме воздевал руки к небу и — неожиданно нырял в воду.

Тотчас вопль исторгался из груди оставшихся на берегу, а музыка сотрясала берег и лес. Эльдorado медленно делал круг, пока золотой порошок не сходил с его кожи и тысячами звездочек не оседал на дно. Одновременно присутствующие изо всех сил дружно закидывали в озеро как можно дальше свои сказочные драгоценности. Изумруды, золотые нагрудники, венцы и тяжелые браслеты, сверкнув в последний раз, навеки исчезали в водах озера. То была дань божеству. Ликование на берегу достигало апогея, когда обнаженный касик, освободившись от золотой чешуи, очищенный и обновленный, вновь залезал в голубую лодку, которая доставляла его на землю. В последний миг гребцы тоже бросали свои маски в озеро.

Описанный обряд совершался посреди тропического леса на высокогорном плато Гуатавита недалеко от Боготы (Колумбия). В течение долгих веков до прихода европейцев он устраивался каждый раз по случаю вступления на трон нового касика. Это был обряд приношения и очищения, жертвенная церемония. Поразительно, что никто из европейских пришельцев, прослышавших о ней, не понял ее сути. Вернее, жажда золота у

конкистадоров была столь сильна, что значение и смысл обряда они отрунули, как помеху. То, что им удалось выведать у индейцев во время первых контактов, в результате многократных повторений превратилось затем в легенду, обросшую целым сонмом преувеличений и росказней. Идея *жертвенности и очищения* исчезла. Ярким пламенем в жадно взиравших очах горел лишь образ сокровищ, которыми полнился этот край и которыми в случае удачи можно было завладеть. Эльдorado перестал быть человеком, превратившись в страну, в символ баснословного, невиданного в мире богатства, ради которого испанцы были готовы на все...

Между тем «Дельфин», шедший по пятам своей жертвы, изменил обличье. Больше не видно было людей, толпившихся на палубе и смотревших во все глаза на галион, размахивавших при этом руками и вопивших с искаженными от вожделения лицами. Люди исчезли. На самом деле они лежали ничком на палубном настиле, вытянувшись рядами, словно невольники на борту работоргового судна; рваное тряпье покрывало теперь все пространство палубы от носа до кормы. А там, на корме, остались стоять лишь Мигель Баск, капитан и рулевой. Хирург, высунувшись наполовину из своего убежища, с недоумением взирал на странное зрелище.

Приказ лечь на палубу и не шевелиться был отдан, как только «Дельфин» приблизился к галиону: испанцам нельзя было показывать число нападавших. Планширь надежно скрывал лежащих, и вплоть до последнего момента враг должен был пребывать в тревожном неведении. Тишина стояла на борту флибустьерского судна; слышались лишь дыхание бриза, шорох бейфутов грота о мачту и шелковистый шелест разрезаемой корпусом воды.

Хирург смотрел на галион — с каждой минутой тот становился все более отчетливым. Судно, на котором он полтора года назад прибыл из Европы, было приблизительно того же тоннажа. Молодой человек без всякого удовольствия вспоминал свое девятинедельное путешествие через Атлантику. В XVII веке комфорт и удобства еще не вошли в обиход; в те времена в Версале на столе у Людовика XIV зимой застывала в кубке вода. Александр Оливье Эксмелин, сын аптекаря из Онфлёра, воспитывался в школе, где о топке и не помышляли, зимой лишь застилали пол соломой. А помещение, где он осваивал потом премудрости хирургии, мало чем отличалось от прежних. Но, лишь оказавшись в открытом море на судне, увозившем его в Вест-Индию, он впервые по-настоящему хлебнул горя. Ему довелось изведать на своей шкуре то, о чем умалчивают учебники истории и отчеты путешественников: пассажиров того времени

возили как скот и едва ли лучше кормили. Впрочем, у иного хозяина свиней содержали лучше.

Молодого человека заставил отправиться в изгнание запрет гугенотам, лицам протестантского вероисповедания, заниматься во Франции определенными профессиями — как нарочно, наиболее интересными. Подобно большинству своих спутников, он отправился в путь бесплатно, подписав обязательство отработать три года на службе у заморского колониста. Намеревался же он заняться врачеванием на островах Вест-Индии, где не существовало никаких религиозных или политических ограничений.

«Дельфин» подошел к своей добыче еще ближе. Мигель Баск приказал Эксмелину спуститься в каюту и не вылезать оттуда до конца абордажной схватки: было бы глупо потерять хирурга в первом же бою. Молодой человек, насупившись, уселся на постель. В голове его засвербила мысль: «Доведется ли мне вновь увидеть Тортугу?» Увидеть Онфлёр Эксмелин и не помышлял: Онфлёр был за тридевять земель; да и вообще Эксмелин поставил крест на своем прошлом: коль скоро Франция отвергла его, он должен забыть ее.

После девяти недель океанского перехода, иными словами, после девяти недель тесноты и скученности, тухлой пищи, мерзкой вони и мук от жажды, остров Тортуга показался Эксмелину и его спутникам подлинным раем. Контраст с жизнью на борту был столь велик, что покосившиеся темные таверны и грубо сколоченные жилища колонистов-плантаторов и флибустьеров на берегу показались им царскими дворцами.

Новоприбывшие купались в море, ели фрукты и жаренное на вертеле мясо, бродили как хмельные по острову. Счастье длилось ровно два дня — такой срок компания предоставляла *вербованным* для того, чтобы те могли прийти в себя, после чего — за работу.

В Париже служащие Французской Вест-Индской компании клятвенно заверяли Эксмелина, что жизнь на островах слаще меда: «В новых землях не хватает хирургов и аптекарей, посему вас примут там с распростертыми объятиями». И правда, встречавший вновь прибывших губернатор острова д'Ожерон расцеловал Александра Оливье как сына, когда ознакомился с теплыми рекомендациями, представленными молодым хирургом из Франции.

Первый удар ожидал гугенота по прошествии двух дней блаженного отдыха, когда его под усиленным конвоем повели на рынок. Рынок этот был не совсем обычный: там продавали не скот и не овощи, а людей. Здесь на аукционе торговали неграми, привезенными из Африки, и белыми европейцами, прибывшими на судах компании.

Нет, колонисты Вест-Индии не обращали в рабство своих братьев во Христе, поскольку покупали их не пожизненно. Формально они нанимали их у компании на три года, выплачивая вербованным жалованье, приблизительно равное солдатскому содержанию. Компания же получала по тридцати реалов с головы — стоимость провоза через океан.

«Оказаться проданным в наше время в рабство, словно ты сенегальский негр!» Эксмелину еще повезло: его принудительная служба продлилась лишь год, но он вспоминал о ней как о настоящей каторге. Валка леса, прополка табака, кормежка свиней. На рассвете подъем по свистку, отбой в полночь. Свинина, картошка и бобы, тропических фруктов не было и в помине. «Прогулки лишь по праздникам и воскресеньям. Многие из слуг компании умирают от дурного обращения, печали и цинги». Из-за всех этих невзгод тяжело захворал и Эксмелин. Хозяин, «самая отменная шельма на всем острове», опасаясь, что он умрет, продал француза за семьдесят реалов местному хирургу. Тот взял Александра Оливье себе в помощники. «Новое мое положение наконец-то вернуло мне честь и достоинство свободного человека. Поистине нет более приятного существования, нежели быть хирургом на островах. Лечение тут оплачивается куда щедрее, чем в Париже». По прошествии пяти месяцев хозяин предложил помощнику выкупиться за сто пятьдесят реалов, причем был готов повременить с уплатой. Самым верным способом накопить их было пойти в пираты. Так Эксмелин оказался на борту «Дельфина», находившегося сейчас на расстоянии пушечного выстрела от галиона. Позволительно предположить, что новое амплу нашего хирурга было продиктовано не только перспективой обрести полную свободу. В случае удачи он мог рассчитывать на большее.

Все, что должно было последовать за взятием галиона, было в малейших деталях записано в тщательно составленном документе. Первоначально он назывался по канцелярской терминологии *фрагтовой грамотой*, но очень скоро стал именоваться в живописном лексиконе флибустьеров *фартовой грамотой*.

Приз надлежало доставить на Тортугу. Захваченное судно становилось собственностью предводителя морского похода, он волен был оставить его себе или продать. В соответствии с законом Флибустьерского моря оценщики на острове должны были произвести опись добычи, после чего она делилась на несколько частей: определенная доля шла Вест-Индской компании, губернатору и прочим властям. Была обозначена и доля судового хирурга. Эксмелин, разумеется, не был столь глуп, чтобы записывать в дневник причитающуюся ему мзду, но из

контекста можно понять, что суммы были весьма круглыми. Из общей добычи непременно забиралась часть, предназначенная для выплаты компенсации получившим ранения или увечья. За потерю одного глаза причиталось сто реалов, за оба глаза — шестьсот, за правую руку — двести, за одну ногу — тоже двести реалов и так далее. Получатель мог взять вместо денег рабов, если таковые оказывались на призовом судне.

На случай, если в опьянении битвой в момент взятия вражеского корабля кому-то случалось «по недоразумению» сунуть в карман пригоршню дукатов или драгоценностей, экипажу торжественно предлагалось перед дележкой вернуть эти предметы в общую казну, причём раскаявшегося ничуть не упрекали, ибо кто из смертных без греха...

Галион «Сан-Яго» изо всех сил тянул к Сантьяго. Гавань была уже близко, но ее закрывал высокий мыс. По левому борту кубинский берег вырисовывался отчетливо — можно было сосчитать деревья на кромке песчаного пляжа, даже подать знак, но поблизости не было видно ни одного человека. Лишь дальше, в глубине острова, маячили крыши имений и дворовых построек.

На борту галиона царила полная тишина, какая-то заторможенность сквозила в движениях и жестах. Месса закончилась, прошло уже порядком времени, но пассажиры и солдаты так и не расходились с палубы, неотрывно глядя на черное судно за кормой. Оно подходило все ближе и ближе. Благородные пассажиры, столпившись на юте, время от времени поглядывали на дверь капитанской каюты. После молебна у капитана собрались на совет офицеры галиона и командиры роты охраны. Пока еще никто из них не вышел оттуда.

Судовая артиллерия на галионах того времени насчитывала по штату от двадцати пяти до сорока орудий, стрелявших зарядами весом от восьмидесяти до ста двадцати фунтов. С учетом произведенной накануне отплытия операции по облегчению судна на «Сан-Яго» должно было находиться не меньше дюжины пушек, по шесть с каждого борта. Подобного вооружения было вполне достаточно, для того чтобы разнести вдребезги любую флибустьерскую посудину.

Испанские солдаты XVII века были храбры в бою. Об испанской пехоте писали, неизменно сопровождая описание эпитетом «грозная». Немалому числу галионов удавалось выходить победителями из жестоких сражений в Карибском море, а испанские эскадры неоднократно успешно нападали на хорошо защищенные опорные пункты флибустьеров, в том числе и на

Тортугу. Но не раз и не два могучие галионы сдавались в открытом море без боя, замороженные страхом перед пиратами.

На борту «Сан-Яго» наметилось легкое движение: из капитанской каюты вышли командиры. Горделивым жестом капитан позвал лоцмана, стоявшего до того рядом с рулевым; лоцман приблизился, сняв шляпу. Капитан и офицеры быстро заговорили с ним, показывая рукой то на мыс, то на берег по левому борту. Затем капитан, раздвинув офицеров, поднялся на мостик и положил руки на поручень, словно собираясь отдать приказание экипажу и солдатам либо обратиться с речью к толпе раздетых пассажиров. Но нет, он молча в который раз пристально всмотрелся в берег. На средней палубе начали рыдать женщины, закрыв лица ладонями.

Орудийная обслуга застыла возле пушек правого борта и у кормового орудия, сверля глазами капитана. «Сан-Яго» уже вполне мог дать залп по преследовавшему его противнику, развернувшись правым бортом, но этот маневр отдалил бы галион от берега — бухты Сантьяго, земли обетованной. Разворачиваться же левым бортом означало рисковать наскочить на мель.

«Сан-Яго» мог также без всякого маневра открыть огонь из кормового орудия: главный бомбардир стоял возле него с горящим фитилем на длинном шесте. Но капитан не отдавал никаких распоряжений.

«Взят без боя» — такую лаконичную и исчерпывающую фразу занес Эксмелин в свой дневник. Его свидетельства бываю порой неточными или спорными, когда он дает описания из вторых рук или приводит *экзотические* подробности, но они поражают своей достоверностью и правдоподобием всякий раз, когда хирург лично участвует в деле. Впрочем, сведений из других источников у нас нет.

Капитан «Сан-Яго» погиб, не успев ничего рассказать. Весьма вероятно, он до последней минуты надеялся достичь Сантьяго раньше, чем его нагонит пират, или оказаться в виду порта, где разбойник не посмел бы атаковать.

При всех обстоятельствах выстрел из кормового орудия мог бы повредить флибустьерское судно или заставить его замедлить ход; он мог быть услышан в Сантьяго, откуда по тревоге выслали бы подмогу. Но капитан «Сан-Яго» в конце концов решил не завязывать боя. Слишком много женщин с детьми было на борту. И, глядя на эту толпу, странно смотревшуюся на палубе боевого корабля, он продолжал стоять на мостике как статуя, вцепившись в поручень, с каменным выражением лица. Он неспешно обернулся только тогда, когда от приглушенного пушечного удара

пронзительно завизжали женщины и дети. То сделал свой первый выстрел пират.

В крошечной тьме трюмов галиона бдевшие над сокровищами люди-тараканы тоже услышали эхо орудийного выстрела. Затем спустя короткое время по палубе застучали каблуки, хлопнуло несколько пистолетных выстрелов, сразу потонувших в воплях женщин и детей. Раскаты мужских басов прорывались сквозь эти истерические крики. Топот продолжался, словно одна армия гналась за другой.

Неожиданно трюмные люки отворились и человеческие тела посыпались вниз, в чрево галиона. Мужчины, женщины и дети, без разбора сброшенные в трюмы, кричали от ужаса и стонали от боли, когда сверху на них падали новые тела. К счастью для них, трюмы были забиты так, что лететь было невысоко, иначе при падении они неминуемо разбились бы насмерть или покалечились.

В течение нескольких минут тела сыпались вниз, как горох, тяжело ударяясь друг о друга; на этом расправа была закончена, люки захлопнуты, послышался скрежет вдеваемых в пазы деревянных засовов. Несколько гулких ударов деревянными молотками, и все.

Галион накренился и двинулся в обратном направлении. Если среди затворников в трюме оказались бы люди, пережившие в прошлом подобные треволения, они наверняка рассказали бы остальным, что флибустьеры всегда первым делом заталкивают пассажиров и экипаж в трюм: подобный простейший метод избавляет их от неразберихи на палубе и лишних хлопот. Захваченное судно со всем своим содержимым направлялось в порт, где по прибытии на берег вперемешку вытаскивали товар и живой груз.

Но несчастные, очутившись в темноте и духоте трюма «Сан-Яго», вряд ли бы стали слушать какие-либо разъяснения. Это было невозможно при всем желании: трюмы оглашали крики и стенания, плач и проклятия. Одни провалились в щели между ящиками и тюками, других придавило сверху; первые, пытаясь выбраться, кому-то защемили конечности, кому-то наступили на лицо... Вопли, ругательства, мольбы о помощи. Разлученные супруги и оторванные от родителей дети звали близких, нескончаемые стоны и богохульства неслись отовсюду. Рухнули классовые барьеры, не было больше каст; знатные дамы и уличные девицы, рекруты и идалго — все смешались в кучу, всех уравнил позорный плен, и всеми одинаково владели страх и отчаяние.

Нескончаемо текло время, час сменялся часом — сколько их прошло? Бог весть. Пленники оказались в неведомом бытии; то была не совсем жизнь и не совсем смерть, а какое-то полуобморочное состояние. Полный мрак, казалось, стал чуть светлее... Нет, это, видно, просто глаза пообвыкли во тьме. Безостановочно плакали дети, раненые и лихорадочные больные просили пить, но ни капли воды нельзя было выдавить из золотых слитков, ящичков и мешков с колониальными товарами.

Молодой хирург смотрел теперь на Мигеля Баска. Предводитель флибустьеров сидел в золоченом капитанском кресле на корме неподвижного галиона и громко хохотал. Между «Сан-Яго» и окаймленным пальмами берегом курсировал «Дельфин», выгружая испанцев: чтобы развязать себе руки, Мигель Баск решил высадить их на одном пустынном островке Багамского архипелага. Тортуга и так уже была переполнена пленниками, выкуп за которых никак не приходил; слишком много нерадивых работников и лишних ртов скопилось в логове пиратов.

Испанцы — мужчины, женщины и дети — были извлечены из трюмов, обысканы и ощупаны. Ни единого реала, ни одной драгоценности, ни одной пары сапог не осталось у них. Неважно, главное — им сохранили жизнь, а остальное уже не имело значения: потерянного все равно не вернешь. Кроме того, у пленников появилось больше шансов на спасение: Куба недалеко, наверняка вскоре пройдет какой-нибудь галион.

Эксмелин видел, как флибустьерское судно утыкалось носом в песчаный берег, тотчас же испанцы, поторопленные могучими тычками, гроздьями сыпались с борта в воду, а затем, охая и стеная, тащились по пояс в воде к берегу, словно неуклюжие жалкие крабы. «Дельфин» пятился назад, поднимал фок, разворачивался на месте и шел к галиону, где ждали своей очереди последние испанцы, те, кого Мигель Баск приберег «на закуску». Офицеры и знатные идальго с серыми от позора лицами стояли босиком, в выпущенных наружу рубашках.

Все они старательно отворачивались от того места, где с внутренней стороны планшира торчали три предмета. Эксмелин глядел на них в задумчивости, без страха или отвращения, ибо в бытность свою студентом-медиком не раз видел подобное. То были три свежотрубленные человеческие головы.

Застывшие лужи крови пятнали в этом месте палубу; засохшая кровь была и на сабле, которую, осклабясь, поглаживал сидевший в золоченом капитанском кресле Мигель Баск. Галион сдался без боя, но эти трое, видимо, пытались возражать, когда

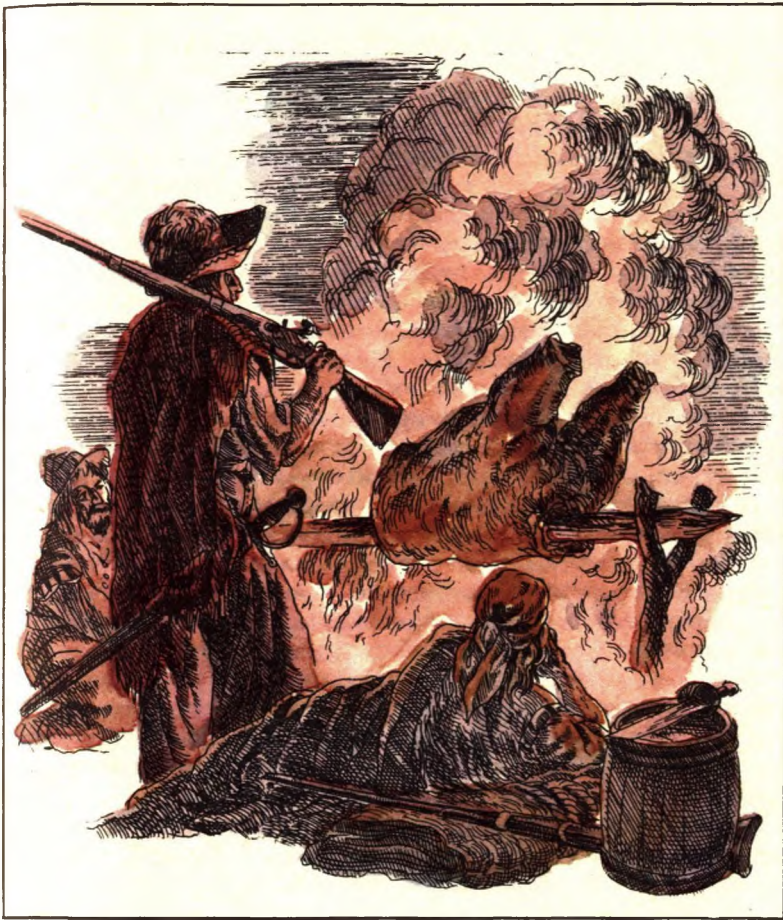
флибустьеры ринулись на ют, либо просто слишком бросались в глаза своими увенчанными перьями шляпами, забыв о том, что в момент, когда пираты лезут на борт, надо быть как можно незаметнее.

Тела были сброшены за борт, а головы Мигель Баск велел насадить на крюки и держать на виду, чтобы никому не вздумалось проявлять строптивость. Три головы с широко раскрытыми глазами казались живыми. Одна из них принадлежала капитану «Сан-Яго»; быть может, смерть оказалась для него наилучшим выходом, ибо куда достойнее погибнуть от руки разбойника, нежели кончить свои дни в бесчестье. Три красивые головы с остроконечными бородками, три благородных лица, с которых не сошло еще горделивое выражение, свидетельствовали, что благородство и гордость, не будучи подкреплены силой и храбростью, мало чего стоят.

Мигель Баск не скрывает радости. Он громко смеется при виде того, как испанцы пачками сваливаются с борта в воду, поднимая тучи брызг.

Небо голубое, море тихое, дует легкий бриз. Еще чуть-чуть, еще одна ездка «Дельфина», и галион выберет якорь, поставит паруса, и оба судна лягут на обратный курс зюйд-зюйд-ост — напрямиком на Тортугу.

«Береговые братья»

Тортуга был крохотным клочком суши, безвестным островком среди тысяч других. Колумб, проплыв мимо, не обратил на него внимания. Великий мореплаватель сошел на другом острове, расположенном по соседству с Тортугой, но несравнимо большем по размеру. Индейцы, кстати, так и называли его — Большая Земля. Колумб, воткнув в него флаг своего короля и установив там крест, нарек его Эспаньолой. Позже флибустьеры окрестили его Санто-Доминго. Ныне это остров Гаити.

С борта каравелл Эспаньола показалась первооткрывателям сплошным гористым массивом. Однако потом испанцы обнаружили там и долины, и низменности, и плодородные плато. Около

трехсот тысяч индейцев населяли Большую Землю. Их племена периодически враждовали друг с другом, а религия, которую они исповедовали, требовала человеческих жертвоприношений. Туземцы встретили высадившихся европейцев доброжелательно, приняв их за полубогов. Дело в том, что испанцы ездили на лошадях — животных, неизвестных индейцам, так что они приняли всадника и лошадь за одно существо, подобие кентавра. А их предания гласили, что рано или поздно на остров вернутся подобные божества, некогда покинувшие их край. Они охотно приняли крещение, поскольку не усматривали в этой процедуре ничего дурного, и радостно обменяли на европейские безделушки и тряпье свои золотые украшения. Индейцы не ведали, что тусклый блеск золота предрешит их судьбу.

Лас Касас, испанский монах, крестивший индейцев, оставил подробнейший рассказ о том, как его соотечественники обращались с туземцами, в частности с обитателями Эспаньолы. Рабский труд в рудниках и на плантациях, к которому их понуждали с неистовым рвением, вскоре привел к тому, что добрую часть индейцев пришлось ежедневно отряжать на захоронение умерших собратьев; недостаток рабочей силы восполняли за счет ввоза с других островов и с континента, но расход намного превышал приток. Согласно Лас Касасу, население Эспаньолы сократилось с *трехсот тысяч* к моменту прихода испанцев до *трехсот* человек сорока годами позже. «Святой отец, разумеется, преувеличил смертность», — писали впоследствии умудренные историки. Увы, факт остается фактом: за полвека колонизации индейцев на острове практически не осталось.

Теперь представьте, что произойдет, если вы вдруг уберете почти все население с плодородного острова, лежащего в тропическом климате. Естественно, Природа вступит в свои права, флора и фауна начнут буйно развиваться. К прежним представителям животного мира Эспаньолы теперь добавились завезенные испанцами лошади, коровы и собаки; все растения и звери плодились и размножались в этом гигантском естественном заповеднике.

После того как золотые рудники оскудели, а индейцы вымерли, почти все испанцы покинули Эспаньолу, двинувшись на поиски очередных эльдорадо. Осталась лишь горстка колонистов, разбивших плантации в центре и в южной части острова. Уцелевшие индейцы прятались в расщелинах прибрежных скал, боясь показаться на глаза, боясь даже разводиться огонь.

Год шел за годом, изредка на горизонте мимо острова проплывали паруса далеких судов. Старики индейцы, помнившие о страшном времени массовых избиений, рассказывали своим не-

многочисленным внукам о том, что им довелось пережить.

Потом настало время, когда парусов на горизонте становилось все больше и больше, и наконец пришел день — это случилось в начале двадцатых годов XVII века, — когда несколько судов пристали к берегу. Индейцы — мужчины, женщины, дети — в ужасе бросились в чащу леса.

Вторая людская волна из Европы была куда многолюднее первой, накатившейся на американский берег вскоре после Колумба. Но, как и в первой волне, большинство прибывших составляли авантюристы и откровенные преступники, дезертиры, спасавшиеся от рекрутских наборов, неудачники, твердо положившие себе выбиться в люди, слабодушные мечтатели, готовые пойти за кем угодно, — словом, человеческое отребье. Однако кроме подонков тут было и немало людей способных, честных и благородных, в основном из числа гонимых у себя на родине за религиозные убеждения, — католики из Англии, гугеноты из Франции, разорившиеся валлийцы, согнанные с земель ирландцы, безработные и младшие сыновья владельцев земельных наделов. Среди этих иммигрантов встречались люди, сведущие в морском деле, матросы и даже капитаны, ходившие в далекие навигации. Но все-таки большинство прибывших впервые узрели море в порту перед отплытием.

По прибытии в Новый Свет людской поток разделялся: экипажи подтягивали паруса на гитовы и бросали якорь возле зеленеющих островов, переселенцы сходили на берег и, если находили там источники пресной воды, а также если остров был безлюден или населен малым числом индейцев, устраивались и оседали на нем.

На месте на скорую руку строили временное жилье, а самые нетерпеливые, не желавшие откладывать идею обогащения в долгий ящик, тут же принимались латать и чинить суда, сильно потрепанные за время перехода через Атлантику, либо же строить *барки** того типа, на борту которой мы видели Эксмелина и его коллег по вольному промыслу. Едва залатав дыры, они грузились на эти утлые посудины и выходили бороздить Карибское море в надежде встретить испанский галион с золотым грузом. Другие переселенцы, более мирного нрава, разбивали плантации и принимались за ремесленное дело, которым владели в Европе, — плотничали, сапожничали, врачевали, ставили каменные кладки — словом, занимались всеми полезными и необходимыми в любой человеческой общине ремеслами.

* Барка — общее наименование небольших плоскодонных одно- и трехмачтовых судов.

Пионеры, высадившиеся на Эспаньоле, поначалу не поверили собственным глазам. Количество живого мяса там показалось им совершенно невообразимым — такое могло привидиться лишь во сне. Еще вчера они болтались в океане, затянув пояса до последней дырочки, а тут — такое изобилие! Некоторым вообще за всю предыдущую жизнь ни разу не доводилось съесть добрый кусок мяса, поэтому они навалили себе в миски такие порции, от которых впору было отдать богу душу. Но, по счастью, зажаренные на углях куски свежатины хорошо перевариваются желудком.

Насытившись, они принялись думать о своей будущей стезе. И тут оказалось, что у доброй части поселенцев, осевших на Эспаньоле, вопреки первоначальному намерению склонность к разбойному пиратству не так уж сильна.

Охота за галионами не была новинкой. Она началась сразу же, как только по Европе разнесся слух: «Испанцы везут из Нового Света сказочные сокровища!» Испанские документы свидетельствуют, что уже в 1497 году корсар-француз заставил Колумба, возвращавшегося из третьего заморского плавания, укрыться на Мадейре. Имя этого пионера осталось неизвестным. Зато достоверно известно, что в 1522 году корсары адмирала Жана Анго из Дьеппа захватили на траверзе мыса Сан-Висенти три каравеллы, шедшие из Америки в Севилью. В следующем году капитан Жан Флери, имевший под началом девять кораблей из эскадры того же Анго, взял в плен еще три испанские каравеллы. Экипаж одной из них сдался без боя, поскольку оказался совершенно небоеспособным в результате престранного инцидента: во время плавания на палубе неизвестно как открылась клетка с ягуарами, которых везли из Мексики в Мадрид, и, прежде чем с ними справились, звери успели перекусать чуть ли не всех матросов. Кроме ягуаров на каравеллах обнаружили сокровища из казны мексиканского правителя Монтесумы, отправленные завоевателем Мексики Кортесом испанскому королю. Стряпчие Анго занесли в реестр следующие вещи: изумруд в форме пирамиды, основание которой было величиной с ладонь; столько-то браслетов, столько-то ожерелий, столько-то серег (все из золота), столько-то золотых блюд, столько-то серебряных и золотых идолов, усыпанных драгоценными камнями, и так далее и так далее. После этого эпизода король Испании издал эдикт, согласно которому его суда обязаны были двигаться через Атлантику только караваном (*флотом*).

Испанские и португальские корабли первыми проложили пути в Америку и Индию, поэтому папа Александр VI специаль-

ной буллой (1493) поделил между испанской и португальской коронами все новооткрытые и еще неоткрытые земли в обоих полушариях. Это решение святейшего отца было сразу же отвергнуто королем Франции Франциском I, желавшим получить свою долю заморского пирога. Судовладельцы Дьеппа и Ларошели начали снаряжать корабли для нападений на испанские флоты; у них были свои лазутчики в Испании, сообщавшие через верных людей нужные сведения. Испанские королевские эскадры крейсировали у побережья Иберийского полуострова возле мысов Финистерре и Сан-Висенти, чтобы прикрыть прибывающие золотые караваны, но корсары выходили на перехват все дальше — они атаковывали их возле Азорских островов и, сбившись в стаи, бороздили открытый океан, словом, использовали ту же тактику, что и немецкие подводные лодки, действовавшие против союзных конвоев во время второй мировой войны. Корсары расширяли зону военных действий все дальше и дальше на запад, добираясь до островов Карибского моря, где они начали высаживаться и грабить испанские поселения. Так, в 1543 году «экспедиционный корпус» из трехсот французов и англичан осуществил первое нападение на Картахену, а в 1555 году команда под началом ларошельского гугенота Жака де Сора, к которому присоединился нормандец Франсуа Леклерк, по прозвищу Деревянная Нога, совершила отчаянно смелый рейд на Гавану; пираты ограбили и сожгли церкви, вытащив оттуда несметную добычу.

Традиции викингов, промышлявших пиратством у британских берегов, расцвели пышным цветом в царствование королевы-еретички Елизаветы I. Как только ее верноподданные прослышали о том, что охота за галионами приносит невиданный доход (Анго, ставший богатейшим человеком во Франции, строил замки и задавал пиры, слухи о которых расходились по всей Европе), моряки портов английского побережья Ла-Манша, чьим основным занятием были грабительские набеги на нормандские порты (на что моряки Нормандии отвечали тем же), бросились в Америку по стопам дьеппцев и ларошельцев. Самым знаменитым английским пиратом первой эпохи был Фрэнсис Дрейк, который в 1572 году при содействии французского географа-корсара Гийома Летестю (погибшего в экспедиции) высадился на Панамском перешейке и захватил там караван, перевозивший на мулах золотые и серебряные слитки, добытые в перуанских рудниках. Фрэнсис Дрейк стал национальным героем Англии, и сегодня любой британский школьник расскажет вам о знаменитом эпизоде встречи Елизаветы I и Дрейка по возвращении его из второго кругосветного плавания. Пират опустился на колени перед

повелительницей и протянул ей свою шпагу; она взмахнула ей, словно собираясь казнить преступника, и изрекла:

— Дрейк, король Испании требует твоей головы. Я должна отрубить ее!

А затем воскликнула:

— Поднимитесь с колен, сэр Фрэнсис!

Так лихому грабителю было пожаловано звание баронета и адмирала. Другой английский пират, Джордж Клиффорд, стал графом Камберлендским и кавалером ордена Подвязки.

Голландия. «Нищий сброд, шумный, но безвредный» — так отозвалась супруга правителя Нидерландов герцогиня Маргарита Пармская о гёзах, восставших против испанской оккупации. Партизанская война в этой безлесной стране развернулась на реках, каналах и на море, поэтому бойцы-повстанцы с гордостью именовали себя морскими гёзами. Сбрасывая гнет испанской короны, они вместе с тем отчетливо слышали звон полновесных дукатов в трюмах галионов своих поработителей и очень скоро вышли в море на вольный промысел.

Похождения первых потрошителей испанских *флотов* и заморских владений изобилуют интереснейшими подробностями. Мы не рассказываем о них, во-первых, поскольку их походы, в особенности набеги Дрейка, широко известны. Во-вторых, данное повествование ограничено географическими рамками, поэтому главное внимание мы сосредоточили на деяниях искателей приключений в Карибском море и на островах Вест-Индии, в частности на Тортуге и Ямайке, где осели эти странные люди. Они вошли в Историю под именем флибустьеров, а посему в годы расцвета их промысла воды, омывающие Центральную Америку, по праву называли Флибустьерским морем.

Французское слово *флибустьер* происходит от староанглийского *флибьютор*, или *фрибьютор*, или *фрибутер*, в свою очередь перешедшего из голландского *фрисбутер* или *фрийбейтер* — «вольный добытчик», иначе говоря — пират. Я не отдам голову на отсечение за точность этимологии, но источники сходятся на таком толковании. Какая же разница между пиратом, корсаром и флибустьером? Вновь обратимся к этимологии. Пират, от латинского *пирата*, в свою очередь идет от древнегреческого *пейратес* (корень *пейран* означает «пробовать», «пытаться», в значении пытаться свою судьбу на море). Греки были отменными мореходами, знавшими все тонкости этого ремесла и связанной с ним деятельности. Пират — это морской разбойник, человек вне закона, грабивший кого ему заблагорассудится. Клюбера, автор «Истории права европейских народов», дает такое определение: «Пираты — это люди, занимающиеся воровством на море без

всякого разрешения на то со стороны властей», а Фошиль в «Трактате о международном государственном праве» пишет: «Пиратство — это разбой на море».

Что касается корсара, то этот человек не стоял вне закона. Он получал от своего государя *жалованную грамоту*, или *поручительство*, разрешавшее ему «добывать» торговые суда противника. Одни корсары были капитанами королевского флота — Жан Барт, Дюгэ-Труэн, Форбен; другие, как Сюркуф, были капитанами торговых компаний.

Я полагаю, читатель уже понял, что понятие *флибустьер* — географическое. Оно относится к пиратам, промышлявшим в Карибском море и Мексиканском заливе, причем они числились то пиратами, то корсарами в зависимости от того, имелось ли у них поручительство от властей или нет. Кстати, по поводу этих жалованных грамот можно было бы рассказать немало. Нередко они выдавались от имени короля Франции или королевы Англии, хотя в большинстве случаев монархи не ведали об этом либо, как мы видели, прикрывали лицемерными запретами собственные тайные приказы. Большинство флибустьеров обзаводилось поручительством для престижа, а также для того, чтобы в случае неудачи их не спутали с пиратами и не повесили без долгих рассуждений на рее. Самое забавное заключалось в том, что многие из держателей этих королевских грамот не разумели никакой грамоты; так, историк Губерт Дешан рассказывает об одном разбойнике, именовавшем себя корсаром, а в качестве поручительства гордо предъявлявшем бумагу, подписанную известным датским чиновником и гласившую, что «подателю сего разрешено охотиться на диких коз».

В 1623 году некто Белен д'Эснамбюк, нормандский дворянин, промышлявший в Карибском море незатейливым пиратством на бригантине с сорока разбойниками, натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление со стороны капитана крупного галиона; «испанец», словно укушенный шавкой бык, погнался за обидчиком и заставил его выброситься на берег зеленого островка.

Прибывшие индейцы оказались мирными; от них д'Эснамбюк узнал, что накануне туда уже прибыли другие белые, их корабли стоят в соседней бухте. Этими белыми оказались четыреста британцев, еще не успевших прийти в себя после треволений перехода через Атлантику и смотревших с нескрываемым беспокойством на физиономии флибустьеров. Вид последних явно не предвещал совместной молитвы во славу господина.

Вперед выступил человек, бывший, по-видимому, главой англичан.

— Меня зовут Томас Уорнер. Мы хотим основать здесь колонию. Но вы, пожалуйста, не обращайтесь на нас внимания. Остров достаточно велик, места хватит для всех.

Бригантина нуждалась в починке, а у д'Эснамбюка не было порта приписки. Значит, на острове так или иначе пришлось бы прожить несколько дней. Остров — тридцать километров в длину, десять в ширину — был поделен по-дружески: флибустьеры сделали его своей базой, меж тем как колонисты занялись обработкой земли.

Подобное мирное сосуществование длилось несколько лет; за это время д'Эснамбюк съездил во Францию, сумел добиться приема у кардинала Ришелье и, более того, смог убедить всесильного министра принять пакет акций Компании Сент-Кристофера — таким христианским именем был наречен остров. Согласно проспекту, выпущенному нормандским дворянином, цель компании состояла в «распространении среди жителей островов Сент-Кристофер, Барбуда и других римско-католической апостольской веры, а также в негодии продуктами и товарами, которые окажется возможным собрать и добыть на названных островах». Автор проспекта рассчитывал главным образом на последнюю часть фразы в видах привлечения будущих акционеров.

д'Эснамбюк вернулся на Сент-Кристофер с тремя судами, на которых из Франции отплыли 600 переселенцев; добрая треть их, увы, отдала богу душу в дороге, ибо путь оказался более долог, чем предполагал глава экспедиции, закупивший провизию, что называется, впритык.

Оставшиеся в живых — те, что выглядели наиболее способными и энергичными, — тотчас были отданы на выучку опытным морским волкам, преподавшим им основы пиратского мастерства. Между колонистами по-прежнему царил мир и согласие; французы и англичане под командованием д'Эснамбюка даже совместно отразили нападение индейцев, которых довели до отчаяния методы «сбора и добычи» колониальных товаров на их острове.

К несчастью для флибустьеров, франко-британский кондоминиум на Сент-Кристофере начал действовать испанцам на нервы, и весной 1630 года перед островом появилась мощная эскадра из 49 кораблей, в том числе 35 галионов. Командующий адмирал Фадрике де Толедо велел передать, что у французов и англичан есть неделя, чтобы убраться с острова, в противном случае они будут уничтожены огнем корабельной артиллерии. Сопrotивляться такой армаде — об этом не могло быть и речи.

Ультиматум подорвал моральный дух колонистов. Перспектива переезжать и осваивать новые земли, заново строить жилища и распахивать плантации показалась многим англичанам и французам столь тяжелой, что они предпочли вернуться в Европу. Однако восемьдесят человек из числа самых отчаянных, которых никак не манил добрый старый континент, где у них были сче́ты с правосудием, сплотились вокруг д'Эснамбюка. Тот повернул паруса на остров Тортугу, на котором в прошлом им не раз случалось бывать.

Вздываясь над пронзительно голубым морем, Тортуга казалась спящей под солнцем черепахой. Колумб окрестил этот остров Черепахой из-за его формы, напоминавшей издали гигантскую черепаху, повернутую головой на запад, маленьким «хвостиком» на восток. Если бы великому открывателю довелось подойти ближе, он был бы наверняка очарован нежной прелестью этой земли и вполне мог бы назвать остров Изумрудом или Парадисом (Раем).

Да, глядя на его южный берег, вы бы согласились, что природа немало постаралась над этим созданием: террасы поднимались к вершине уступами и на них сменяли друг друга купы пальм, манцилл, фиговых и банановых «деревьев»; здесь росли, несмотря на относительную узость острова (восемь лье* в длину и лишь два в ширину), крупные деревья, целые леса, напоминающие красотой Корсику.

Правда, там не было ни одной настоящей речки, а лишь многочисленные ключи, но деревья возникали повсюду, словно по мановению волшебной палочки. Так, северная часть Тортуги представляла собой сплошное нагромождение скальных круч, а между тем именно там высились самые большие деревья, чьи густые кроны прикрывали от жгучего солнца панцирь Черепахи. В листве свистели и щебетали пестрые птицы.

Никто не упоминает, был ли этот остров обитаем во времена, когда его заметил Колумб; вполне возможно, какие-то индейцы жили там, без особых трудов добывая себе пропитание благодаря поразительно плодородной почве и обильным дарам океана. Туземцам не надо было даже выходить в море: достаточно было собирать лангустов, коими кишели в отлив отмели, либо просто ждать, растянувшись на песке, когда на берег выползут крупные крабы,— жаренные на углях, они не имеют равных себе по вкусу в целом свете.

Итак, изгнанные с Сент-Кристофера флибустьеры сколотили на Тортуге хижину, куда возвращались на отдых после морских

* 1 сухопутное лье — 4 км.

походов. Строить настоящие дома разбойникам было лень, да это и не входило в их привычки, хотя при случае они не отказывались от удобств и комфорта. Один такой случай представился им через год.

Возле южного берега бросил якорь крупный парусник. Капитан его, француз по имени Барадель, представившись, заявил, что имеет на борту партию негров, от которых желал бы избавиться.

— Как они к вам попали? — осведомился д'Эснамбюк.

Барадель замялся с ответом, предводитель флибустьеров нахмурился, и капитан признался, что снял этих людей с британского работного судна.

— После чего отправил «англичанина» на дно, — уточнил он.

В принципе французы и англичане в это время не враждовали друг с другом. Д'Эснамбюк ответил, что он, конечно, не станет пускать дальше слух об этом досадном происшествии при условии, разумеется, что негров ему уступят по сходной цене. Он сразу же обратил внимание коллеги на то, что многие из них, проделав долгий путь из родимой Африки в не лучших условиях, потеряли товарный вид. Действительно, часть рабов, извлеченных из трюмов, умерла. Остальные, правда, быстро поправились от обильной свежей пищи и были приставлены флибустьерами к делу.

Северный берег Тортуги, состоявший из нагромождения скал, был обращен к открытому морю, а на юге, где берег устилал мягкий песок, через кишевший акулами пролив шириной пять-шесть морских миль* лежала Эспаньола, Большая Земля. Соседство порой обуславливает судьбы страны или провинции. Вот и Эспаньола оказалась связанной на целых два века со своим крохотным спутником Тортугой, причем спутник подчас блистал более ярким светом, чем планета, пока окончательно не впал в безвестность и ничтожество.

Поначалу Эспаньола служила флибустьерам с Тортуги продовольственной базой: оттуда доставляли отличную говядину. Свежее мясо пираты закупали самым честным образом у *буканьеров*, осевших в северной части Большой Земли. То были как раз те самые иммигранты, о которых мы упомянули в начале главы. Это они, дорвавшись после многодневного пути из Европы до мяса, начали с ненасытного обжорства. Скот на Эспаньоле водился в избытке, и флибустьеры часто приставали к берегу, чтобы обменять мясо на оружие и патроны. Оседлые жители быстро смекнули, что могут выручить от торговли куда больше,

* 1 морская миля — 1852 м.

если сумеют предложить товар длительного хранения. Индейцы, сохранившиеся на Эспаньоле, обучили их древнему способу консервирования. Они разрезали мясо на длинные ремни, солили его и укладывали на решетке на угли, называемые ими *барбако*. Мясо медленно коптилось там, обретая одновременно нежный вкус. Такое мясо индейцы называли *букан*, отсюда и слово *буканьер* — термин, который затем совершенно ошибочно стал употребляться как синоним флибустьера.

Хирург Эксмелин в своей книге довольно подробно описывает распорядок дня типичного буканьера. Встав на рассвете, они группами по пять-шесть охотников со сворой (речь идет о прирученных диких собаках) выходят на промысел. Диких быков на острове так много, что очень скоро собаки выгоняют одного зверя на опушку. Главарь группы стреляет в него из мушкета. Если бык не убит на месте, охотники преследуют его, догоняют и перерезают на ногах сухожилия. Затем добычу свежуют, и только тут для людей наступает время завтрака. Едва разделав быка, сотрапезники с наслаждением высасывают из костей мозг; еда эта сытная и вкусная. Покончив с завтраком, люди продолжают охотиться до полудня, после чего возвращаются в лагерь на обед; едят они жареное мясо и фрукты, вино куда более редкий гость на острове, нежели водка. После полудня готовят букан, чистят и вытравливают шкуры.

Одежда буканьеров приспособлена к нуждам их ремесла: испанское сомбреро с обрезанными краями (в широкополой шляпе не очень побегаешь по густому лесу), короткие штаны, грубая рубаха навывпуск, пояс и башмаки из сыромятной кожи. Вся одежда обычно настолько пропитана кровью и грязью, что стоит колом. На поясе нож и пороховница.

Согласно свидетельствам старинных авторов, *буканьеры* делились на собственно *буканьеров*, охотившихся на быков, и *охотников*, добывавших диких свиней, из которых тоже готовился букан либо солонина. Но подобная специализация, судя по всему, соблюдалась не очень строго.

Буканьеры жили группами по четыре, пять, шесть человек в грубых хижинах из бычьих шкур, натянутых на колья и прикрытых сверху ветвями. В каждой группе все добро (весьма скудное, за исключением оружия и нескольких котелков) считалось общим владением, и, если один из членов группы погибал или умирал, остальные забирали имущество себе без лишних проволочек. Крохотные буканьерские общины назывались «матлотажками», ибо члены их хотя и не жили на судне, но именовали себя матросами («матлотами») и реже — компаньонами. В истории сохранилось другое наименование, пущенное в обиход буканьера-

ми. С какого-то времени они стали называть себя *береговыми братьями*, желая подчеркнуть узы братства не только внутри каждой группы, но и между всеми обитателями острова. Двери не запирались: замков на Тортуге и Эспаньоле не знали.

Закономерно возникает вопрос об их нравах. Эксмелин на этот счет изъясняется достаточно обтекаемо: «Буканьеры живут весьма вольно, свято храня верность друг другу». Судя по намекам современников, буканьеры брали себе индейских женщин в качестве наложниц, но в принципе семейная жизнь на Эспаньоле была не в фаворе.

К 1635 году уроженец Дьеппа Пьер Легран находился в Карибском море уже довольно долго, сколько точно — установить невозможно. Достоверно известно лишь, что в один прекрасный день января или февраля того года он крейсировал по спокойному морю на траверзе мыса Тибурон, западной оконечности Эспаньола, на своем четырехпушечном люгере* в компании двадцати восьми вооруженных до зубов молодчиков.

Судно, равно как и люди, находилось в плачевном состоянии: Легран упрямо вот уже которую неделю бороздил море, не разрешая пристать к берегу. Впустую! Порции были урезаны до крайности, воду выдавали чуть ли не по глотку — я имею в виду питьевую, поскольку в трюме воды было предостаточно, но то была забортная морская вода, которую приходилось безостановочно откачивать. И вот в таких обстоятельствах однажды к полудню были замечены три галиона, шедшие строем курсом норд, то есть на Кубу. Нападать на эту тройцу было бы чистым безумием, и Пьер Легран с товарищами лишь с горечью глядели на уплывавшую богатую добычу — близок локоток, да не укусишь!

Три гордых галиона таяли на горизонте, когда рулевой, оглянувшись, вдруг заметил в противоположной стороне еще один парус. Галион шел один.

— Ну уж этот, — воскликнул Легран, — будет наш!

«Испанец» медленно двигался по левому борту против течения, подойти к нему не составляло никакого труда — надо было лишь пустить судно по воле ветра и волн.

Экипаж с превеликим восторгом встретил весть о предстоящем сражении. Однако по мере того как галион, приближаясь, становился все более отчетливым, восторги умерялись, ибо кусок был, похоже, не по зубам. Четыре мачты, пузатый корпус, а главное, заметные невооруженным глазом многочисленные порты, сквозь которые торчали дула орудий, действовали отрезвляюще. Самые горячие головы, правда, кричали, что, чем крупнее

* Люгер — небольшое двух- или трехмачтовое судно с рейковыми парусами.

корабль, тем жирнее добыча, но более опытные морские волки помалкивали.

Пьер Легран знал хорошо свою братию. Он спустился ненадолго в каюту судового хирурга, преданного ему до мозга костей, и отдал ему приказ, о котором экипаж узнал лишь гораздо позже:

— Будем брать галион на abordаж. Все поднимутся на борт «испанца». Вы — самым последним. Но, прежде чем покинуть люгер, сделаете пробойну в днище. Пару раз стукнете топором, этого будет достаточно.

Обо всем случившемся в дальнейшем можно рассказывать, не прибегая к писательской выдумке, ибо все до мельчайших подробностей описано в старинных книгах. Вахтенные матросы на палубе «испанца» нисколько не обеспокоились появлением крохотного, неказистого люгера; о его приближении было доложено капитану, но тот даже не удосужился выйти из каюты, где играл в карты.

Все свободные от вахты матросы спали в кубрике или чинили дырявые робы. Лишь вахтенные, свесившись через борт, смотрели на суденышко, козьявкой прилепившееся к борту галиона. Что им надо, этим оборванцам? Наверное, хотят выклянчить остатки провизии, ничего иного просто невозможно было себе вообразить.

— Эй! Чего вы хотите?

Ответы были неразборчивы. Может показаться странным, что вахтенный офицер галиона не заподозрил ничего дурного. Из рассказа мы узнаём, что он вторично послал предупредить капитана и сейчас ожидал приказаний.

Все последовавшее затем произошло очень быстро в типичной для флибустьеров манере. На планширь галиона наброшены «кошки», нападающие мгновенно оказываются на палубе, вахтенные перебиты, не успев поднять тревоги; флибустьеры кидаются на корму, и вот уже капитан с изумлением видит наставленный на него пистолет. Три минуты спустя Пьер Легран громогласно возглашает с юта сбежавшемуся экипажу галиона:

— Пороховой погреб наш. При малейшем сопротивлении взлетите на воздух!

Испанцы были поражены еще больше, чем их капитан, ибо не видели рядом с галионом *никакого* судна: люгер, продырявленный хирургом, затонул в считанные минуты. Мгновение спустя весь экипаж захваченного корабля был загнан в трюм.

Из шикарной каюты в кормовой пристройке показывается, озираясь в недоумении, почтенный седовласый сеньор — вице-адмирал. Оказалось, что этот галион не обычный корабль, а

капитана (флагман) флота, доверху набитый богатствами и провизией, вооруженный пятьюдесятью четырьмя орудиями. Пираты были вне себя от радости, но Пьер Легран держал их в железной узде: нельзя было допустить, чтобы они накинулись, как звери, на еду и вино.

— Готовиться к маневру!

С помощью нескольких испанцев флибустьеры обрасопили реи, и галион взял курс на Эспаньолу. Легран выбрал для стоянки тихую, уединенную бухточку, где выгрузил пленников: «Катитесь ко всем чертям!» Те немедленно двинулись в глубь леса. Несколько добровольцев остались на борту у пиратов марсовыми.

Никаких подробностей не известно о состоявшемся в бухте совете. Известно лишь, что на нем было принято самое поразительное в истории флибустьерства решение.

Галион подобных размеров и с таким мощным вооружением мог бы стать в руках разбойников грозной плавающей крепостью, способной взять любую добычу и навести страх на все Карибское море. Он один был равен целому флоту. Но нет. Захватившие его пираты порешили отправиться на нем... в Европу.

Пьер Легран тут же взял курс на Францию и без приключений прибыл в Дьепп. Деньги, вырученные от продажи груза и самого галиона, были поделены между участниками так, что никто не остался в обиде. Легран осел в Дьеппе, где зажил как богатый буржуа — заветная мечта всех прошлых и нынешних уголовников. Что стало с его людьми, источники не указывают, но позволительно думать, что многие из голосовавших с капитаном за возвращение в родные пенаты остались на родине.

История эта наделала много шума. В Дьеппе тысячи зевак собрались поглазеть на захваченный галион, и зрелище его побудило немалое число рыцарей фортуны отправиться во Флибустьерское море. Испанские власти в обеих Америках попытались было скрыть позорную сдачу капитаны, но высаженному экипажу незадачливого судна нельзя было заткнуть рот, к тому же вести об этом подвиге французов текли из Европы. Флибустьеры, даже самые никудышные, чувствовали себя в ореоле славы — будто болельщики после победы любимой футбольной команды. Подвиг собратьев прибавил им отваги, и они, словно оводы, кинулись жалить галионы.

«Выгнать пиратов с Эспаньолы» было первой реакцией испанцев, для которых это гнездилище ворогов в самом сердце их владений стало подлинным бельмом на глазу. Плохо информированные, они не видели разницы между буканьерами и флибустьерами и накинулись поначалу на мирных охотников. Высадив

несколько десантов, они перебили несколько сот буканьеров ночью, когда те спали.

Карательная операция вызвала буйную ярость среди специалистов по заготовке мяса, которые были еще и отменными стрелками. На острове развернулась подлинная война на уничтожение, но буканьеры, действовавшие мелкими мобильными группами и применявшие партизанскую тактику, быстро взяли верх. Испанские плантации были сожжены, фермы разрушены, жители небольших поселков в глубине острова истреблены все до последнего. Гарнизоны и наспех вооруженные испанские ополченцы оказались бессильны против умелых охотников, мгновенно исчезающих в лесу, откуда их ружья били без промаха.

Тогда власти приняли другое решение: «Систематически уничтожать весь скот на острове, чтобы задушить пиратов голодом». Эта тактика поначалу оказалась более эффективной, поскольку буканьерам было куда труднее защищать одичавших животных, нежели испанцам свои плантации. Несмотря на чувствительные контратаки, испанцы упорно продолжали уничтожать все живое, не щадя даже диких собак; за два года живность на острове была выбита настолько, что большое число буканьеров было вынуждено сменить профессию. Цифр, хоть как-то характеризующих эту бойню, мне обнаружить не удалось, однако примерно половине буканьеров пришлось покинуть остров. Испанцам в конечном счете это не принесло никакой выгоды, поскольку буканьеры влились в ряды своих постоянных заказчиков — флибустьеров.

Между тем в ходе кампании испанские власти начали понимать, что в разбойном промысле маленький островок Тортуга играл куда более важную роль, чем огромная Эспаньола.

Сегодня вы можете посетить Тортугу, сев на прогулочное судно в Порт-о-Пренсе на Гаити; эта экскурсия входит в классический туристский маршрут. Боюсь только, что вас ожидает разочарование, как и при посещении прочих старинных пиратских гнезд в Карибском море. Ничего не сохранилось от тех героических времен, кроме разбросанных пушечных стволов, на которые гиды усердно обращают ваше внимание за неимением ничего лучшего.

Вполне вероятно, что, когда в 1638 году испанцы, подогнав к Тортуге с десяток галионов, высадили на остров мощный десант, орудий там было совсем немного, возможно даже ни одного. Зная о распорядке жизни на Черепахе от бежавших пленников, испанцы выждали, пока все флибустьеры не отбыли на охоту и

мясозаготовки на северный берег Эспаньолы. Оставшиеся на Тортуге поселенцы были практически безоружны. Пытавшихся сопротивляться испанцы перестреляли, сдавшихся на милость победителя перевешали, лишь горстке уцелевших удалось скрыться в лесу. Затем испанцы с наслаждением принялись разрушать дома, портить продуктовые запасы и предавать остров огню, не подумав даже о том, что дома и провизия понадобятся небольшому гарнизону, который они решили оставить в пиратском логове.

Действительно, солдаты, бродя среди руин и пепелищ, начали роптать уже в первый день, а вскоре ропот сменился яростью:

— За каким чертом нас здесь оставили!

Ясно, что душа их никак не лежала к службе, заключавшейся в том, чтобы патрулировать остров из конца в конец, выискивая уцелевших жителей, и присматривать за морем. Особенно внимательно они должны были следить за проливом, отделявшим Черепаху от Эспаньолы. Ничего удивительного, что в начале 1639 года сотня высадившихся англичан, захватив испанцев врасплох, выгнала их с Тортуги. Французские флибустьеры, прослышав об этом происшествии, быстренько возвратились на «родную» землю, где их радостно встретили вылезшие из укрытий поселенцы.

— Что вам угодно? — холодно спросил французов предводитель англичан. — Меня зовут капитан Виллис. А этот остров — моя собственность.

Вооруженные до зубов британцы готовы были подкрепить заявление своего капитана решительными действиями. Белен д'Эснамбюк давно осел в Европе, и французы согласились встать под начало Виллиса.

Понемногу Тортуга вновь начала заселяться, в основном французами. Но Виллис — это не д'Эснамбюк. За несколько месяцев он поставил дело так, что стал единовластным хозяином острова. Французы не смели поднять голоса, ибо чуть что — Виллис раздевал их до нитки и высаживал на северном берегу Эспаньолы.

С этого времени начались перевоплощения Тортуги из захудалого островка в Карибском море в стратегический форпост, вызывавший интерес у деятелей все более крупного масштаба. Мы внимательно проследим за этими превращениями, дабы поглядеть, как менялся лик французского флибустьерства.

Весна 1640 года. Французский дворянин-гугенот по имени Левассер, человек с бурным прошлым, бывший капитан королевского флота, затем соратник д'Эснамбюка по карибским походам, а сейчас временно безработный, бродит по причалу — не на

Тортуге, а в бухте Сент-Кристофера. Напомним, что речь идет о том самом франко-английском кондоминиуме, откуда испанцы в 1630 году прогнали д'Эснамбюка со товарищи. Несколько месяцев спустя испанцы с типичной для них непоследовательностью в стратегии «умиротворения» Вест-Индии оставили Сент-Кристофер, тотчас же вновь занятый французами.

Переходя от группы к группе, Левассер услышал оброненную кем-то фразу, которую немедля намотал на ус:

— Ребята на Тортуге воют волком. Все готовы хоть сейчас скинуть Виллиса.

Левассер расспросил о кое-каких подробностях и в тот же день предстал перед губернатором Сент-Кристофера Филиппом де Лонгвилье де Пуэнси, которому объявил о том, что готов отнять Тортугу у англичан.

— Следует провести все очень быстро,— ответил губернатор.— У нас сейчас мир с Англией, и я не хочу, чтобы дело дошло до Парижа.

— Я все подготовлю и ударю, как молния.

— Да будет так. Я дам вам корабль.

— Мне нужна еще одна вещь. Поручительство.

Иначе говоря, жалованная грамота. Пуэнси дал ее. Несмотря на замечание о мире с Англией, он от имени короля поручает провести боевую операцию против англичан, лишь бы она прошла шито-крыто. Подобная тактика не однажды уже служила и еще многократно сослужит свою службу. Кстати, для Левассера, если он выполнит поставленное условие, предусмотрена награда — место губернатора Тортуги.

Левассер хорошо знал все подходы к острову, и в голове у него вызрел хитрый план. Мы видим его, вернее, мы не видим его, потому что он затаился, как змея, на крохотном островке Марго, таком крохотном, что и не на каждой карте его отыщешь. Зато Марго расположен всего в пяти морских лье от Тортуги и совсем рядом с Эспаньолой: оттуда буквально рукой подать до потаенных бухточек, узко врезающихся в обрывистый берег Большой Земли. Короче, это идеальное место для флибустьеров, избегающих людных мест. Там Левассер просидел три месяца. Можно вообразить, чего ему это стоило и сколь часто видел он во сне губернаторское кресло. Левассер тянул время, чтобы подготовить отборный отряд — людей, на которых он мог положиться с закрытыми глазами. Число надежных соратников, вошедших в ударную группу, известно: сорок девять. Все гугеноты. «Экспедиционный корпус» не превышал ста человек.

Казалось, после столь тщательной подготовки Левассер должен был бы действовать внезапно — «ударить, как молния». Ан

нет. Он шлет гонца к Виллису с требованием «дать ответ, по какому праву французы на острове были преданы позору и разору». Сейчас нам станет ясно, какими гарантиями Левассер хотел обставить захват власти на Тортуге. Как многие французы, этот человек был знаком с основами права. А посему ему был нужен *легальный* предлог для нападения на англичан.

Ответ Виллиса по поводу притеснений французов был, как и ожидалось, донельзя заносчивым: «Я вас не боюсь, хотя бы под началом у вас было и три тысячи войска». Августа месяца тридцать первого дня Левассер высаживается на занятый врагом берег во главе сорока девяти «морских пехотинцев».

По поводу того, как прошла атака, сказать совершенно нечего по той простой причине, что, как и обещал Левассер, она была молниеносной. Безусловно, что враждебность населения к Виллису немало способствовала успеху операции.

Не теряя времени, губернатор Пуэнси отписал кардиналу Ришелье: «Тортуга, цитадель Санто-Доминго, в наших руках».

Статья I договора, заключенного между Левассером и Пуэнси, гласила, что католическая и протестантская религии будут одинаково признаны на Тортуге и будут пользоваться там равными правами. Другая статья предоставляла Левассеру единоличную концессию на торговлю одеждой и прочими необходимыми жителям предметами, для чего на острове учреждалась фактория. Прибыль от этой торговли была обозначена черным по белому: 100% плюс 25% на содержание фактории и «разные деяния, к общественному благу направленные».

— Одновременно с факторией будет построен форт,— решил Левассер.

Гавань Бас-Тер на юге острова, обращенная к проливу, отделяющему Тортугу от Эспаньолы, была единственным местом, куда могли приставать крупные суда. Над гаванью царил могучий утес, называемый в те времена просто Горой. Лучшего места для форта нельзя было придумать.

От этого сооружения сейчас не сохранилось и следа. Судя по описаниям некоторых современников, оно выглядело довольно забавно. Однако, принимая во внимание обычные размеры построек XVII века, мы должны согласиться, что эта маленькая фортеция была поставлена с куда большим умом, нежели бетонные укрепления «линии Мажино» в XX веке.

Гору венчал десятиметровый отвесный уступ, на вершине которого соорудили каменную площадку — квадрат со стороной двадцать метров. На ней установили орудия: две железные и две бронзовые пушки. Кроме того, сколотили казарму, а в пещере устроили два склада — для продовольствия и боеприпасов. Хотя

по вине строителей, неправильно понявших чертеж, казарма вышла похожей скорее на голубятню, она могла зато вместить четыреста человек — огромный гарнизон по масштабам того времени. По соседству с площадкой из Горы бил ключ, что было весьма существенно.

Вырубленные в скале ступеньки вели к подножию уступа, но на площадку можно было забраться лишь по железной лестнице, втягиваемой в случае опасности наверх. Левассер продублировал ее широким обитым железом коробом, внутри которого была пропущена веревочная лестница. Стволы пушек были повернуты дулом к порту. Считалось, что нападение с тыла невозможно: крутые обрывы надежно защищали подходы со стороны суши.

Скальный форт полностью отвечал своему наименованию. Идея его постройки была заимствована у феодальных замков, где в случае опасности могла укрыться добрая часть населения средневекового города. В 1645 году испанцы, не ведавшие об этом оборонительном сооружении, попытались отбить Тортугу, подойдя к острову на пяти галионах с 600 солдатами на борту. Им пришлось ретироваться с большими потерями.

Поскольку безопасность равнозначна процветанию, то с 1641 по 1645 год Тортуга богатела на торговле. На островке в нескольких местах выросли городки (небольшие поселения): Кайон, Ла-Монтань, Ле-Мильплантаж, Ле-Ринго, Ла-Пуэнт-о-Масон. В последнюю треть века численность населения Черепахи достигла 10 000 душ, из которых три тысячи были флибустьерами, три — профессиональными или полупрофессиональными буканьерами (охота все еще продолжалась на Эспаньоле), а три-четыре тысячи — обывателями и вербованными. Обывателями называли колонистов, занимавшихся сельским хозяйством, а вербованными — иммигрантов, подписавших обязательство отработать три года на службе у плантатора в уплату за свой переезд из Европы. Как мы помним, Эксмелин был одним из них, прежде чем начал свою карьеру судового хирурга.

Флибустьеры Тортуги все чаще стали получать право на почетное звание корсаров. Они выходили в море, имея поручительство, подписанное от имени его величества короля Людовика XIV губернатором Сент-Кристофера или Левассером. Добыча свозилась в Бас-Тер, где осели наехавшие из Европы негоцианты и ростовщики, скупавшие захваченные трофеи, а также торговцы «всяким полезным для людей товаром» (часто одни и те же лица занимались всей куплей-продажей); среди деревянных домишек появились церкви и часовни католиков и протестантов; словом, остров зажил полнокровной жизнью, экономическую основу которой составлял морской разбой.

В базарные дни берег возле Бас-Тера являл живописнейшее зрелище. То была шумная ярмарка, где продавали грудками рыбу, черепах, ламантинов, лангустов, вяленое мясо, бычьи шкуры, овощи и птицу, а рядом — серебряную и золотую посуду, инкрустированную мебель, парчу и богатую церковную утварь. Здесь толпились колонисты в шляпах с широкими полями, оборванные пираты, почти голые черные рабы и индейцы, а также люди, одетые на европейский манер, иногда даже по последней парижской моде — так подчас выражались флибустьеры. По возвращении из удачного похода они швыряли деньгами направо и налево, спускали все за несколько дней, после чего вновь облачались в дырявое тряпье. Кроме роскошных нарядов и украшений деньги тратились на главное удовольствие — карточную игру, где за одну ночь им случалось проиграть последнюю рубашку, а также на обжорные пиры с обильным возлиянием; пиры заканчивались тем, что гости — те, кто не рухнул наземь и не захрапел, — орали во все горло песни и танцевали на берегу друг с другом.

Первое судно с женщинами из Европы прибыло лишь в 1665 году. До той поры в гнезде пиратов практически не было женщин. И этот факт порой облакал живописную жизнь колонии в трагические тона.

Будучи еще учеником колледжа, лангедокский дворянин Монбар жадно глотал книги крестителя индейцев Лас Каса; говорят, что чуть ли не после каждой страницы Монбар восклицал: «Проклятые испанцы!» А участвуя в любительском спектакле на школьном празднике, он едва не задушил своего одноклассника, игравшего идалго.

Чуть позже, когда между Францией и Испанией началась война, он уговорил своего дядю, капитана корсарского судна, взять его к себе на борт. Вперед, к Антильским островам! Едва на горизонте появлялся парус, Монбар бросался с вопросом: «Это не «испанец»?» Когда же корсары действительно заметили

«испанца», дядя запер пылкого Монбара в каюте: «Иначе его прикончат при первом абордаже». Однако, как только борта судов столкнулись, молодой человек высадил дверь и, словно разъяренный бык, кинулся в самую гущу битвы. Матросы вспоминали потом: «То был прямо архангел с мечом».

Образ нуждается в корректировке. Архангела обычно представляют розовым и белокурый. Эксмелин же описывает Монбара человеком громадного роста, заросшим черным волосом, с кустистыми бровями. Вскоре этот дворянин появляется на Тортуге, куда дядя прибыл сбывать добычу. Флибустьеры его судна тут же предались гульбе. А Монбар, который пил одну лишь воду, не интересовался картами, а позже, судя по всему, оставался столь же равнодушным и к прекрасному полу, повел беседу с буканьерами с эспаньольского побережья.

— Дела стали совсем плохи,— жаловались охотники.—

Испанцы то и дело тревожат набегами. Пока мы на охоте, они жгут дома и забирают букан. Надо бы устроить на них поход в центр острова.

— Чего же вы ждете?!

Монбару было тогда, должно быть, лет семнадцать-восемнадцать; немудрено, что, когда он предложил буканьерам возглавить карательную экспедицию против испанцев, они отнеслись к пылкому юноше скептически. Как бы то ни было, Монбар прибыл на Эспаньолу, стал метко разить испанцев и освобождать захваченных ими в рабство индейцев, за что те превозносили его до небес. Так осуществилась мечта лангедокского школяра.

Немного погодя мы видим Монбара капитаном судна, экипаж которого состоит целиком из беззаветно преданных ему индейцев. Захватывая испанский корабль, он выкидывает все и вся за борт — ни пленников, ни добычи не оставалось после его битв. Монбар Губитель — под таким именем он вошел в историю пиратства.

Стоит предупредить читателя, что по мере повествования нам придется описывать муки и казни, вызывающие у здоровых людей законное отвращение; но их нельзя обойти молчанием, ибо они соответствуют духу и нравам той эпохи, а историю следует писать сполна. Так вот, именно Монбару приписывают изобретение наиболее ужасных пыток.

Скажем, испанскому пленнику вспарывали живот, конец кишки прибавляли к дереву, а затем начинали тыкать его горящим факелом под зад, заставляя бежать, разматывая внутренности. Смерть, увы, наступала не очень быстро.

Подробнейшее описание мук, якобы изобретенных Монбаром, непременно встречается в рассказах испанских хронистов

XVII—XVIII веков, откуда они перекочевали в книги современных историков пиратства.

Тут стоит сделать следующее замечание. Множество книг, старинных и современных, посвященных религиозным войнам в Европе, снабжены иллюстрацией казни, которой гугеноты подвергали католиков. Это то же выпотрашивание жертвы, разве что палачи делали процесс еще более нестерпимым: мученика клали наземь, а двое палачей накручивали его кишки на палку. Оригинальная гравюра впервые была помещена в издании “*Theatrum crudelitatum haereticorum nostri temporis*”, Антверпен, 1587 год.

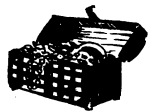
Надобно также иметь в виду, что все рассказы и рисунки той эпохи, идет ли речь о религиозных войнах или борьбе между испанцами и флибустьерами, словом, между двумя любимыми враждующими сторонами, были написаны и нарисованы людьми, принадлежавшими к одной из сторон, с целью запечатлеть звериную жестокость противника. Запишем же здесь слово, не фигурировавшее в словаре того времени, но ныне известное весьма широко: пропаганда.

Немало черт Монбара, дошедших до нас, безусловно соответствовали истине, но в целом его облик тонет в море выдумок и легенд, откуда нелегко выудить правду; неизвестна и хронология событий — мы не знаем даже, в каком точно году он отплыл в последний раз с Тортуги со своим экипажем верных индейцев, чтобы исчезнуть навеки. Старинные авторы говорят лишь, что Губитель сгинул со своими присными — возможно, на таинственных Елисейских полях, вымощенных черепами испанцев...

Примерно в те же героические времена на Тортуге появляется другой типичный герой — Рок по прозвищу Бразилец. Точно личность его неизвестна; более или менее достоверно установлено лишь, что родился он в нидерландском городе Гронингене, откуда семья его отца, негоцианта, переехала в Бразилию, где он и жил до 1641 года, когда страну захватили португальцы. После этого он появляется в Вест-Индии и от случая к случаю находит пристанище на Тортуге.

Если его биографию, написанную современниками, подвергнуть минимальной исторической критике, то станет ясно, что она во многом обросла легендами, рожденными в пропахших ромом портовых тавернах и тесных матросских кубриках. Такой человек, как Рок Бразилец, должен был нравиться флибустьерам, стать для них своего рода образцом, и поэтому они, не щадя красок, добавляли к его портрету все новые штрихи.

Эксмелин, судя по всему ни разу не встречавший его, просто аккуратно повторяет полулегенду о Роке, причем чувствуется,

что сам он тоже приложил к ней руку. Рок выглядит идеалом мужчины своего времени — гордый суровый взор, крепко сбитое тело, храбрый воин и умелый кормчий, одинаково хорошо владеющий всеми видами оружия, в том числе и индейским луком. Разгуливал он всегда с обнаженной саблей под мышкой, и, ежели кто, к своему несчастью, осмеливался ему перечить по малейшему поводу, «он без затруднения перерубал его пополам». Короче, это был человек-эпос. Герой «Песни о Роланде». Разумеется, он был беспощаден к испанцам и самым большим удовольствием для него было «жечь их живьем, как свиней». В отличие от Монбара он весьма падок до добычи, «неуемен в буйстве и разврате» — настоящий флибустьер.

На долю каждого героя непременно должны выпасть невзгоды. Вот и нашего Рока во время нападения на побережье Кампече взяли в плен испанцы. Хитростью (а ею непременно должен быть наделен всякий флибустьер) ему удастся выпутаться из беды. Вместо того чтобы повесить его, испанцы отправляют Рока в Европу на борту галиона, где этот бывший поджариватель испанцев «завоевывает всеобщую любовь». Он поражает своих спутников по морскому путешествию умением бить из лука летающих рыб; они покупают у него свежую добычу, так что за время пути ему удастся скопить пятьсот реалов, которыми он оплатил обратную дорогу во Флибустьерское море, где «долго еще продолжал совершать свои подвиги». Как и Монбар, он исчезает с горизонта в зените славы, и дата этого достославного события остается неизвестной.

Последнее обстоятельство не должно заставлять нас сомневаться в историчности двух упомянутых героев: нам еще встретится немало знаменитых флибустьеров, чья биография прослеживается до той самой поры, когда они покидают Черепаший остров, дабы бесследно раствориться. Эти люди почти беспрерывно подвергали свою жизнь смертельной опасности, в их руках подчас оказывались несметные сокровища, но они неизменно протекали меж пальцев за несколько дней, а то и несколько часов. Зато на этом награбленном золоте богатели — иногда на многие поколения — лепившиеся вокруг разбойного бизнеса в пиратских гнездах или европейских портах негоцианты, ростовщики и торговцы. Еще больше их наживались на флибустьерской добыче губернаторы, королевские чиновники и родовитые аристократы, не рисковавшие ничем, а безмятежно проводившие свои дни в поместьях и замках.

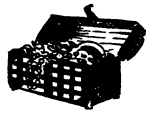
Отправленная в 1541 году испанским послом в Париже депеша упоминает о некоей компании, акционеры которой вооружают суда морских разбойников, имеющих намерение

«добывать» испанцев. Членами-учредителями этого товарищества были: король наваррский, адмирал Франции, кардинал де Турнон и благороднейшая Анна де Писселе, светлейшая герцогиня Этампская, близкая подруга самого короля Франциска I. Мы уже писали, что основанная в 1626 году Сент-кристоферская компания имела среди акционеров всеильного кардинала Ришелье. В 1635 году эта фирма сделалась Компанией островов Америки, а 17 апреля 1664 года королевским декретом была наименована Французской Вест-Индской компанией, получившей монопольную привилегию на торговлю с землями Нового Света. (Эта созданная Ж. Б. Кольбером компания была ликвидирована в 1674 году.)

В принципе, если верить их уставам, эти торговые фирмы ставили своей целью мирную разработку природных и рудных богатств заморских колоний, однако фактически самые баснословные дивиденды приносил им флибустьерский промысел; вторым по значению источником прибыли была работорговля: компания обязалась продавать колонистам-плантаторам негров, приобретенных «у откупщиков по средней цене 200 ливров за голову». Работорговле суждено было надолго пережить расцвет флибустьерства, так что еще и в наши дни почтенные господа лучших фамилий в том или ином из крупных французских портов назовут вам с улыбкой — не без примеси тщеславия — своего предка, которого работорговля не разорила, о нет, совсем наоборот.

В Англии лорды, министры да и сама королева Елизавета I быстро сообразили, что глупо оставлять прибыль от морского разбоя проходимцам и бродягам, лишенным коммерческого размаха и не способным с толком потратить доставшиеся им деньги. Несмотря на вопли испанского посла, они начали в открытую снаряжать «промысловые» суда. Если тот или иной капитан оказывался уличен в пиратстве, его препровождали в зал суда, где выносили суровый приговор. Засим морские волки покидали дворцы правосудия и... продолжали свое дело. О грозном приговоре им никто не напоминал. Первая кампания, проведенная флибустьером-откупщиком Хоукинсом, оказалась столь успешной, что на следующий год самые именитые судовладельцы наперебой предложили ему в пользование шесть готовых кораблей, а королева Елизавета I самолично отпустила из казны деньги на снаряжение адмиральского флагмана этой небольшой армады. Корабль был закуплен в Германии и звался «Иисус из Любека».

Палач, пригибаясь, вошел в каземат, настоящий каменный мешок, где царил почти крошечная тьма; в нос ему ударила

жуткая вонь. Крики, ругань и стенания понеслись из железных клеток, стоявших вдоль всей стены, словно в курятнике. Палач со скрипом повернул в замке тяжелый ключ.

— Выходи. Давай пошевеливайся!

Пленник ни о чем не спрашивал. Он и рад был бы поторопиться покинуть тесную клетку, но обездвиженное уже много недель тело плохо повиновалось ему. Губернатор нарек свою темницу Чистилищем, а ряды клеток вдоль стен — Адом. В них нельзя было ни встать, ни вытянуться во весь рост. Эта разновидность пытки бередила садистское воображение немалого числа государей, принцев, господ и вождей во многих странах в различные эпохи.

— Сюда.

Заключенный, все еще не в силах распрямиться, потащился вперед, подталкиваемый палачом. В конце подземного коридора, делившего каземат пополам, была закрытая на ключ дверь. Палач отворил ее и запер за собой. Новый коридор, освещенный слабым светом оконца, и еще одна дверь. Палач снова отворил ее и запер за собой. Тюремный церемониал почти не изменился за минувшие столетия, эта жуткая традиция оказалась едва ли не самой стойкой.

Войдя в помещение за второй дверью, заключенный сразу же увидел машину, и из груди его вырвался стон.

Эта сцена с незначительными изменениями повторялась не раз и не два в течение 1650—1651 годов, и происходила она не в тюремном замке где-то в Европе, а на Тортуге, в Скальном форте. Тюрьма и клетки были построены по приказу губернатора Левассера — того самого, что изгнал англичан с Черепашьего острова в 1641 году. Первую метаморфозу, случившуюся со вчерашним флибустьером, можно объяснить лишь овладевшей им манией величия: он стал одеваться как в Версале, есть на золотом сервизе, а обращаться к нему отныне следовало чуть ли не падая на колени. Второй метаморфозой была жестокость.

Машина, один вид которой исторгал стоны и страшные вопли из груди пленников, была личным изобретением Левассера; она представляла собой систему подъемных блоков. Несчастному продевали голову, руки и ноги в деревянные захваты, после чего прицепляли блоки к конечностям и начинали их выворачивать. Те, кому доводилось остаться в живых, становились калеками на всю жизнь.

Левассер посылал в машину «строптивцев». Чаще всего это были обыватели Черепахи, пытавшиеся увильнуть от уплаты налогов — за два года бесчисленные поборы возросли до невоз-

можности, как в современных государствах,— или же католики, пытавшиеся протестовать против изгнания с острова их священников и предания огню (по приказу губернатора) их церквей. Даже протестантский пастор Бас-Тера по имени Рошфор, возмущившийся подобными мерами, едва-едва избежал знакомства с машиной. Левассер велел посадить его на первое же судно и наказал никогда не появляться больше на Черепашьем острове.

Флибустьеры с Тортуги теперь плевались при одном упоминании имени мини-тирана, хотя в профессиональном отношении они не могли на него пожаловаться. Как и было заведено, губернатор клал себе в карман значительную часть привезенной добычи, но зато раздавал сколько угодно поручительств от имени французского короля. Тем не менее его деспотизм не мог прийтись по нраву пиратской вольнице, а описания клеток и машины, передававшиеся из уст в уста и обраставшие всякий раз новыми чудовищными подробностями, вызывали законное возмущение.

Летом 1652 года до испанских властей на Кубе дошли вести о том, что Левассер, превратившийся в невыносимого тирана, был убит двумя помощниками губернатора — Мартеном и Тьебо, которые захватили власть на Черепаше. Немного времени спустя оба владетельных князька сдали без сопротивления свои полномочия новому губернатору господину Анри де Фонтенэ, назначенному в должность кавалером де Пуэнси. Этот Фонтенэ был «французским идалго», потомком старинного дворянского рода и рыцарем Мальтийского ордена. Он долго воевал с турками, обретя в этих сражениях, как будет явствовать из дальнейшего, много полезных навыков.

В последующие месяцы испанскому губернатору на Кубе пришлось по нескольку часов в день читать ошеломительные депеши и выслушивать гонцов, которые с вытянутыми физиономиями излагали тягостные вести:

— Два галиона, вышедшие из Пуэрто-Бельо в Гавану, подверглись нападению французских пиратов и были разграблены... Октябрьский флот перехвачен на выходе из пролива Гайя-де-ла-Плата — три галиона захвачены, один подожжен... Город Ла-Вега на Эспаньоле разорен отрядом, высадившимся на мысе Исабела, на северном побережье острова. Другой отряд пиратов захватил все товары, доставленные на рынок в Барранкильо, возле Картахены... Еще один галион разграблен на пути между Картахеной и Пуэрто-Бельо; на обоих разбойничьих судах экипаж состоял из негров под командованием белых... Новое нападение на суше: ограблен Пуэрто-де-Грасиас...

Забрав бразды правления в свои руки, кавалер де Фонтенэ уверенно направлял удары французских флибустьеров. Этот потомок сиятельных аристократов стал кумиром оборванной пиратской братии. Из Мадрида, куда шли репортажи о беспрерывных потерях, грозно отчитывали наместников. Куба пыталась оправдываться: «Мы вооружаем галионы до крайней возможности». Это была ложь. Будь на галионах меньше нелегальных грузов и платных пассажиров, они могли бы взять на борт больше орудий и солдат. Но привычка к жульничеству и обману уже вошла в плоть и кровь управителей испанских заморских владений, золото отравило их души. Мадрид запросил однажды, почему ничего не сделано для искоренения зла на месте — почему не уничтожены базы пиратов?

— Мы обдумываем это.

Действительно, на столе у губернатора Кубы лежал план Бас-Тера, куда заносили сведения, полученные от лазутчиков и бежавших пленных. Кавалер де Фонтенэ, словно угадывая намерения испанцев, еще больше укрепил Гору: рабы и вербованные построили два бастиона по обе стороны площадки Скального форта, где установили дополнительные батареи.

— Сие ни в коей мере не обескураживает нас, — доложил губернатор Кубы в Мадрид.

Окончательное решение он принял летом или осенью 1653 года.

Испанская эскадра была составлена из пяти крупных галионов и десятка галиотов — мелких, но очень крепких вертких суденышек. Выйдя из Гаваны, соединение обогнуло Кубу с северо-запада, а затем прошло мимо южного берега Ямайки и Эспаньолы, держась далеко от островов, дабы остаться незамеченным. Ночью флотилия втянулась в узкий пролив между Эспаньолой и Тортугой и ранним утром 10 января 1654 года подошла к Бас-Теру.

Прежде чем развернуться строем в виду вражеской гавани, эскадра разбилась надвое: четыре галиона и несколько галиотов двинулись прямо к порту, а остальные замерли на рейде. Загрохотали пушки Скального форта. Им ответили залпы испанских судов.

Огонь береговых батарей всегда более прицелен, а в описываемую эпоху разница была особенно чувствительной. Тем не менее, несмотря на сильный заградительный огонь, испанские корабли продолжали движение.

Плотные клубы черного дыма окутали Бас-Тер. Когда порывы ветра разгоняли его, испанцы могли видеть, как группы вооруженных людей спускались из форта к причалу, да и в самой

гавани наблюдалось движение. Несколько флибустьерских судов отвалили от пирса, таща на буксире весельные шлюпки.

Испанские капитаны приняли меры, чтобы не дать пиратам пойти на абордаж. Однако, к своему удивлению, они узрели, что флибустьерские суда, не выходя из гавани... начали тонуть. Кавалер де Фонтенэ распорядился затопить их, чтобы не дать врагу подойти к берегу. Орудия форта изрыгали огонь. Казалось, предпринимать высадку десанта в таких условиях невозможно.

Но никто и не собирался этого делать: нападение на Бас-Тер в лоб было лишь отвлекающим маневром.

Пока грохотали пушки и все внимание было сосредоточено на гавани, оставшийся галион с несколькими галиотами тихонько исчезли с театра военных действий и приблизились к берегу в точке, отстоявшей примерно в одном лье к востоку от Бас-Тера. Берег там не был укреплен. С галиотов высадился штурмовой отряд с мулами, орудиями и ящиками с боеприпасами. Пушки и ящики были тотчас погружены на мулов, и отряд двинулся в глубь острова. Все было сделано так быстро и слаженно, что не оставалось никаких сомнений: операция была тщательнейшим образом подготовлена, а возможно, и отрепетирована.

В точности не известно, каким способом испанцам удалось втащить пушки на крутые склоны южного побережья. Узенькие осыпающиеся тропки не позволяли подниматься там даже по двое в ряд, и французы жили в уверенности, что нападения с тыла не последует. Тем не менее факт остается фактом: испанцы установили на вершине соседней гряды батарею из десяти орудий и открыли с тыла огонь по Скальному форту. Они рассчитывали, что внезапное и массивное нападение сломит сопротивление французов за несколько минут.

Но Фонтенэ громовым голосом приказал строить под огнем дополнительный бруствер. Пленные и рабы вряд ли могли считать удачей, что именно им досталась эта работа. Кстати, подобные сооружения и в современной войне возводят под орудийным огнем при бомбардировке с воздуха, так что участь саперов никогда не была завидной. В XVII веке бруствер клали из двух рядов бревен, а пространство между рядами, шириной около метра, заполняли землей. Техника эта была испытана к тому времени многократно да и в сущности мало изменилась за последующие века. В период первой мировой войны пехоте приходилось прятаться за куда менее солидными заграждениями, так что нас не должно удивлять, что защитникам форта на Горе удалось продержаться несколько дней.

Испанские корабли били в упор изо всех орудий. Порт и селение Бас-Тер всю светлую часть дня находились под разруши-

тельным огнем. Чтобы спасти остатки судов, губернатор распорядился вывести их из гавани и поставить между полузатонувшими собратьями. Колонисты и негоцианты Черепахи без малейшего удовольствия лицезрели картину уничтожения своего имущества: ярким пламенем пылали их дома и набитые товаром склады. Вполне резонно предположить, что немалое число этих пацифистов страстно желало найти общий язык с испанцами.

Фонтенэ держал защитников форта в железной узде, проявляя личную отвагу. Когда ему сообщили, что на редут снизу явилась депутация жителей, которые хотят обратиться к нему, он поначалу решил, что горожане Бас-Тера пришли предложить свою помощь. Однако услышал он совсем другое:

— Мы полагаем, господин губернатор, что у нас нет иного выхода, кроме как капитулировать...

Глава депутации едва успел закончить фразу, как рухнул, сраженный pistolетным выстрелом в лицо. Остальные представители общественности бросились наутек.

К моменту нападения цейхгауз на Горе был битком набит порохом и ядрами. Но в трюмах испанских судов суммарный боезапас был в пять-шесть раз больше. Испанский адмирал, приказавший вначале считать ядра и меры пороха, облегченно вздохнул, когда убедился, что огонь французских батарей начал стихать. А затем вражеские орудия замолчали. Немного погодя ему доложили, что губернатор Тортуги готов вести переговоры о сдаче.

Фонтенэ добился почетных условий: побежденные сохранили знамена и личное оружие, никаких пленных — губернатору было разрешено покинуть остров с тремя сотнями солдат и негров. Испанцы даже позволили ему остаться на острове столько времени, сколько потребуется для подъема затопленных кораблей.

Солнце нещадно слепило глаза, когда кавалер де Фонтенэ во главе своего войска маршировал к порту сквозь строй испанских солдат, выстроенных в два ряда с оружием на изготовку. Над Горой гордо развевался кастильский флаг. Большинство жителей Бас-Тера высыпали проводить своих прежних хозяев. Все проходило в полном молчании; лишь, когда шлюпки отвалили от берега, кто-то в толпе крикнул:

— До скорого!

Весть о потере Тортуги дошла до Парижа весной 1654 года, не вызвав там никакого волнения. Францию все еще терзали раздоры Фронды, страна с любопытством приглядывалась к

юному королю, которого только что венчали на царство в Реймсе. Единственными заинтересованными лицами были акционеры Компании островов Америки, горстка банкиров и негодяев плюс несколько личностей из самых различных социальных слоев, объединенных лишь тем, что они побывали в свое время в Америке, а посему охотно искали общества друг друга. Среди них был и некто Жереми Дешан, обитатель перигорского имения Росссе, младший отпрыск старинного дворянского рода. В этом качестве он не мог рассчитывать вступить во владение имением и жить на доходы с родовых земель. Поэтому в 1641 году он отправился в Вест-Индию и жил на Тортуге при печальной памяти губернатора Левассера до 1651 или 1652 года. Чтобы быть совсем точным, Жереми не просто жил, а плавал на одном из флибустьерских судов, возможно, даже командовал им. Вернувшись во Францию с тугой мошной, он зажил тихо — во всяком случае, на родине он не заставлял говорить о себе.

В 1654 году он узнал о потере Тортуги. Вскоре до него донеслись известия о неудачной попытке кавалера де Фонтенэ отбить остров (силы были слишком малы), после чего незадачливый губернатор возвратился во Францию, где спустя очень короткое время умер. Судя по всему, Жереми внимательно следил за всеми событиями в далеких краях. В ноябре 1656 года мы видим Жереми дю Росссе в приемной государственного секретаря по вопросам коммерции, куда он явился с просьбой об аудиенции. Диалог, состоявшийся в кабинете секретаря, был предельно лапидарен:

— Кавалер де Фонтенэ скончался больше года назад, и его никто не заменил. Я покорнейше прошу назначить губернатором Тортуги меня.

— Но позвольте, месье, ведь остров не в наших руках.

— Знаю. Но я завладею им.

— Мы не имеем возможности ничем посодействовать вам.

— Мне ничего и не требуется.

— Тогда извольте.

Рескрипт о назначении господина дю Росссе покоится в архивах, он датирован 26 ноября 1656 года. Известно и сколько времени новоиспеченный наместник короля в заморских владениях провел в Париже в тщетных попытках найти финансовую поддержку: два года. Это доказывает, что, во-первых, у младшего сына сохранилось кое-что на черный день, а во-вторых, что энтузиазм во Франции к освоению далекого края значительно поостыл. В конце концов дю Росссе решил обойтись без помощи и ехать в одиночку. Он отправился из Парижа в Ла-Рошель.

Тогда это был самый крупный и самый оживленный француз-

ский порт на океане. Дю Россе повел в тавернах беседы со всякого рода искателями удачи. Человек он был, как все перигорцы, предприимчивый, а сверх того — умный и речистый, умеющий договориться с любым собеседником. В результате ему удалось склонить к отъезду человек тридцать молодцов, готовых следовать за ним хоть к чертям в пекло, и зафрахтовать судно, шедшее с грузом кож на Ямайку.

Жереми дю Россе был разговорчив, но он умел и молчать, когда требовалось, поэтому никто не узнал о демаршах, предпринятых им в Порт-Ройяле на Ямайке. Историки однако отыскали в британских архивах переписку между Лондоном и колониями, из коей явствует, что, когда корабль прибыл к месту назначения, французу удалось получить от губернатора Ямайки поручительство на вступление в должность губернатора Тортуги. Дю Россе, конечно же, ни словом не упомянул о том, что у него уже был подобный документ от короля Франции.

Учитывая моральные нормы XVII века, подобный образ действий не следует считать двуличием. Так, в ту же эпоху и в тех же местах кавалер де Пуэнси, освобожденный декретом от своих губернаторских обязанностей на Сент-Кристофере, не пожелал считаться с королевской волей, а преспокойно отправил назад во Францию своего новоназначенного преемника и продолжал править островом как ни в чем не бывало. Добавим к этому, что, пока Тортуга находилась в руках испанцев, оба полученных Жереми дю Россе губернаторских поручительства стоили ровно столько, сколько бумага, на которой они были начертаны. Младший отпрыск перигорского рода тем не менее имел все основания считать, что в случае успеха — захвата Тортуги — остров станет его безраздельной вотчиной.

Покинув Порт-Ройял, он отправляется со своим тридцатисильным воинством на Марго, островок у западного побережья Эспаньолы — Санто-Доминго.

Дело в том, что рыцари удачи, вынужденные оставить Тортугу после нападения испанцев (1654), осели на западном побережье Санто-Доминго и на Марго, построив там несколько причалов и деревень; эти поселения образовали вкуче подобие независимой республики без верховной власти и писаного закона. Одну из гаваней они иронически называли Пор-де-Пэ (Мирный порт), а всю вотчину — Кю-де-Сак (Тупик). Иными словами, конец авантюры.

Между тем их авантюра продолжалась. Множились лихие атаки на испанские галионы и пиратские вылазки малыми группами. Сплавлять добычу флибустьеры ездили на Сент-Кристофер или к англичанам на Ямайку.

Прибытие на Марго Жереми дю Россе с тридцатью сорвиголо-вами было встречено радостными кликами. В свою очередь профессионалы грабежа и виртуозы разбоя из Европы с большой готовностью и легким сердцем примкнули к флибустьерской республике Кю-де-Сак: вольный промысел всегда мыслился ими как наиболее достойное занятие для свободного человека.

Жереми не откладывая в долгий ящик принялся за психологическую обработку пиратской общины. Вот, говорил он, показывая на выступающий на горизонте горбатый силуэт Тортуги, колыбель флибустьерства. Честь корпорации и виды на будущее властно диктуют нам: необходимо отвоевать этот остров, начало всех начал, отправную точку дальнейших грандиозных походов. Да, за этим подвигом последуют новые набеги, которые всех их осыплют золотом. Он, месье дю Россе, уже познал в полной мере эту радость и хочет познать ее вновь. «Наша судьба связана с Тортугой!»

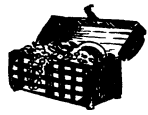
Магия слова, покорившая тридцать кабацких завсегдатаев в Ла-Рошели, понемногу взяла за душу пятьсот или шестьсот местных флибустьеров. Жереми сумел зажечь их напоминанием о славном прошлом, рассказами о легендарных подвигах, которым эти головорезы внимали, открыв от напряжения рты и проникаясь восхищением к самим себе. Неужели мы были когда-то могучими богатырями? Право слово, эпопея «береговых братьев» не должна завершиться в Тупике. Тортуга вновь станет нашей!

Проповедники крестовых походов лишь ратовали за поход в Святую землю. Жереми дю Россе действовал иначе: ведя активную пропаганду, он в то же время обдумывал тактику борьбы и изыскивал средства для ее осуществления. Ему было ясно, что застать испанцев врасплох можно, лишь действуя абсолютно оригинальным образом, идя непроторенной стезей.

Нападение на Тортугу произошло в декабре 1569 года при спокойной погоде; был полный штиль, а луна вступила в первую четверть. Все эти обстоятельства были учтены Жереми, когда он назначал день и час выступления.

Тот день казался обывкишм на Тортуге испанцам обычным, ничем не примечательным. Солнце торжественно садилось в море, «казавшееся раскаленным металлом». Сторожевые Скального форта дожили дежурному офицеру: «Никаких происшествий». Патрули, произведя обход, возвратились в казармы на Горе. Еще чуть-чуть, и стало совсем темно. Шестьсот человек под началом Жереми дю Россе уже были на острове.

«Не раздалось ни единого орудийного выстрела, лишь несколько ружейных хлопков,» — сообщил впоследствии предводи-

тель. Военная хитрость дала блестящий результат. Посадив по четыре человека в пирогу, дю Россе выпустил в море сто пятьдесят легких скорлупок. Рассредоточенная армада, никем не замеченная, обогнула Тортугу и подошла не к южному побережью, находившемуся под усиленным присмотром, а к скалисто-му обрывистому северному берегу. Эта часть острова считалась недоступной — она и в самом деле была недоступна для крупных судов. Но не для крохотных пирог, хотя несколько лодок было выброшено прибоем на скалы. Люди, с грехом пополам цепляясь за выступы, просидели целый день по шею в воде, дожидаясь темноты.

Ночью, едва выглянула луна, они начали карабкаться наверх. Жереми предусмотрел, что эта часть пути будет долгой и трудной, однако луна еще будет светить, когда его люди доберутся до вершины берегового откоса. Расчет оказался верен. Флибустьеры, жадно лоя ртом воздух, собрались на круче; перед ними в белесом отсвете маячила темная масса Скального форта, а в прогалине между деревьями на полпути к форту легко угадывалась орудийная площадка — та самая, откуда за шесть лет до этого испанской батарее удалось заставить замолчать флибустьерский форт, а самих флибустьеров сдать.

Но времени предаваться грезам и воспоминаниям не было, надо было воспользоваться лунным светом для важных действий.

Часть войска, наиболее многочисленная, спустилась с откоса и, обогнув форт, растворилась в долине. Другая приблизилась на двадцать шагов к батарее. Ни шороха, ни звука. Луна зашла. Потянулись долгие часы ожидания. Отряду, застывшему перед батареей, был дан приказ захватить ее, едва только начнет светать.

Часовые увидели флибустьеров первыми. Они успели сделать несколько выстрелов; расчеты, выскочив по тревоге, бросились к орудиям, но так и остались стоять с поднятыми руками: нападающие держали их под прицелом мушкетов.

На бастионе Скального форта услышали выстрелы, и офицеры подняли гарнизон в ружье. Не успели еще солдаты выбежать из казарм, как первые ядра, посланные с захваченной батареи, обрушились на Гору. Часть испанского гарнизона спустилась в долину, чтобы отразить вторжение. И тут основная часть флибустьерского отряда под командованием Жереми дю Россе встретила их залпом в упор из засады. Залп скошил сорок кастильцев. Оказаться меж двух огней — ситуация незавидная, особенно на войне. Захваченные врасплох испанцы заметались во все стороны и полчаса спустя капитулировали.

Месье дю Россе, имея в кармане поручительство от двух государей, без колебаний решил объявить третий суверенитет — свой собственный. Французский флаг сменил кастильский штандарт на флагштоке Скального форта, но младший отпрыск перигорского рода объявил жителям Тортуги, что они обязаны присягнуть на верность лично ему.

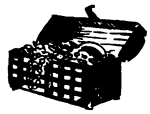
— Почему бы и нет? — подумали обыватели Черепахи, нисколько не удивившись.

За шесть лет испанской оккупации они привыкли иметь дело с чиновниками Королевской торговой палаты, скупавшими урожай их плантаций по более или менее справедливым ценам. Возвращение губернатора-француза их не обеспокоило, чего нельзя было сказать о шумных флибустьерах. Лишь содержатели портовых таверн были обрадованы появлению физиономий знакомых забудыг, их вернейших клиентов.

Жереми дю Россе быстро понял, что его положение не столь прочно, как казалось поначалу. С одной стороны, не могло быть и речи об отсылке назад флибустьеров, возбужденных до крайности лихим покорением острова; с другой стороны, надо было как-то рассеять растущее беспокойство жителей. Править людьми — нелегкое дело. А на Тортуге особенно. Франция только что подписала с Испанией Пиренейский мир, тем самым дезавуировав поручительство короля. Отныне флибустьерское занятие превращалось в простое пиратство.

После долгого размышления Жереми дю Россе решил избрать компромисс: разрешить флибустьерам вольный промысел, поставив его под строгий контроль, то есть позволять им редкие вылазки и одновременно побуждать пиратов к занятию сельским хозяйством. Подобные намерения, как и следует, вызывали буйный смех у молодцов, которых он еще вчера призывал победить либо сложить голову на поле брани.

Нелегкое губернаторство Жереми продлилось три года, после чего он заболел. «Климат островов подорвал его здоровье». Пустячная отговорка! К тому же последующие события докажут, что означенный субъект прекрасно переносил здешний климат, да и кому вообще может повредить райская погода? Перигорца угнетало другое — сложившийся «моральный» климат, неразрешимая альтернатива: обуржуазить ли Тортугу или поощрять флибустьерство? Все позволяет предположить, что у Жереми дю Россе развилась классическое заболевание ответственного руководителя — язва желудка. В октябре 1662 года, временно передав полномочия своему племяннику Фредерику Дешану де ла Пласу, приехавшему под его крыло на Тортугу, он отправился в Европу, в Лондон.

Дю Росссе, должно быть, не раз с горечью вспоминал те два года, что он провел в Париже в тщетных попытках найти поддержку своим замыслам покорения Тортуги.

— На сей раз я поеду в Лондон.

Лондон, насчитывавший в 1662 году пятьсот тысяч жителей, был крупнейшим городом мира, важнейшим банковским центром, местом, где можно было купить и продать что угодно, в том числе и остров. Именно об этом думал Жереми, в голове которого созрел план пустить Тортугу с молотка. Деньги, разумеется, он собирался забрать себе, поскольку покорял он Тортугу на свои собственные средства и с той поры никто во Франции не поинтересовался судьбой острова.

И все же щепетильность, побудившая его после сдачи испанцев поднять на Тортуге французский королевский флаг, заставила его и в Лондоне первым делом нанести визит в посольство Франции. Он просит аудиенции у посла и принят им. Жереми не знал лабиринтов чиновной администрации.

— Как вы сказали, месье,— Тортуга?

Жереми объясняет, рассказывает об истории острова: французское владение, экспедиция испанцев, новое покорение — им лично. Посол, граф д'Эстрад, вежливо слушает, ничего не отвечая. В конце он просит гостя прийти еще раз. Когда тот является вторично, его принимает уже один из секретарей.

— Как вы сказали, месье,— Тортуга?

Жереми дю Росссе вновь начинает долгие объяснения, но ему дают понять, что по всем вопросам, касающимся Вест-Индии, из Парижа получены строгие инструкции: «Никаких действий, могущих вызвать недовольство Испании».

— Кстати,— добавляет секретарь,— Французская Вест-Индская компания имеет свою контору в Лондоне. Вы можете повидать их агентов.

Жереми вздыхает с облегчением. Наконец-то перед ним люди, знающие, что такое Тортуга. Конторские служащие компании внимательнейшим образом выслушивают его рассказ об острове и его нынешнем состоянии. Их нисколько не удивляет, что сеньор дю Росссе намеревается продать свое владение. А когда он осведомляется, какую они могут предложить цену, агенты, посоведавшись, произносят цифру:

— Десять тысяч.

— Английских фунтов?

— Нет, французских ливров.

Иными словами, четыреста английских фунтов. Предложение настолько смехотворно, что Росссе даже не обсуждает его. На следующее утро он является на прием к британскому министру

торговли. Он преисполнен надежд, уверен в себе, ибо стоило ему назвать себя и место, откуда он прибыл, как его тотчас препровождают в кабинет. В сравнении с конторой Вест-Индской компании и даже приемной французского посольства кабинет британского министра производит грандиозное впечатление. Вновь — уже в который раз — Жереми рассказывает о Тортуге, его выслушивают. Англичанин, как и служащие Французской Вест-Индской компании, прекрасно понимает, к чему он клонит.

— Вы правы, остров Тортуга — весьма привлекательная и процветающая колония.

Жереми называет цифры, англичанин делает кое-какие пометы.

— Я готов уступить Тортугу за шесть тысяч английских фунтов.

— Мы не представляем себе в точности, какую пользу сможем извлечь из этого острова, — роняет министр.

Жереми дю Россе ошарашен. «Мы не представляем себе в точности...» Англичане! Англичане, у которых вся политика в Карибском бассейне заключена в обеспечении надежных баз, в создании своего рода паутиной сети, где должны запутываться, как жирные мухи, испанские галеоны.

— Цена представляется вам чрезмерной, господин министр?

Жереми прекрасно знает, что нет. Шесть тысяч английских фунтов — это крупная сумма для него, но это пустяк для британского казначейства.

— Суть не в цене.

Министр встает, аудиенция закончена. Жереми удаляется по-прежнему в полном недоумении. Что происходит? Он не мог, конечно, знать, что ступил на поле, усеянное коварными дипломатическими ловушками. Это он осознал лишь тремя неделями позже в Париже, буквально на пороге кабинета французского министра иностранных дел, к которому явился в отчаянии от безнадежности найти покупателя на Тортугу.

— Ваше появление как нельзя более кстати, месье дю Россе, — сказал министр. — Вы пытались продать Черепаший остров английскому правительству, что есть акт измены. Весьма сожалею, но моя обязанность — препроводить вас в Бастилию.

Молва той эпохи не слишком хватала через край, утверждая, что заточение в Бастилию (или «бастилене», как говорили тогда) следовало рассматривать как путь в высшее общество, учитывая происхождение и фамилии обитателей огромной тюрьмы-крепости. Там было сорок два номера «люкс», сказали бы мы, пользуясь нынешней гостиничной терминологией, и жили в них

исключительно титулованные особы. С собственной мебелью (если они изъявляли желание) и собственными слугами. Завтраки, обеды и ужины заказывались в изысканных ресторациях, откуда блюда доставляли прямо в камеру. Словом, заточение в Бастилию не имело ничего общего с пребыванием в современных пенитенциарных заведениях, за исключением самого главного и всегда самого тяжкого — лишения свободы. При этом «обастиленные» никогда не знали, сколько времени они проведут в золотой клетке.

Исключая особые случаи, они имели возможность общаться с внешним миром, принимать визитеров. Жереми дю Россе провел в Бастилии около двух лет, последние месяцы — почти исключительно в деловых переговорах о... продаже Тортуги.

Агенты Французской Вест-Индской компании, которые, по всей видимости, и состряпали на него донос, усугубленный аудиенцией у британского министра, просто выжидали, пока клиент «созреет». Они не воспользовались бесправным положением узника и добились его освобождения, едва он принял их последнее предложение: пятнадцать тысяч французских ливров плюс вознаграждение в размере ста пистолей его племяннику, временно исполнявшему на острове губернаторские обязанности в ожидании назначения нового главы колонии.

Пятнадцать тысяч ливров были смехотворной ценой за Черепаший остров, но фантастической суммой для вчерашнего узника, только что покинувшего тюремный чертог. Несколько недель кутежей и безумств, в течение которых месье дю Россе промотал эти деньги, не занесены ни в какие исторические анналы; лишь добрая дюжина записных гуляк и красавиц французской столицы сохранила до конца своих дней нежные воспоминания об этом времени. Облегчив таким способом кошелек, Жереми объявил, что два года Бастилии окончательно восстановили его здоровье, и он возвращается в тропики. Свои дни он мирно закончил на далеком острове.

В последние месяцы 1665 года в тавернах Тортуги участились ссоры и драки; обычно это случалось во время загулов после возвращений рыцарей удачи из походов. В целом в воздухе колонии чувствовалось грозное напряжение, какое появляется в земной атмосфере после образования пятен на солнце.

Все начиналось с кем-то брошенного намека, встреченного буйным смехом, за которым следовали шутки неопишуемой скабрёзности. Задетый флибустьер отвечал в том же духе и на том же наречии. Напряжение нарастало и в какой-то момент с

грохотом прорывалось наружу, как вода из лопнувшей трубы, затопляя все вокруг. Вспыхнувшая ссора переходила в драку, причем первопричина ее тут же забывалась, а свирепость нарастала, по мере того как в потасовку включались все новые участники.

Грозовая атмосфера была вызвана тем, что долгожданный корабль никак не отходил от Ла-Рошели. А на этом корабле должны были приплыть женщины.

— Он придет, — клятвенно обещал месье д'Ожерон.

Бертран д'Ожерон, отпрыск анжуйского рода де ла Буэр (еще один младший сын благородного семейства), только что приступил к губернаторским обязанностям на Черепахе. На сей раз он представлял здесь не короля Франции, а правление Вест-Индской компании.

Как и Жереми дю Россе, Бертран д'Ожерон прошел причастие флибустьерским промыслом, прежде чем начать официальную карьеру. Потерпев крушение у восточного побережья Санто-Доминго и попав вместе с еще несколькими спасшимися в плен к испанцам, он был поставлен ими на фортификационные работы. Когда они были закончены, начальник строительства во избежание возможной утечки военных секретов распорядился перебить всех работавших. Нескольким в суматохе резни удалось скрыться. Среди них был и Бертран д'Ожерон, сумевший в конце концов добраться до Тортуги.

— Это — свой, — говорили о нем флибустьеры. — Из «береговых братьев».

Без всякого сомнения, Бертран д'Ожерон способствовал оживлению флибустьерских набегов еще до 1667 года, когда между Францией и Испанией вновь вспыхнула война. Одновременно он поставил себе целью привязать население колонии к земле.

— Я доставлю вам из Франции надежные цепи!

Этими цепями по его замыслу должны были стать женщины, для перевозки которых он зафрахтовал целое судно. Посланный им в Европу доверенный помощник возвратился с твердыми заверениями:

— Они придут через месяц-другой.

За это время служащие компании собирались найти и отобрать самых достойных кандидаток.

Дамы согласились на переезд на двух условиях: бесплатное путешествие и гарантированный кров по прибытии. Они знали, что им суждено стать супругами флибустьеров и колонистов. Мужчины, с нетерпением ожидавшие их прибытия на Черепаху, не рассчитывали увидеть застенчивых, невинных особ: сами они

тоже не были мальчиками из церковного хора. Полицейский отчет, касавшийся ста пятидесяти женщин из первой партии иммигранток, не оставлял никаких сомнений насчет их общественного положения: дамы были представительницами самой древнейшей профессии, а некоторые отбывали срок за кражу.

Описание данного переезда через океан нигде не встречается, мы ничего не знаем об условиях жизни на борту. О них можно лишь догадываться, основываясь на других источниках, скажем на рассказах о том, как происходила несколько позже доставка в Австралию жен отбывшим наказание каторжникам. Капитан, безусловно, пытался поддерживать на борту железную дисциплину, но путь был долгий, теснота — невыносимой. Приставания экипажа к женщинам не прекращались ни на минуту; поблажки, оказываемые одной, мгновенно вызывали взрыв ярости у остальных, а против натиска береговых фурий матросы были бессильны. Можно не сомневаться, что капитан мечтал об экипаже, состоявшем целиком из женщин. И с каким облегчением он вздохнул, когда на горизонте показались Наветренные острова, за которыми начиналось Карибское море.

Пассажирки, как утверждали отдельные очевидцы, были преисполнены огромного любопытства и надежд. Изменить свою жизнь, вновь стать почтенной дамой — какая даже погрязшая во всех смертных грехах душа не мечтает об этом?! И вот им подвернулся случай, хотя и сопряженный с риском. То, что они ухватились за него, доказывает, что эти особы не были уж столь плохи, — да и кто на свете бывает слишком плох?

Мы уже имели случай упомянуть, что с моря Тортуга являла собой дивное зрелище. Она похожа на Ямайку, только меньше размерами. Изумрудный берег вставал из окаймленного пеной бирюзового моря. При виде такой красоты многие из прибывших завизжали от восторга. Немного позже вид селения Бас-Тер, затерянного на краю света и весьма непрезентабельного на взгляд людей, покинувших Францию, несколько охладил восторги; не у одной сжалось сердце от мысли, что *здесь* придется провести всю жизнь. Но эти дамы немало повидали на своем веку, и им было ведомо, что жизненные обстоятельства нельзя мерить поверхностными впечатлениями.

Судно, подтянув паруса, медленно вошло в маленький порт. Не успело оно еще бросить якорь, как его окружил рой суденышек — шлюпки, лодочки и даже пироги. Скорлупки были битком набиты мужчинами. В подавляющем большинстве они были одеты в тряпье или полуголы, лишь головы повязаны платком или увенчаны шляпой с причудливо обрезанными полями.

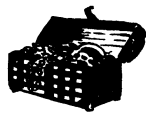
Все смотрели на женщин, тесной толпой сбившихся на палубе. Они смотрели на них, не произнося ни слова. Большинство ждало этого момента с волчьей алчностью в груди. Нетерпение было причиной жестокой грызни. Многие клялись, что, когда корабль с женщинами войдет в порт, они не смогут сдержать себя и кинутся на абордаж — настолько жгла их мысль, что за добыча достанется им на сей раз. Но вот корабль пришел, а они молчали. Да, они безмолвно стояли в лодках, застыв, словно статуи.

А женщины, едва взглянув на этих мужчин, сразу поняли, что им ничего не грозит. Более того, в целом флибустьеры выглядели даже пристойнее, чем те молодчики, с которыми им приходилось сталкиваться в прошлой бурной жизни. Им не было страшно от сотен уставленных на них глаз — напротив, подобная встреча делала им честь. Они были женщинами, прибывшими в мир, живший дотоле без женщин; каждой из них суждено было стать Евой для какого-нибудь Адама. И они начали высматривать в лодках своих будущих суженых, переговариваться, хихикать, восклицать.

Тогда и мужчины, осмелев, принялись окликать их. Нет-нет, это вовсе не были скабрёзности из портового лексикона. Они осведомлялись, как прошло путешествие и довольны ли дамы, что прибыли наконец на Тортугу. Как они находят Бас-Тер? Те отвечали со смешком. С борта посыпались шуточки, тон оживлялся с каждой секундой. Но в этот момент к кораблю подошло с полдюжины баркасов, в которых сидели шестьдесят солдат гарнизона, отряженных обеспечить порядок во время высадки. Губернатор д'Ожерон тщательно подготовил процедуру прибытия.

Дам препроводили в дома на окраине селения, реквизированные специально для этой цели. Господин д'Ожерон самолично прибыл поздравить их с благополучным концом путешествия. Он сказал, что они могут отдохнуть два дня, после чего им предложат кров и супругов. Пока же лучше не покидать отведенных покоев. Если им что-либо потребуется, все будет незамедлительно доставлено. Господин д'Ожерон был само добросердечие, он обращался к женщинам с такой приветливостью, что разом покори́л их. А в сравнении с мрачным корабельным трюмом местные домишки выглядели просто дворцами.

В назначенный день их собрали на широкой площади в центре селения. Обычно там колонисты покупали на аукционе негров-рабов и вербованных для работы на плантациях. Увидев стоявших вокруг площади мужчин, встречавших их в порту, женщины сразу поняли, что их ожидает. Кое-кто зароптал. Но,

как гласит пословица, «коли вино на столе, его надо пить». Кстати, все прошло очень быстро и без каких-либо обид для заинтересованных сторон.

Женщины были товаром — многим, кстати, и не доводилось никогда выступать в иной роли, — за который сейчас платили золотом. Командир гарнизона по очереди выводил дам в центр площади, беря каждую за руку, словно приглашая ее к менюэту. Едва оказавшись на виду, дама тотчас становилась предметом аукциона, причем столь мгновенного и лестного, что первые «партии» не могли поверить своим ушам. Цену не надо даже было назначать: желающие сами выкрикивали цифру — поначалу огромную, ибо тут играло роль желание не только получить жену, но и показать себя (типичное поведение флибустьера). Именно они, а не колонисты набивали цену. Предыдущие недели выдались удачными для рыцарей вольного промысла, многие не успели еще спустить в кабаке добычу от охоты на галионы, а кое-кто приберет деньги в ожидании объявленного прибытия женщин.

Некоторых дам никак нельзя было считать юными и красивыми, однако — и сей факт был зафиксирован всеми современниками — каждая, даже самая непривлекательная, нашла себе партнера, уплатившего за нее немалую сумму. Рассчитавшись на месте, покупатель уводил свое приобретение домой. Толпа молча расступалась, глядя на удаляющуюся пару. Все молчали, ибо знали, что новоиспеченные мужья не потерпели бы и малейшей насмешки.

Кстати, каждый союз закреплялся законной записью в регистрационной книге колонии. Что касается церковного обряда, то некоторые пары затем венчались, а некоторые нет. Флибустьеров нельзя было назвать полными безбожниками: католики и гугеноты сообща молились перед выходом в море на промысел, при этом католики исповедовались и причащались, но церковный брак не представлял для этих людей той значимости, какую он приобрел в дальнейшем в Европе.

Покупка жен — факт вовсе не исключительный в истории человеческих обществ. Исключение составляло скорее качество новых супругов, их прошлое. Так вот, все без исключения историки эпохи свидетельствуют, что в подавляющем большинстве эти браки оказались удачными, по крайней мере долговечными. Жены проявили себя верными подругами (это, кстати, было спокойнее и безопаснее для них), рожали детей и воспитывали их в послушании.

Губернатор Тортуги заплатил из собранных на аукционе денег за переезд иммигранток, после чего у него еще осталась

круглая сумма. Операция оказалась столь рентабельной, что короткое время спустя Вест-Индская компания осуществила ее уже самостоятельно.

На Черепаший остров прибыло несколько подобных партий, а затем женщины стали приезжать за собственный счет. Они уже не продавались на супружеском аукционе. Это были предприимчивые особы, прослышавшие о том, что женщинам на Тортуге живется вольготно, их там не обижают, а недостаток представительниц прекрасного пола они смогут обратить к своей выгоде.

Подобный контингент появлялся из Европы и с других, уже колонизованных островов; среди них были и индейки, и метиски. Но история сохранила нам рассказ лишь о прибытии первых жен флибустьерского гнезда; купленные на аукционе за наличные, они сумели стать образцовыми супругами, и с той поры в их адрес никто не мог сказать дурного слова.

Если учесть их происхождение и среду, в которую они попали, то эти женщины вели себя под стать мужьям. Некая бретонка Анна по прозвищу Божья Воля, нареченная так потому, что она постоянно повторяла эти редкие среди пиратов слова, была замужем за флибустьером Пьером Длинным. Пока ее муж бороздил море в погоне за испанцами, она кормила семейство охотой на кабанов и диких быков. Овдовев — случай весьма частый среди флибустьерских жен, она тут же получила множество предложений руки и сердца, поскольку дефицит жен на Тортуге не снижался. Но она отвергла всех претендентов, решив воспитывать детей одна.

Ее ближайшим соседом был «береговой брат», пользовавшийся репутацией отчаянного головореза, некто по имени Де Граф. Однажды этот человек в пустяшном споре позволил себе высказаться весьма неучтиво по адресу Анны. Когда ей донесли об этом, она явилась к соседу в дом с пистолетом в руке:

— Де Граф, выходи. Будем драться на дуэли.

Она была прекрасна в гневе. Де Граф, отодвинув наставленный на него ствол, обнял ее. Сыграли свадьбу, они зажили вместе и народили детей, достойных родителей.

Их старшей дочери стал навязываться в мужья парень, который ей не нравился. Она ему отказала. Тот продолжал настаивать, она опять отказала. Но парень не унимался. Тогда, как и ее мать двадцать лет назад, она явилась к нему с пистолетом:

— Вы меня оскорбили. Будем драться.

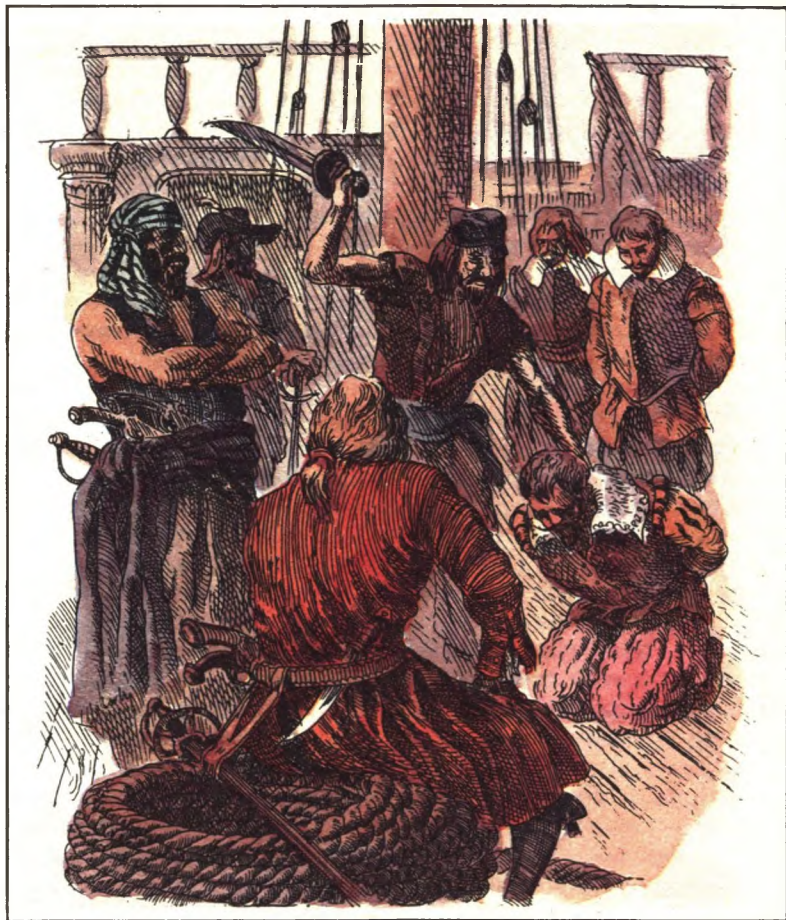
Парень отказался от дуэли и от надежд на женитьбу.

Как бы там ни было, появление на Тортуге женщин знаменует решительный поворот в истории острова, а именно начало того

процесса, который принято именовать цивилизацией. Местные нравы утихомирились, стало гораздо меньше ссор и драк, меньше стало и убийств. Женщины внесли некоторый комфорт в островной быт, увеличился торговый обмен с Европой, откуда стала поступать мебель и кухонная утварь, а назад — табак и другая сельскохозяйственная продукция. И конечно же добыча вольного промысла, ибо флибустьерство продолжало процветать. Бертран д'Ожерон в целях *стабилизации* населения потребовал, чтобы каждый коммерсант, ведущий торговлю на его острове, заимел бы там жилье; он обязал колонистов завести скот и домашнюю птицу. Коровы, свиньи, овцы, индейские куры и куры обыкновенные — вся живность подробнейшим образом перечислялась в его распоряжениях.

Справедливости ради следует сказать, что флибустьеры, хотя и оцивилизованные немного своими супругами, у кого они были, составляли особую касту и нарекания жен — тех, которые осмеливались высказываться по данному поводу, — не могли их удержать от кутежа по возвращении из похода, где они рисковали головой. Возможно, правда, они проматывали и проигрывали теперь в карты меньшие суммы, чем раньше, — все до нитки уже не спускал никто, — но им требовалась подобная разрядка (или, если хотите, встряска) после напряжения, сопутствующего их профессии. Поэтому обыватели Черепашьего острова смиренно слушали дикие выкрики, всю ночь доносившиеся из таверн и злачных заведений в порту, принимая их как неизбежность.

Устойчивый ост держится почти весь год в Наветренном проливе — морском рукаве шириной восемьдесят километров между Кубой и Санто-Доминго. Море здесь всегда беспокойно, ходит крутая волна, а поперечные течения добавляют трудностей капитану судна, вошедшего в пролив.

Однажды декабрьским утром 1665 года там скрестились пути двух судов; они двигались навстречу друг другу примерно в десятке кабельтовых. Один был тяжелый испанский галион, шедший с востока и направлявшийся, по всей видимости, в Сантьяго-де-Куба, другой — простая парусная посудина, с трудом шедшая против ветра курсом вост.

Люди, плывшие на этой посудине, внимательно наблюдали за галионом. Особенно сидевший на руле человек с осунувшимся лицом, заросшим густой бородой. Хотя парус был поставлен, шестеро гребцов, все негры, налегали на весла. Их черные лица были серыми от изнурения.

Галион ходко шел по ветру, и его капитан не удосужился изменить курс, чтобы остановить посудину. В дальнейшем он горько сожалел об этом, ибо в то утро он мог без труда поймать злейшего врага испанцев в Карибском море.

Полицейская карточка в досье этого человека могла бы выглядеть следующим образом: Но, Жан-Франсуа, по прозвищу Олоне, родился в 1630 году во Франции в местечке Сабль д'Олоне, провинция Пуату. Глаза — голубые, волосы — каштановые, рост — средний, особых примет нет. Завербовался в возрасте двадцати лет в Ла-Рошели на три года в Вест-Индию. Точное местонахождение и характер работы в означенный период не установлены. Затем буканьер на Санто-Доминго, где неоднократно участвует в стычках с *лансеро* (испанскими кавалеристами). В 1665 году перебирается на Тортугу, выходит на морской промысел, где зарекомендовал себя положительно. В 1662 году получает от губернатора Жереми Дешана дю Россе жалованную грамоту и судно. Неоднократно возвращается на Черепаху с богатой добычей, но затем вынужден поставить свой истребанный корабль на прикол. В 1664 году получает еще одно судно — от временно исполняющего обязанности губернатора Дешана де ля Пляса. В августе того же года выходит на этом судне в море. В последний раз был замечен три недели спустя в двухстах пятидесяти морских лье к западу от Тортуги при входе в Юкатанский пролив, где шел курсом вест. С тех пор от него не поступало никаких вестей.

Через сутки после встречи с испанским галионом в Наветренном проливе Жан-Франсуа Но со своим негритянским экипажем прибыл в Бас-Тер и поведал о пережитом приключении.

Его корабль потерпел крушение у побережья полуострова Юкатан. Уцелевшие моряки, едва добравшись до суши, были взяты в плен испанскими *лансеро*, которые повели их в соседний город Кампече.

— По дороге нам удалось напасть врасплох на стражу, нескольких убить, забрать у них оружие и вступить в жестокий бой с остальными. Все мои люди были перебиты. Я был ранен, однако притворился мертвым, и лансеро ушли, бросив нас в лесу. Немного погодя я встал, разделся, взял одежду одного из убитых испанцев и побрел к Кампече. Люди в городе плясали у костров, празднуя нашу гибель, и я пел и плясал с ними. В Кампече я

пробыл несколько дней, пока не уговорил этих негров, бывших в рабстве у владельца рыбацкого баркаса, украсть хозяйскую лодку. Они раздобыли провизию, и ночью мы покинули Кампече.

Тысяча двести морских миль отделяют Кампече от Тортуги. Вначале предстояло обогнуть Юкатанский полуостров, затем пересечь одноименный пролив шириной двести километров, суметь попасть в Наветренный пролив и одолеть его коварные течения. Даже сегодня рыбаки, плавающие на сейнерах-тунцеловах с мощными двигателями, предпочитают избегать этого места. Но капитану Олоне на крохотной посудине с единственным парусом удалось пройти не только его, но и тысячу двести километров вдоль кишашего испанцами побережья Кубы.

Люди, внимавшие рассказу Олоне в таверне Бас-Тера, где он подкреплялся за столом вместе со своим чернокожим экипажем, обратили внимание, что на капитане все еще были лохмотья испанского мундира — доказательство истинности хотя бы части рассказа.

— Вы свободны, как я обещал вам, — сказал Олоне беглецам-неграм.

На Тортуге к этому времени стали появляться бывшие рабы, освобожденные флибустьерами либо заплатившие за себя выкуп после участия в удачных пиратских набегах.

Но вернемся к Олоне. Несмотря на совершенный им беспримерный морской переход и прочие подвиги, репутация Жан-Франсуа Но как капитана в глазах властей Черепашьего острова была подорвана: два корабля за два года — это уж слишком! Олоне не стал проклинать судьбу (от него вообще никто никогда не слышал жалоб). Он понимал, что придется вновь начинать с нуля, как после прибытия из Европы в Вест-Индию на поиски счастья. Несколько верных друзей раздобыли баркас попрочнее. Кстати, среди рядовых флибустьеров мнения об Олоне разделились. Часть бывших соратников после двух крушений кряду засомневалась в его навигационном умении, другие с восхищением пересказывали его фантастическое плавание на лодке через море. Олоне удалось найти два десятка сподвижников и даже судового хирурга. Присутствие последнего придавало предприятию особую солидность. Жан-Франсуа поднял парус и вышел в море, где незамедлительно захватил испанскую барку. А два судна лучше одного.

«Добывать испанца» было классическим официальным выражением, но смысл оно обретало лишь на несколько часов — когда удавалось засечь в море этого «испанца». Остальное время приходилось крейсировать, то есть болтаться в море, затянув

потуже пояс и получая строго по норме даже воду. Жизнь на пиратских суденышках была далека от описаний романтических авторов. Конечно, на кубинском берегу хватало и колодцев, и дичи, но капитаны-флибустьеры старались как можно реже приставать туда. Ведь берег только издали кажется пустынным. Вы ничего не видите, зато за вами следит всевидящее око, и, когда вы снова выходите в море, оно оказывается еще более пустынным, чем раньше.

И все же своего первого «клиента» Олоне встретил в устье реки, куда направился за пресной водой. Вначале он заметил у реки индейцев — добрый знак, говорящий, что врага поблизости нет. От них же Олоне узнал, что скоро ожидается прибытие большого испанского фрегата. Откуда индейцы могли это знать, неизвестно. И правда ли, как они утверждают, что фрегат имеет команду в девяносто человек при десяти орудиях? Неважно. Олоне решил устроить засаду.

Отведя обе барки за мыс, флибустьеры стали наблюдать за устьем. Действительно, по прошествии нескольких часов появился фрегат. Медленно и величаво он вошел в реку и бросил якорь. Устье было совсем узким, деревья едва не смыкались кронами над водой, и фрегат оказался как бы под зеленым сводом, закрывавшим обзор. Дождавшись темноты, флибустьеры бесшумно выгруппировались на берег.

Скупые строки Эксмелина о разыгравшемся на рассвете сражении не дают полной картины. Флибустьеры, спрятавшись за деревьями и в густой растительности, а возможно, и в вытасненных на берег шлюпках, взяли фрегат под прицельный огонь разом со всех сторон — таким же способом действовали японцы против американских канонерок в джунглях Гвадалканала во время второй мировой войны. Испанцы ответили мушкетным огнем вслепую по кустам, хотя им следовало тут же сняться с якоря и выйти в море, где фрегат был бы неуязвим. Когда же они наконец начали выбирать якорь, потери в живой силе были столь велики, что оставшийся экипаж был деморализован и не смог оказать сопротивления флибустьерам, бросившимся на abordаж с двух подошедших барок.

— Пусть не надеются, что я забыл, как их лансеро перебили моих людей возле Кампече, — сказал Олоне. — Прикончить всех раненых и бросить их за борт! Остальных — в трюм.

Один из испанских рабов упал на колени:

— Господин капитан, не убивайте меня, я скажу всю правду!

— Какую?

— То, что мне было приказно совершить. Пощадите!

— Говори и останешься жить. Выкладывай!

Человек сказал, что был взят на фрегат в качестве палача, ибо испанцы намеревались казнить всех без исключения попавших в плен флибустьеров-французов; он должен был их вешать. Губернатор Гаваны принял такое решение, дабы повергнуть в страх пиратов Черепашьего острова, чинивших разбой в его владениях.

— Что ж, прекрасно,— сказал Олоне, вытаскивая из ножен саблю.— Выводите пленных на палубу. По одному.

Узников стали по одному выталкивать снизу, и, едва голова несчастного показывалась из люка, предводитель пиратов ударом сабли сносил ее с плеч. Один очевидец утверждал, что после каждого удара Олоне слизывал кровь с клинка, комментируя разницу во вкусе. Оставляю эту деталь на его совести.

С этого дня за Олоне закрепилась репутация кровавого зверя. С единственным оставленным в живых пленником — тем самым незадачливым палачом — Жан-Франсуа Но отправил послание кубинскому губернатору. Это послание полностью выдержано в духе времени: «Я исполнил ваш приказ и не пощадил пленных, коими оказались ваши люди. В следующий раз, надеюсь, вы сами попадетесь мне в руки».

Губернатор, брызгая слюной от ярости, подтвердил свой приказ — никакой пощады, вешать, вешать, вешать! Однако любопытной оказалась реакция на это распоряжение командиров испанских гарнизонов и галионов:

— Не забывайте, ваша милость, что пираты пленяют гораздо больше наших людей, чем мы их. Подобная война не на живот, а на смерть окажется не к нашей выгоде.

Решение в результате было отменено. Один лишь Олоне по-прежнему остался вне закона.

Самой живописной достопримечательностью нынешнего Макайбо, венесуэльского порта с населением 800 000 человек, является огромный рынок, где выложены экзотические овощи и фрукты, рыба, гончарные изделия и плетеные корзины. Вокруг кишит густая толпа индейцев, негров, метисов и мулаток в ярчайших одеждах; изредка мелькают белые лица, в основном американских туристов, восхищенно щелкающих фотоаппаратами или приносящих к кинокамерам. Город почти целиком выстроен заново, в центре проложены прямые как стрела авенюды, высоко в небо поднимаются билдинги нефтяных компаний — «Дженерал моторс» и прочих. Нефть — основное богатство страны. Скважины пробурены вокруг лагуны — морского озера размерами двести семьдесят на сто десять километров, давшего жизнь городу.

Климат здесь теплый и влажный, среднегодовая температура 28° тепла, а москитов вывели американцы.

Испанцы-конкистадоры надеялись отыскать в здешних местах Эльдорадо. Золото не нашли, к вящему разочарованию благородных идалго. Тем не менее кое-кто из наиболее упорных искателей счастья остался там и зажил довольно хорошо. Выросшая в горах столица провинции, Мерида, стала перевалочным пунктом для вьючных караванов, перевозивших на мулах богатства рудников Перу к Атлантическому побережью. В пампе возле Маракайбо развели крупный рогатый скот, владельцы ранчо богатели на торговле мясом. В районе Гибралтара, расположенного по другую сторону лагуны в ста пятидесяти километрах южнее, испанские плантаторы сажали сахарный тростник, какао и табак. Маракайбо насчитывал приблизительно тысяч шесть жителей, Гибралтар — около трех тысяч. В ту эпоху и в той части света это были заметные города. Там были построены церкви, монастыри, лазареты.

То, что в этом районе не нашли золота, оказалось благодеянием для туземного населения. По берегам озера Маракайбо в домах на сваях обитали миролюбивые индейцы. Их не коснулись массовые репрессии, как в иных местах, где пришельцы огнем и мечом выпытывали местонахождение «тайных золотых кладов». Здешние индейцы привозили на рынок в город рыбу, дичь и дары леса.

Однажды майским утром 1667 года испанцы Маракайбо увидели, что по глади лагуны скользит множество индейских пирог, гребцы которых бешено работают веслами. Через минуту по городу разнеслась весть: у входа в лагуну стоит пиратская флотилия, а на Голубином острове высадился десант.

Огромная лагуна, которую пираты именовали бухтой, а местные жители называли озером, сообщается с морем узкой горловиной; у входа в нее расположены два островка, Вихия и Паломас — Сторожевой и Голубиный. На Голубином было построено укрепление — форт Барра с шестнадцатью орудиями крупного калибра. Индейцы рассказали об армаде разбойников: семь кораблей, два из которых походили на галионы; на мачте одного из них поднят флаг, не похожий на испанский.

Вопреки распространенному мнению «веселый Роджер» — черный флаг с черепом и костями — поднимали не все флибустьеры, а лишь англичане, и то в самом конце пиратской эпопеи. Мы не знаем, под каким флагом ходили французские флибустьеры. Весьма вероятно, что они поднимали штандарт кого-либо из своих знаменитых предводителей, если только у них не было в запасе набора флагов, предназначенных для обмана будущих

жертв. Самый большой корабль, описанный озерными индейцами, видимо, шел под личным флагом Жан-Франсуа Но по прозвищу Олоне. Но для испанцев из Маракайбо это не имело особого значения: для них было важно, что пираты — французы или англичане — напали на форт Барра. Укрепление на Голубином острове было единственной защитой. Что станет с городом, если форт падет?

Новые сведения поступили незадолго до полудня. Комендант форта безуспешно пытался остановить первую волну высадившихся пиратов. Часть гарнизона была уничтожена, и теперь бои шли у редутов.

В порту Маракайбо поднялась обычная суматоха, сопровождаемая, с небольшими вариациями, все попытки эвакуироваться морем при подходе вражеского войска. Люди отчаянно разрываются между желанием вовремя убежать и стремлением захватить с собой как можно больше добра. Пункт, куда направлялись беглецы из Маракайбо, мог быть только один — Гибралтар, укрепленный порт с внушительным гарнизоном.

Хотя рабы (в количестве двух-трех тысяч) являли собой солидную долю имущества, владельцы не озаботились их судьбой; им просто посоветовали бежать и прятаться в лесу. Полагаю, что и рабы предпочли этот вариант переправе через лагуну на перегруженных сверх всякой меры судах.

В конечном счете в Гибралтар было эвакуировано около тысячи семей. Подробности этой операции нигде не фигурируют, но, по косвенным данным, она прошла более или менее благополучно. В городе остались лишь прикованные к постели больные, немощные старики и фаталисты, смирившиеся с судьбой, а также рабы, которым, собственно, нечего было опасаться пиратов, поскольку они были неимущими.

Эти оставшиеся в городе люди и стали свидетелями того, как на следующее утро в лагуне появились большие паруса: форт сдался. Корабли, несущие смерть и разорение, медленно и торжественно плыли по глади неглубокого озера, словно заворазживая будущие жертвы, перед тем как кинуться на них, а в действительности просто потому, что в тот день было полное безветрие.

Не дойдя примерно трети мили до берега, пираты отдали якоря. Чуть погода грохнула их пушки, суда заволокло облако черного дыма, а в городе обрушились и загорелись дома.

Негры-рабы и индейцы, не уходившие из любопытства далеко от порта, увидели, как пираты спустили шлюпки и двинулись к берегу. Но и эти оставшиеся зрители разбежались, когда со шлюпок захлопали выстрелы атакующих. Новый залп бортовых

орудий потряс округу, и в оставленном городе вспыхнули новые пожары. Бомбардировка продолжалась до тех пор, пока шляпки не уткнулись в берег.

Ни одной белой женщины, только черные рабы да горстка индейцев! Насмерть перепуганные туземцы, вобрав головы в плечи, лишь тычут пальцем в направлении лагуны — туда, на юг, за озеро, ушли все, золото и деньги увезли с собой. Нет-нет, не спрятали — увезли! Негры упрямо показывали на лагуну. Бесплезно было бить их и замахиваться саблями — они дружно твердили одно и то же.

Ну а выпить и закусить найдется, тысячу чертей им в душу? Это — пожалуйста. Склады ломились от товара, в домах было полно пищи, погреба набиты бутылками и бочонками. Райская перемена после целого месяца голодухи и протухшей воды.

Олоне решил на эту экспедицию, заключив союз с Мигелем Баском, флибустьером отменной репутации, героем многих лихих набегов. Тщательно подготовленное предприятие (ему предшествовала глубокая разведка) удачно началось неожиданным взятием двух галионов, один из которых шел с грузом какао — его немедленно отправили губернатору д'Ожерону для реализации, а второй был гружен ружьями и порохом — его оставили в строю. Первый корабль, выгрузив какао, вернулся к флотилии с экипажем из восторженных добровольцев. Среди них были обыватели с Тортуги, вдруг охваченные жадной приключений; были ветераны, вспомиравшие былое; были молодые люди, только что прибывшие из Европы и вольные распоряжаться собой, поскольку путешествовали они на собственный кошт, — последних, кстати, можно было все чаще и чаще встретить на островах; были среди них и два племянника господина д'Ожерона, «юноши, подававшие большие надежды». Короче, вся экспедиция была пронизана духом ожидания славных дел и удачных свершений. В общей сложности в ней участвовало семьсот человек, разместившихся на семи судах, — никогда еще столь могучий флот французских флибустьеров не выходил в море. И вот теперь, изголодавшись за время пути, все эти искатели поживы накупились на съестное и спиртное. Пиршество растянулось на несколько дней.

Многие, однажды забравшись в погреб, так и не покидали его; другие бродили от дома к дому, засыпая прямо на улицах; время от времени раздавались жуткие вопли — это кто-то, припомнив вдруг старые обиды, решал «проучить наглеца». Главари экспедиции, конечно, не желали ограничиться снедью и выпивкой. Взявшись основательно за рабов, они сумели заставить их

заговорить. Были организованы поисковые группы для прочесывания соседней пампы и близлежащей сельвы. Несколько обнаруженных испанцев указали тайники, где они спрятали деньги, и выдали местонахождение других беглецов.

Нет сомнений, что свирепая натура Олоне проявилась тут в полной мере; летописцы повествуют, как он собственноручно закалывал кинжалом пленников, чтобы устроить остальных. Пираты обстоятельно допытывались (от слова «пытка»), где спрятаны ценности; процесс дознания шел медленно. В хрониках встречаются подробные описания этих пыток, имевших широкое хождение в тогдашнем мире.

За две недели, что пираты провели в захваченном Маракайбо, их улов, несмотря на прилежное дознание, был весьма скуден. Три четверти населения города сумели перебраться в Гибралтар. И Олоне отдал приказ ставить паруса и двигаться к этому городу.

Нашествие беженцев редко когда вызывает восторг у местных жителей. Обитатели Гибралтара не составили исключения. У них не было никаких причин бить в литавры прежде всего потому, что они опасались, как бы пираты, покончив с Маракайбо, не добрались и до них; другой причиной их недовольства было то, что избыток населения вызовет трудности с продовольствием: гибралтарцы собирали на месте лишь урожай фруктов и овощей, а мясо и все остальное поступало от владельцев ранчо вокруг Маракайбо.

Губернатор Гибралтара вовремя получил известие о нападении пиратов на форт Барра, а затем о взятии без боя Маракайбо. Он тотчас отрядил шестерых гонцов-индейцев в Мериду; до столицы провинции было сто двадцать километров хода через лесную чащобу и горы. Гонец нес депешу, зацемявив ее в расщепленный конец палки, и передавал эстафету на промежуточных курьерских пунктах следующему бегуну.

Пять дней спустя четыреста солдат меридского гарнизона прибыли в Гибралтар во главе с самим губернатором провинции. Гибралтарский гарнизон таким образом увеличился почти до девятистот человек. Начальник гарнизона вывел все мужское население города на строительство туров, в стратегических местах были воздвигнуты новые укрепления и выставлены батареи. На одной детали организации обороны стоит остановиться особо.

Со стороны суши к Гибралтару нельзя было подступиться: город был опоясан укреплениями, за которыми тянулись топкие

болота. Через них была проложена единственная дорога, изобретательно «оборудованная» ловушками, волчьими ямами и бревенчатыми завалами. Оригинальная идея заключалась в том, чтобы прорубить в сельве еще одну дорогу — фальшивую; она вроде бы вела к городу, однако в действительности упиралась в непролазную трясиину.

За те две недели, что флибустьеры предавались в Маракайбо буйным кутежам и выпытывали у жителей местонахождение потайных кладов, оба губернатора лихорадочно укрепляли оборону Гибралтара. Как только на горизонте показалась шедшая через озеро флотилия пиратов, женщин и детей спрятали в самые крепкие дома и погреба. По всему городу расставили бочки с водой. Командование полагало, что, как и в Маракайбо, нападение начнется с бомбардировки города.

Озеро-лагуна, как мы говорили, неглубокое. Флибустьерская армада двигалась крайне медленно, повинувшись указаниям двух лоцманов, прибывших с Мигелем Баском и прекрасно знакомых со здешними местами. Эти люди раньше «жили среди испанцев» и даже были женаты на испанках.

Защитники Гибралтара во все глаза следили за маневрами пиратов. Ко второй половине дня семь их кораблей остановились меньше чем в миле от берега и убрали паруса. Погода стояла облачная, было душно, начал накрапывать дождь. Орудия пиратов молчали. Батареи защитников тоже: суда стояли вне досягаемости береговых пушек.

Настала ночь. Жившие в Гибралтаре испанцы входили и выходили из города по единственной дороге, причем только до наступления темноты. Но индейцы и негры-рабы превосходно знали окрестные болота и могли ходить по ним даже ночью. К полуночи губернатор Мериды, принявший на себя командование обороной, получил донесение, что пираты высадили десант немного западнее города.

— Они стоят на берегу и ждут.

— Вместе с пушками?

Нет, орудия они не выгрузили. Ну что ж, можно было с уверенностью сказать, что до рассвета пираты не рискнут идти по болоту.

Дождь кончился. Незадолго до того как забрезжил рассвет, губернатору доложили, что десант, обойдя город с суши, вышел на настоящую дорогу. Это свидетельствовало, что их проводники хорошо знали местность. Однако, обнаружив завалы, пираты заколебались, не зная, что делать дальше.

Полчаса спустя, когда уже окончательно рассвело, оба губернатора, стоя на гребне редута, своими глазами увидели то, на что

они едва смели надеяться: пираты решительно двинулись по ложной дороге.

Их было триста восемьдесят человек, вооруженных пистолетами, саблями и кортиками.

— Наша сила,— сказал Олоне,— будет в решимости и быстроте действий.

Теперь колонна тащилась медленно, словно больная змея. Справа и слева поднималась не столь высокая, но очень густая растительность. Прямо в прорезе дороги маячила городская стена, над которой тяжело нависло серое небо.

В голове колонны шли два проводника, за ними Олоне и Мигель Баск. Можно было бы бранить проводников и даже отсечь им голову, но это ничего бы не дало. Они старались как могли, да и сам Олоне высказался за то, чтобы двигаться к городу именно этой дорогой. Вернее, этой тропой, хотя она и была достаточно широка. Еще двести шагов, и люди начали вязнуть. Пока никто еще не провалился, но при каждом шаге приходилось вытягивать ногу, по щиколотку уходившую в жижу. Продвижение замедлилось.

— Надо идти дальше,— твердил Олоне.— Ближе к укреплениям почва непременно станет тверже.

Едва он произнес это, как провалился по колено. Дорога вилась дальше, но было видно невооруженным глазом, что почва становится все более зыбкой. Олоне обернулся к отряду и громко командовал:

— Рубить ветки и набрасывать гати! Пойдем по настилу.

Приказ был исполнен быстро: каждый знал, что ему делать,— маневр не был в новинку. Большинству флибустьеров доводилось пробираться по губчатой почве тропических краев в сезон дождей, когда без гатей из наброшенных ветвей не обойтись. Работа спорилась. Колонна медленно, но неуклонно продвигалась вперед.

Неожиданно раздался глухой орудийный выстрел, за ним — залп. Редут заволокло черным дымом, вокруг флибустьеров в грязь зашлепали ядра.

В те времена пушки вели прицельный огонь лишь с очень близкой дистанции, а между выстрелами следовали довольно долгие паузы. Олоне взмахом сабли распорядился продолжать работу, его перекошенное лицо не предвещало ничего хорошего ослушнику. Пираты лихорадочно накладывали ветви. Ядра падали теперь не в грязь, а на гати; осколки с визгом летели окрест. Застонали первые раненные, но работа продолжалась.

Люди обрубали саблями ветки обочь дороги и быстро мчались в голову колонны, чтобы бросить их под ноги. Мучительное

продвижение, казалось, не кончится никогда. Люди действовали как автоматы. Но по мере приближения к редуту огонь становился все точнее. А когда пираты оказались в пределах досягаемости испанских мушкетов, движение застыло. Минуту спустя мушкеты хлопали уже без перерыва, ветки и клочья грязи летели во все стороны.

— Вперед!

Олоне по колено в болоте шел под огнем, вопя и размахивая саблём. Мигель Баск и проводники вплотную следовали за ним, чуть поотстав, мелкими группами двигались флибустьеры. То и дело кто-то валится носом в грязь. Испанцы перебили бы всех нападавших, если бы не густой черный дым, застилавший местность. Неожиданно Олоне нырнул в облако дыма и побежал: как и предвидел главарь флибустьеров, перед самым редутом почва стала тверже. Однако путь здесь преграждал широкий и глубокий ров, а прямо за ним изрыгали смертоносный свинец шесть пушек.

Орудия были заряжены картечью, и первый же залп выкосил почти целиком голову колонны. Потери были бы еще больше, не иди флибустьеры врассыпную.

Олоне был человеком храбрым до безрассудства, но не бездарным командиром. Взмахом сабли он приказал поворачивать назад.

Если вы хотите узнать, чего стоит войско, проследите, как оно ведет себя сразу после кровавого поражения. То, что удалось совершить Олоне в подобных условиях, проливает новый и довольно неожиданный свет на собственно военные качества флибустьеров. Ведь многие видят их некоей анархической вольницей, способной лишь нападать из засады.

Отряд пиратов в полном боевом порядке отошел в зону, недосягаемую для мушкетного и орудийного огня испанцев. Маневр был совершен быстро, учитывая сложность местности. Олоне приказал подобрать раненых и после краткой передышки распорядился:

— Будем прорываться по другой дороге.

Другая, настоящая дорога шла по тверди, но она была перерезана, как мы помним, препятствиями. Флибустьеры начали быстро растаскивать завалы и забрасывать ямы, если не было возможности обойти их кругом. Работа была изнурительная, и продвижение шло столь же медленно, как и по тропе-ловушке. Было ясно, что люди выдохнутся, не успев вступить в бой.

— Остановимся. Будем прорываться по дороге через болото. Испанцы не ждут нас там. Бегом!

Вряд ли новый приказ был встречен с восторгом — да и какая

войсковая часть стала бы радоваться такому обороту дела? Пираты зачертыхались, но, облегчив душу богохульствами, последовали, а вернее, побежали за Олоне.

Не станем приукрашивать этих людей. Флибустьеры сражались не за родину, не ради славы, не за веру или за идею. Они жаждали набить карман. И, чувствуя близкую добычу, стоившую такой крови, они, как и их предводитель, не допускали мысли о возможности вернуться домой не солоно хлебавши.

Испанцы, сидя за надежными укреплениями, наблюдали за маневрами своих врагов внимательнее, чем предполагал Олоне. Возможно, они удивились, что пираты вновь кинулись на тропу-ловушку, но пушки их стояли на прежних местах, и нападающие были встречены столь же плотным убийственным огнем, как в первый раз. Губернатору, следившему с гребня редута за полем боя, казалось, что супостаты будут перебиты за считанные минуты: картечь хлестала в упор по колонне, бойня была чудовищной.

Да, так и есть — пираты дрогнули и повернули назад. Впрочем, он не был уверен, что угадал их маневр: видимость закрывали плотные клубы порохового дыма... Нет, вот показался, ковыляя, один флибустьер, за ним еще и еще. Колонна нападавших обратилась в паническое бегство. Бандиты удирали, спасая свою проклятую шкуру, ибо их душам все равно было суждено вечно вариться в адском котле!

Испанцы на укреплениях завопили от радости, осыпая ругательствами беглецов. Грозные искатели добычи с трудом тащились теперь по гати, а вслед им летели ядра.

— Открыть ворота! Догнать пиратов и перебить всех мерзавцев до единого!

Недавних осажденных захватило пьянящее чувство мести — прикончить, добить, уничтожить бегущего противника, еще час назад внушавшего сильный страх. И тут уж трудно было урезонить кого-либо доводом о том, что отсидеться за стенами куда надежнее, раз флибустьеры уносили ноги после второго кровавого урока.

Испанцы бешено ринулись в атаку. В грязь. Ведь топь никуда не делась, а тела убитых флибустьеров не могли заполнить болото. Преследователи увязали по колено. Пришлось двигаться медленно. К счастью, им не надо было идти под огнем. Наконец испанцы добрались до гати. Вперед!

Когда Олоне пришел в голову его план, советовался ли он с Мигелем Баском, в какой момент отступления отдал он другой

приказ — не известно. Достоверно следующее: флибустьеры вдруг бросились навстречу испанцам. В таком бою уже было не до мушкетеров — схватка шла врукопашную, а в искусстве владения клинком флибустьеры не знали себе равных. Две вылазки по болоту стоили им полусотни человек убитыми и такого же количества ранеными. Однако во время рукопашного боя испанцы потеряли двести-триста человек, включая обоих губернаторов и почти всех офицеров. На плечах откатившихся испанцев флибустьеры ворвались в город, изрубив по дороге пушкарей. Оставшийся без командиров гарнизон сдался. Испанский флаг принесли Олоне, и тот, швырнув его под ноги, велел поднять над редутом свой штандарт.

Олоне при всей своей кровожадности был наделен необходимым для руководителя хладнокровием и чувством ответственности. Поэтому первой заботой победителя стал не грабеж, а гигиена. Трупы, подобранные на городских улицах и за стенами, снесли на две старые посуды, которые вывели из озера-лагуны в открытое море и там затопили.

А затем настал черед обычных мероприятий. Грабеж осуществлялся не в индивидуальном порядке, а по заведенному правилу: всю добычу сносили в общую казну для последующего дележа. Отдельно сложили церковные ценности из нескольких гибралтарских храмов и монастырей. Согласно данному обету, набожные разбойники порешили изъять эту часть добычи из общего котла для украшения новой часовни, построенной на Тортуге «во славу господу и всех святых».

Жители, за исключением неимущих бедняков, постарались спрятать свое добро. Поэтому значительная часть их — не все, конечно, иначе это заняло бы слишком много времени, — была подвергнута дознанию. Многие сразу же указали местонахождения тайников, однако были и такие, что долго крепились и иногда так и погибали, не сознавшись — либо потому, что у них действительно ничего не было, либо превозмогши силой духа страх смерти. Не случайно мы с удивлением читаем в истории флибустьерства, сколь часто разграбленные города после ухода пиратов восстанавливали свой прежний облик; это явно свидетельствует о том, что по крайней мере часть сокровищ разбойникам не доставалась.

Кстати, флибустьеры прекрасно сознавали, что до конца выжать лимон им не удастся, а поэтому они не уходили без того, чтобы не обложить город помимо индивидуальных экспроприаций еще и общей данью.

— Требуем столько-то, иначе сожжем все дотла.

И они твердо стояли на своем, невзирая на дружный плач и стон, до тех пор, пока контрибуция не была собрана до последнего пиастра. В Гибралтаре сам Олоне назначил условия:

— Десять тысяч пиастров. Два дня срока.

Когда к назначенному часу сумма не была собрана, флибустьеры начали поджигать дома. Через несколько часов выкуп был готов. В свидетельствах даже испанских хронистов можно прочесть о такой детали: флибустьеры сами помогли жителям погасить пожары.

— Теперь двинемся на Мериду,— заявил Олоне своим людям.— Сей город не в пример богаче этого.

Традиция «берегового братства» требовала выяснить мнение участников похода, как мы бы сейчас сказали — референдума. Ответом было «нет». Предводитель не стал настаивать. Пиратская флотилия вернулась в Маракайбо. Полагаю, читателя не удивит тот факт, что при повторном заходе флибустьеры получили, угрожая выжечь город, откуп в размере 30 000 пиастров. Это можно рассматривать как признак того, что пыточные мероприятия были проведены в первый раз не столь уж тщательно.

Добычу поделили на острове Гонав, западном соседе Санто-Доминго. Доход исчисляли в 250 000 пиастров наличными плюс на 100 000 пиастров ценностей; кроме того, с молотка на аукционе пошли захваченное судно с грузом табака и партия рабов.

В день возвращения на Тортугу, а это случилось 1 ноября 1666 года, Олоне, хотя он и не получил никаких субсидий на эту экспедицию, торжественно вручил губернатору д'Ожерону причитающуюся долю: 10% от общей стоимости добытого. Кроме того, правитель острова получил комиссионные от проданного во Франции за 120 000 ливров груза какао.

«Он заслужил этот барыш сполна,— пишет Эксмелин,— ибо терпел весьма многие траты на содержание колонии. Он любил людей чести, неустанно пекся об их благополучии и никогда не оставлял в нужде».

Еще век спустя, вплоть до Великой французской революции, во многих французских портах Атлантического побережья и в городах на юго-западе страны можно было услышать рассказы стариков, унаследовавших от своих родителей или прапращуров воспоминания о трех неделях, последовавших за возвращением на Черепаху экспедиции Олоне из Маракайбо. Содержатели портовых таверн, обосновавшиеся на Тортуге без году неделя, обогатились на всю жизнь. Простые кабатчики сделались крупными негоциантами, а дамы общительного нрава, смирившиеся уже

со своим уделом, смогли оплатить путешествие из Вест-Индии во Францию, где зажили жизнью почтенных матрон.

Портовый квартал Бас-Тера превратился в бурлящий котел оргий и безумств. Ночи напролет гремела музыка, а под утро недвижимые, словно трупы, тела упившихся рядами укладывали на пляже. Некоторые флибустьеры из самых кичливых заказали себе расшитые золотом и усыпанные камнями камзолы — признак того, что в пиратском гнезде не было недостатка в искусных ремесленниках; вчерашние бродяги разгуливали, обмотав жилистые шеи жемчужными ожерельями и надев на каждый палец по массивному перстню.

Игра шла круглосуточно с умопомрачительными ставками: за какой-нибудь час целые состояния переходили из рук в руки; авантюристы, сев играть богачами, наутро оказывались в долговой кабале на несколько лет. Кажется, именно в эти три незабываемые недели на Тортуге в последний раз видели самого необузданного за всю историю флибустьерства игрока по прозвищу Дрейф.

За несколько лет до этого Дрейф получил свою долю от участия в удачном походе — пятьсот реалов. За полночи игры он спустил их. Дрейф стал бродить из таверны в таверну, бормоча:

— Брат, мне нужно сто пистолей.

Обращение «брат» означало своего рода сигнал SOS или клич «Наших бьют!». Сотня пистолей, быстро набранная, уплыла за несколько часов. Следующий раунд обхода кредиторов закончился столь же плачевно. Более того, чтобы расплатиться с долгами, Дрейф вынужден был тут же подрядиться в новый поход, причем добычу от него должен был получить уже не он, а приятель-заимодавец. Дрейфу повезло: он не только смог освободиться от долгов, но и вернулся на Тортугу с пятьюдесятью пистолями в кармане. Поставив их на кон, он очень быстро выиграл тысячу двести реалов.

— На сей раз — все, баста, ложусь в дрейф. Конец авантюрам, возвращаюсь во Францию.

Он прибыл на остров Барбуду, откуда суда часто уходили в Англию, и договорился о месте на борту. Корабль отплыл через шесть часов. Погрузив багаж, Дрейф зашел пропустить стаканчик в ближайшую таверну. Какая-то компания за столом только что кончила играть в кости.

— Кидать по мелочи неинтересно, — заметил один из сидевших, богатый купец-еврей, — да и шум мешает. Может, пойдем ко мне домой?

Человек угадал во взоре Дрейфа знакомый оттенок страсти.

— Но мой корабль отходит через несколько часов.

— Мы долго не задержимся.

Через короткое время Дрейф выиграл 12 300 реалов.

— У меня нет больше наличности,— сказал торговец.— Но вот вексель на партию сахара— она уже погружена в порту. Ее стоимость— сто тысяч ливров. Продолжим игру.

Дрейф, которому в тот вечер в паруса дула сама госпожа Удача, позабыл о времени отплытия. К вечеру торговец распорядился принести еды и питья. Еще не пробила полночь, как Дрейф выиграл весь груз.

Торговец в ярости стукнул кулаком по столу и подписал еще один вексель:

— Это стоимость моей сахарной мельницы. Продолжим.

Мельница присоединилась к сахарному грузу: Дрейф продолжал выигрывать.

— Вот,— сказал еврей,— вексель на двадцать рабов. Продолжим.

Рабы разделили участь сахара и мельницы. Дрейф уже был владельцем солидного состояния. Торговец был разорен.

— Позвольте, я схожу за деньгами к одному приятелю. А вы пока подкрепитесь.

Слуги с почтением принялись ухаживать за неизвестным, которому, как они теперь знали, было суждено стать их новым хозяином. Они спросили дозволения задуть свечи, ибо уже наступило утро.

Торговец вернулся в возбужденном состоянии с холщовым мешком в руке. Развязав его, он высыпал на стол золотые монеты.

— Тысяча пятьсот якобинов! Если вы выиграете и их, мне останется лишь повеситься.

Он долго тряс кости в рожке и наконец выбросил их. Две шестерки.

— Сегодня вам не придется вешаться,— сказал Дрейф.

Три часа спустя он мог уже сам задавать себе вопрос, не должен ли он искать веревку: еврей отыграл назад все.

— Продолжим?

— Разумеется.

Слуги подали новые блюда. После полудня Дрейф проиграл и те тысячу двести ливров, что намеревался привезти в Европу, трость с золотым набалдашником и всю одежду.

— Одежду я вам оставлю,— сказал торговец.— Что вы намерены делать дальше?

— Возможно, пойду вешаться.

— Возвращайтесь лучше на Тортугу. Вот вам деньги на проезд. Или лучше я сам посажу вас на корабль.

Дрейф возвратился на Тортугу как раз вовремя, чтобы успеть на одно из судов, отходивших под началом Олоне в Маракайбо. Как и все участники, он возвратился из похода с полными карманами. Господин д'Ожерон заметил его в порту — история Дрейфа успела облететь пиратское гнездо. Губернатор, по выражению Эксмелина, неустанно пекся о благополучии «людей чести» (читай — пиратов).

— Вы ведь проиграете все нынче же ночью, — сказал он Дрейфу. — Доверьте мне ваши деньги. А я вам выдам вексель на французский банк. Таким способом вы сможете осуществить намерение вернуться на родину.

Так и было сделано. Дрейф мог бы спокойно жить на ренту с вложенного капитала, тем паче что, к всеобщему удивлению, демон азартных игр отпустил его душу. Но он тосковал. Обосновавшись в Дьеппе, он вел с бывшими друзьями, оставшимися на Карибских островах, все более оживленную переписку. Его компаньоном в коммерческом деле был один португальский судовладелец.

— Почему бы вам самому не отправиться за товаром? — сказал этот человек Дрейфу. — Мы бы выручили гораздо больше. У меня есть каравелла с латинскими парусами, я одолжу вам ее.

Дрейфа снедала дума не о выручке, а о том, как бы вернуться во Флибустьерское море. Поэтому он с радостью согласился ехать. Но не успела его каравелла выйти из Ла-Манша, как на нее напали два испанских гукора из Остенде. Во время сражения Дрейф сложил голову.

Еще до того, как Дрейф, вернувшись во Францию, основал свое экспортно-импортное дело, Олоне в компании с главными участниками маракайбского похода вновь вышел в море. Ни у кого уже не было ни гроша за душой. На укору колонистов, твердивших, что вместо кутежных безумств куда полезнее было бы вложить деньги в прибыльное дело или возвратиться во Францию, эти люди отвечали громогласным хохотом.

Среди них, наверное, сыскались бы желающие перейти в сословие добропорядочных буржуа, но все они были пленниками своей среды, жертвами устойчивого мифа; кроме того, множество хитроумного люда было заинтересовано в том, чтобы они рисковали жизнью, а затем проматывали награбленное добро: держатели таверн, хозяева портовых заведений и поставщики всякого рода удовольствий, торгаши, посредники, ростовщики и скупщики добычи. Эта братия имела разветвленную сеть осведо-

мителей, и, едва какой-нибудь головорез собирался почтить на лаврах или просто перевести дух, они тут же нашептывали ему на ухо нужное название. Слова их падали на благодатную почву, особенно если собеседник оказывался (с их помощью) на мели. Именно так и произошло с Олоне.

— Вам надобно теперь идти в золотое место— Гранадугу.

— Я наслышан об этом месте. Город стоит на озере Никарагуа. Но ведь англичанин Морган уже дважды потрошил Гранадугу, причём совсем недавно.

— Два года назад. Значит, жители успели оправиться. Да и вам следует знать, что Морган смог увезти лишь малую часть: у него было каких-то три мелких посудыны, менее ста человек. Вы бы смогли распорядиться куда лучше.

Олоне знал, что ему стоит лишь бросить клич. Успех маракайбского похода создал ему непререкаемый авторитет. Когда он решился на никарагуанскую экспедицию, менее чем за три недели у него составила целая армада: семь кораблей, шестьсот с лишним человек.

Устье реки Сан-Хуан, соединяющей озеро Никарагуа с Карибским морем, отстоит на восемьсот двадцать морских миль от Тортуги. Паруснику тех размеров, на котором плавали флибустьеры, требовалось пять суточных переходов, чтобы одолеть такое расстояние, иногда меньше. Решающим тут было навигационное умение.

Отплывая в предыдущий поход (Маракайбо— Гибралтар), Олоне сказал своему компаньону Мигелю Баску:

— Я буду командовать на море, вы— на суше.

На самом деле суда вели два французских лоцмана, а Олоне проявил себя— и блистательным образом— в наземных операциях. Торгаши, указавшие ему путь на Гранадугу, снабдили его проводником-индейцем, который, как они утверждали, великолепно знал озеро Никарагуа и его окрестности. Но через море флотилию повел сам Олоне.

«Встречные ветры завели его суда в Гондурасский залив». Удивительно, как это несостоятельное утверждение было принято на веру почти всеми историками флибустьерства, в том числе и англичанами, обычно весьма строго подходящими к рассказам о мореплаваниях. Искусство хождения под парусами заключается в умении пользоваться ветром, в том числе и встречным. Район, по которому шел Олоне, никак не напоминает мыс Горн. Северный пассат дует здесь во всякое время года, и он, надо думать, мягко подталкивал флотилию к месту назначения. И то, что Олоне дал себя «сдуть» более чем на триста пятьдесят миль к северу от довольно короткого маршрута, говорило бы лишь о его полном

неведении в ориентировке — вещь немыслимая в ту эпоху для профессионала.

Еще более поразительно то, что, попав в Гондурасский залив, он запутался в нем, как муха в паутине, и проболтался там со всей своей флотилией больше года. Я убежден, что тут кроется какая-то тайна. Помощниками Олоне были Моисей Воклен и Пьер Пикардиец, каждый командовал кораблем, входившим в армаду; два года спустя Пикардиец во время похода с англичанином Морганом в Маракайбо (повторный грабеж испанских городов был частым явлением) проявил себя великолепным штурманом. И то, что ни многоопытный Воклен, ни он не смогли помочь Олоне вывести армаду из залива, не поддается объяснению.

Итак, плавание затягивается, провизия подходит к концу. Предводитель отдает приказ пристать к берегу; продовольствие добывают, нападая на индейские деревушки и крошечные испанские фактории. Хозяев-торговцев подвергают дознанию огнем и железом, но пожива в тайниках оказывается весьма скудной. Один из несчастных бродячих купцов, спасая шкуру, говорит, что в шести лье дальше в глубь континента лежит богатый город Сан-Педро.

В испаноязычных странах не менее полусотни городов носит название Сан-Педро. В данном случае речь шла о поселке, правда обнесенном укреплением с шестью орудиями, где находились склады индиго. Разумеется, обитатели этого Сан-Педро были наслышаны о флибустьерах Олоне, хозяйничавших в заливе вот уже многие месяцы. Поэтому они устроили на дороге к морю *засады* — ямы и завалы из деревьев, за которыми были скрыты стрелки. Аванпосты должны были слать гонцов к алькальду Сан-Педро, едва появятся пираты.

А вот и они. Гонец доложил: разбойники натолкнулись на первую засаду, перебили стрелков и продвигаются дальше. Еще он рассказал эпизод, коему суждено было пережить века. Видел ли он эту сцену собственными глазами или говорил с испанцами, которым удалось спастись, не имеет значения. Мы находимся сейчас у истоков легенды или полулегенды, отбросившей тень на всю историю флибустьерства.

Олоне, конечно, понимал, что испанцы не ограничились одной засадой. И ему важно было знать их местонахождение. Но взятые в плен солдаты отказывались говорить. «Тогда Олоне, вне себя от ярости, кинулся на одного из них, вспорол ему саблей грудь, вырвал оттуда сердце и вонзил в него зубы на глазах у остальных пленных. Те выдали тайну».

По другой версии, Олоне удовлетворился — если позволено

употребить такое выражение — лишь тем, что, надкусив вырван-ное сердце, бросил его наземь. Лежащая передо мной испанская гравюра, воспроизведенная во всех без исключения книгах по истории флибустьеров, изображает привязанного к дереву несчастного пленника со вспоротой грудью, явно еще не успевшего умереть, а рядом Олоне, силой всовывающего правой рукой вырванное сердце в рот другому оцепеневшему от ужаса испанцу.

Мне уже доводилось писать по поводу Монбара Губителя и по поводу резни, учиненной Олоне на борту испанского фрегата, что весь этот фольклор ужасов не мог родиться на пустом месте. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что с течением времени хронисты, историки и комментаторы не поленились добавить к нему собственных красок и приправить многими душераздирающими деталями. Пусть современный читатель сам решит, насколько все это правдоподобно.

Итак, флибустьеры, сметая все засады по дороге на Сан-Педро, атаковали селение, защищенное, как уже указывалось, шестью пушками. Вместо стен Сан-Педро был обсажен естественным частоколом из колючих кактусов. Надо видеть эти центральноамериканские кактусы, под которыми уместается *всадник*, чтобы убедиться: одолеть это природное препятствие, усиленное орудиями, — дело очень непростое. Порукой тому потери нападавших: двадцать убитых и тридцать раненых. Тем не менее Сан-Педро был взят.

Подробностей о его разграблении сохранилось немного. Есть лишь указания, что этот поход стал примером варварства морских разбойников. Жителей убивали и пытали; дома, церкви и монастырь были сожжены вместе со складами индиго. Этот товар ценился на вес золота, но флибустьеры не могли тащить тяжелую поклажу, предпочитая золото в монетах и изделиях. Зверства пиратов во многом были результатом их разочарования скудостью добычи. Испанцы умело использовали подобные факты в своей пропаганде, в результате чего отношение к флибустьерам изменила не только французская публика, но — и это самое главное — король Людовик XIV.

Завершив разбой, флибустьеры возвратились на берег, поскольку алькальд Сан-Педро в надежде успокоить ярость Олоне сообщил ему о скором прибытии гукора с ценным грузом. Речь не могла идти об индиго, поскольку судно ожидалось из Испании.

Гукор не появлялся. Флибустьеры принялись ловить с помощью сплетенных сетей морских черепах, вылезавших на берег откладывая яйца. Наконец на горизонте показался грот. Пираты бросились на суда, лихорадочно выбирая якорные канаты и ставя паруса.

После того как этот гукор был захвачен, на нем насчитали пятьдесят шесть пушек. Численность корабельной артиллерии у Олоне мне неведома. Интересно, что испанское судно вышло победителем из первого боя с пиратами, разыгравшегося к концу дня. Ночь прервала баталию. Гукуру не удалось ускользнуть в темноте, либо же его капитан был совершенно уверен в себе. Между тем флибустьеры были куда большими мастерами ночных вылазок, чем испанцы,— последние в суеверном ужасе утверждали, что у пиратов кошачьи глаза. Гукур, словно ослепший призраком, был взят на бордаж перед рассветом.

А два часа спустя флибустьерская армада взбунтовалась. Набитые орущими людьми шлюпки сновали от одного корабля к другому. Олоне на палубе своего флагмана пытался успокоить взбешенных капитанов, в первом ряду которых были Воклен и Пикардиец.

Бунт начался сразу же после того, как обследовали трюмы гукура: двадцать тысяч пачек белой бумаги и железные штанги, больше ничего. И это награда за полтора года скитаний после того, как они покинули Тортугу, чтобы грести золото лопатой в Гранаде!

— Пойдем дальше в глубь континента,— предложил Олоне.— Там наверняка добудем сокровища.

Если бы он вытащил саблю или вспорол кому-нибудь грудь, возможно, он сумел бы еще продлить свое командорство. Но это вялое предложение без конкретного адреса вызвало лишь свист и улюлюканье матросни. Капитаны покинули флагман, даже не попрощавшись.

Все же следует особо подчеркнуть, что в момент окончательного расставания (Воклен и Пикардиец перешли в стан раскольников) больше двухсот флибустьеров остались с низвергнутым предводителем. Олоне пришлось, правда, взять их всех на борт своего судна: больше никто из капитанов не пожелал оставаться в армаде. Раскольники ощущали себя внушительной силой. Они откопали и вытащили всю провизию, какая нашлась в развалинах Сан-Педро, собрали все, что удалось, в окрестных деревнях на побережье. Засим пять судов плюс захваченный гукур отвалили от берега курсом ост — домой, к Черепашьему острову.

После их отъезда Олоне обратился к оставшимся приверженцам. Он отказался от идеи похода в глубь континента.

— Обещаю вам: мы пойдем добывать Гранаду. Но вначале, я думаю, стоит вернуться на Тортугу. Нужно обязательно починить подводную часть корабля.

Он мог бы этого и не говорить. Долгое пребывание в теплых водах залива сделало свое дело. Корпус покрылся отвратитель-

ным слоем налипших водорослей и раковин, поэтому, когда Олоне поднял паруса, перегруженный корабль еле-еле тащился.

При выходе из залива им пришлось действительно столкнуться с сильным встречным ветром. Тощий запас провизии в трюмах не позволял идти более суток: двести пятьдесят человек на борту хотели есть и пить. Приходилось бросать якорь возле первой же деревни и обирать ее. Однако присутствие флибустьеров в заливе давно распугало всех прибрежных жителей. В их брошенных домах почти ничего не осталось. Корабль отваливал — до следующей остановки.

Олоне рыскал по курсу, но тяжелый корпус, обросший панцирем, плохо слушался руля. За день не успевали пройти и тридцати миль: приходилось вновь поворачивать к берегу в поисках пищи. Залив становился огромной тюрьмой. Долгие часы, а то и целые дни уходили у флибустьеров на то, чтобы раздобыть еду; они уходили далеко от берега и возвращались с пустыми руками, ибо за время хождений съедали то малое, что удавалось найти. Недели текли за неделями, и Тортуга, равно как и Гранада, превращалась в далекий, недостижимый мираж. Вольные добытчики питались теперь одними обезьянами.

Сколько прошло времени, прежде чем Олоне удалось выбраться из заклятого залива, никто не знает. Туман окутывает всю его последнюю драматическую авантюру. Протащившись с запада на восток вдоль песчаного побережья, он обогнул мыс Грасиас-а-Диос и начал спускаться южнее. Теперь он приближался к устью реки Сан-Хуан, ведущей в озеро Никарагуа. До реки остается каких-то сто миль. И тут слышится жуткий треск: Жан-Франсуа Но с размаху налетает на риф — третий по счету.

В этом месте я с сожалением должен оторвать читателя от повествования, чтобы вновь заняться критикой истории флибустьеров. «Судно Олоне разломилось пополам, наскочив на рифы, что возле островов Лас-Перлас в Панамском заливе» — такую фразу и именно в этой редакции мы встречаем во всех книгах, начиная с записок А. О. Эксмелина. Давайте взглянем на карту Центральной Америки. Действительно, архипелаг Лас-Перлас находится в Панамском заливе. То есть в Тихом океане. Получается, Олоне, выйдя из Гондурасского залива, перенесся со своим судном через Американский континент? Или обогнул мыс Горн? Как же тогда конец его авантюры вновь разворачивается в Карибском море?

Приходится признать, что многие поколения историков, завороченных, по всей видимости, подвигами Олоне, не нашли времени взглянуть на карту. Они просто аккуратно переписывали ошибочное указание первого летописца.

Дело тут вот в чем. Из контекста вытекает, что в третий раз Олоне наскочил на рифы, закрывающие вход в лагуну Лас-Перлас возле мыса под тем же названием примерно в ста милях севернее устья реки Сан-Хуан. Все — в Карибском море.

Потерпевшие крушение высадились на островке. Что делать? На востоке расстилалось пустынное Флибустьерское море, на западе — враждебный континент. Добраться до берега, сколотив плоты из разломанного корабельного корпуса и пальмовых стволов, не составило бы труда, но что означало достичь берега? Встретить испанцев или индейцев, то есть безжалостных мстителей: почти двухлетние бесчинства флибустьеров в этом районе никак не располагали к дружелюбному приему. Пираты понимали, что их ожидало.

Положение резюмировал Олоне:

— Спаситься можно только в море. Надо строить не плоты, а новое судно. За работу!

По правде, я не знаю, закончил ли Жан-Франсуа Но свою речь энергичным призывом: «За работу!» Я допускаю, что его авторитет был весьма поколеблен цепью неудач и что решение принималось долго и трудно. Подтверждает это факт, что работы тянулись очень вяло: постройка спасательного судна продлилась целый год.

Год они жили робинзонами. Построили хижины, ловили крабов, охотились на обезьян. Последние были единственной мясной пищей, а когда всех обезьян на островке выбили, остались лишь крабы. Флибустьеры решили сажать овощи. Один из них нашел разновидность бобов, которые в здешнем климате вырастали за шесть недель; пираты развели крохотные плантации, с ревливой тревогой следя за своими культурами. И это те самые люди, которые с гордым презрением отвергали предложения колонистов Тортуги остепениться и переключиться на занятие сельским хозяйством!

Мы не знаем, сколько в точности людей осталось с Олоне и каков был тоннаж большой барки, которую они наконец построили, чтобы выйти в море. Но как не счесть безумием идею отправиться на этом сомнительном суденышке «добывать Гранад»? Возможно, Олоне не мог решиться вернуться на Тортугу нищим и поверженным. Как бы то ни было, робинзоны покинули опустылевший островок в лагуне Лас-Перлас, спустились немного к югу и достигли устья реки Сан-Хуан.

«Они рассчитывали добраться на шлюпках до озера Никарагуа, однако нападением испанцев и индейцев были отогнаны с полпути». Далее нам придется полагаться на рассказ одного или нескольких уцелевших участников похода; имена их не

сохранились, так что проверить достоверность данной версии или легенды не представляется возможным.

Два года спустя англичанин Морган, чьи авантюры известны во всех подробностях, сумел пройти по реке Сан-Хуан только благодаря помощи местных индейцев, люто ненавидевших в ту пору испанцев. Возможно ли, чтобы те же самые индейцы были союзниками испанцев в сражении против Олоне? На этот вопрос нет ответа. Поэтому проследим за концом походов Олоне, потерявшего в бою большую часть своего отряда. Отброшенный к морю, он не двинулся домой по той самой причине, что заставила его столько времени болтаться у берегов Центральной Америки и потерять на рифах свой корабль: у него не было провизии на обратный путь. Он снова рыщет у побережья, поворачивая то на юг, то на север, то на юго-запад, а то на северо-восток. В результате случилось то, что и должно было произойти: скрежет днища, треск мачты — и Олоне вновь сидит на рифе. В четвертый раз. Перед ним горстка островов Бару, чуть южнее Картахены.

Не будем упрекать капитана в дурном судовождении. Возможно, что на сей раз он намеренно совершил крушение. Картахена — одна из самых могучих твердынь Испанской Америки; для Олоне она означала плен и вслед за тем виселицу или гарроту. Поэтому легко понять, почему он не хотел приближаться к ней — если предположить, что он точно знал, где находится, — со столь малыми силами и «без всякого снаряжения». С палубы своего судна он не мог заметить прячущихся в густой растительности индейцев, их большие луки и оперенные стрелы.

Индейцы. Этим именем называют несколько народов, так что нет нужды говорить, сколь отличались они между собой, тем более в разные времена. Были мирные индейцы, ставшие жертвами первых конкистадоров, — трогательные персонажи из записок Лас Касаса. Но были и воинственные племена, ставшие таковыми после контактов с белыми завоевателями. Устремления пришельцев они понимали прекрасно и поэтому вели себя соответственно.

— Вот он, бог испанцев! — воскликнул один индейский вождь, показывая горшок с золотом. Он приказал расплавить проклятый металл и влить его в глотку несколькими попавшим ему в руки идальго.

В ту эпоху, когда Олоне посадил на риф свой четвертый корабль, обитатели островов Бару слыли самыми свирепыми из «немирных» индейцев *браво*. Можно представить себе, как они молча смотрят из-за деревьев на две-три дюжины оборванных людей, с трудом вылезших на берег. Обросшие бородами лица

обращены к неведомому лесу. И оттуда вылетает туча метких стрел — индейцы умели сразить из лука птицу на лету, а уж люди представляли собой идеальную мишень.

Тем не менее кто-то должен был остаться в живых, поскольку нам известен вошедший в анналы Флибустьерского моря конец Жан-Франсуа Но по прозвищу Олоне. Разбойник был разрублен на куски и съеден. Этот мрачный банкет состоялся, по всей видимости, в 1671 году. Олоне был тогда сорок один год.

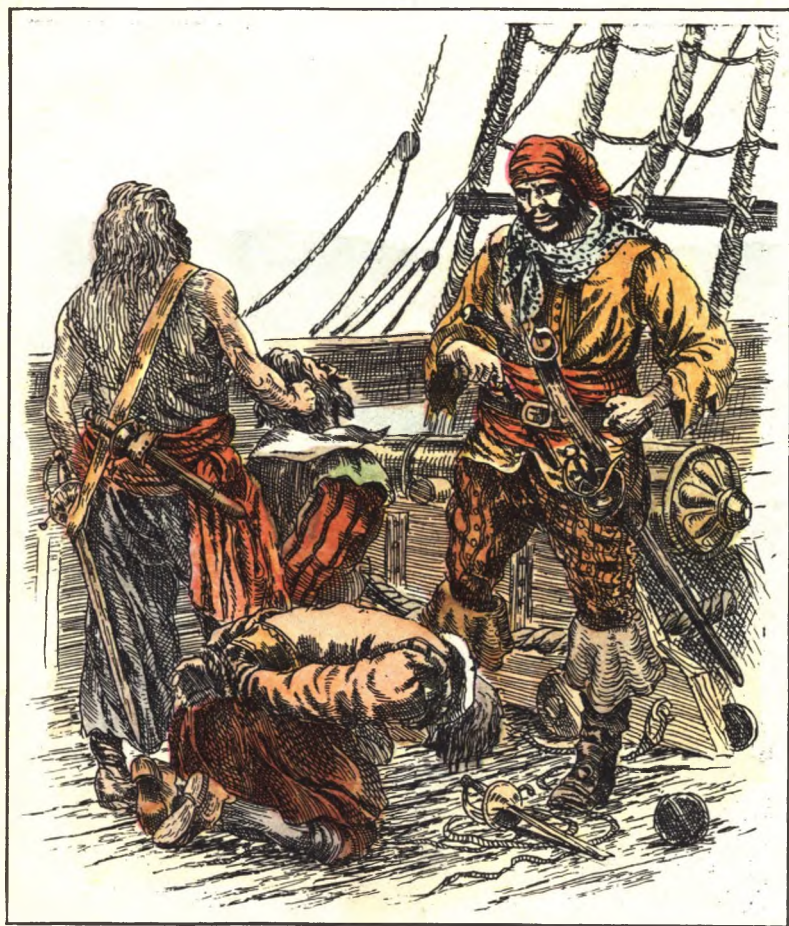
Нельзя сказать, что смерть Олоне знаменует собой конец истории французского флибустьерства. Однако характер действий вольных добытчиков несколько меняется с уходом этого знаменитого пирата. Мы больше не встретим столь чудовищных насилий и кровавых «подвигов». Открывается новая эпоха. И символом ее становится человек, сделавший блистательную карьеру во Флибустьерском море: речь идет об англичанине Генри Моргане.

ВТОРАЯ ЭПОХА

**Генри
Морган,
властелин
Флибустьерского
моря**

В тот день рабы в городе Сантьяго-де-лос-Кабальерос на Санто-Доминго встали, как обычно, до света, чтобы на заре быть уже на плантациях. Занимавшийся день был средой на первой неделе великого поста года 1659-го от рождества Христова. Хижины негров, покосившиеся и убогие, лепились при въезде в город вдоль дороги к морю. Издали доносился возбужденный лай собак, будто учуявших нечто необычное.

Сантьяго насчитывал две тысячи душ. В те времена это был захолустный городок с губернаторским «дворцом», несколькими церквями и многочисленными купеческими лавками.

Жители прекрасно знали, что группа флибустьеров француз-

ского происхождения обосновалась на западном побережье острова, но испанцы укрепились во всей остальной его части. Сантьяго помещался почти в центре Санто-Доминго, и жители успокоенно думали: «Уж здесь-то мы в безопасности».

Ночь выдалась безлунная, но звезды ярко сверкали на небосводе, померкнув лишь на востоке, где уже занималась заря. Собаки просто заходились от лая.

Первые негры, выбравшись из хижин и немного привыкнув к полумраку, заметили какую-то темную массу, почти бесшумно двигавшуюся по дороге. Это был крупный отряд.

Часть рабов тут же вернулась назад в хижины, не желая принимать участия в событиях. Пусть испанцы, обращавшиеся с ними хуже, чем с собаками, сами разбираются с пришельцами. Таково было отношение большинства невольников к жестоким хозяевам.

Однако кое-кто успел усвоить психологию верных псов. Они, громко вопя, помчались поднимать тревогу в городе. Раздался залп, и беглецы рухнули в пыль: глаза пришельцев освоились с темнотой и были по-совиному зорки.

На улицах Сантьяго захлопали ставни и двери, треснуло еще несколько выстрелов. Все. Город был занят за считанные минуты.

Губернатор трясущейся рукой зажег свечу у изголовья — он не успел даже встать с постели. Пламя высветило обнаженные клинки: в опочивальне стояло не меньше дюжины вооруженных незнакомцев.

— Готовься к смерти!

Губернатор в ночной рубашке рухнул на колени:

— Пощадите! Я отдам все, что попросите!

— Шестьдесят тысяч пиастров.

— Вы их получите.

Флибустьеров, приплывших с Тортуги, было четыреста человек. В группе, захватившей губернаторский дворец, выделялся рыжий коренастый человек на вид лет двадцати, явно недюжинной физической силы.

Предводитель флибустьеров отдал распоряжения. Губернатор и несколько богатых горожан были взяты заложниками в ожидании выкупа. Мужчинам запретили выходить из домов, женщинам и детям позволили покинуть город. После этого главарь отдал на сутки город на разграбление, наказав брать только легко переносимые вещи. Основные ценности находились в церквах, поэтому начали с них.

— Снимем колокола — потом расплавим их на пули!

— Нет-нет! Это будет наш дар храму на Тортуге.

По приказу главаря колокола оставляют в покое. Во второй половине дня после роскошного обеда на свежем воздухе он велит выступать. Это был четверг на страстной неделе.

— Выкуп прибывает с минуты на минуту,— испуганно твердили заложники.— Наши жены предупредили родственников и друзей, они соберут деньги.

— Прекрасно. А пока вы отправитесь с нами.

По дороге к морю пиратскую колонну уже ждали, но не носильщики с выкупом, а испанский полк в тысячу солдат. Четыремстам флибустьерам не удалось бы прорваться с боем. Поэтому после первой перестрелки между враждующими сторонами начались переговоры, перемежаемые угрозами.

— Перебьем заложников, если не удалитесь!— кричали флибустьеры.

— Освободите их, тогда пропустим вас к берегу!

— Мы еще в здравом уме. Заложников освободим за выкуп, и только когда доберемся до кораблей. А сейчас— прочь с дороги, иначе им всем будет худо!

Испанские командиры собрались на совет. В результате полк прекратил огонь и отошел на некоторое расстояние. Флибустьеры со всей добычей и пленными добрались до берега и стали ждать там выкупа. Прошло несколько дней. Заложники заламывали руки:

— Еще немного терпения, умоляем! Деньги вот-вот придут.

Деньги так и не прибыли. В конце концов произошло событие, беспрецедентное в истории флибустьерства: заложники были освобождены без выкупа и, осыпаясь проклятиями, плача от нежданного счастья, отправились по домам.

Рыжий здоровяк, которого мы видели мельком в губернаторских покоях, проявил железную выдержку в бою с испанским полком. Его имя было Генри Морган, он плохо говорил по-французски. Впрочем, он вообще не отличался многословием. Позже, вспоминая об этом деле в Сантьяго-де-лос-Кабальерос, он скажет, что вынес из него для себя немало полезного. Уроки нападения на Санто-Доминго заключались в следующем.

Захватив богатого горожанина, могущего заплатить выкуп, надо всегда начинать с угрозы немедленной смерти, а затем запрашивать огромную сумму. Морган был удивлен, услышав, как губернатор легко согласился отдать шестьдесят тысяч пиастров. Было ошибкой отпускать женщин и детей. Следовало запереть всех в одном помещении и начать пытать купцов— выкуп появился бы из-под земли.

Десятки тысяч уроженцев Уэльса носят фамилию Морган. Несколько десятков ученых-валлийцев посвятили долгие годы упорного труда прояснению биографии своего знаменитого соотечественника. Генри Морган родился в 1635 году (дату никто из исследователей не оспаривает) в местечке Пенкарн, что в графстве Монмутшир, или в Ланримни, между Монмутширом и Гламорганширом. Сам герой без дальнейших уточнений объявил себя уроженцем графства Монмут в Валлийской Англии.

Семья его с довольно обширными родственными ответвлениями принадлежала к зажиточным земледельцам. Но Генри Морган, подобно многим другим современникам, не пожелал жить в провинциальной глуши, а отправился за море искать счастья в Вест-Индии. Подобно Эксмелину, он завербовался на работу в колонию Барбадос — остров стал английским владением в 1605 году. Британские колонисты, превосходившие в алчности своих французских коллег, требовали за проезд в Новый Свет отслужить у них на плантациях не три, а целых пять лет. Жизнь вербованных на Барбадосе была ничем не лучше жизни на Тортуге: беспросветная каторжная работа.

Став впоследствии богатым и знаменитым, Морган отрицал, что его по прибытии на Барбадос продали в рабство: «Никогда ни у кого не был в услужении, а лишь на службе у Его Величества покойного короля английского». Это явная ложь, придуманная из соображений престижа. В 1658 году в возрасте двадцати трех лет Морган перебрался с Барбадоса на Тортугу, где прожил пять лет. Об этом периоде он никогда не вспоминал и ничего не рассказывал, поскольку был там рядовым разбойником, а это тоже негоже для будущего флотоводца. Надо полагать, что тесное общение с портовым сбродом и участие в жестоких набегах освободили его от остатков порядочности и морали, если таковые и воспитывались в нем в юные годы.

В 1664 году, узнав, что его дядя, полковник Эдвард Морган, получил назначение на пост вице-губернатора Ямайки, он с первой же оказией отправился туда. Когда судно, на котором он прибыл, бросило якорь в вытянувшейся полумесяцем бухте Порт-Ройяла, Генри Морган почувствовал, что это место уготовано ему судьбой.

Индийское название Ямайки — Шаймала, что означает «край вод и лесов». Площадь этого гористого, покрытого лесами острова соответствует двум французским департаментам. Небольшая экспедиция, посланная Кромвелем в 1655 году, отбила его у испанцев. Любопытно, что это были прямые наследники Колумба, которому остров был пожалован в качестве королевского подарка. К 1664 году эта английская колония выглядела куда

представительнее в сравнении с гнездом французских флибустьеров на Тортуге. Город был значительно многолюднее, а порт — шире. Даже сегодня Кингстон, выросший на месте сгнувшего Порт-Ройяла, считается среди моряков одним из лучших портов мира. А в те времена у длинного дощатого причала теснилось множество кораблей, пришедших с грузом или ожидавших его. На берегу черные рабы и испанские пленники строили дома. Таверны — мрачные, дурно пахнущие притоны — стояли рядами вдоль пляжа. Их было куда больше, чем на Тортуге, а просторные залы вмещали сколько угодно народу, так что желающим не приходилось прокладывать путь к столу кулаками или дожидаться на улице, пока освободится место. Женщин всех цветов и оттенков кожи тоже было вдоволь, в целом они не отличались от тех, что промышляли на Тортуге. Но кроме них во время вечернего променада у моря здесь можно было видеть и богато разодетых дам с пышными прическами.

Сэр Томас Модифорд был прислан губернатором на остров в 1664 году, когда между Англией и Испанией воцарился непрочный мир. В Лондоне он получил официальный наказ покончить с политикой, которую вели его предшественники, иными словами — прекратить бесчинства флибустьеров. Но каллиграф, переписывавший эти инструкции, как и все вокруг, прекрасно знал, что министры двора его величества да и сам король (это был слабоумный Карл II) были бы неприятно поражены, если бы получатель сего документа вздумал действительно принять его за руководство к действию.

Подобно Тортуге, Ямайка числилась по административному делению колонией; на самом деле остров был прежде всего прибежищем пиратов. Купцы Порт-Ройяла скупали у флибустьеров церковную утварь, ткани и прочие товары, которые затем перепродавали втридорога в Европе. Губернаторы покровительствовали вольным добытчикам, аккуратно взимая положенную долю. Внушительное количество подарков, подношений и просто взяток периодически отправлялось к королевскому двору в Лондон.

Ямайка занимала еще более выгодное, чем Тортуга, стратегическое положение. Остров походил на заряженную мину, брошенную в самую гущу испанских владений в Центральной и Южной Америке. Санто-Доминго и Куба, Флорида и Мексика — все было рядом. Остров лежал в каких-нибудь ста восьмидесяти морских лье от Панамы, куда свозили сокровища Золотых флотов. Правда, Панаму отделял от Флибустьерского моря перешеек, но, как мы увидим, это ее не уберегло.

Ямайка фактически была аванпостом Британской колониаль-

ной империи, которой суждено было позже раскинуться по всему земному шару. В 1664 году, естественно, никто не мог предвидеть подобного разворота событий.

Менее чем через год после прибытия в Порт-Ройял Генри Морган благодаря протекции дядюшки вице-губернатора стал капитаном и владельцем корабля водоизмещением пятьдесят тонн, с несколькими пушками на борту. Это судно, далеко не новое и успевшее побывать в передрягах, стало любимым детищем молодого капитана.

Той весной к нему в каюту явились два других капитана, Моррис и Джекман.

— Несколько испанских шаланд, груженных кампешевым деревом, стоит у мексиканского берега,— сказал Джекман.— Бухта нам хорошо известна. Мы намерены добыть этот груз. Если угодно, можете присоединиться к походу.

— Дерево?

Морган, конечно, знал о баснословной стоимости кампешевого дерева в Европе. Но его мечты притягивало золото. Джекман увидел, как лицо собеседника тронула снисходительная улыбка. Он улыбнулся в ответ, показывая черные зубы:

— Ничто не помешает нам по дороге собрать пригоршню монет в рыбацких деревнях.

Пригоршню. Морган понял намек и сдержанно кивнул в знак согласия. Настоящий добытчик не должен отказываться от любой, самой малой возможности. А за минувшие несколько недель ему не было сделано ни единого предложения. Три десятка молодцов, составлявших экипаж Моргана, уже начали косо поглядывать на него, считая, что капитан-владелец ждет неведомо чего.

Небольшая экспедиция двинулась в путь. Вскоре возле берега показали испанские шаланды с ценной древесиной. Их владельцы безмятежно ожидали прихода испанского фрегата, назначенного сопровождать их. Добыча была взята без единого выстрела, экипажи суденышек посажены под замок в трюм, а Моррис, старший по возрасту из трех капитанов, пригласил коллег отобедать в его каюте.

— Теперь можем двинуться вдоль берега к югу,— предложил он.— Испанские селения здесь плохо укреплены, гарнизоны малочисленны, помощи им ждать неоткуда: позади сплошная сельва. Мы можем спокойно «добывать» их без всякого риска, если только в море не появятся испанские корабли. А ежели таковые появятся, действовать будем сообразно с обстановкой.

Моран задумчиво смотрел сквозь откинутый люк на низкий берег, окаймленный пеной прибоя, на россыпь островков.

— У меня другая мысль,— промолвил он.— Надо послать гонца в Порт-Ройял с одной из шаланд или поехать кому-нибудь из нас — просить у губернатора подмоги. Собраться здесь всем и вместе идти на Мехико. Если сумеем сделать это быстро, застанем испанцев врасплох. А в Мехико добудем Камору сокровищ.

В те времена при одном упоминании о Каморе сокровищ в Мехико на несколько секунд наступала тишина и почти отчетливо слышалось сердцебиение присутствующих. Оба сотоварища Моргана реагировали так же. Но затем из их ответов валлиец уразумел, что пылкое воображение занесло его слишком далеко.

Рейд на Мехико потребовал бы огромных сил. Пока бы армия собиралась, испанские лазутчики успели бы сообщить о ней властям. А пытаться совершить марш-бросок через сельву небольшим отрядом — пустая затея. По всем этим причинам губернатор Ямайки безусловно не одобрит подобное предприятие и уж, конечно, не выделит для него людей. Тем более, если идея грандиозного похода будет исходить от простых капитанов.

Морган не стал настаивать.

Разбойное плавание, которому предалась затем экспедиция у атлантического побережья Мексики, мало заняло его. Он отметил лишь одну существенную деталь, о которой знал раньше, но не придавал ей значения: повсюду индейцы выказывали расположение к флибустьерам и лютую ненависть к испанцам.

В месте впадения в море реки Табаско, в южной части Мексиканского залива, группа индейцев вышла встречать пиратский десант. Около сотни человек тут же вызвались сопроводить их к Вилья-Эрмосе, селению в двенадцати лье от берега. Селение было разорено, но на обратном пути флибустьеры натолкнулись на отряд в триста испанцев, поджидавших их на берегу и успевших занять их суда. Бой развернулся прямо на пляже под проливным тропическим дождем. Последнее обстоятельство затруднило действия испанских мушкетеров: порох отсырел. Обрадованные флибустьеры бросились врукопашную, а во владении холодным оружием им не было равных, тем паче что единственной надеждой остаться в живых было для них пробиться к кораблям. Испанцы дрогнули и отступили.

Короткое время спустя возле Белиза (уже в наше время Белиз стал независимым государством) тридцати пиратам удалось захватить маленький порт Рио-Гарта и все свезенные туда на рынок товары (был как раз базарный день). Дальше к югу та же участь постигла Трухильо и еще несколько портов и селений.

Берег медленно проплывал по правому борту, часто наполо-

вину скрытый завесой дождя и тяжелыми свинцовыми облаками. В бухточке или устье реки показывалась группа домов, обычно окруженных хижинами невольников. Флибустьерским судам оставалось лишь поднять повыше паруса, и услужливый вест тут же подгонял их к берегу. Обитатели господских домов успевали скрыться в лесу еще до того, как корабли утыкались носом в песок. Обычно грабеж начинали с церкви; кстати, сплошь и рядом никакой другой поживы не оказывалось. Генри Морган исполнял эту рутинную работу без всякого вдохновения, но решительно и четко. Из составленного позже ямайским губернатором отчета можно заключить, что валлиец выказал себя в этой экспедиции наиболее умелым из трех капитанов.

Встреченные ими индейцы были настроены благожелательно, и Морган воспользовался этим в целях разведки. Посланные к устью реки Сан-Хуан индейцы, вернувшись, настойчиво повторяли название Гранада.

Река Сан-Хуан, соединяющая озеро Никарагуа с Атлантическим океаном, ныне служит границей между республиками Коста-Рика и Никарагуа.

Ни Морган, ни его сотоварищи никогда не слышали о Гранаде — кроме той, разумеется, что расположена в Испании. Индейцы же убедительно твердили о некоей Гранаде, стоящей на берегу очень большого озера в глубине материка. В это озеро можно попасть на пироге, поднявшись вверх по течению реки Сан-Хуан. Гранада, судя по всему, была крупным городом, ибо индейцы показывали на пальцах, что в нем насчитывается семь церквей.

Демон жадности свербил в мозгу у флибустьеров, но перипетии пути до Гранады заставляли серьезно задуматься. Морган в который раз выпрашивал у индейцев подробности. Выходило, что до озера Никарагуа никак не меньше ста пятидесяти километров по реке Сан-Хуан плюс столько же по озеру до Гранады. Индейцы не пользовались мерами длины, принятыми в то время, они исчисляли расстояния в *днях* — днях пешего хода или на пироге. Флибустьеры понимали, что двигаться им придется скрытно, а это еще больше удлиняло поход. Поэтому, несмотря на перспективу завладеть сказочной добычей, Моррис и Джекман колебались.

Морган твердо настаивал:

— Мы должны пойти туда.

Спутники в конце концов согласились.

Сто человек составили экспедиционный корпус, тридцать были оставлены охранять корабли. Отряды пожелали друг другу удачи — каждый думал, что другому она понадобится больше...

Свыше недели провели они в индейских пирогах. Река Сан-Хуан была судоходна, кроме мест, где русло перегораживали пороги. Приходилось высаживаться и вытягивать посудины на крутой, заросший непроходимой сельвой берег. И на воде и на суше флибустьеры соблюдали осторожность. По мере продвижения в глубь испанской провинции проводники становились все более внимательными. Обычно гребли с рассвета до полудня, днем прятались и вновь пускались в путь с приближением сумерек.

Индейцы знали местность до мельчайших подробностей, особенно участки, где можно было устроить дневку или ночлег. В первый же вечер флибустьерам стало ясно, что без проводников они бы сгнули в тропическом лесу: бросив камень, индеец отогнал затаившегося аллигатора в тот самый момент, когда первый пират собирался спрыгнуть в тину. Страшилища были невидимы в жидкой грязи, а те, что днем грелись на отмели или речных островках, казались обрубками стволов. Но, заслышав плеск весел, «бревна», щелкнув страшными челюстями, ловко соскальзывали в воду.

В последний день сельва просветлела сразу по обоим берегам: флотилия вошла в озеро Никарагуа. Озеро выглядело подлинным голубым морем, противоположного берега не было видно. На зеленых лугах паслись коровы и лошади, чуть дальше виднелись фруктовые деревья. Вдали таяли вершины высоких гор, над которыми курился дым. Когда пираты вполголоса стали восторгаться дивным ландшафтом, индейцы-проводники объяснили, что для них это райское место было равнозначно аду. Тех, кто отказывался стать рабом, испанцы безжалостно истребляли, как зверей; единственная отличительная черта охоты на людей заключалась в том, что, поймав строптивца, его крестили и лишь потом закалывали. Индейцы откочевали дальше к востоку в сельву, где они чувствовали себя как дома.

Сегодня озеро Никарагуа бороздят пузатые рыбацьи баркасы под рыжими парусами. Случается, что они все разом вдруг мчатся, кренясь из стороны в сторону, к берегу,— это рыбаки, заметив, как меняется цвет неба и отклоняется в сторону султан дыма над вулканом Сантьяго, угадывают приближение *чубаско*, внезапного порыва ветра чудовищной силы. Когда он налетает, высокие кокосовые пальмы пригибаются чуть ли не до земли, а поверхность огромного озера вскипает, как молоко на плите. Оказаться в это время на воде означает неминуемо погибнуть, если не от стихии, то от *тибуронов*, местной разновидности пресноводных акул, достигающих весьма внушительных размеров.

Множество вулканических островков усеивает озеро. Днем флибустьеры и проводники прятались там, а ночью гребли, держа курс норд-вест. По счастью, стояла хорошая погода, без ветра. При свете звезд на небольшой глубине иногда возникали силуэты тибуронов с несоразмерно большими головами — хищники кружили вокруг пирога в ожидании поживы. Переход через озеро занял пять ночей.

С наступлением шестой ночи индейско-флибустьерская экспедиция сошла на берег. Бледный свет восходящей луны серебрил добычу; она лежала перед вооруженными до зубов людьми белая и прекрасная, точно такая, как ее описывали индейцы, — можно было различить даже семь церковных колоколен. Все спали, не доносилось ни звука. Флибустьеры дрожали от возбуждения, глядя на большие каменные здания. Гранада была построена сто лет назад и к тому времени насчитывала три с половиной тысячи душ.

Загавкали проснувшиеся собаки, но было уже поздно: при-выкшие к ночной ходьбе пираты уже вышли на центральную площадь, где были собраны восемнадцать пушек — огневая мощь городского гарнизона. Возле них ни часового, ни кого-нибудь из орудийной obsługi; никто не охранял ни казарму, ни пороховой склад. Первые солдаты, полуодетые и взъерошенные ото сна, были подстрелены, как куропатки при свете луны. Улицы наполнились призраками — заметались обезумевшие от страха мужчины и женщины в ночных рубахах. Никто не мог понять, что происходит. Флибустьеры, громко хохоча, тычками загнали человек триста в собор, остальные разбежались куда глаза глядят. Индейцы тяжелым взглядом смотрели на своих вчерашних истязателей. Они не смеялись. Нападавшие не потеряли ни одного человека. Губернатора пока не могли сыскать.

Грабеж, методично проходивший по указаниям Моргана, длился шестнадцать часов. Это время потребовалось на то, чтобы вытащить из церквей кресты и чаши, а из домов — деньги, золотую и серебряную посуду, драгоценности, золоченое шитье, шелка и бархат. Гранада была подлинной сокровищницей. Когда стало ясно, что сотне флибустьеров ни за что не унести всю добычу, индейцы вывались проводить их назад до кораблей. Одна мысль о том, что богатства, отобранные у них испанцами, уйдут в другие руки, доставляла им несказанную радость. Они огорчились лишь, когда Морган распорядился выпустить пленников из собора. Индейцы хотели рассчитаться с мучителями, особенно со священниками, у которых для «неверных» было одно средство — костер. Капитанам пришлось объяснить, что, поскольку англичане не предполагали в обозримом будущем укрепиться

в Гранаде, следовало свести до минимума репрессии, которые испанцы неминуемо обрушат после их ухода на индейцев.

Таинственным образом весть о триумфе намного опередила возвращение победителей. Причалы Порт-Ройяла и знаменитый вытянувшийся полумесяцем пляж были до отказа заполнены народом, когда три корабля экспедиции вошли в гавань. Подтянув паруса, они с торжественной медлительностью приближались к дому. Тучи роняли редкие крупные капли.

В толпе говорили, что трюмы судов доверху забиты чистым золотом. Возможно, кто-то шутя обронил подобную фразу, когда суда пиратов обогнала легкая барка. Но для легенды хватило и намека.

А вот факты. Принятый незамедлительно губернатором Морган сообщил ему, что экспедиции пришлось оставить половину сокровищ Гранады на месте: взяли лишь столько, сколько могли унести. Выяснив, сколько составляет причитающаяся ему часть добычи, сэр Томас отправил реляцию в Лондон своему родственнику, министру колоний герцогу Альбемарлю. Сэр Томас приводил в ней резоны, побудившие его нарушить инструкции, данные ему при вступлении в губернаторскую должность, и делал следующий вывод: «Центральная Америка представляется ныне наиболее удобным местом для нападения на Испанские Индии»*.

На берегу Генри Морган узнал печальную весть: его дядюшка Эдвард погиб при высадке на Сен-Стефан, принадлежавший голландцам маленький островок к востоку от Виргинского архипелага. Судя по рассказам, «скорбь он выражал в рамках приличия». Что ж, сэр Эдвард сыграл свою роль в карьере племянника. Ему уже было больше шестидесяти лет; по тогдашним меркам он прожил свой век с гаком.

Герои никарагуанского похода еще распивали свой первый боценок, когда Моргана вновь призвали в губернаторский дворец. Рядом с сэром Томасом его ожидал адмирал английских флибустьеров Эдвард Мансфельт.

— Капитан Морган, — сказал Мансфельт, — я предлагаю вам стать моим заместителем.

«Старый Мансфельт». Имя этого знаменитого флотоводца гремело по всему Флибустьерскому морю. Человек, беседовавший сейчас с Морганом, был голландец, уроженец острова Кюрасао. Давно примкнув к ямайским флибустьерам, он проявил блиста-

* До XVIII в. испанцы называли Америку Индиями или Западными Индиями. Англичане и голландцы называли Вест-Индией лишь Карибскую Америку.

тельный талант на суше и на море, за что был пожалован званием адмирала. Любопытно, что, несмотря на громкую репутацию, мы ничего не знаем о совершенных им подвигах. *Намеки*— это все, что нам удалось выудить из исторической пыли.

Морган, конечно, знал подробности карьеры Мансфельта, и, когда адмирал предложил ему место заместителя, на лице губернатора сэра Томаса появилась одобрительная, милостивая улыбка. Стать вице-адмиралом под началом столь прославленного героя— высокая честь. Было от чего закружиться голове у человека, который всего тремя годами раньше был безвестным пиратом, рядовым «парнем с Тортуги». Естественно, что Морган ответил согласием.

Тут же ему была изложена цель ближайшей экспедиции. С января 1665 года Англия и Голландия официально находились в состоянии войны. Из Лондона поступил приказ нанести как можно более чувствительные удары по голландским заморским владениям. Крохотный островок Сен-Стефан, где располагались богатейшие склады, был уже разграблен и сожжен. Теперь предстояло предать огню и мечу Кюрасао.

Пятнадцать кораблей под командованием старого адмирала и его новоиспеченного заместителя вышли в море ясным январским утром 1666 года; погода стояла чудесная, тянул легкий бриз. Поначалу эскадра двинулась к рифам возле кубинского побережья.

Коралловые рифы— образования, едва выступающие над поверхностью океана,— окружают многочисленные островки с пышной растительностью невдалеке от жемчужины Карибского моря— Кубы. Некоторое число флибустьеров с Тортуги, работавших на собственный страх и риск, соорудили временные убежища в этом океанском лабиринте, где они могли спокойно отсиживаться, не рискуя напороться на неприятный сюрприз. Мансфельт рассчитывал рекрутировать их для пополнения своих рядов. Добрых две недели его армада стояла на якоре или лежала в дрейфе, пока старый адмирал, его заместитель и капитаны кружили на яликах между рифами, щедро рассыпая обещания и посулы и не жалея при этом казенной водки. Переговоры закончились впечатляющим успехом. Мансфельт взял курс на Кюрасао.

Точнее, отойдя от рифов, он обогнул западную оконечность Ямайки, а оттуда повернул на юго-восток, лавируя на осте. Кюрасао показался на горизонте после недели плавания.

Остров представляет собой длинный скалистый выступ со столообразной поверхностью, увенчанный несколькими холмами, самый высокий из которых не доходит до четырехсотметровой

отметки. Кюрасао не слыл среди флибустьеров «золотым дном», но участники похода надеялись, что патриотическое мероприятие не обернется для них пустыми хлопотами и кое-что перепадет в их кубышку. Кстати, Мансфельт им сообщил, что голландский остров будет первой, но не единственной целью экспедиции. Вероятно, затем они двинутся к настоящей поживе, то есть к испанским владениям.

Но, каковы бы ни были дальнейшие планы, первейшей целью было обрушиться на врага, как удар молнии. Голландцы на Кюрасао, безусловно, держались настороже после разграбления Сен-Стефана. Поэтому на палубах пиратских судов радостные выклики сменились тишиной удивления, когда адмиральский флагман, нацелившийся было на северное побережье Кюрасао, вдруг круто повернул. Что задумал старый Мансфельт? Выбрал другую точку для атаки? С расстояния в три мили различить что-либо на берегу было невозможно, но голландцы непременно должны были засечь эскадру. А странный маневр давал им лишнее время на подготовку.

Нападающие несколько успокоились, когда флагман, обогнув северо-западную оконечность острова, двинулся вдоль побережья, обращенного к континенту. Однако берег кончился, и адмирал, по-прежнему держась от него на дистанции в несколько миль, снова вышел на прежнюю позицию. К чему водить хоровод вокруг Кюрасао?

Дисциплина на судах и взаимоотношения между командирами и экипажем, между каютами и кубриком существенно изменились за прошедшие эпохи. Герман Мелвилл прекрасно показал в «Белом ките», что на борту американского военного судна XIX века матросы в глазах офицеров с шевронами были быдлом, сбродом, приказанию которому отдавались с помощью ругани и плетки; рядовым членам экипажа не приходило даже в голову осведомиться о месте назначения, изменениях в курсе или перипетиях плавания.

Подобная картина наблюдалась, с небольшими послаблениями, и позже. Когда я был рядовым матросом, телесные наказания давно уже исчезли из уставов и даже из практики, но каждый раз отход корабля и смена курса были для нас полной неожиданностью. Нашей единственной задачей было исполнение приказа, и мы были счастливы, если удавалось получить обрывки зачастую противоречивых сведений от унтер-офицеров, окриками заставлявших нас шевелиться быстрее. Позже, особенно на союзных судах во время второй мировой войны, подобный абсолютизм смягчился. Командование осознало, что человеческое существо не машина и от людей можно добиться гораздо

большого хорошим обращением, в частности хотя бы говоря им, куда направляется корабль.

Мы имели случай убедиться ранее в том, что протест входил в обычаи вольнолюбивых рыцарей флибустьерского промысла у всех экипажей, в особенности у набранных из «береговых братьев». Разбойничий аппетит не мешал им чувствовать себя собратьями по общему делу, несмотря на частые кровавые драки; поэтому, соглашаясь признавать авторитет капитана на период плавания и во время боя, они требовали в остальном равноправия. Назначенный губернатором адмирал был в свое время избран ими на пост вожака, он оставался в известной степени их ровней, хотя все признавали за ним право в случае надобности застрелить ослушника или отрубить головы бунтовщикам. Их концепция власти напоминала одновременно структуру вольной дружины и преступной банды. Во всех случаях они считали, что главарь — капитан или адмирал — обязан время от времени давать им объяснения по поводу принятых им решений.

Меж тем необъяснимое крейсерское плавание Мансфельта в виду Кюрасао продолжалось уже несколько дней. Немного бы нашлось капитанов, которые взяли бы на себя смелость поступить подобным образом. И тот факт, что на палубах не слышалось ропота, показывает, сколь велик был авторитет адмирала-предводителя. Конечно, по эскадре ходило множество слухов:

— Ожидается прибытие голландской флотилии с богатым грузом, и Старик хочет заодно захватить его... Старик получил приказ держать блокаду острова, и мы все передохнем здесь от голода, больше нет мочи болтаться в море... Да нет, ночью с острова подошла шлюпка с парламентарями. Старик знает, что голландцы хотят сдаться, и тянет время, чтобы взять с них побольше...

И так далее в том же духе. Капитаны, когда к ним обращались с вопросами, лишь пожимали плечами, нетерпеливо поглядывая на адмиральский корабль, ожидая вот-вот увидеть на фале сигнал.

Сигнальный флаг был поднят лишь на четвертый день; вице-адмиралу приказывалось прибыть на борт флагмана.

Когда он возвращался на свой корабль, сорок загорелых почти дочерна физиономий, свесившись через планширь, сверлили его вопрошающими взорами.

Морган коротко бросил:

— Отваливаем. Идем потрошить испанцев.

В ответ раздался дружный радостный вопль. Еще бы! Ведь карательная экспедиция против Кюрасао была лишь нагрузкой к

настоящему походу, коего жаждали их истосковавшиеся по добыче сердца. Испанские владения манили тусклым блеском золота — наградой за все тяготы предшествующих недель. Новость мгновенно облетела корабли, и экспедиция на всех парусах двинулась курсом вост. Длинный скалистый остров вскоре растаял на горизонте.

Надо полагать, пираты провожали его не без сожалений: «Повезло этим канальям — отделались легким испугом!» Упущенная добыча, какая бы она ни была, бросала тень на их репутацию. Однако нам нигде не встретилось указаний на то, что они задавались вопросом, который бередил умы многих историков последующих поколений:

— Почему Старик не напал на Кюрасао?

Характеру морских добытчиков не было свойственно задумываться над прошлым, даже весьма близким; они были несказанно рады концу изнурительного крейсирования вокруг голландского острова, а новое направление сулило радужные надежды. В путь! Вперед! На запад! Эскадра летела, подталкиваемая попутным ветром. Сказочный континент был все ближе.

Четыре дня они держали курс вост. Среди флибустьеров было немало людей тертых, многие прекрасно знали эти места по прошлым походам. Они прикидывали, что континент должен показаться через сутки. Но вечером четвертого дня адмирал и вице-адмирал сообщили участникам, что захвату подлежит испанский остров, находившийся в двадцати морских милях прямо по курсу: Санта-Каталина.

Этот остров на современных картах называется Провиденсия.

Провиденсия представляет собой географическую достопримечательность в огромном «мешке» на юго-западе Карибского моря: соседствующие с ней острова по сути едва выступающие из воды песчаные отмели, Провиденсия же является вершиной подводного хребта, рожденного подвижкой тектонических плит, случившейся не в столь отдаленные — с геологической точки зрения — времена. Шесть километров в длину и пять — в ширину. Поистине островок был игрушкой Провидения, в честь которого он и был поименован.

В 1666 году, однако, туда было за чем ехать: были даже веские основания остаться там надолго. Пароходов в те времена еще не изобрели, и морские путешествия были значительно продолжительнее нынешних. Санта-Каталина, лежавшая почти на середине маршрута Панама — Ямайка, становилась, таким образом, стратегическим пунктом, своего рода сторожевым аванпостом перед испанскими владениями Центральной Америки. Гавань на острове была вполне удобной, гарнизон — вполне солидный, причем,

что было особенно важно, он мог существовать без внешней помощи. Короче, испанцы чувствовали себя на Санта-Каталине неуязвимыми.

Не исключено, что по возвращении в Порт-Ройял Морган передал губернатору Томасу Модифорду слова, сказанные ему Мансфельтом в конце четырехдневного плавания вокруг Кюрасао, однако никаких письменных следов этого разговора нигде не обнаружено. Определенно то, что Мансфельт самолично принял решение не нападать вопреки приказу на Кюрасао, а двинуться к Санта-Каталине.

Причины, выдвигавшиеся много позже в обоснование этого решения, звучат неубедительно: «Он отказался от нападения на Кюрасао, поскольку сам был голландец, к тому же родом с этого острова». Нет, прославленный адмирал без возражений принял губернаторский приказ перед отплытием; однако, подойдя на несколько миль к Кюрасао, он рассмотрел в подзорную трубу мощные береговые укрепления. Что же касается сомнений, могли ли он повернуть оружие против «своих», то сама постановка вопроса вызвала бы гомерический смех у любого капитана той поры. Понятие *родина* еще не включало в себя тот матерински требовательный аспект, которым оно характеризуется сегодня. Настоящей родиной Мансфельта было Флибустьерское море, служба которому выпестовала его.

Санта-Каталина купалась в благополучии и неге: на нее не было совершено ни одного нападения. Вокруг фортов зеленели огороды, в полужасыпанных рвах росли цветы, а на редутах дежурили редкие дозорные. Солдаты жили с индейками и негритянками в хижинах, разбросанных среди пышной растительности. Для флибустьеров взятие острова было пустяшным делом.

Увы, грабить там оказалось нечего. Разочарование пиратов легко могло обернуться скандалом, даже свирепым бунтом. Почему мы не находим упоминаний о чем-либо подобном — вот вторая загадка этого таинственного похода. Весьма возможно, Мансфельт своим авторитетом подавил бунт в зародыше, обещав двинуться дальше, в более хлебные места (что и было сделано), или же флибустьеры были довольны бескровным взятием райского острова. Когда Мансфельт несколько дней спустя объявил остров флибустьерским владением под властью временного губернатора, от охотников остаться там не было отбоя. Жизнь под сенью деревьев без забот и хлопот после стольких кровавых передраг привлекала этих искателей приключений. Адмирал самолично отобрал кандидатов в колонисты, а во главе их поставил флибустьера-француза по имени Симон.

Историки утверждают, что Мансфельт в отличие от других пиратских вожачков стремился не столько к добыче, сколько к захвату новых территорий, якобы мечтая о создании обширной флибустьерской империи на развалинах испанских владений. На основании чего был сделан столь далекий вывод — загадка. Никто из современников, ни сэр Томас Модифорд, ни Морган, не слышал от него и намек на грандиозный замысел, хотя они должны были бы знать о сокровенной мечте адмирала.

Можно согласиться, что Мансфельт более склонялся к политике аннексий, чем к чистому грабежу, — доказательством тому служит его поведение на Санта-Каталине (никаких других фактов, кстати, не существует). Но зачем было ставить временным губернатором острова француза, хотя заранее ясно, что такое решение вызовет недовольство ямайского шефа? Вновь не находим ответа. Последнюю и самую сложную загадку он поставил перед Морганом, когда вызвал его на борт адмиральского флагмана перед отходом с Санта-Каталины.

На столе в каюте Мансфельта была разложена карта Центральной Америки с указаниями, нанесенными Морганом после его успешного гранадского похода с Моррисом и Джекманом. Палец старого адмирала пополз вдоль берега и остановился в устье реки Сан-Хуан. Во время предыдущих экспедиций Мансфельт доходил до этого места и даже спускался дальше к югу. Но лишь Моргану с подручными удалось подняться по течению реки Сан-Хуан, пересечь озеро Никарагуа и разграбить Гранаду. По словам того же Моргана, половину сокровищ Гранады они не сумели унести. Адмирал еще раз выслушал рассказ своего вице-адмирала о плавании на пирогах через сельву, о переправе через озеро и под конец огорошил его известием, что новую экспедицию в Гранаду поведет не он.

— Вы незамедлительно отправитесь с двумя кораблями в Порт-Ройял и сообщите о взятии Санта-Каталины.

Эксмелин в своей книге пишет, что после занятия Санта-Каталины Морган отправился с Мансфельтом в Центральную Америку. Это неверно. В тот период хирург не состоял на службе у Моргана, он присоединился к нему позже, поэтому сведения о данной экспедиции ему достались из чужих рук. Свидетельства других участников и дальнейшее развитие событий рисуют следующую картину.

Надо полагать, что, когда прошел первый шок, в голове у Моргана засвербила мысль: «Старик хочет прибрать себе всю гранадскую добычу».

Конечно же подобное намерение плохо вписывается в характер Старика. Кроме того, зачем было адмиралу брать на себя

дополнительный риск и отправлять другого человека к губернатору объяснять, почему он нарушил приказ и ушел от Кюрасао? Если на то были какие-либо *стратегические* причины, кто, кроме него, сумел бы лучше изложить их? И с другой стороны, кто мог изложить их более тенденциозно, нежели молодой вице-адмирал, мечтающий занять его место? Сегодня из нашего далека мы не в силах понять, почему Мансфельт отправил Моргана назад на Ямайку. Можем лишь вообразить себе задумчивое лицо Моргана, когда корабль нес его к дому. Правильные черты этого лица успели отяжелеть, а широко расставленные глаза, излучавшие ум и решительность, смотрели вдаль, в будущее.

Итак, был январь 1667 года. Морган уже второй месяц жил в Порт-Ройяле. На Ямайке, как и во всем Карибском бассейне, сухой сезон продолжается с декабря по март. Январь — один из самых благодатных месяцев. Над Порт-Ройялом в голубом небе светило солнце, прозрачное море у песчаного берега просматривалось до дна. Горстка испанских пленников изнуренного вида, в лохмотьях и с печальными лицами перетаскивала мешки с берега на причал. Груды ящиков и мешков с товаром стерегли несколько сторожей с ружьями. В гавани не было заметно никакого движения, несколько стоявших на якоре кораблей с высокими кормовыми надстройками казались вымершими.

Зато, по контрасту с тишиной порта, в городе царило оживление. Сновавшие во все стороны люди составляли пеструю толпу. Здесь были флибустьеры «классического» вида, того, что мы видим в кино, — загорелые, с черными или красными платками на голове, одни в лохмотьях и босиком, другие разодетые в пух и прах, с перстнями на пальцах и цепями на шее; но тут были и прочие представители рода человеческого, свидетельствовавшие о том, что население этого процветающего портового города было весьма разнообразно. Черные рабы, наполовину, а то и на три четверти нагие, соседствовали с белыми мужчинами и женщинами. Было много портовых девиц — негритянок, индейцев и мулаток с кожей фиолетового отлива, а также прибывших на заработки из Европы и упорно сохранявших белизну лица под зонтиками последней (безусловно предпоследней) лондонской или парижской моды; все они были устрашающим образом накрашены и щеголяли в платьях с немыслимым декольте (последняя деталь была безошибочным знаком их профессиональной принадлежности).

Зрелище этого людского коловращения поражало жизнерадостностью, а поразительная свобода нравов соседствовала с явным

желанием некоторых подчеркнуть свое высокое общественное положение. Флибустьерское море имело свою собственную экономику, и процветание Порт-Ройяла зиждилось на разбое и пиратстве. Однако город с его складами и магазинами (набитыми награбленными у испанцев товарами), с его менялами и банкирами (дававшими деньги в рост под высокий процент и финансировавшими бандитские походы), с его школами и храмами выглядел солидным центром, где, за исключением драк, случавшихся в порту по прибытии кораблей с добычей, в целом царил закон и порядок. В означенную эпоху Порт-Ройял насчитывал вместе с черными рабами около тридцати тысяч человек и восемьсот домов. Для сравнения укажем, что Нью-Йорк тогда имел от силы пятьсот домов.

В то утро прохожие непременно останавливались перед только что построенным домом Генри Моргана, любясь фасадом, украшенным пальмами и цветами. Если бы жуткое землетрясение 1692 года не уничтожило большую часть флибустьерского Порт-Ройяла, сегодняшние туристы стояли бы в очереди на посещение этого жилища. Ныне оно погребено под коралловой толщей Карибского моря, однако документы того времени позволяют описать его во всех подробностях. Дом был двухэтажный, с очень маленькими комнатами. Стекол в окнах не было, а лишь жалюзи из горизонтальных планок. Кровля была деревянная, но сам дом был сложен из кирпича, который Морган заказал в Англии по сумасшедшей цене. В отличие от английского здешний дом не имел садика, поскольку земля возле порта стоила совершенно немислимых денег. Точнее, ее нельзя было купить ни за какие деньги: дома стояли плотно прижавшись друг к другу. Плата за жилье в тогдашнем Порт-Ройяле была выше, чем в самых богатых кварталах Лондона.

Морган построил себе дом, решив обзавестись семьей. Пальмы и цветы украшали фасад по случаю бракосочетания вице-адмирала с его дальней родственницей Елизаветой Морган. Перед парадным входом крутилась дюжина рабов — мужчины, женщины, дети, довольные не меньше, чем хозяин, и громко выражавшие свое восхищение перед толпой зевак.

Чуть позже зеваки двинулись к вытянутому деревянному строению с крестом на крыше, но без колокольни — это была реформистская церковь Порт-Ройяла, где происходила церемония венчания. Когда обряд заканчивался, двери храма распахнулись, и до собравшихся донеслись музыка и песнопения.

Появилась венчальная процессия, и толпа разразилась радостными криками, раздалось двести выстрелов — настоящая мушкетная пальба. Площадь перед церковью заволкло черным

дымом, и в это облако шагнули молодожены. Очаровательная новобрачная была в расшитом платье и огромной шляпе с плюмажем, поверх которой была наброшена вуаль. Супруг был в длиннополом красном камзоле, расшитом серебряным узором, белых атласных штанах до колен, белых же чулках тончайшей вязки, башмаках с огромными пряжками, со шпагой на боку и несколькими пистолетами, задвинутыми за широкий шелковый кушак. В руке он держал такую же огромную, как у супруги, шляпу с плюмажем, а на плечи ему спускались прекрасные светлые волосы — это был парадный завитой парик, еще невиданный в здешних местах. Новинка вызвала немалое удивление среди подчиненных Моргана — матросов и бродяг всех мастей, теснившихся в толпе. Они начали было отпускать по этому поводу соленые шуточки, но те быстро потонули в дружных возгласах восхищения; кстати, этим оборванцам было приятно, что их хозяин появился в столь блистательном облачении. За Морганом шествовал негритенок, на сей раз не голый, а, наоборот, выряженный, как маленький принц, с плащом вице-адмирала из алого шелка с парчовым подбоем.

Морган пополнел на добрых тридцать фунтов со времени прибытия на Ямайку каких-то три года назад, но эта полнота придавала ему подобающую солидность. Новоиспеченный супруг был в большой милости у властей: губернатор не прогневался на него за то, что он последовал за Мансфельтом на Санта-Каталину, вместо того чтобы разрушить Кюрасао; об этом свидетельствовало присутствие на свадьбе сэра Томаса Модифорда; сейчас он шествовал в первом ряду почетных гостей, раздавая ласковые улыбки вокруг. А где же старый Мансфельт? В это время он должен был находиться у побережья полуострова Юкатан или двигаться на пироге через озеро Никарагуа, если только крокодилы и акулы не успели разделаться с ним. Во всяком случае, никто из присутствовавших этим солнечным утром на торжестве в Порт-Ройале не интересовался его судьбой. Морган снискал себе всеобщую популярность и приобрел множество друзей, объявив во всеуслышание, что любой человек может пить за его здоровье в портовых тавернах весь день и всю ночь до завтрашнего утра. Стратегическая экспедиция на Санта-Каталину принесла ему не так уж много дохода, но, надо полагать, предыдущий поход окупил все расходы.

Свадебный пир, на который были приглашены полторы сотни человек, не мог, конечно, быть устроен в новом доме у порта. Для этой цели на лугу, находившемся в личном владении губернатора, примерно в часе езды от города, был раскинут огромный шатер; гости — дамы и кавалеры отправились туда

верхом и в экипажах. Последние никак не походили на кареты, это были грубые повозки с матерчатым верхом на огромных колесах, предшественницы тех, в которых переселенцы двинулись на покорение Дикого Запада Северной Америки; со стороны это должно было выглядеть занято — разодетые джентльмены и их дамы в шелковых платьях в трясучих колымагах, но в те времена подобное несоответствие никого не шокировало.

Сев в головной экипаж свадебного кортежа, Морган сдернул с головы парик, под которым оказались коротко подстриженные рыжие волосы, вытащил из кармана великолепного камзола красный платок и обмотал им голову — в таком виде он обычно появлялся на палубе своего корабля. Этот жест был встречен смехом и одобрительными криками гостей.

Неструганые доски, поставленные на козлы и служившие пирушественными столами, не были видны собравшимся. Их покрывали камчатые скатерти, в свою очередь покрытые расшитыми золотом и серебром накидками; столы были уставлены невиданной роскоши блюдами и графинами, некогда украшавшими офицерские каюты испанских галионов и покои дворцов идалго. Когда гости расселись, целая армия черных рабов начала разносить на огромных подносах изысканную снедь. Тут было все, от жаренных на углях крабов под двадцатью соусами до пирамид фруктов, не говоря о курах под острой приправой и целиком зажаренных молочных поросятах.

Бесчисленные яства подавались вначале в порядке, принятом на торжественных обедах в домах высокопоставленных особ. Но очень скоро крепкие напитки смыли наносную шелуху, и трапеза потеряла всякую чинность. Сидевшие поодаль от властей и богатых купцов подчиненные, сотоварищи и подручные Моргана — капитаны, боцманы, соратники по морским походам и лихим грабежам, которых, естественно, нельзя было не пригласить, — сожрали и выхлебали все, что было на столе, с той же быстротой, как после захвата испанского города. Затянув пиратские песни, обнимаясь и скандаля, они вернули разодетую ассамблею к действительности, напомнив ей, что здесь пировало общество, кооперированное на началах воровства и убийства.

К угощению приступили после полудня. Солнце уже клонилось к горизонту, тени деревьев вытягивались на лугу, воздух свежел, но собравшиеся часов не замечали. Обжорство, выпивка, пение, крики продолжались и тогда, когда короткие тропические сумерки по-воровски окутали пирующих, окрашивая, как обычно, все происходящее в трагические тона. И вот уже пала тьма, но ее быстро отогнали светом факелов и шандалов; церковные свечи

были зажжены на столе длиной в корабль, а рабы все продолжали беззвучно сновать с новыми и новыми блюдами, тарелками и графинами. Скатерти уже были сплошь залиты вином и запачканы снедью, гости перепутались; некоторым протягивали чарку под стол, если они еще были в состоянии слабо шевелить рукой; кто-то побрел к окаймлявшим луг деревьям, а некоторые потянулись назад — пешком, верхом или в повозках с огромными скрипучими колесами. Среди последних были и Генри Морган с молодой женой.

Прошел январь, за ним — февраль и март. Однажды в середине апреля где-то после полудня подул странный ветер; очень скоро он перешел в шквал, вздыбив песок на пляже и обрушивая его стеной на городские дома и лес. Часам к пяти ветер стих и пошел дождь. Тяжелые капли медленно падали наземь, так продолжалось до глубокой ночи. А наутро все повторилось сначала: ветер и дождь налетели в то же самое время с десятиминутной разницей. Через какое-то время дождь уже лил добрую треть суток! Люди говорили: «Сезон дождей» или «Зимнее время». Иногда утреннее солнце успевало высушить почву, но чаще — нет, и все обитатели Порт-Ройяла, включая черных поросят, месили ногами грязь. Испанские пленники, кутавшиеся в рванье, особенно плохо переносили непогоду, они простуживались и умирали в хижинах на гнилой соломе. Время от времени от пирса отходил корабль с высокой кормовой пристройкой, возвращаясь когда с добычей, а когда и пустым. Дела шли плохо в 1667 году, банкиры-ростовщики и портовые девицы жаловались на убытки. Держатели таверн все чаще отказывались отпускать выпивку в кредит. «Береговые братья», трезвые, а посему хмурые, бродили без дела по Порт-Ройялу, недоуменно глядя на два трехмачтовика Генри Моргана, неподвижно стоявшие на якоре в бухте.

Бездействие вице-адмирала раздражало; то там, то тут слышались негодующие замечания. Авторитет Моргана, правда, все еще был непререкаем. Он щеголял в изысканном платье, украшал свой дом и, как было достоверно известно, вел переговоры о покупке крупного имения в глубине острова. Но, главное, он по-прежнему был в фаворе у губернатора: сэр Томас часто принимал его в своем дворце и публично выказывал дружеское расположение.

Что касается Мансфелта, все еще числившегося адмиралом, о нем не было ни слуху ни духу. Известно было лишь, что назначенный им временный губернатор Санта-Каталины француз Симон был смещен, а на его место посажен Джеймс Модифорд, родной брат сэра Томаса.

Примерно раз в неделю Морган поднимался на борт двух своих судов, проводил там тщательный осмотр и отдавал распоряжения касательно ухода. На обратном пути он обходил портовые таверны, щедро угощал завсегдатаев и намекал в разговорах на предстоящее крупное дело. Затем возвращался домой или ехал в имение, которое он тем временем приобрел и где собирался, по слухам, строить роскошный загородный дворец.

Кажется, Моргана не было в Порт-Ройале в тот день, когда старый Мансфельт возвратился наконец из похода; не показывался он и в последующие дни, когда в порту шел беспробудный загул. Люди Мансфельта рассказывали между двумя глотками, как после высадки на континент, где не нашлось даже тощей поживы, они добрались без особых злоключений до Гранады и там забрали оставшиеся от прошлого раза монеты и ценную утварь. Возвращение экспедиции разом оживило торговую жизнь, и Порт-Ройал обрел свой привычный облик. А Морган исчез из порта, словно поменявшись местами с Мансфельтом.

Губернатор несколько раз принимал старого адмирала в своей резиденции. Отсутствие Моргана удивляло все больше, и злые языки судачили на все лады. Поговаривали, что Старик поссорился со своим вице-адмиралом во время экспедиции и заместитель возвел на него навет, а теперь, вернувшись в Порт-Ройал, Мансфельт опроверг его. Утверждали, что Старик обвинял во всеуслышание вице-адмирала в предательстве и требовал его головы или, как минимум, его отставки. А доказательством того, что Морган впал в немилость, было его отсутствие; он не появлялся в своем новом доме у порта — слуги отвечали, что хозяин «за городом», возможно, гостит у друзей, где именно, неизвестно...

Но в одно прекрасное утро город облетела сногшибательная весть: Мансфельт уплыл! Он отвалил до рассвета. Редкие зрители успели заметить, как его парусник помчался на юг и быстро скрылся за завесой дождя. Куда именно направился Старик, никто не знал. Или не хотел говорить.

«Летучий голландец», корабль-призрак, растворился навеки. Старый адмирал покинул сцену столь же внезапно, как и появился. Можно было бы изложить различные слухи, связанные с его исчезновением, но мы не станем этого делать. Предоставим Эдварда Мансфельта тайне истории. Даже его прошлая биография изобилует многими вопросительными знаками. Действительно ли он был выходцем из старинного немецкого графского рода? Правда ли, что его отец был знаменитый ландскнехт Эрнст ван Мансфельт, прославившийся во время Тридцатилетней войны?

Истинно ли, что он вынашивал честолюбивые стратегические планы, собираясь основать флибустьерскую империю? Верно ли, что он покинул Ямайку столь внезапно потому, что губернатор отказался помочь ему в осуществлении этой заветной мечты? Последнее предположение, впоследствии не раз обсуждавшееся историками, основывается на одной-единственной строчке из книги Эксмелина, где говорится, что Мансфельт отправился искать «помощи для своего намерения обосноваться на Санта-Каталине».

А в том, что Санта-Каталина нуждалась в помощи, сомневаться не приходится. В конце 1667 года испанцы внезапным ударом вновь захватывают остров. Но Мансфельт не был участником этой маленькой трагедии, ему было уже не суждено узнать о ней: несколько месяцев спустя после его отплытия с Ямайки в Порт-Ройял пришло известие, что старый адмирал прибыл на Тортугу и там умер. Смерть была скоропостижной и во многом загадочной, поговаривали, что он был отравлен.

Как бы то ни было, одна звезда сошла с горизонта, чтобы уступить место новой. Она поднималась очень быстро. Едва Мансфельт вышел в море, в Порт-Ройяле появился Морган, а не успела прийти весть о смерти Старика, как несколько дней спустя валиец был официально возведен губернатором Томасом Модифордом в ранг адмирала. Назначение было встречено ликованием на всех пиратских судах в английской части Флибустьерского моря. Никто не сомневался, что его ждет великая карьера.

Адмиральский трехмачтовик стоял на якоре перед двенадцатимильным коралловым барьерным рифом, идущим параллельно южному побережью Кубы. Через широкий оконный проем своей каюты Морган смотрел на зеленую линию бесчисленных островков, называемых Хардинес-де-ла-Рейна. Добрых две дюжины весельных и парусных шлюпок были рассыпаны по бирюзовому морю. В них находились лоцманы, капитаны и делегаты флибустьеров.

На первом этапе операция состояла в том, чтобы убедить ямайского губернатора в необходимости послать флотилию на Кубу.

— Мои лазутчики донесли, что испанцы готовятся к захвату нашего острова.

Губернатор отнесся к идее весьма одобрительно, особенно после того, как тот же слух дошел до него по другим каналам. Он не мог знать, что «информация» была от начала до конца выдумана самим Морганом и ловко подброшена губернаторским осведомителям.

На втором этапе надлежало уговорить головорезов, которые прибывали сейчас на шлюпках, присоединиться к походу, а в случае удачи превратить их в ударную силу. Перспектива переговоров с флибустьерской вольницей раздражала Моргана, от одной этой мысли его сангвиническое лицо приобретало багровый оттенок. Он чувствовал интуитивно — а до сих пор интуиция никогда не подводила его, — что настал благоприятный момент для нападения на «жирный кусок»: Морган намеревался штурмовать Гавану. Но этот сброд не даст своего согласия и не пойдет за ним, если не узнает подробностей операции. Такова уж традиция.

Единожды дав согласие, эти люди будут повиноваться любому его слову и жесту, соблюдая во время сражения самую жесткую дисциплину и без колебаний рискуя животом. Сраженные ядром или пулей, они будут, возможно, слать проклятия, но не по адресу предводителя, а ругая испанцев или судьбу; оставшись калеками, они ни за что не станут жаловаться или требовать лишний дублон помимо платы, предусмотренной «фартовой грамотой». Но эти люди желали заранее знать во всех подробностях цель экспедиции. Данное требование составляло неотъемлемую часть пиратского кодекса чести.

Морган вышел из Порт-Ройяла в начале февраля 1668 года. В его эскадру входили два принадлежавших ему трехмачтовика плюс корабль Морриса, одного из двух капитанов, с которыми он грабил Гранаду. Идя по ветру, три корабля быстро одолели двести пятьдесят миль. Став на якорь невдалеке от кубинского побережья, Морган послал гонцов к рифам, рассчитывая получить в помощь еще девять судов — три английских и шесть французских. Адмирал надеялся, что под началом у него окажется около семисот человек, в том числе четыреста пятьдесят англичан.

Депутация капитанов и флибустьеров вполне могла бы уместиться в адмиральской каюте, но Морган не захотел принимать этот сброд у себя — не столько из-за запаха, исходившего от них (в те времена на такие детали не обращали внимания), сколько из-за того, что в личных покоях полагалось беседовать лишь с именитыми особами. То был вопрос престижа.

Итак, прибывшие делегаты расселись прямо на палубном настиле. Морган стоял за резным золоченым столиком (трофеей из губернаторского дворца в Гранаде), Моррис держался сбоку от адмирала.

Морган говорил медленно, громким голосом, перемежая английскую речь французскими и испанскими словами. Когда в аудитории начинался легкий шумок, он замолкал: часть присутствующих переводила коллегам непонятные выражения.

Не упоминая ни словом о несуществующей испанской угрозе, вызвавшей тревогу у сэра Томаса Модифорда (сказать о ней означало бы выставить губернатора на посмешище), Морган без обиняков перешел к делу:

— Всем вам прекрасно ведомо, что Гавана — большой и красивый город, в котором есть что взять.

Им это было ведомо. В Гаванском порту регулярно собирались галионы с богатствами, набранными по всей Центральной Америке. Там корабли стояли до тех пор, пока не собиралась внушительная флотилия, готовая плыть через океан к берегам Испании. Не обнаружить в Гаванской гавани ни одного судна было бы сущим невезением. Кроме того, благоприятное расположение города на скрещении мировых торговых путей отразилось на его облике: внутреннее убранство церквей и монастырей, дворцов и жилых домов в Гаване разительным образом отличалось от интерьеров рыбацких хижин. Несколько замечаний, оброненных адмиралом по этому поводу, вызвали радостное оживление аудитории.

— Полагаю,— заключил Морган,— что нападать следует широким фронтом прямо с моря и незамедлительно.

— А как же форты?— раздался чей-то голос.

— Штурмовать будем ночью. Ежели все совершить быстро, мы окажемся в городе до того, как на фортах поднимут тревогу.

Присутствующие одобрительно закивали. Ночная атака была по вкусу этим любителям внезапных вылазок, приученным действовать в темноте не хуже, чем при свете дня. В сравнении с их зорким рысьим взором глаза испанских солдат казались закрытыми, как у новорожденных котят.

— Мы вправе рассчитывать на удачу еще и потому,— добавил Морган,— что среди вас есть люди, хорошо узнавшие Гавану за время, проведенное там в плену. Они поведут нас. Я попрошу их выйти вперед.

Несколько человек тут же подошли к столу. Один из них — высокий худой блондин с точеным лицом — тотчас заговорил с адмиралом как равный с равным. Уроженец Кюрасао, он трижды побывал в Гаване в качестве матроса на торговом судне,

и позже, будучи взят в плен вместе с экипажем флибустьерского брига, был привезен туда в цепях. Он твердо заявил, что бессмысленно идти на Гавану, не имея под началом по меньшей мере полторы тысячи человек.

— Почему именно полторы тысячи? — нахмурился Морган.

— Гарнизоны фортов насчитывают семьсот человек, а то и более, не считая войск в городских казармах. Когда я был в плену, испанцы заставляли нас перетаскивать ядра из одного форта в другой. Глаза у меня не были завязаны, и я не глухой.

Судя по наступившему молчанию, Морган понял, что слова голландца достигли цели. Все смотрели на адмирала, ожидая его реакции.

— Да будь в фортах хоть семь тысяч солдат, мы сможем одолеть их внезапным ночным штурмом. Один прогив десяти. На каждого из нас приходилось столько же испанцев, когда мы брали Гранаду.

Морган знал, что это название произведет эффект пушечного выстрела. Многие из тех, кто встали под его знамена, сделали это лишь потому, что были наслышаны о славном грабеже богатейшего города на озере Никарагуа.

Моррис поддержал своего командира, повторив, что защитников Гранады, а их была целая армия, застали врасплох и перебили, как мух.

Но голландец вновь привлек к себе всеобщее внимание:

— Есть один способ попытаться взять Гавану, и, полагаю, он весьма удачен. Я обдумал его подробно, когда был там в плену.

— Каков же он, говорите!

Морган старался не выказывать поднимавшееся раздражение.

— Следует, — ровным голосом продолжал голландец, — сосредоточить главные силы на острове Пинос, пересечь бухту Батабано на шлюпках, незаметно высадиться под городом и напасть на крепость с тыла.

— Что ж, план выглядит весьма неплохо. Я готов изучить его со всем тщанием.

— Но и тут потребуется по меньшей мере полторы тысячи человек.

Последняя реплика вызвала разноголосый шум среди флибустьеров. Если бы Моргану было дано знать свою судьбу, он мог бы заткнуть рот этому голландцу двумя фразами:

— Ваши соображения — досужие разговоры. Мне хватит пятисот человек для захвата Пуэрто-Бельо, защищенного четырьмя форгами, а для взятия Панамы, коему суждено будет войти в историю, понадобится тысяча двести нападающих.

Но судьба не наделила сиятельного головореза даром ясновидения. Лицо Моргана покрылось багровыми пятнами: совет на палубе, который он считал простой формальностью, поставил под сомнение его авторитет стратега! Решив более не спорить с нахальным голландцем, он сухо потребовал, чтобы присутствующие проголосовали, согласны ли они штурмовать Гавану. Лишь несколько человек подняли руку. Морган отчетливо услышал, как стоявший рядом Моррис выругался и сплюнул на палубу.

В такие-то минуты и проявляется мастерство человека, желающего удержать власть.

— Ну что же,— добродушно заключил Морган,— я снимаю свое предложение. Мы не станем штурмовать Гавану в этот раз. Но мы ведь собрались, чтобы найти цель, устраивающую всех. Давайте подумаем. Лучше будет, если я оставлю вас одних. Посоветуйтесь. Через час я вернусь и выслушаю предложения.

Засим валлиец встал из-за стола и с достоинством прошествовал в каюту. Моррис двинулся было за ним, но адмирал даже не взглянул в его сторону. Капитан остался на палубе, бросая на делегатов гневные взоры.

Мысли Моргана во время этой паузы не были окрашены в радужные тона. Уметь сохранять достоинство при плохой игре — вещь похвальная, но столь явный афронт его престижу перенести было трудно. В дальнейшем мы увидим, что подобные выходы дорого обходились строптивцам. Сидя в золоченом кресле из гранадского дворца или меряя широкими шагами каюту, он чутко прислушивался к разноголосому говору флибустьеров. Больше всего Морган злился на себя — почему он с самого начала не поставил этот сброд на место?! Однако дело приняло иной оборот, и теперь следовало срочно брать бразды правления в железные руки, пока пиратская вольница слишком не возомнила о себе.

Когда адмирал вновь появился на палубе, Моррис изложил предложение, на котором сошлись все делегаты. Морган, не дослушав его, согласился — так, словно это было намерение, которое он собирался высказать сам. Главным для него в тот момент было избежать нового спора.

Целью нападения был выбран Пуэрто-дель-Принсипе, город, расположенный в глубине острова, примерно в пятнадцати лье от побережья. Один из флибустьеров, человек с хорошо подвешенным языком и побывавший, подобно голландцу, в плену у испанцев на Кубе, утверждал, что в Пуэрто-дель-Принсипе «есть чем поживиться». Город этот ни разу еще не пострадал от нападений, жители его не опасались флибустьеров, дозорные обленились.

— Они ведут большую торговлю шкурами с Гаваной. Сундуки у купцов ломятся от золота и серебра. Мы стоим как раз недалеко от бухты Санта-Мария, там надо выгрузиться и идти на Пуэрто-дель-Принсипе.

Забегая вперед, скажем, что лишь последняя деталь соответствовала истине, во всем остальном не было ни грана правды. Пуэрто-дель-Принсипе, как явствует из его названия, был поначалу построен как морской порт. Но пираты настолько часто нападали и грабили его, что жители решили переселиться в глубь острова, сохранив прежнее наименование города. Впрочем, город — слишком сильное слово для поселения, насчитывавшего в 1668 году от силы сотню домов. А набитые серебром и золотом сундуки существовали лишь в воображении информатора. «Большая торговля» с Гаваной заключалась в натуральном обмене: жители Пуэрто-дель-Принсипе доставляли туда на мулах шкуры, солонину и куриные яйца, а назад везли одежду, хозяйственные и бытовые предметы. Безусловно, бывшему пленнику испанцев не было никакой выгоды врать, более того, это было сопряжено для него с известным риском. Но мифоман чужд всякого расчета. Главным для него было «показать себя» и произвести на коллег столь же сильное впечатление, как голландец. Чтобы покончить с ним, скажем, что ему удалось избежать наказания, поскольку он успел погибнуть в бою.

Небольшая армада Моргана двинулась к рифам, адмиральский корабль шел первым. Предстояло пройти меньше двадцати морских лье до бухты Санта-Мария, где была намечена высадка. Нет сомнений, что на судах было произнесено немало отборных ругательств, когда флибустьеры увидели, что трехмачтовик Моргана, обогнув рифы с запада, двинулся не на север, к кубинскому побережью, а продолжал идти курсом на запад, пока не скрылся из виду. Участники экспедиции Мансфельта — Моргана против Кюрасао, возможно, припомнили необъяснимое поведение командующего перед голландским островом. Однако, как и тогда, армада, несмотря на проклятия и ругань экипажей, продолжала в полном порядке следовать за адмиралом.

Не потеряв по дороге ни одного судна, Морган обогнул мыс Сан-Антонио, западную оконечность Кубы, и, повернув на восток, оказался в виду Гаваны. Да-да, именно так: он появился перед Гаваной весьма близко от берега и среди бела дня! «Береговые братья» в восхищении хлопали себя по ляжкам и перебрасывались восторженными восклицаниями, глядя, как купеческие суда на всех парусах мчатся в гавань под защиту пушек крепости Морро. Раздался орудийный гром, крепость окуталась дымом, но ядра плюхнулись в воду с большим недолетом впереди

флибустьерской армады. Ни один галион не осмелился выйти из порта навстречу противнику. Возможность подразнить грозного врага наполнила сердца этих отъявленных головорезов поистине детской радостью. Они были сильнее! Те же самые люди, что отказались идти к Гаване и проклинали своего предводителя, теперь дружно вопили: «Да здравствует адмирал Морган!», словно он уже привел их к победе.

Демонстрация закончилась. Морган так и не объяснил, зачем она понадобилась. Скорее всего, он продефилировал перед Гаваной, чтобы взять реванш за недавнее унижение и заставить строптивую вольницу почувствовать его железную десницу. Мы видели, что ему воздалось сторицей. С другой стороны, как мы убедимся, эта акция имела самые неожиданные последствия.

Итак, покрасовавшись на виду у всей Гаваны, флибустьерский флот повернул назад, вновь обогнул остров и вошел в бухту Санта-Мария, где бросил якорь.

Едва выгрузившись на берег, пираты поняли, что о внезапном нападении надо забыть: поперек дороги были устроены завалы из бревен, из чащи леса летели пули. Пока Морган крейсировал подле Гаваны, какой-то шпион или предатель успел предупредить жителей Пуэрто-дель-Принсипе. Но препятствия не были столь серьезны, чтобы остановить колонну: флибустьеры обходили завалы, неуклонно двигаясь вперед.

Дорогой Морган распорядился о порядке действий в Пуэрто-дель-Принсипе. С именитых горожан и богатых купцов брать выкуп, а если замешкаются, немедля пытаться. При надобности предавать их публичной казни в назидание остальным. Если пленных окажется слишком много, часть тут же перебить, чтобы не вздумали бунтовать. Но если ситуация неожиданно осложнится, перебить всех без разбора.

Позже Морган станет отрицать, что отдавал подобные приказания. Но в целом отношения пиратов с испанцами резко ухудшились со времени взятия Гранады, где валиец проявил известное милосердие и снисходительность. Все объясняется тем, что за это время на Ямайку поступили тревожные вести.

Испанцы, вновь овладев Санта-Каталиной, перебили там оставленных Мансфельтом колонистов; пойманных англичан отправили на перуанские рудники, где даже крепкие и привычные к тяжелому труду индейцы мерли как мухи. В Картахене и иных местах английских пленников предавали суду святейшей инквизиции:

— Отрекитесь от своей еретической веры, иначе пойдете на костер!

Инквизиторы безжалостно жгли индейцев, которые не выка-

зывали горячего желания креститься или же, будучи окрещенными, втайне поклонялись своим древним божествам. Но англичан! Эти мрачные сообщения не могли не вызвать ответной реакции.

Продвижение колонны слегка замедлилось у последних завалов, но вскоре флибустьеры вышли на зеленую пампу, посреди которой стоял странного вида город Пуэрто-дель-Принсипе.

Казалось, его жители мобилизовали все свои возможности, чтобы сложить из крупных желтых камней маленькую крепость и две церкви; на большее у них не хватило сил — остальные дома представляли собой жалкие халупы.

Другая странность заключалась в том, что испанцы не заперлись в крепости и не разбежались по окрестным лесам. Алькальд выстроил свое войско в чистом поле, прямо перед городом. На первый взгляд там было человек восемьсот, не менее, что намного превосходило численность населения Пуэрто-дель-Принсипе. Власти успели собрать по окрестным асьендам и деревням дополнительные резервы.

Наконец — что еще более удивительно — миниатюрное войско было выстроено в пампе, согласно армейским уставам того времени: пехота — в центре, кавалерия — на флангах. Мундиры пестрели не густо, преобладало гражданское платье, зато в центре реяло огромное испанское знамя.

Флибустьеры двигались прежним шагом. Раздалась барабанная дробь, и слева и справа от каре пехоты взвилась пыль: алькальд бросил вперед кавалерию.

О разыгравшемся сражении Эксмелин оставил весьма недостоверную запись — как всегда, когда он описывает дела, в которых сам не принимал участия: «Пираты двигались строем под барабанный бой и с развевающимися флагами». У пиратов не было ни барабанов, ни знамен, а их тактика заключалась как раз в том, чтобы не маршировать строем, а рассыпаться цепью, уклониться от лобовой атаки кавалерии, постараться забежать с тыла, вспороть лошади брюхо или подрезать сзади сухожилия, упасть ничком наземь и затаиться, как труп, а затем, вскочив, выстрелить в упор или действовать клинком. Это были люди храбрые, знающие толк в военных хитростях и вовсе не стреноженные артикулом уставов или традицией — короче, умелые воины.

Наивные защитники Пуэрто-дель-Принсипе тоже выказали доблесть. К концу сражения, продлившегося два-три часа, двести или триста тел усеивали пампу вперемешку с трупами лошадей. Флибустьеры, понесшие куда менее чувствительные потери, двинулись дальше на город, приканчивая по дороге раненых, если те вопили слишком уж громко. Дойдя до первых домов, они

выгнали клинками на улицу нескольких упиравшихся. Все сдавшиеся в плен испанцы были согнаны без особых церемоний в две церкви, после чего двери заперли на ключ. Был страстной четверг 1668 года.

Стены крепости Пуэрто-дель-Принсипе дожили до наших дней: в ней оборудован ресторан гостиницы «Камагуэй» (таково современное наименование города). Туристы обедают и ужинают там, не ведая, что в этих самых стенах Генри Морган прожил те двенадцать дней, что длилась пиратская оккупация Пуэрто-дель-Принсипе. Впрочем, туристов можно понять: о том далеком прошлом на Кубе не напоминает сейчас ничто и нужно быть неплохо подкованным в истории флибустьерства, чтобы вообразить себе картину тех далеких дней...

Итак, адмирал поселился в каменном строении, носившем гордое название крепости; именно туда стали прибывать гонцы с вестями, звучавшими все менее утешительно. Единственное «сокровище», обнаруженное в городе, заключалось в скромной утвари двух церквей. В домах не оказалось никаких сундуков, какое там — даже горсти монет! Пленники, которых выводили небольшими группами из храмов (они по-прежнему сидели взаперти, без кусочка хлеба и глотка воды), клялись всеми святыми под пыткой, что были бы счастливы облегчить свои муки, но, увы, у них ничего нет.

— Пусть пошлют за золотом к друзьям и родственникам. Даю им недельную отсрочку.

Этот метод стал уже классическим. Для пущей наглядности Морган приказал пытать нескольких узников на глазах у гонцов, чтобы те смогли поведать, что ждет несчастных.

Прошла неделя. Посланцы вернулись с пустыми руками.

— Мы пойдем в другие места. Умоляем дать нам еще две недели!

Между тем часовые возле церкви доложили, что из храмов идет дурной запах. Этой частностью можно было бы и пренебречь, но от других командиров к адмиралу стали поступать сведения, что в покинутом городе нечего есть. Окрестные плантаторы бежали в глубь острова, увея весь скот. Постепенно ситуация осложнялась, повторяя в миниатюре бессильное сидение Наполеона в занятой Москве. Помощники Моргана растерянно глядели на своего предводителя, мерявшего большими шагами крепостные покои. Надлежало принять какое-то решение. Ждать было нельзя.

— Даю вам десятидневную отсрочку, — сказал он испанским посыльным. — За это время вы должны раздобыть золото. Что касается провизии, то я отправляю за ней других гонцов. Им я

даю два дня. Если к этому сроку они не вернут скот, все пленники в церквах будут казнены.

Едва адмирал кончил говорить, как в зал ввалилась группа флибустьеров, толкая впереди связанного негра. У этого раба, только что пришедшего в город, обнаружили под одеждой несколько писем к жителям Пуэрто-дель-Принсипе. Все они были подписаны губернатором Сантьяго (тогдашней второй столицы Кубы). В письмах содержалось одно сообщение: «Постарайтесь выиграть время, продержитесь еще несколько дней. Я выступаю во главе полка вам на помощь».

— Немедля отнести церковную добычу на берег к кораблям! — распорядился адмирал.

Иными словами, отступить! Ждать прихода полка с артиллерией не имело смысла. Отступление никогда не считалось позорно для предводителя флибустьеров, его честь и слава заключались в том, чтобы отступить с богатой добычей. На сей раз церковная утварь была весьма скромной, а из пленных Пуэрто-дель-Принсипе даже угрозой неминуемой смерти не удалось выжать ни единого дублона. Можно, правда, было доставить пленников на Ямайку, чтобы сделать их рабами или разменной монетой. Морган подумал об этом варианте, посоветовался с Моррисом и отказался от него. Владельцы плантации на Ямайке предпочитают иметь черных рабов: из испанских солдат работники выходят никудышные. К тому же, когда пленников вытащили из церкви, на них было тошно смотреть. Такой товар (если даже предположить, что они переживут морскую дорогу) на ямайском рынке дорого не продашь.

— Пятьсот быков! Раз уж гонцы не нашли денег, пусть добудут мне за два дня пятьсот быков, сами пригонят их к берегу, зарежут, засолят и погрузят на корабли. Иначе — смерть всем испанцам, а город будет предан огню! Таков мой последний сказ.

Это говорил адмирал, который еще три года назад, будучи неизвестным капитаном, побагровел от негодования, когда ему предложили добычу в виде кампешевого дерева. Тогда он замахивался на Камору сокровищ в Мехико! А сейчас — пятьсот быков... Из нашего далека нет возможности докопаться, почему адмиралу вздумалось требовать подобного рода контрибуцию. Давно ведь уже миновала эпоха робких набегов пиратов ради куска мяса. Как бы то ни было, требование Моргана превратило конец экспедиции в кровавый кошмар.

Морган дал сроку двое суток, но пятьсот быков были на месте уже утром следующего дня. Когда речь шла о золоте, гонцы клялись, что не нашли ни одной живой души: деревни и имения

обезлюдели, пампа превратилась в пустыню, никого и ничего. Однако тут за ночь они сумели пригнать полутысячное стадо. Испанские колонии имели столетний опыт грабительских налетов флибустьеров. Обе стороны знали, по какому примерно «сценарию» будут разворачиваться события. И нам, далеким зрителям, приходится констатировать: испанцы, оповещенные гонцами, что их собратья находятся в руках безжалостных пиратов, что они умоляют о помощи, соглашались на нее лишь при условии, что речь не идет о серебре и золоте. Быки — ладно уж, бог с ними. Но никакие рассказы о самых жутких казнях не могли заставить единоплеменников развязать мошну.

Двери обеих церквей Пуэрто-дель-Принсипе отворились, и оставшиеся в живых выползли из могильной клоаки на свет божий. Кое-кого из самых крепких удалось ударами сапог поднять на ноги: они должны были помочь гнать быков к бухте Санта-Мария.

Стоял сухой сезон, ярко светило солнце, на белопесчаный пляж накатывали легкие волны. Испанцы, подгоняемые угрожающими криками и тычками, принялись забивать быков; меньше чем за два часа они зарезали пятьсот животных. На расстоянии в добрых две мили пляж превратился в кровавое месиво, тучи мух висели над выпотрошенными внутренностями. Испанцы без усталости рубили и резали мясо, выкладывали его на песок и посыпали солью. Солнце немилосердно било в затылок, мухи зудели в воздухе, но ни мясники, в изнеможении валившиеся наземь, ни подгонявшие их флибустьеры ничего не слышали из-за оглушительного клекота налетевших чаек и ворон, пикировавших на дымящееся мясо. Серо-черное облако птиц висело над бойней; те из них, кому не удавалось пробиться к внутренностям, пытались рвать куски, предназначенные к засолу, и испанцам приходилось отгонять их. Подобное адское зрелище могло пригрезиться разве что в бредовом кошмаре.

Морган, Моррис и остальные капитаны стояли возле шлюпок, готовых начать перевозить солонину; рядом с адмиралом был конь, на котором он приехал из Пуэрто-дель-Принсипе. Валлиец безмолвно взирал с каменным лицом на чудовищную резню, творившуюся на пляже. Все происходило в бешеном темпе; внезапно он заметил, что в одном месте работа прервалась. Флибустьеры образовали круг. В любой точке Флибустьерского моря это означало в девяносто девяти случаях из ста, что внутри круга двое или несколько человек сошлись в поединке. Иногда бой проходил на саблях, но чаще — на ножах.

Чтобы успеть к месту происшествия, Морган вскочил на лошадь и поскакал по берегу. Когда он стал поворачивать, конь

шарахнулся, испугавшись запаха свежей крови и громких криков.

Круг смыкался и размыкался, кто-то над кем-то склонялся, кто-то уже выхватывал оружие. Адмирал выстрелил из пистолета в воздух, понукая пятившегося коня. Узнав командира, люди застыли. В середине круга лежал ничком флибустьер, из спины у него торчал воткнутый по рукоять кинжал. В двух шагах на песке сидел другой человек, еще живой, но уже на полпути к могиле: голова его бессильно свесилась на грудь, а общими руками он зажимал живот. По всей видимости, второй участник поединка. Морган, тесня конем и замахиваясь нагайкой на разгорячившихся пиратов, выслушал объяснения происшествия.

— Говорите коротко и ясно!

Оказалось, что один француз-флибустьер, схватив свежую кость, начал лакомиться ею. Некоторые его соотечественники развлекались высасыванием мозга из еще дымящихся костей. Большинство делало это не из гурманской склонности, а из фанфаронства: мол, ему сам черт не брат и он тертый парень, унаследовавший традиции первых буканьеров.

Другой флибустьер, англичанин, желая показать, что кровавый ленч не чужд представителям и его нации, вырвал эту кость у француза. Посыпались взаимные оскорбления, затем — формальный вызов на дуэль; секунданты стали обговаривать условия, но в этот самый момент англичанин, недолго думая, вонзил кинжал в спину противника. Морган подоспел вовремя, иначе бы убийцу тут же казнили, на чем пылко настаивали присутствующие французы.

Если бы ссора разгорелась между двумя соотечественниками, конфликт можно было бы разрешить без особых потерь. Но Морган видел, что французы и англичане уже разбились на две группы, готовые броситься друг на друга.

— Этого человека будут судить, — громко сказал адмирал. — За убийство. Он предстанет перед трибуналом по прибытии в Порт-Ройял. Отведите его на мой корабль, закуйте в желёзы и посадите в трюм.

Французы запротестовали, кто-то потребовал, чтобы его вызвали в качестве свидетеля.

— Обязательно. Все, кто пожелает, будут выслушаны судом.

Французы отправились хоронить своего товарища под сень деревьев; пока они рыли могилу, над трупом кружились, каркая, стервятники.

Погрузка солонины заняла добрый час. Наконец маленькая армада подняла паруса. Флибустьеры смотрели, как исчезает из виду залитый кровью пляж в бухте Санта-Мария; в воздухе все еще было темно от чаек и воронья. Силуэты оставленных

испанцев становились совсем маленькими. Было видно, что некоторые мешком валялись на песок: после всего пережитого их не держали ноги.

Добычу поделили на одном из островков у юго-западной оконечности Санто-Доминго, название которого часто встречается в документах того времени: он служил своего рода «явкой» английских и французских пиратов. Испанцы называли его Исла-де-лас-Вакас, то есть Коровий остров. Англичане, переименовав его звучание, нарекли этот клочок суши Айленд-оф-Эшес, то есть остров Пепла. Сегодня это остров Ваку, владение Гаити.

Морган знал, что, когда его люди узнают общую сумму добычи, они не будут прыгать от радости. Однако экспертная оценка оказалась еще ниже, чем он предполагал: всего лишь 50 000 пиастров. После вычета доли губернатора и адмирала, пособия и компенсации увечным, оказалось, что на каждого флибустьера пришлось по 60 пиастров — смехотворная цена за все тяготы и невзгоды, выпавшие на их долю. Особенно смехотворной она выглядела рядом с грандиозными планами и надеждами, возлагавшимися на эту экспедицию.

На берегу Коровьего острова Морган произнес речь. На сей раз он обращался не к делегатам, а ко всему флибустьерскому собранию. Выдержав паузу, ожидая, пока уляжется ропот недовольства, он сказал, что намерен безотлагательно организовать другую экспедицию, куда более продуктивную — он готов поручиться за это при условии, что выбор цели будет доверен ему.

Многие из слушателей обратили внимание, что он сказал *выбор*, а не *предложение*. Пиратов раздирало двойственное чувство. С одной стороны, они были разочарованы перспективой возвращения в Порт-Ройял не богатыми господами, а почти бедными родственниками. Они соглашались, что, решившись на штурм Гаваны, как предлагал адмирал, они бы сейчас пожинали куда более обильные плоды. Гавана была им вполне по плечу — достаточно вспомнить, как испанцы праздновали труса, едва они появились в виду крепости. А уж пограбить там было что... С другой стороны, согласиться на слепое подчинение жожаку — такого отродясь не водилось в обычаях флибустьерства. Что касается французозов, то они вообще были раздражены тем, что им не дали рассчитаться с коварным убийцей их товарища; они потребовали повесить убийцу, не откладывая, на Коровьем острове, но Морган отказался. Посему примерно половина французозов покинула собрание и немедленно отплыла на Тортугу.

Остальные последовали за англичанами и, стоя теперь на палубе своих судов, во все глаза всматривались в Порт-Ройял, вытянувшийся полумесяцем вдоль знаменитой Ямайской бухты.

С берега тоже внимательно наблюдали за приближавшейся флотилией. Морган отошел с тремя кораблями, а возвращался с восемью — первое впечатление было благоприятным. Все суда были расцвечены флагами и вымпелами, вернее, тем, что капитаны и штурманы отыскиали в рундуках в качестве праздничного оформления. На палубах играли оркестры — в основном вразнобой, как бог на душу положит, но зато громко и старательно. Словом, торжественность момента была выдержана полностью. Морган распорядился об этом, сознавая, что, когда дело дойдет до бухгалтерского подсчета, хвастаться будет нечем. А флибустьеры, как и все люди, чувствительны к знакам почета и уважения.

В ту же ночь пираты прокутили в тавернах и значных заведениях весь свой «заработок» и даже сверх того. Однако оргия затянулась почти на неделю: Морган попросил банкиров и ростовщиков открыть соратникам кредит, самолично ручаясь за возвращение денег в срок. Ему пришлось отдать в залог почти целиком свою часть добычи, но он знал, что делал. Оставалась лишь проблема губернатора.

Морган предвидел, что сэр Томас не придет в восторг при виде того, что ему причиталось: «бенефис» губернатора составляли восемь процентов от общей стоимости добычи, а она была весьма скудной. Однако при первой же аудиенции Морган понял, что королевский наместник был куда больше озабочен другим: где испанский флот, который должен был напасть на Порт-Ройял? Из Лондона уже поступил тревожный запрос на эту тему.

— Вести были доставлены мне шпионами с Кубы, — сказал губернатор, — но в них много неясного. Вы были возле Гаваны. Удалось ли пустить испанский флот ко дну?

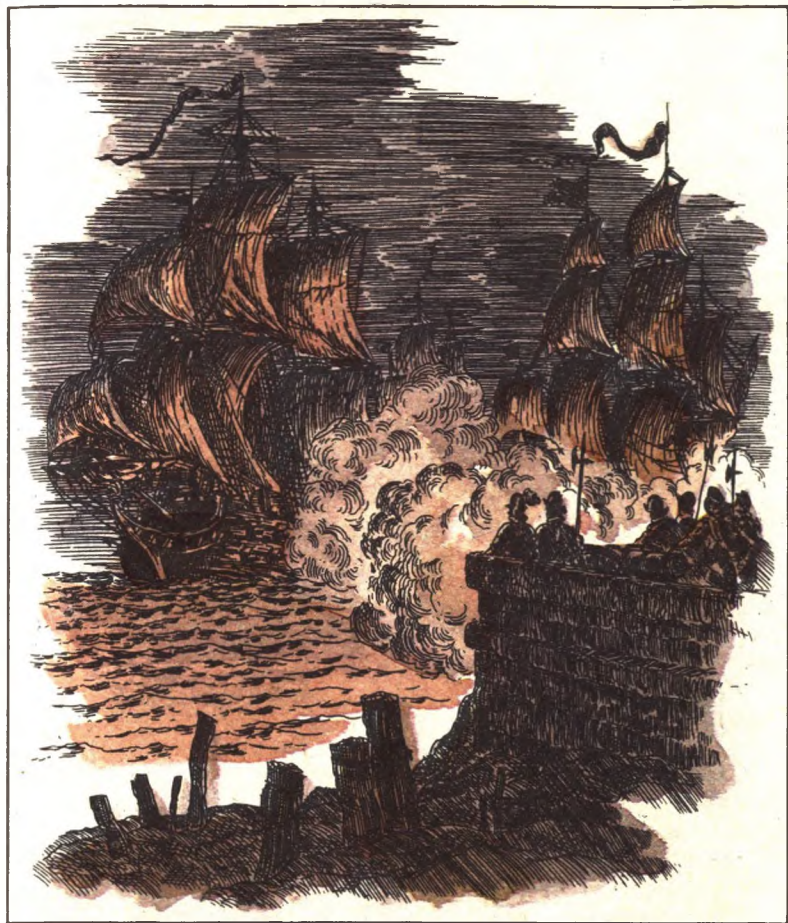
Морган тотчас сообразил, что следует воспользоваться ситуацией, не обостряя, правда, ее до крайности. Поэтому он не стал утверждать, что завязал сражение с испанским флотом, — истина все равно рано или поздно выплыла бы наружу: в Порт-Ройяле любая тайна сохранялась недолго. Он сказал, что *напугал* мощную флотилию, готовившуюся отплыть к Ямайке, заставив вражеские суда срочно укрыться под защитой фортов. Подобную версию трудно было опровергнуть, да никто и не стал бы опровергать ее, поскольку подогретое алкоголем воображение участников похода успело превратить демонстрацию перед Гаваной в целую эпопею. Морган увидал, что губернатор довольно потирает руки, и, пользуясь благоприятным моментом, сообщил об англо-французском инциденте.

— Ваш авторитет, равно как и мой, лишь поднимется в глазах моряков, если свершится правосудие.

Сэр Томас тут же согласился. Уже несколько месяцев в Порт-Ройале никого не вешали, а виселице не следует долго простаивать без дела, иначе она теряет свое воспитательное значение. Суд всем очень понравился, хотя обвиняемым был англичанин. Прокурор, с которым Морган успел перебраться парой слов, ловко составил обвинение. Он сделал упор на двух непростительных проступках. Во-первых, обвиняемый поддался соблазну мерзкого французского обычая сосать свежие кости (легкий шумок среди присутствующих, но никаких выкриков). Во-вторых, он уронил честь и достоинство британского джентльмена: секунданты уже договорились об условиях дуэли, а он их нарушил. Аплодисменты.

Тело повешенного проболталось в петле три недели возле порта. Оно еще висело там, расклеванное вороньем до костей, когда флотилия Моргана отходила в новую экспедицию. Эскадра состояла на сей раз из девяти кораблей, на борту которых было около пятисот человек. Ни капитанам, ни экипажам, ни бойцам не было известно место назначения. Шкиперы получили лишь короткое распоряжение: «Курс — зюйд». После неудачи в Пуэрто-дель-Принсипе Моргану удалось утвердить свою абсолютную власть.

Часовые обходили подножие башни Сан-Херонимо навстречу друг другу, чтобы обеспечить круговой дозор форта. Тот же порядок был заведен и для стражи трех остальных башен, защищавших город Пуэрто-Бельо: Сантьяго-де-ла-Глория, Сан-Фелипе и Сан-Фернандо.

Пуэрто-Бельо — Дивная гавань — так Колумб назвал удобную бухту, врезающуюся в гористый берег Панамского перешейка. Бухта не изменилась за прошедшие века, она все так же прекрасна; а вот от некогда знаменитого города с его памятниками, фортами и редутами, к сожалению, не сохранилось ничего. Вам покажут несколько полуразрушенных стен, и все. Остальную

часть порта занимают крытые волнистым шифером пакгаузы, на одном из них намалевана огромная надпись: «Кока-кола». Если вы зайдете туда, то увидите: ящики прямо на земле, никаких холодильников, напиток нагрет солнцем чуть ли не до кипения. Окрестности густо заросли кустарником, местами сельва спускается прямо к морю.

Когда начинаешь внимательно изучать документы, то обнаруживаешь, что в 1668 году Пуэрто-Бельо триста дней в году представлял собой сонный городок, насчитывавший около трех тысяч жителей, по соседству с болотами, над которыми во всякое время висели тучи москитов. Недаром это место служило рассадником желтой лихорадки.

Зачем же было строить там город? Ответ опять же заключен в его наименовании: удобная и хорошо защищенная от штормов бухта на Атлантическом побережье находилась в конце единственного пути через перешеек к Панаме на Тихоокеанском берегу.

Два-три раза в год по этой дороге двигался самый знаменитый и самый охраняемый в мире караван, перевозивший на мулах сокровища Чили и Перу в Пуэрто-Бельо. По прибытии каравана на Атлантическое побережье там устраивалась Золотая ярмарка. Продолжалась она две недели, в течение которых город полностью преобразался.

Галионы доставляли из Старого Света всевозможные товары, которые испанская казна продавала по высокой цене своим колониям; значительное число предметов можно было бы изготовить на месте, но всемогущая в своей жадности Королевская торговая палата в Севилье запрещала производить их в Америке. Караван мулов был гружен золотыми и серебряными слитками, две трети которых предназначались королевской казне, а остальные реализовывались в пользу вице-короля, его ставленников и ловкачей негоциантов всех мастей.

Вместе с купцами и приказчиками на ярмарку в Пуэрто-Бельо прибывали носильщики, посредники, кредиторы, перекупщики, промышленники, коммерсанты и военные из всех владений Испанской Америки — Мексики, Колумбии, Перу и Чили. На две недели Пуэрто-Бельо превращался в самый оживленный пункт торговли и обмена в тогдашнем мире. Здесь из рук в руки переходили сказочные суммы и богатства. А это значило, что были переполнены не только все городские дома, но и окрестности, где вырастал как на дрожжах временный город из деревянных хижин и парусиновых шатров, где люди жили и держали свой товар. И конечно же всем, собравшимся с набитыми карманами, предлагались развлечения, совершенно

естественные в подобных обстоятельствах: вино, женщины и азартные игры.

На две недели Пуэрто-Бельо становился кладезем удовольствий, вытрясавших из карманов собравшихся немалую толику монет. Самым живописным зрелищем были не набитые пьяными посетителями таверны, не покосившиеся притоны, где шла игра по-крупному, и не заведения, где можно было найти подругу с любым оттенком кожи. Самым замечательным было зрелище золотых и серебряных слитков, сложенных прямо на земле или сваленных возле стены дома. Европейские рудники совокупно давали ежегодно едва семьдесят пять килограммов драгоценного металла, а испанцы с 1521 по 1668 год вывезли из Америки двести двадцать *тонн* чистого золота. Во время ярмарки в Пуэрто-Бельо вооруженные до зубов солдаты стерегли привезенные сокровища, но зеваки могли вдоволь любоваться ими днем и ночью; некоторые простаивали перед золотом часами.

Обожатели желтого металла не отрывали глаз от своего кумира, даже когда по улице, поднимая пыль, проезжали похоронные дроги, в которых везли по три-четыре тела, завернутые в грубый саван. Во время ярмарки желтая лихорадка взимала особенно обильную дань с жителей города и гостей, однако все воспринимали эти потери со смирением. А уж с лихорадкой удовольствий эпидемия не могла совладать.

С окончанием ярмарки Пуэрто-Бельо вновь погружался в обычное дремотное состояние. Флибустьеры ни разу не отважились напасть на него. И солдаты испанского гарнизона, зевая, несли караульную службу от одной ярмарки до другой.

Наступил день 15 июня 1668 года. Дозорные на башне Сан-Фелипе, самой высокой из четырех, лениво поглядывали на пустынный горизонт. С наступлением сумерек их сменила ночная стража. Каблуки солдатских сапог гулко ударяли о каменную платформу, все шло как обычно.

Единственным развлечением ночного караула была охота за комарами: они звонко шлепали себя по лицу и рукам, памятуя, что комары — разносчики желтой лихорадки. Лучшей защитой, конечно, был бы табак, но курить ночным дозорным строжайше запрещалось.

Стены форта Сан-Херонимо были невысоки, и нижние караульные вполне могли бы переброситься шуточками с дежурными верхнего этажа, но разговоры тоже были запрещены, можно было лишь спрашивать пароль или передавать приказания. «Глупый запрет, — думали солдаты. — Сан-Херонимо стоит дальше остальных, при нападении с моря врагу пришлось бы взять сначала три других форта, прежде чем он сумел бы добраться

сюда». Караульные последней смены все чаще вглядывались в небо на востоке, ожидая, что над темной кромкой леса вот-вот возникнет светлая полоса. Рассвет всегда приносил немного прохлады, да и комары чуть успокаивались.

Удар по голове, ладонь закрывает рот, кляп, веревка — солдат у ворот Сан-Херонимо не успел даже сообразить, что происходит. Его внезапно оторвали от земли и быстро понесли в лес. Он очутился в толпе призраков. Какие-то люди бесшумно двигались среди деревьев. Неожиданно в лицо ударил слепящий свет фонаря и столь же неожиданно погас. Грубый голос стал задавать ему вопросы по-испански с иностранным акцентом. Сердце у солдата упало, горло перехватил спазм: «Неужели случилось самое невероятное, то, чего ожидали меньше всего?»

Сознание от этой мысли прояснилось, в голове даже замелькали проблески надежды, солдата словно прорвало — он заговорил, захлебываясь словами. Но в живот ему уперся острый нож.

— Я не люблю слушать басни. У меня есть план города и всех фортов. Вот схема Сан-Херонимо. Сколько там человек, сколько ружей?

Флибустьеры, столпившиеся во тьме вокруг Моргана, восхищенно слушали быстрые решительные реплики своего предводителя. Флотилия, прибывшая из Порт-Ройяла, увидела берег накануне вечером и тут же повернула вспять на запад, чтобы паруса не заметили с берега. Пройдя немного дальше, пираты вошли в устье реки Гуанчи, в нескольких милях от города. Высаживались ночью, но в полном порядке. Адмирал все предусмотрел и все заранее приготовил. Четыреста восемьдесят бойцов на лодках двинулись вверх по течению Гуанчи, чтобы зайти в тыл Пуэрто-Бельо. Испанскому солдату, своему первому пленнику, он сказал правду: у него были планы всех фортов и даже план города с обозначением всех улиц. И вот теперь, впервые попав на перешеек между двумя океанами, он вел себя так, словно провел на нем всю жизнь.

Флибустьеры, вытянувшись цепочкой, двинулись вслед за пленным к форту Сан-Херонимо. Ночь приближалась к тому неопределенному моменту, когда еще невидимый рассвет уже высветлил фигуры зевающих караульных. Веки их отяжелели, глаза разлипались с трудом.

Морган разделил свое войско надвое. Часть проскользнула к подножию форта. Нижние караульные, не успев пикнуть, испустили дух.

— Ну, а теперь вопи, да погромче!

Пленный солдат, в спину которого уперся клинок, закричал, что он в руках у «лутеранос», что их здесь целая армия и они не

пощадят никого, если им немедленно не отворят. В ответ раздалось несколько выстрелов, отчетливо послышался приказ: «В ружье!»

Но справа и слева на парапет уже карабкались пираты, вооруженные до зубов (последнее следует понимать буквально: они лезли наверх, зажав ножи в зубах). Бой внутри форта был ожесточенный, но недолгий, все было кончено к восходу солнца. Косые лучи осветили тела десятков испанцев, лежавших неподвижно с раскинутыми руками; многие даже после смерти не расстались с оружием. На них были стянутые в талии кожаные нагрудники и кожаные штаны; железные каски свалились при падении, раскатившись во все стороны; теперь эти пустые головные уборы с острым выступом надо лбом смотрелись как бутафория.

— Адмирал, сопротивление подавлено. Что прикажете делать с пленными?

— Замокнуть в центральном зале. Все остальное — как я приказывал.

Еще несколько коротких распоряжений, и победители покидают форт торопливым шагом, скорее похожим на бег. Длина фитиля, подведенного под пороховой погреб, была тщательно рассчитана — пираты успели отбежать на достаточное расстояние, когда форт взорвался. Глухой удар, казалось, вырвался из чрева земли, затем хлестнул по барабанным перепонкам, и огромные камни, из которых был сложен Сан-Херонимо, взметнулись в воздух, подсвеченные рыжим пламенем. Останки пленников никто не смог бы обнаружить даже при большом старании... Флибуштеры помчались к городу, вопя и стреляя в воздух.

Не известно, давал ли Морган четкие указания о дальнейшем развитии операции, в частности приказал ли он вначале захватить остальные форты крепости, прежде чем приступить к разграблению Пуэрто-Бельо. В сумятице общей атаки можно лишь различить несколько отрядов, наглухо блокировавших все церкви и монастыри, — это правило неукоснительно соблюдалось войском Моргана при взятии всех городов.

Несколько часов в Пуэрто-Бельо правил бал сам Сатана. Предыдущая экспедиция принесла разочарование, зато нынешняя пожива была богатейшая. Все, что грезилось в ночных и дневных мечтах алчному воображению, оказалось вдруг под рукой, в том числе женщины, парализованные страхом и мечущиеся в ночных рубашках по улицам в попытке спастись. Никакой пощады никому — любая попытка сопротивления, любой жест неслогласия тут же карается ударом сабли; головы летят с плеч, не жалеют даже детей — немало маленьких трупов будет подобрано потом.

Первые огромные каменные ядра обрушились на центр города почти одновременно с грохотом орудий. Густая пороховая гарь заволокла верхнюю площадку форта Сантьяго-де-ла-Глория.

Губернатором Пуэрто-Бельо был пожилой дворянин по имени Кагельон. Разбуженный адским взрывом в Сан-Херонимо, он различил вопли и пистолетные выстрелы пиратов, после чего до него донеслись стенания распятого города. Жуткие сцены разыгрывались у подножия крепости. Выбегать и броситься на озверелых негодяев? Но их было слишком много, и они прекрасно поднааторели в уличном бою. К тому же участь населения была столь ужасна, что ее нельзя была отягчать новой битвой. Кагельон отдал приказ повернуть орудия Глории на город и стрелять наугад. Возможно, взбешенные флибустьеры перестанут терзать женщин и беззащитных горожан и обернут свой гнев на крепость. Расчет Кагельона оказался верен.

В определенном смысле Морган тоже был доволен таким оборотом: внимание пиратов направилось в другую сторону, хаос прекратился и адмирал смог вновь взять бразды правления, чтобы подготовить штурм Глории.

Старинные реляции о баталиях надлежит прочитывать со всем тщанием, чтобы увидеть за расплывчатыми фразами и стереотипными определениями точные факты, позволяющие восстановить подлинную картину происшедшего. В данном случае произошло следующее. Флибустьеры изо всех сил пытались взломать или поджечь ведущие в форт ворота из массивного красного дерева пятнадцатисантиметровой толщины, проклепаные железом. Нет, тут нужна была пушка, а у осаждавших ее не было. Испанцы сверху стреляли в них в упор и сбрасывали со стен Глории «раскаленные докрасна камни, лили кипятков и смолу, бросали бомбы». Эти примитивные бомбы представляли собой глиняные горшки, начиненные орудийным порохом.

Бой продолжался, но Моргану уже было ясно, что наскоком крепость не взять. Постепенно пыл нападавших остывал, а груда убитых и раненых под стеной росла все выше. Надо было либо взять Глорию, либо уходить: собрать всю добычу, которую можно унести, добраться до кораблей и отплыть. Под огнем пушек форта?

Морган отошел подальше, чтобы охватить всю картину боя. Обычно он шел во главе войска, но теперь было бы совершеннейшим безумием топтаться у стены под градом пуль, бомб и кипящей смолы. Стоило как следует поразмыслить, что делать дальше.

Монахи и монахини, запертые в своих монастырях, молились

на коленях перед распятиями и мадоннами, которых пираты не успели еще похитить или осквернить. Они слышали взрыв, стрельбу, топот, душераздирающие крики, затем пушечный залп. Теперь поверженный город затаился в страхе, напряженно ловя отголоски битвы под стенами Глории. Монахи и монахини молились в полный голос, у женщин он прерывался порой безудержными рыданиями: монахини хорошо представляли себе, что их ждет.

Они решили, что настал час их смертных мук: двери монастыря рывком распахнулись и в молельню ввалились черные от пороха злодеи. Быстро окружив святых сестер, они погнали их прочь, как стадо овец. Монахини семенили, не соображая толком куда и едва ли замечая, что грохот боя становился все громче и громче. Затем, все еще не понимая ничего, они увидели, как из боковой улицы появилась толпа монахов-мужчин, которых тоже гнали тычками, пожалуй, даже грубее — вперед, скорей! Обе толпы слились вместе, и монахи узрели перед собой в клубах густого дыма массивные зубчатые стены форта Сантьяго-де-ла-Глория.

— Взять штурмовые лестницы! Приставить к стене!

Лестницы — наскоро сколоченные из неструганой древесины, необыкновенно широкие — валялись кучей.

Градом посыпались удары. Лестницы были чудовищно тяжелые. Божьи люди, не привыкшие к труду, многие из них старые и больные, едва могли поднять их. Тем не менее под угрозой смерти надо было разбирать и тащить их. Удары по голове и покалывания клинками не прекращались; мужчины и женщины в коричневых и черных рясах то и дело спотыкались и падали, идущим сзади приходилось шагать по их телам. Сквозь завесу дыма и слез они видели желтую стену, откуда лили смолу и сбрасывали дымящиеся бомбы.

— Ставьте лестницы!

На верху стены раздались крики, пальба прекратилась, смола и бомбы больше не падали. Все новые партии монахов из других монастырей прибывали к стене, разбирали лестницы и тащили их к подножию. Лестницы были сколочены с таким расчетом, чтобы на одной перекладине могли уместиться четверо бойцов.

— Ставьте лестницы!

Некоторые монахи и монахини в испуге поворачивали назад и брели к флибустьерам. Их убивали выстрелом из пистолета в упор.

— Ставьте лестницы!

Защитники форта с ужасом смотрели, как понукаемые флибустьерами монахи, словно большие муравьи, заполнили подножие

крепости, а затем начали карабкаться на стены. За ними лезли пираты с ножами в зубах.

Раздался приказ, стрельба вспыхнула с новой силой. Черные и коричневые сутаны бесформенными комьями падали вниз. Испанские солдаты, стиснув зубы, безостановочно били в упор, несмотря на умоляющие вопли святых отцов и их искаженные страхом и смертной мукой лица. Но первые флибустьеры уже перемахивали через парапет.

Тремя неделями позже Морган мог обзреть с площадки цитадели, которую он избрал своей резиденцией, все пространство покоренного города. Пуэрто-Бельо казался вымершим. Валявшиеся повсюду трупы были похоронены уцелевшими горожанами или расклеваны стервятниками. Черные птицы все еще зловеще кружились стаями над лесом: туда флибустьеры свозили на дрогах своих товарищей, умерших от желтой лихорадки. Судя по их количеству, москиты Пуэрто-Бельо грозили нанести захватчикам больший урон, чем мушкетные пули и пороховые бомбы испанцев.

Позже Морган обмолвился, что пуще всего его поразило во время штурма крепости поведение старого Кастельона. Прижатый к стене цейхгауза, губернатор свирепо отмахивался окровавленной саблей, отказываясь сдаться:

— Лучше умереть как солдату в бою, нежели быть повешенным как трусу!

— Я не вешаю таких людей, как вы!

Жена и дочь губернатора, стоя на коленях рядом с Морганом, лицом к герою, заклинали его не умирать. Тщетно — клинок Кастельона разил всех, кто к нему приближался.

Морган отвернулся:

— Застрелите его.

Впоследствии он говорил, что отдал этот приказ скрепя сердце. Что же касается приказов по поводу «привлечения» монахов и монахинь к штурму цитадели, то об этом он даже не упоминал: война есть война. Ни словом не обмолвился он и о пытках, которым подвергли жителей, чтобы выведать у них местонахождение тайников: дознания были в обычае у флибустьеров. Между тем точные детали этих мучительств стали известны, поскольку некто Джон Стайл, рядовой моргановского войска, участвовавший, как и остальные его коллеги, в дознаниях, позже не выдержал укоров совести и обратился к премьер-министру Англии со своего рода исповедью. Описанные там страсти совершенно невыносимы и поверить в них можно лишь,

если вспомнить, что зрелище публичных пыток, казней и валявшихся на улицах трупов было привычным для людей того времени.

Морган весьма сердился, что дознание затянулось на столь долгий срок. Нет, не из внезапно проснувшейся чувствительности, а просто потому, что строил расчет на куда более короткую экспедицию. Его разведывательная служба, составленная из испанцев-дезертиров, беглых рабов, купцов и портовых девиц, дала ему самые точные сведения о топографии местности, но ему забыли сообщить (хотя, по сути, ему полагалось бы знать это самому), что богатства появлялись в Пуэрто-Бельо по прибытии каравана из Панама. Лишь в это время становилось явью сказочное зрелище — слитки золота, сложенные на улице, как кирпичи. Ну а коль скоро он оказался в городе в неурочное время, пришлось обратиться к испытанному старому способу — выкупу. История выкупа в Пуэрто-Бельо имеет свою особенность и даже целое продолжение. Вот как развивались события.

Морган (в гневе от того, что золота не оказалось на месте). Общий выкуп за город — сто тысяч пиастров. Если их не заплатят, город будет предан огню, а все жители до единого перебиты.

Хор оставшихся в живых горожан. У нас ничего нет, ваши люди выгребли все подчистую, до последнего дублона. Позвольте, мы пошлем двух уважаемых граждан за выкупом к губернатору Панама.

Морган. Ладно. Даю вам две недели.

Еще до истечения назначенного срока адмиралу докладывают, что из Панама в направлении Пуэрто-Бельо движутся крупные силы во главе с губернатором доном Аугустином де Бракаманте. Морган посылает им навстречу сотню флибустьеров, которые внезапным ударом из засады обращают испанскую колонну в бегство. Следует обмен письмами.

Бракаманте. Если вы немедля не уберетесь восвояси, вы об этом пожалеете.

Морган. Пустые угрозы. Посмотрите, что случилось с вашим войском. Я сам мечтаю поскорей покинуть эти края, где люди мрут от лихорадки. Но мне нужен выкуп.

Бракаманте. Ни единого песо. Я не собираюсь платить из казны короля за город, проспавший появление врагов.

Постскриптум. Буду признателен адмиралу Моргану за присылку образцов оружия, с помощью которого ему удалось захватить столь крупный город.

Это послание было доставлено разряженным испанским офицером, которого Морган принял с подобающим почтением.

Загадочный постскрипtum (ирония? почесть?) нисколько не удивил адмирала. Он вручил офицеру пистолет и несколько пуль:

— Вот оружие, которым я взял Пуэрто-Белью. Соблаговолите попросить дона Аугустина подержать этот пистолет у себя ровно год. Затем я сам явлюсь за ним. В Панаму.

Вызов, посланный с двенадцатимесячным упреждением, был стратегической ошибкой. Но Морган наслаждался своим триумфом, и ему хотелось поиграть с испанцем в кошки-мышки. Однако Бракаманте тут же дал знать, что не желает быть мышью.

Посланец вернулся от него с золотым кольцом:

— Губернатор просит адмирала Моргана принять это золотое кольцо взамен пистолета. Это избавит его от необходимости появляться в Панаме, ибо дон Аугустин велел передать адмиралу Моргану: пусть он не тешит себя надеждами, что в Панаме у него все сойдет столь же гладко, как в Пуэрто-Белью.

На этом диалог окончился.

Морган надел золотое кольцо на палец. Оно красовалось на нем и в тот день, когда он с верхней площадки цитадели смотрел на город, а переводя взгляд на дивную бухту, видел девять своих кораблей, готовых отплыть с добычей. Последнюю составили двести пятьдесят тысяч золотых пиастров, сокровища церквей и монастырей, ювелирные изделия, драгоценные камни и богатые ткани плюс множество другого товара, плюс триста рабов. Сто тысяч монет как по волшебству появились из-под земли после того, как Морган объявил, что Бракаманте отказался дать хоть одно песо из казны; при этом флибустьерский командующий оставил свой ультиматум в силе.

Делили добычу, как повелось, на Коровьем острове, сделав там остановку на обратном пути. Оргия, устроенная по прибытии в Порт-Ройял, превзошла длительностью и размахом все, что пиратское гнездо знало до тех пор. Содержатели таверн не могли сдерживать радости, подсчитывая ежеутренне суточную выручку, и умильно глядели на тела пропойц, напоминавшие неподвижностью трупы Пуэрто-Белью; всклокоченные девицы запихивали монеты в матрасы; ростовщики и торговцы не спали ночи напролет, заполняя приходные книги; они наняли особую охрану из отборных молодцов для присмотра за битком набитыми складами. Губернатор сэр Томас Модифорд глядел на своего адмирала с восхищением, в котором сквозило некоторое опасение.

— Никогда еще подобная добыча не появлялась в Порт-Ройяле,— сказал он.— Богатство нашего острова разом возросло по меньшей мере на треть.

— Надеюсь, об этом никто не сожалеет.

Морган недвусмысленно намекал на огромный куш, отваленный сэру Томасу.

— Меня немного беспокоит ваша переписка с Бракаманте, — сказал губернатор, меняя тему. — Я имею в виду объявленное вами намерение отправиться в Панаму. Вам ведь известно, что Лондон договорился с Испанией о своего рода передышке. Я получил инструкцию продолжать нападать на их галионы, но не трогать владений на суше.

— Если вы обеспокоены лишь этим, вот моя реляция о событиях в Пуэрто-Бельо. Можете смело отправить ее в Лондон.

Этот документ был найден в архивах. Там сказано, что Морган оставил город «в том самом виде, в каком тот пребывал ранее». А обращение его с жителями было столь галантно, что «несколько благородных дам», которым он предложил отправиться в Панаму, отказались, заявив, что «они находятся в плену у людей, готовых блюсти их честь лучше, чем это было бы в Панаме».

Карл II и его министры, в ушах которых еще звучали возмущенные протесты испанского посла по поводу грабежей и насилий в Пуэрто-Бельо, с некоторым замешательством ознакомились с этим памятником вероломства. Однако и Карл II, и его министры, и его двор, и казначей Английского банка находились в шоковом состоянии от количества золота, посыпавшегося в их шкапулки, подвалы и карманы. Впечатление было усилено сообщением губернатора Модифорда о том, что это лишь начало. Посему, несмотря на испанские вопли, Порт-Ройял не получил даже порицания. В те времена, как часто и поныне, мораль общества выражалась односложно: «Обогащайтесь!»

Крупнейший в мире город с полумиллионным населением, Лондон в 1668 году зализывал, как раненый зверь, свои раны. Из окон дворца Карл II мог видеть снующие по Темзе парусники и слышать перезвон молотков на верфях; но если он выезжал куда-либо, ему было не миновать черных руин — следов гигантского пожара, уничтожившего два года назад город почти на 80 процентов. А в минувшем году британскую столицу еще посетила чума, унесшая 70 000 жизней.

Толпы молящихся переполнили тогда церкви, люди молились и сейчас, но псалмами нельзя было поднять город из руин. Нужны были деньги. Кроме того, золото требовалось для армии и флота, для ведения политики и устройства празднеств, для всякого рода увеселений, без которых монаршья жизнь — не жизнь, особенно для короля, познавшего в юности изгнание и

нищету. Трудно даже вообразить, сколько золота уходило на праздники и любовниц! Когда Карлу II случалось думать о своем далеком заморском владении под названием Ямайка, она представлялась ему золотым Эдемом, где никогда не бывает лондонских туманов и текут молочные реки в кисельных берегах. И тут на память ему приходила угроза, о которой писал губернатор Модифорд,— угроза нападения с Кубы. Нет, поистине нельзя было больше тянуть с отсылкой помощи и подкрепления на Ямайку. «Сколько мы можем послать кораблей?»

В конечном счете отправили один корабль, именованный «Оксфорд», зато, правда, без промедления. Хороший, крепкий корабль, водоизмещением 300 тонн с 36 орудиями на борту под командованием одного из самых способных капитанов, Эдварда Коллиера.

Насколько «корабль его величества» XVII века не походил на современные корабли, настолько и его экипаж не напоминал свежесбранных и «отутюженных» матросов нынешнего военного флота Великобритании. В ту эпоху избрать своим уделом вонючий матросский кубрик могли лишь люди отверженные, подонки общества. В отличие от своих собратьев на купеческих судах они в обилии получали лишь зуботычины и удары линьками, призванные поддерживать на борту железную дисциплину.

Когда после долгого перехода, приправленного тремя бурями, перед матросами «Оксфорда» появилась из бирюзового моря Ямайка, она показалась им изумрудом в белой оправе. Само ее имя было синонимом скорой наживы и вожделенных безумств; люди почувствовали, как у них просыпается волчий аппетит. Именно в этот момент боцманы и вахтенные принялись стимулировать их усердие кулаками и линьками: капитан Эдвард Коллиер пожелал, чтобы вход в Порт-Ройял прошел безукоризненно, чтобы все маневры были достойны королевского флота. Он знал, что флибустьерский порт поднимет его на смех из-за малейшего неловкого маневра.

Стараниями экипажа швартовка судна прошла безупречно, паруса подтянуты на гитовы одновременно, словно вздернутые единым движением; свободный ход судна по знаменитой бухте был очень достойный — ни слишком быстрый, ни слишком медленный; вахта выстроена на носу, якорь плюхнулся в воду по свистку. В толпе, собравшейся на пирсе и на берегу, раздались возгласы одобрения. Едва трехмачтовик застыл на месте, как на воду спустили белую шлюпку и двенадцать гребцов по команде боцмана налегли на весла. На корме, лицом к рулевому, восседал капитан в шляпе с плюмажем.

Предупрежденный дозорным о прибытии королевского судна, сэр Томас отрядил для встречи капитана своего адъютанта с эскортом. Эдвард Коллиер ответил на приветствие офицера и сел на подведенную лошадь. Не поворачивая головы, он поглядывал налево и направо. Город Порт-Ройял показался ему значительное и краше, чем он представлял себе по описаниям. Двое всадников прокладывали путь высокому гостю сквозь оживленную пеструю толпу любопытных. Коллиер обратил внимание, что эскорт вдруг круто объехал две огромные, закрытые парусиной подводы, запряженных в них лошадей вели под уздцы испанские пленники, и при появлении этих экипажей вокруг них сразу образовывалась пустота: толпа шарахалась прочь. Но адъютант уже показывал ему рукой на губернаторский дворец.

Эдвард Коллиер представился, назвал свое судно, сказал, что прибыл из Лондона, и вручил командировочное предписание. Молча прочтя его, не дрогнув ни одним мускулом лица, Модифорд сообщил, что он, сэр Томас, будучи губернатором острова, являлся одновременно и главнокомандующим сухопутных и морских сил, — иными словами, ему подчинялись все английские войска в Карибском море. Коллиер ответил, что прекрасно осведомлен об этом и что ему предписано обеспечить защиту острова против нападения с моря, а это предполагает исполнение приказов сэра Томаса. Субординация была выяснена, губернатор велел принести рому. Как здоровье его величества, что говорят в Лондоне, построены ли жилища для горожан, или им все еще приходится ютиться в селах и на баржах на Темзе? Кстати, в этой связи угодно ли будет капитану жить на борту или в доме в Порт-Ройяле?

— Впрочем, у вас будет достаточно времени для решения. Да и, по правде говоря, сейчас вам лучше пожить на борту. У нас обнаружено несколько случаев смерти от чумы. А что касается использования вашего судна для защиты острова, я подумаю об этом.

Сэр Томас, как и все в Порт-Ройяле, называл этот недуг чумой. Только пленники испанцы называли его *черной рвотой* — такие симптомы появлялись в последней стадии болезни. В действительности это была желтая лихорадка, завезенная войском Моргана из похода в Пуэрто-Бельо. Самой адмиральской флотилии в порту не было: она уже вышла в другую экспедицию. Эпидемия не приобрела в Порт-Ройяле массового характера, поскольку желтая лихорадка переносится определенного вида комарами, а их на Ямайке водилось немного, к тому же с приближением сухого сезона они исчезали совсем.

Командир «Оксфорда» воспринял приказ отплыть на Ямайку без особого восторга, полагая, что в среде флибустьеров ему будет непросто поддерживать на борту привычную дисциплину. А тут еще чума! Коллиер не мог знать, что речь идет о другой болезни, куда менее опасной. Но он запретил отпускать экипаж на берег, сделав исключение лишь для вахтенной команды, отправленной за провизией.

Несколько дней спустя дежурный офицер принес ему письмо от сэра Томаса. Капитану Коллиеру предлагалось поставить свое судно на якорную стоянку возле Коровьего острова и поступить под командование адмирала Моргана, чья флотилия собиралась в указанном месте.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Коллиер.— Передайте губернатору: я понял приказ.

Он с горечью подумал, что попал в ловушку. Отвечать «да, сэр» флибустьерскому жожаку — это ли не оскорбительно для офицера флота его величества?! «Оксфорд» был послан королевским приказом защищать Ямайку, а не участвовать в пиратских набегах.

С другой стороны, сэр Томас при первой же аудиенции подчеркнул, что в этой части света *он* отдает приказы на море и на суше. Стоит ли брать на себя риск возражать, спорить и обсуждать приказы на Ямайке, где ослушника куда чаще убеждают не словами, а выстрелом в упор или ударом клинка? Да и потом, чего можно требовать? Остаться на приколе в Порт-Ройале, где вовсю свирепствует чума? У Эдварда Коллиера все еще стоял в ушах скрип осей тяжело груженных дрог, ночи напролет возивших трупы по улицам Лондона.

Итак, второго января 1669 года трехмачтовый корабль «Оксфорд» флота его величества стоял на якоре возле Коровьего острова в окружении пятнадцати флибустьерских судов, и зрелище, которое он являл, даже отдаленно не напоминало безукоризненной картины матросской выучки, продемонстрированной ямайской публике в день прибытия в Порт-Ройал.

Над его палубой висел разудалый гомон, прерываемый время от времени пушечным выстрелом. На палубе были поставлены длинные столы, ломившиеся от снеди и бочонков с ромом, а за столами пировали две сотни флибустьеров; джентльмены удачи были по большей части в лохмотьях, но у многих в ухе горделиво болталась серьга, бряцала о грудь золотая цепь или все десять пальцев были унизаны перстнями. То были представители экипажей всех судов, собравшихся на рейде острова. Вперс между

с ними сидели матросы «Оксфорда», сбросившие с себя наконец оковы военной дисциплины и с неутомимостью оголодавших хищников набросившиеся на обильное угощение и выпивку. Пир был в разгаре.

Примерно каждые полчаса кто-нибудь из гостей поднимал стакан и испускал громовое мычание, которое должно было означать тост за здоровье адмирала Моргана, величайшего мореплавателя всех времен и народов. Тотчас в стельку пьяный бомбардир подносил к пушке фитиль и производил холостой выстрел в честь Моргана.

Сам же герой праздника давал в капитанской каюте на корме «Оксфорда» банкет в честь господ офицеров. Он тоже часто поднимал кубок за здоровье короля, губернатора Томаса Модифорда, присутствовавших капитанов, а также за здоровье жителей Картахены, что каждый раз вызывало взрыв гомерического хохота.

Лицо капитана Коллиера, сидевшего во главе стола, поыхало ярким румянцем от выпитого рома, как и у его гостей, но манеры его оставались сдержанными; никто бы не смог сказать, что он в действительности думает обо всем происходящем. Когда «Оксфорд» подошел к Коровьему острову, на борт его поднялся один из помощников Моргана и без всяких околичностей спросил, что делает тут британский корабль. Коллиер сам отправился к адмиралу, чтобы вручить ему письмо от сэра Томаса.

— Превосходно! — ответил адмирал. — Я сейчас введу вас в курс предстоящей экспедиции.

На сей раз Морган решил ничего не скрывать. Целью была Картахена, порт Испанской Америки (ныне в Колумбии), некогда разграбленный знаменитым Дрейком; с тех пор минуло уже восемьдесят лет, и город должен был оправиться. В Картахене под защитой неприступных фортов останавливались галионы, но Морган считал, что вряд ли они мощнее фортов Пуэрто-Бельо. А успех в Пуэрто-Бельо наполнял гордостью всю флибустьерскую братию. Теперь они авансом праздновали успех в Картахене. Отплытие было назначено на 4 января.

Морган решил пировать на «Оксфорде» — это был самый большой и чистый корабль его флотилии. Но он посадил во главе стола Коллиера, оставшегося на борту «первым хозяином после господ бога». Морган не хотел с первых шагов обострять отношений с чопорным капитаном, выказывая свою власть.

Слева от Коллиера сидел другой капитан, тоже раскрасневшийся от спиртного и не менее командира «Оксфорда» удивлявшийся крутому повороту своей карьеры.

Коллиер обращался к своему соседу слева по-французски. Капитан де Вивон командовал — формально он еще сохранял свою должность — французским военным судном «Летучий змей» из Ла-Рошели. На рейде Коровьего острова он оказался одновременно с «Оксфордом», однако совершенно не по своей воле. Коллиер, направляясь к месту сбора флибустьеров, застал «Летучего змея» в момент, когда тот грабил в открытом море английское купеческое судно, и в свою очередь взял «француза» в плен. Подавляющее превосходство «Оксфорда» в вооружении позволило провести операцию легко и даже куртуазно. Капитан де Вивон в изысканных выражениях сообщил, что он, к сожалению, был вынужден одолжить часть товаров у английского «купца», поскольку «Летучий змей», потрепанный бурей, истощил свой запас провизии.

— Извольте следовать за мной, — ответил Коллиер. — У нас будет время разобраться во всем согласно действующим английским законам.

Инцидент еще не был исчерпан, но Морган дал согласие на присутствие за праздничным столом капитана де Вивона.

На остальных судах, собравшихся у Коровьего острова, в том числе и на «Летучем змее», тоже шел пир горой: группа захвата, посаженная на борт, потребовала участия в гульбе, а французский экипаж пленного судна охотно присоединился к ним.

Внезапно сидевшие на судах по соседству с «Оксфордом» почувствовали, как настил дрогнул у них под ногами, словно море передало подземный толчок. Затем раздался оглушительный грохот взрыва и колоссальный столб пламени взметнулся над носовой частью «Оксфорда». Черное облако заволокло все вокруг, а в море посыпались обломки корпуса и куски человеческих тел. Когда дым рассеялся, люди успели заметить, как корма «Оксфорда» погружается в воду. Два-три десятка человек плавали, уцепившись за куски дерева и отчаянно вопя. Это были гости Моргана, уцелевшие от взрыва порохового погреба в носовой части английского корабля. Все пировавшие на баке — около двухсот человек — погибли, одни при взрыве, другие потонув в бессознательном состоянии. Шлюпки вылавливали уцелевших. Среди них был адмирал Морган и почти все его приглашенные, в том числе Коллиер и де Вивон.

Спасатели, бешено работая веслами, примчались со всех судов к месту происшествия. Им открылась жуткая картина, освещенная ласковым январским солнцем. К песчаному берегу Коровьего острова течение прибывало трупы. Кое-где матросы втаскивали в лодки безжизненно плававшие тела. Другие выкликали имена исчезнувших товарищей в тайной надежде, что они отзовутся.

Третьи деловито суетились на пляже, стаскивая с трупов сапоги, сдирая с пальцев кольца и вынимая из мочек ушей серьги. Очень быстро кровь привлекла акул, и вылавливать стало нечего...

Капитан Коллиер смог доложить губернатору Модифорду о трагическом происшествии у Коровьего острова лишь две недели спустя: Морган поручил ему отвести «Летучего змея» на Ямайку для легализации судьбы французского судна. Пока же он велел снять с него орудия и установить их у себя на борту.

Коллиер оставил адмирала в тяжелый момент. Экипажи были взбудоражены взрывом на «Оксфорде». Пираты, едва обчистив тела своих товарищей, тут же принялись вопить о предательстве и гневно требовать расследования. Вне всякого сомнения, причиной катастрофы было повальное пьянство. Канониры «Оксфорда», бегавшие в погреб за порохом для заздравных залпов, успели накачаться до потери сознания; в конце концов кто-то из них ворвался в погреб с еще тлевшим фитилем. Результат не замедлил сказаться.

Однако идея предательства всегда находит благодатную почву, и англичане обвинили офицеров «Летучего змея» в диверсии. Морган властно вмешался в дело и отослал подозреваемый корабль на Ямайку. Он не мог допустить расправы, поскольку кое-кто из французских флибустьеров уже начал отказываться от дальнейшей участия в экспедиции. Они снимались с якоря, чтобы плыть домой, на Тортугу.

Сэр Томас внимательнейшим образом слушал капитана Коллиера, но тот видел, что губернатору было не до трагедии «Оксфорда». Он был в трауре: несколько дней назад умерла от «чумы» его жена. Леди Модифорд по иронии судьбы стала последней жертвой эпидемии, врачи не обнаружили на Ямайке больше ни одного больного.

— Почему эта хворь не могла кончиться чуть раньше? — печально вопрошал губернатор.

Вздыхнув, он добавил, что капитан «Летучего змея» и его офицеры должны предстать перед судом. Моряков судил тот же трибунал, что разбирал дело английского флибустьера, заколовшего француза на окровавленном пляже Санта-Мария на Кубе. Его состав не изменился. Учитывая количество драк, ранений, мерзких деяний и даже убийств, случившихся каждую неделю в городе и на борту стоявших в порту судов, трибуналу Порт-Ройяля пришлось бы заседать круглосуточно. Но местные власти предпочитали, чтобы заинтересованные лица сами решали свои споры и разногласия. Правосудие вступало на сцену лишь в

случаях, когда в деле оказывались замешаны иностранцы или же когда преступление ставило под угрозу благополучие всей колонии.

Капитан Эдвард Коллиер выступил в качестве главного свидетеля — разумеется, свидетеля обвинения. Однако показания он давал сдержанно, как бы сожалел о своей роли, и это произвело приятное впечатление. Публика, состоявшая исключительно из флибустьеров и жителей Порт-Ройяла, не выказала удивления, услышав, что прокурор выдвинул против капитана де Вивона обвинение в *пиратстве*. Защита довольно ловко возражала, заявляя, что в результате действий обвиняемых у причала Порт-Ройяла оказался великолепный корабль, который в ином случае никогда не попал бы туда.

Приговор гласил следующее: «Летучий Змей» конфискуется в казну его величества, а офицеры будут задержаны на Ямайке до тех пор, пока не представится случай отправить их на родину. Они пробыли на острове несколько лет — конечно, не в узилище, как вы легко догадываетесь. Матросам было «дозволено» стать флибустьерами.

Сразу же по вынесении приговора губернатор сообщил Коллиеру, что он решил вооружить «Летучий змей» и отправить его — под командованием капитана Коллиера — к Коровьему острову для усиления армады Моргана. События развивались закономерно. Бывший командир «Оксфорда» оказался перед выбором: либо подать в отставку, либо начать помимо воли карьеру флибустьера.

Орудия были установлены, но корабль не отплыл к Моргану: с Санто-Доминго прибыл флибустьерский тендер с известием, что армада адмирала успела отбыть в неизвестном направлении. «Летучему змею» было велено ждать новых сообщений. Минуло две недели. По неподтвержденным сведениям, Моргана видели в разных местах — то возле Эспаньолы, то возле Кубы, то снова у Эспаньолы.

— Войдя в пролив Окоа, он отправил сто пятьдесят человек на охоту, чтобы запастись мясом...

— Он сказал, что собирается напасть на селение Ассо, но потом передумал и не пошел туда...

— Он захватил сотню быков...

При каждом новом известии Томас Модифорд и капитан Коллиер приходили в недоумение: все эти жалкие акции никак не походили на грандиозные замыслы адмирала. Последовала новая долгая пауза. Отплытие «Летучего змея» откладывалось из недели в неделю. К началу марта корабль все еще ждал приказа.

Зрелище совершенно пустого города всегда вселяет тревогу. Даже хорошо вооруженный отряд среди бела дня входит в него настороженно. Шаги гулким эхом отдаются на улицах. Черный кот, перебежавший дорогу, кажется дурным предзнаменованием. Двери первого дома наглухо закрыты; их взламывают — никого. Никто не отзывается на оклик. На столе остатки еды, очаг еще дымится. Все перевернуто вверх дном, все разбито и сломано, но вещи безмолвствуют, у них ничего нельзя вызнать. Следующий дом, и снова тишина. В доме та же картина; похоже, что его обитатели бежали какой-нибудь час назад. И вновь пустынная улица.

Внезапно передовой дозор замирает: в соседнем доме послышался звук, что-то шевельнулось. Там кто-то есть! Дверь от могучего удара распахивается настезь, отряд с пистолетами наготове врывается внутрь. Кого они застают? Убогого калеку, лежащего на полу рядом с кроватью, — он конечно же тоже пытался убежать, но ему никто не помог. Несчастливого старика схватили, грубо подняли за шиворот, забросали вопросами. Он лишь смотрел открыв рот на захватчиков, вращая округлившимися от ужаса глазами. Может, немой? Нет, укол кинжала вырвал из груди стон. Ты скажешь или нет, собака, куда все подевались? Где спрятано золото? Однако калека не выдерживает и первых минут допроса и почти тут же испускает дух.

Таким застали флибустьеры 9 февраля 1669 года город Маракайбо. Намерение идти на Картахену было оставлено несколько дней спустя после взрыва на «Оксфорде»: слишком много оказалось погибших и еще больше дезертиров. У Моргана осталось всего восемь кораблей и от силы пятьсот человек. Это известно достоверно. Что касается последующих событий, то есть трехнедельного крейсерского плавания у побережья Кубы и Эспаньолы, то никаких подробностей о нем так и не всплыло; сегодня мы практически ничего не знаем о загадочном поведении адмирала в этот период. Известно, что в один из дней в каюту к Моргану пришел Пьер Пикардиец, весьма известный флибустьер, на счету которого было немало «славных» дел. Он хорошо владел английским и был одним из капитанов его армады.

— Надо идти брать Маракайбо. Там хватит добра на целый флот, — сказал пират. — Два года назад я был в этом месте с экспедицией Олоне, хорошо знаю вход в лагуну и расположение фортов.

Пикардиец не рассказал, при каких обстоятельствах он расстался с Олоне, сгинувшим с тех пор без вести. Но у

«береговых братьев» не было в обычае расспрашивать коллег о том, о чем они не желали говорить сами. Морган быстро согласился с предложением.

Сведения и ориентиры, которые мореходы той эпохи держали в памяти, чаще всего не фиксируя их на карте, поразительно точны, особенно в сравнении с топографической путаницей, царящей в большинстве письменных рассказов и отчетов об экспедициях. Подобная неопределенность не случайна: авторы не желали делиться своими открытиями. Так, Пикардиец вынес из своего похода с Олоне множество полезных деталей: как и откуда следовало нападать; где расположен у входа в залив населенный покоренными индейцами остров Оруба (сейчас — Аруба); как следовало, пройдя залив, пересечь горловину, ведущую в лагуну — огромное морское озеро, причем эти сведения не уступали точностью оперативным планам современного штаба, подготавливающего вторжение.

Как и ожидалось, расположенный на островке у самого берега при входе в лагуну форт открыл огонь, едва увидев флотилию. Но вопреки ожиданиям пушки замолчали еще до того, как орудия Моргана успели произвести ответный залп. А когда флибустьеры подгрести на шлюпках к островку, они увидели, что форт опустел. По счастью, кто-то из пиратов заметил у входа в пороховой погреб тлеющий фитиль. Морган сам затоптал его сапогами — и вовремя. Правда это или легенда, значения не имеет. Важно то, что на следующее утро 9 февраля, когда захватчики, осторожно озираясь, проникли в Маракайбо, город был пуст. Ярость Моргана не знала границ.

— В прошлый раз, — успокаивал его Пикардиец, — жители тоже сбежали при нашем появлении. Но не все. А Олоне прекрасно умел развязывать язык тем, кто попадался нам в руки.

На сей раз, однако, призрак кровожадного дракона, пришедшего с моря под пиратскими парусами, обезлюдил город полностью.

— В том походе, — продолжал француз, — мы взяли здесь все, что могли, и поплыли в Гибралтар, на другой берег лагуны. И там мы поймали многих беглецов и добыли немало добра. Почему бы не повторить это сейчас?

— Сначала пощупаем Маракайбо, — отвечал адмирал.

Прочесывание мертвого города Маракайбо, за которым последовал через двенадцать дней грабеж Гибралтара, оказавшегося таким же пустым, напоминало кружение стервятников возле падали. Добыча поначалу была скудной. Но Морган и тут и там, особенно в Гибралтаре, отрядил в пампу вооруженные группы для поимки беглецов. Дрожащие от страха семьи прятались; как

звери, во влажной сельве, превращенной в болота сезоном дождей и разливом рек. Несчастные люди, измотанные лишениями, без всякого сопротивления отдавали грабителям свое добро, которое они успели унести или спрятать. Стервятники надрывались изо всех сил: им приходилось часто брести по пояс в воде через болота и речушки; страшные ругательства оглашали окрестности, когда лодка с добычей или пленниками переворачивалась; трупы детей бросали на месте без погребения. Захваченных горожан, которые должны были уплатить выкуп, запирали, по обыкновению, в церквах. «С красивых женщин Морган ничего не брал, ибо у них было чем заплатить и без денег». Участвовавший в этом походе Эксмелин отмечает не без нотки восхищения, что за пять недель «кампании» адмирал не потерял ни одного человека.

— Следует остеречься,— заметил Пикардиец Моргану,— появления солдат из Мерида.

Добыча составила солидная, и Морган отдал приказ возвращаться в Маракайбо. Мерида отстояла в какой-нибудь сотне километров к югу от Гибралтара, губернатор уже десять раз сумел бы выслать подмогу, но в отличие от своего предшественника не спешил вмешиваться. Возможно (это лишь предположение), ему было известно, что моргановское войско поджидает засада: у выхода из лагуны встали три мощных испанских корабля под командованием адмирала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы. Они ждали там уже двенадцать дней. Низкая осадка не позволяла фрегатам войти в мелководную лагуну, поэтому они заперли флибустьеров в озере, отрезав им единственный путь к отступлению. Морган узнал эту грозную весть по прибытии в Маракайбо 23 апреля.

На высокой, украшенной скульптурными фигурами, резьбой и позолотой корме тридцативосьмипушечного адмиральского фрегата «Магдалена» был самый настоящий балкон с колончатой балюстрадой. По этой театральной галерее взад и вперед прохаживался дон Алонсо — в шляпе с плюмажем, божественно сшитом камзоле и шпагой на боку. Какое-то фантастическое несоответствие было между фигурой испанского гранда на фоне почти сказочного убранства корабля и дикой первозданностью окружающего ландшафта: серое зеркало лагуны под низко нависшим серым небом, а по обе стороны ее непроглядная стена подошедшей к самой воде сельвы. Слева от адмиральского фрегата стоял двадцатипушечный «Сан-Луис», а справа — четырнадцатипушечная «Маркеса». «Магдалена» бросила якорь

почти точно по середине прохода между островком, на котором поднималась черная масса форта, и берегом. Форт был небольшой, но хорошо укрепленный. После ухода флибустьеров испанцы вновь заняли его и установили сброшенные со стен орудия. Совершенно непонятно, почему Моргану не пришло в голову взорвать этот рудут или хотя бы оставить там гарнизон.

С балкона дону Алонсо была хорошо видна стоявшая перед Маракайбо флибустьерская флотилия — восемь кораблей, из которых, пожалуй, лишь три заслуживали этого наименования, а остальные были вульгарными барками. Какой же демон давал пиратам такую неуязвимость, почему животный страх охватывал города — настолько, что они безлюдели при одном появлении их парусов? Более того, ужас охватывал и защитников военных укреплений, которые бежали без оглядки, позабыв про устав и дисциплину. Дон Алонсо с негодованием обозвал презренными трусами офицеров и солдат гарнизона форта.

Но уж на сей раз пиратам не вырваться: они засели в хорошей ловушке, запутались, как рыбы в верше! Ни один из их судов не сможет приблизиться к фрегату и на пушечный выстрел: дальнобойные орудия дона Алонсо разнесут его в щепки. 23 апреля одна из пиратских барок попыталась было подойти — видимо, чтобы прощупать умение испанских бомбардиров. После первого же залпа она повернула вспять: несколько ядер угодили ей прямо в корпус. Рано или поздно флибустьеры попытаются вырваться из лагуны. И тут им придет конец.

24 апреля пополудни два испанских пленника доставили дону Алонсо послание от Моргана. Они приплыли на баркасе под парламентерским флагом, стоя во весь рост и отчаянно размахивая руками, чтобы в них не стреляли. Существо письма Моргана состояло в следующем:

«Если город Маракайбо не выплатит выкуп в размере 20 000 пиастров, я сожгу его. Вы не сможете помешать мне в этом. Если затем вы не дадите мне пройти, я перебью всех заложников. В этом вы тоже не сумеете мне помешать». Оба гонца умоляюще глядели на дона Алонсо.

— Заложниками взяты самые именитые жители Маракайбо. Они порешили уплатить выкуп, чтобы уберечь город от разрушения. Они умоляют вашу милость пропустить флибустьерские суда, иначе, потеряв состояние, они потеряют и жизнь...

Дон Алонсо велел пленникам дожидаться ответа. Короткое время спустя он сел за стол и начал писать. Полагаю, его письмо стоит воспроизвести целиком, настолько ярко оно характеризует твердость духа перед лицом шантажа и гуманность личности дона Алонсо:

«Наши союзники и соседи уведомили меня, что вы осмелились, несмотря на мир и тесную дружбу между королем Англии и моим господином, Его Католическим Величеством королем Испании, войти в озеро Маракайбо и предпринять там враждебные действия, среди коих числятся грабеж и взимание выкупа с его подданных. Узнав об этом, я счел своим долгом пресечь сии бесчинства. Поэтому я овладел фортецией при входе в озеро, которую вы захватили у горстки обабившихся трусов, установил на ней пушки и намерен с имеющимися у меня в наличии кораблями призвать вас к ответу и наказать за дерзость. Тем не менее, если вы смиренно вернете взятое, а именно золото, серебро, драгоценности, равно как и пленников, и рабов, и все товары, я пропущу вас, дабы вы смогли добраться до своих краев. Если же вы откажетесь от моего добросердечного предложения, я уничтожу всех вас на месте без пощады. Таков мой последний сказ. Подумайте, как вам надлежит поступить, и не испытывайте более моего терпения и моей доброты. В ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все жестокости и обиды, что вы несправедливо наносите каждодневно испанскому населению Америки.

Дано на корабле Его Католического Величества «Магдалена», стоящего у входа в озеро Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

Подписал

дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса».

К письму дон Алонсо сделал устное добавление:

— Передайте адмиралу Моргану, что выкуп ему заплатят пушечными ядрами и в скором времени я самолично расплачусь с ним этой монетой.

Испанский адмирал прекрасно знал, что его тяжелые корабли не смогут войти в лагуну и там покарать пиратов, но всякая угроза, даже неисполнимая, обретает вес, когда она подкреплена явным превосходством в силах.

На следующее утро оба испанских пленника вновь предстали перед доном Алонсо. Они сказали, что доставили новые «предложения» Моргана. Дон Алонсо отказался читать письмо, а передал пакет вахтенному офицеру. Морган сообщал, что он готов «покинуть Маракайбо без требований, не причинив городу никакого вреда, отпустить всех пленных и половину рабов; и поскольку выкуп за Гибралтар еще не выплачен, все заложники будут отпущены без оногo, а выкуп не потребуетсЯ ни за город, ни за них самих». Все это, разумеется, при условии, что его суда будут пропущены в море. Изменившийся тон пиратского адмира-

ла убедил дона Алонсо, что угроза испанцев достигла цели и сейчас было бы сумасшествием уступить.

Наступило 2 мая. Флибустьеры не смотрели в сторону галионов, словно эти колоссы перестали существовать. Лихорадочно с утра и до вечера, а потом и часть ночи при свете факелов пираты занимались непонятным и на первый взгляд безумным делом. Так, одни, к примеру, мастерили соломенных чучел в натуральную величину с соломенными же лицами, одевали их, напяливая на головы свои шляпы или повязывая их платками. Громко хохоча, они давали куклам имена, окликали их, а случалось, и задавали трепку. Другие изготавливали деревянные пушки, которые затаскивали потом на одно из своих судов и просовывали «дула» в открытые порты. На том же судне они прикрепляли вдоль фальшборта манекенов, сопровождая свои действия непотребными словами. В то время как на палубе разворачивалось кукольное представление, часть пиратов занималась в трюме другим, не менее странным делом: набивали судно вымоченными в смоле ветками, а поверх размещали бочонки с порохом.

Корабль этот был не самым большим во флибустьерской флотилии; он был, скажем так, крупнейшим из мелких. Морган спросил, кто вызовется составить его экипаж. Вперед вышло больше сорока добровольцев. Из них отобрали двенадцать человек.

3 мая ближе к концу дня вахтенный офицер «Магдалены» доложил адмиралу, что флибустьерские корабли, стоявшие на якоре перед Маракайбо, затеяли какой-то маневр. Дон Алонсо немедленно поднялся на мостик.

Был сезон дождей. По утрам стояла хорошая погода, но к полудню небо затягивало тучами, а после полудня непременно лило. Сквозь дождь было видно, что флибустьерские суда снимались с якоря, некоторые разворачивались носом к выходу из лагуны. «Неужели они решили пробиваться силой?» — промелькнуло в голове у дона Алонсо. На это он даже не смел надеяться, ведь его пушки разнесут супостатов на куски. Скрытые наполовину пеленой дождя, суда медленно двинулись по серой воде, некоторые выпустили с боков длинные весла, поскольку ветра почти не было. Через какое-то время первые корабли уже почти приблизились к зоне поражения. Три испанских фрегата стояли таким образом, чтобы не заслонять друг друга, «Магдалена» — в центре.

Неожиданно все «флибустьеры» спустили паруса и остановились.

— Так я и думал,— произнес испанский адмирал.— Днем они не решатся. Будут ждать ночи, чтобы попытаться пройти. Усилить наблюдение. Я должен их уничтожить даже в крошечной тьме!

К вящему удивлению адмирала, с наступлением темноты у пиратов на мачтах зажглись отличительные огни. Все фонари неподвижно дрожали в маслянистой воде, их можно было пересчитать в любой момент. Текла ночь, а пираты по-прежнему стояли на месте. Военная хитрость? Дон Алонсо ломал голову, не в силах вообразить, что бы это могло быть. Наконец он распорядился удвоить вахту, а сам, не раздеваясь, прилег на кушетку.

На рассвете пираты загасили позиционные огни. Дождь прекратился, небо прояснилось, на востоке над далекими зубцами горного кряжа показалось солнце, легкий ветерок рябил поверхность лагуны. Пираты подняли паруса и решительно двинулись к испанским фрегатам.

Как ни странно, три их крупных корабля держались позади. Да и барки тоже особенно не торопились. Вперед вырвалось лишь одно судно. Мгновение спустя дозорный, сидевший высоко на мачте в «вороньем гнезде», крикнул, что «пират» идет под флагом адмирала Моргана.

Испанские канониры застыли подле орудий, держа наготове горящие фитили. Дон Алонсо медлил с приказом открыть огонь, хотя головное судно было уже в пределах досягаемости.

— По рыцарским правилам надо позволить ему подойти ближе, чтобы он смог ответить на мои выстрелы...

«Адмиральский» корабль флибустьеров гордо мчался вперед, оторвавшись от остальной эскадры. Он шел левыми галсами под углом к линии испанцев и явно уже был на расстоянии выстрела, но ни одной вспышки не вырвалось из жерлов торчавших из портов орудий; на палубе «пирата» можно было ясно различить канониров, неподвижно застывших возле пушек. Как обычно, кроме них, никого наверху не было: остальные спрятались в трюме или лежали ничком, прижавшись к фальшборту, чтобы выскочить в последний момент перед абордажем. Барка выровняла курс, и ее кливер скрыл происходившее на палубе.

Расстояние все сокращалось. Теперь «Магдалена» одним бортовым залпом могла отправить ко дну флибустьерского адмирала, но тот с безумной отвагой продолжал идти прямо на испанский фрегат.

Дон Алонсо не давал приказа открыть огонь. Теперь смысл моргановского маневра не оставлял для него сомнений: «Осмелитесь ли вы сойтись со мной на абордаж?»

Испанский адмирал приказал стрелять по остальным судам, успевшим сильно поотстать, но не по пиратскому адмиралу, бросившему вызов на дуэль. Кастилии было негоже ронять свою честь перед разбойником.

Все случившееся затем произошло молниеносно — в данном случае это слово вполне уместно. Головное судно флибустьеров помчалось прямо на фрегат дон Алонсо. Испанцы приготовились к абордажу, по нападавшим открыли огонь из мушкетов и пистолетов. «Флибустьер» вплотную подошел к «Магдалене» и стукнулся о ее борт. Испанские матросы вонзили в него «кошки» и абордажные крючья. Борт «испанца» был много выше, и солдаты, спрыгнув на палубу дерзкого пирата, тут же застрелили и закололи нескольких нападавших; остальные бросились в море и лихорадочно поплыли прочь. Испанцы в недоумении забегали, натакиваясь на соломенные манекены и деревянные орудия. Их недоумение длилось ровно четыре секунды. На пятой палуба пиратского судна разверзлась у них под ногами, ослепительная вспышка затмила взор, и на «Магдалену» обрушилось исполинское пламя.

Использование брандеров (кораблей-факелов) имеет долгую историю. В не столь отдаленные времена французы выиграли с их помощью морские баталии у Гаттари (1638) и Палермо (1676), а позже они сыграли очень важную роль во время греческой войны за независимость. Пожар на борту был страшным бичом для деревянных судов, ведь вплоть до XIX века на флоте не было ни мощных помп, ни системы затопления пороховых погребов. Именно в силу этих обстоятельств, при виде того, как пламя пожирает его фрегат, бесстрашному дону Алонсо не оставалось ничего иного, как прыгнуть в шлюпку, доставившую его на берег. Теми же обстоятельствами объясняется паника, поднявшаяся на двух остальных фрегатах. Матросы «Маркесы», опалемые жаром горевшей рядом «Магдалены», спешно обрубали якорные канаты и выбросили свой корабль на берег. Экипаж «Сан-Луиса» вяло отстреливался от флибустьерских судов, мчавшихся на него на всех парусах: испанцы приняли их за брандеры. Фрегат был захвачен. Флибустьеры выловили и взяли в плен множество испанских солдат и офицеров — точная цифра осталась неизвестной.

Стоя на платформе форта, дон Алонсо со слезами отчаяния смотрел на разгром своей эскадры. Два мощных корабля его католического величества потеряны, а третий бесславно попал в руки пиратов...

Джентльмены удачи отвели свою флотилию назад к Маракай-бо, оставив одно судно патрулировать выход из лагуны. Из

донесений лазутчиков дон Алонсо узнавал почти день за днем о том, что происходит в Маракайбо. Морган вновь потребовал выкуп в двадцать тысяч пиастров плюс пятьсот быков и получил все сполна. Лишившемуся флота адмиралу оставалось лишь в бессильной ярости наблюдать издали за наглым вымогательством пиратов. Гарнизон форта был слишком мал, чтобы предпринять вылазку, да и вообще выводить защитников из крепости было бы чистым помешательством: это лишало испанского командующего последнего шанса — потопить пиратов выстрелами батарей при выходе из лагуны. Не могли же они вечно болтаться там!

Но дни нескончаемо тянулись за днями. 22 мая дон Алонсо наконец увидел, как пиратская флотилия в который уже раз двинулась к горловине и вновь стала на якорь вне пределов досягаемости орудий форта. Испанский адмирал получил очередное послание Моргана:

«Пропустите меня в море, тогда все ваши пленные останутся целыми и невредимыми. Если нет, я привяжу их к такелажу, и вы будете стрелять по ним из орудий, а затем я прикажу казнить их и сбросить тела в море».

Ответ испанцев:

— Вы не пройдете!

Пираты, похоже, не торопились. Минуло еще несколько дней напряженного затишья. Затем дон Алонсо понял по недвусмысленным признакам, что Морган решил штурмовать крепость. Затишье кончилось.

Флибустьеры, зная о своем превосходстве в силах, даже не считали нужным скрывать намерений. Целый день их шлюпки высаживали на берег людей, направлявшихся затем к лесу. Все ясно: Морган хотел напасть на форт с тыла, где он был менее укреплен, повторив уловку, примененную при взятии Пуэрто-Бельо.

— Даже если форт падет, — решил дон Алонсо, — проклятый Морган даст мне случай погибнуть в бою. Но он дорого заплатит за мою жизнь.

Так хотя бы он смоеет с себя позор за проигранную морскую баталию. Да и, собственно говоря, стоит ли заранее настраиваться на поражение? Ничто не предreshено. Умело расставленные орудия способны учинить пиратам кровавую бойню. И дон Алонсо приказал перенести орудия, нацеленные на выход из лагуны, в другую сторону. Теперь их жерла глядели на лес.

Добыча в конечном счете оказалась огромной. Выкуп, драгоценности и рабы были оценены в двести пятьдесят тысяч реалов. Теперь надо было благополучно добраться со всем этим до Ямайки.

День 30 мая 1668 года выдался особенно хорошим, дождь не шел. К полуночи на небе показалась луна. Ветер тянул к выходу из лагуны, как в день морского сражения. Все корабли держались наготове, чтобы по сигналу адмирала выбрать якоря и ставить паруса.

Экипажи и бойцы были в полном сборе на судах. Ни единого флибустьера не осталось в лесу, откуда, по мнению дона Алонсо, ожидался штурм. Высадка на берег и уход в лес на виду у испанцев были тактической уловкой. Пираты не таясь садились в лодки, которые отвозили их к берегу. Но позже, под покровом темноты, они вновь, лежа в лодках, незаметно возвращались на свои суда. Комедия продолжалась целый день.

Луна повисла над горами, якоря были выбраны, паруса распушены. Морган предполагал, что дон Алонсо успеет повернуть часть орудий к лагуне, но все ли? На всякий случай были приняты меры предосторожности. Когда флотилия заскользила по лунной дорожке к выходу в море, в трюмы спустились команды плотников. Были заготовлены доски, смола и прочий инвентарь для заделывания пробоин от ядер дона Алонсо.

Пока до них доносился лишь плеск воды о борт. Этот звук успокаивал сердца, наполняя их надеждой. В любой момент мог раздаться гром пушек и тупые удары ядер о корпус. Сквозь пробоины в трюмы хлынет вода. Сумеют ли они сдержать ее неукротимый поток?

Текли минуты; плотники и их помощники вопрошающе переглядывались в тусклом свете фонарей. Ничего. Журчание воды за бортом становилось все стремительнее, а вскоре о судно заплескались настоящие волны. Похоже по всему, горловина была пройдена и флотилия вышла в залив, за которым расстилась открытое море. И тут они услышали над головой веселые голоса приятелей, окликавших их с палубы.

29 сентября 1513 года невысокого роста коренастый человек с остроконечной бородкой, в шлеме и полукирасе, со шпагой в руке вошел с берега в море в точке, лежащей на $9^{\circ} 5'$ северной широты и $79^{\circ} 35'$ западной долготы. На берегу за его действиями внимательно следили двадцать семь человек, облаченных в такие же доспехи, вооруженных пиками и арбалетами, в окружении дюжины крупных собак.

Командир сделал несколько шагов и, зайдя по пояс в море, прокричал фразу, потонувшую в приветственных криках его спутников. Васко Нуньес де Бальбоа, губернатор испанской колонии Дарьен, провозгласил Тихий океан владением короля

Испании. Раскинувшийся между континентами океан в те времена именовался Южным морем.

Бальбоа и двадцать семь его спутников были остатками отряда в сто девяносто человек, вышедшего двумя неделями раньше с Атлантического побережья в поход через узкий перешеек, соединяющий две части Американского континента.

Короткое время спустя после описанной церемонии Бальбоа был обезглавлен в результате навета, подстроенного его верным помощником Пердрариасом. Шестью годами позже, 15 августа 1519 года, в праздник успения богородицы, сам Пердрариас стоял на коленях в месте, куда дошел Бальбоа. Тот день считается официальной датой основания Панама, первого города, построенного белыми пришельцами на Американском континенте.

К 1669 году все путешественники, побывавшие в Панаме, описывали ее как Голконду, место сказочных наслаждений. Действительно, город насчитывал тогда десять тысяч жителей и славился своим богатством. Корабли любого тоннажа входили в его порт и отплывали из него. Деревянные, искусно покрашенные дома окаймляли широкую бухту. Но в городе было немало и каменных строений — церкви и монастыри, а также так называемые королевские здания, расположенные на вдающемся в море полуострове, отделенном от континента широким и глубоким рвом. Там, в частности, располагалась казначейская палата, куда свозили добытое в Перу золото. Среди обитателей Панама многие успели нажить крупные состояния. Дома богатых купцов, военных и гражданских служащих высокого ранга блистали великолепием, их жены щеголяли друг перед другом сказочными драгоценностями.

Защищал город, а вернее, полуостров с «королевскими» зданиями один-единственный форт. В 1573 году отряд из восемнадцати белых и тридцати негров под командованием знаменитого пирата Френсиса Дрейка напал в каких-то двух лье от пригородов Панама на караван мулов, регулярно перевозивший золотые слитки через перешеек в Пуэрто-Бельо. Но на сам город они не осмелились напасть.

Панама стала очередной целью, куда замыслил отправиться адмирал Морган.

— Ваш проект мне нравится, — мялся губернатор Томас Модифорд, — но мне было бы желательно получить известие о провокации с испанской стороны. Панама — слишком большой кусок, чтобы Лондон проглотил его просто так.

— Лондон проглотит любой кусок, если приправить его соусом из золотых дукатов, — отвечал адмирал.

В конце 1669 года Морган обладал значительным влиянием и мог позволить себе вольно беседовать с любым лицом, в том числе и с губернатором. Он только что купил на Ямайке огромное поместье Терра-де-Данке, впоследствии нареченное Долиной Моргана. Добыча от маракайбской операции была немалой, хотя и уступала той, что досталась ему после похода в Пуэрто-Бельо. Обогатились и сэр Томас, и влиятельные придворные, и лондонские банкиры, положившие в свои подвалы кругленькие суммы. Модифорд вновь — в который уже раз — терзался между страстью к дукатам и страхом потерять насиженное место.

— Потребуется тщательная подготовка, — предупредил он Моргана.

— Я сделаю все необходимое, у меня есть в Панаме надежные люди. Но мне потребуется тысяча хорошо вооруженных бойцов. И толковые командиры, ибо придется вести подлинные баталии. Я наметил употребить в деле нескольких плантаторов, служивших в Европе офицерами. Постараюсь не пренебречь никакой малостью и, как только буду готов, выступлю незамедлительно.

Морган намеренно не упомянул об одной детали, побуждавшей его к действию, — о вызове, брошенном им из Пуэрто-Бельо панамскому губернатору: «Через год я приду к вам за своим пистолетом». Меж тем прошло уже семнадцать месяцев. Конечно, блестящий успех заставил бы забыть об «опоздании», но поход нельзя было откладывать.

Прошла зима, за ней весна 1670 года. Все это время Порт-Ройял не пребывал в дремоте. Деловая жизнь пиратской столицы катилась в темпе, заданном мощным импульсом маракайбской операции. Ямайка ввозила со всей Европы мануфактурные товары и строительные материалы, экспортируя сельскохозяйственную продукцию. Основанные флибустьерами мелкие и средние предприятия не испытывали особых трудностей. Среди толпившихся на рейде купеческих судов то и дело появлялся юркий парусник с торчащими орудиями, и в тот же вечер в тавернах и притонах Порт-Ройяла вспыхивало веселье. Оно, конечно, не шло в сравнение с вакханалией, следовавшей за возвращением крупной экспедиции, но деньги текли в Порт-Ройял постоянно.

В середине июня Морган явился к губернатору с сообщением, что все готово. В ближайшие же дни произошла провокация, о желательности которой настоятельно намекал сэр Томас Модифорд. Факт был злонамеренный, неопровержимый, и Морган был совершенно к нему не причастен. Испанское военное судно высадило на северном берегу Ямайки небольшой отряд, тот сжег

несколько хижин и взял пленников. 29 июня собранный Модифордом Совет острова единодушно принял резолюцию о выдаче Моргану поручительства для борьбы с испанскими войсками на суше и на море, а также для «совершения любых деяний, потребных для сохранения спокойствия и процветания владений Его Величества в Вест-Индии».

5 июля некий испанский капитан, присвоивший себе титул «адмирала по борьбе с англичанами», прибил на дереве, росшем на западной оконечности Ямайки, записку, в которой брал на себя ответственность за совершенные три недели назад бесчинства, а также провоцировал флибустьерского адмирала попробовать справиться с ним. Морган отдал приказ о мобилизации.

Большой сбор возле Коровьего острова накануне отплытия армады к Панаме не походил на приготовления союзников на британском берегу к высадке в Нормандии во второй мировой войне. Однако не следует и преуменьшать его масштабы. Участники были охвачены возбужденным ожиданием большого дела, всем не терпелось услышать приказ командования. Два десятка кораблей вышли из Порт-Ройяла, другие присоединились к ним во время остановки в Порт-Гогоне на южном берегу Санто-Доминго. Что ни день, туда подходили новые суда. Гавань являла собой удивительное зрелище: одни суда стояли на якоре посреди бухты, другие лежали на боку на прибрежном песке, на третьих чинили такелаж, поднимали и опускали паруса. На сбегавшем к морю широком лугу появлялись шатры и хижины, сколоченные из досок или сложенные из пальмовых ветвей; дымились очаги. И море, и суша кишели народом.

Корабли лежали на песке. Они не были выброшены на берег ветром или течением — каждый экипаж «килевал» свое судно. Эта деликатная операция заключалась в том, чтобы, положив судно на один бок, поднять второй из воды. Люди скребли по очереди половину корпуса, освобождая его от цепкого нароста водорослей и ракушек, проверяли водонепроницаемость, заменяли негодные куски обшивки, конопатили и смолили. Божественный запах смолы, милый сердцу каждого старого моряка, витал над лагерем, смешиваясь с ароматом плодов и деревьев, с дымком заготавливаемого впрок букана. Морган распорядился тщательно отдрать подводные части всех судов без исключения: он хотел, чтобы в решающий час корпуса скользили, как рыба в воде; по его же приказу почти ежедневно барки с охотниками отходили к побережью Эспаньолы — стрелять диких свиней и ловить быков, которых доставляли на Коровий остров, забивали, разделявали, солили и коптили. «Береговые братья» знали толк в искусстве

буканьерства, им было по сердцу давнее ремесло флибустьеров, и, сидя у костров, они пели старинные песни.

На рейд прибывали не только французские пираты с Тортуги, но и припозднившиеся англичане, разметанные бурей по пути с Ямайки на Санто-Доминго. Одно из судов было встречено особыми почестями, а его капитан удостоен криков «Виват!». Дело в том, что прибитый бурей к западной оконечности Кубы корабль вошел в маленькую бухточку, а там оказался отряд испанцев под командованием Риверо Пардала, автора той самой дерзкой записки, прибитой к дереву на Ямайке. Во время короткой стычки пистолетная пуля отправила Пардала к праотцам.

А на следующий день торжественная встреча ожидала другого капитана, который привел под конвоем груженное кукурузой испанское купеческое судно, перехваченное в пятидесяти милях от острова. Груз был уложен в трюмы вместе с копченым мясом. Моргану хотелось иметь как можно больший запас провизии:

— Необходимо будет кормиться в течение всего похода, я не желаю обременять себя добыванием провианта во время баталии.

Капитаны четырех судов получили приказ:

— Вам надлежит отправиться завтра в Ранчерию, испанцы свозят туда кукурузу.

Ранчерия расположена не на Антильских островах, а на побережье Южной Америки, недалеко от Картахены. Тысяча морских миль туда и обратно. Четверо капитанов понимали, что вряд ли стоило пускаться в столь дальний путь из-за кукурузы, которую к тому же флибустьеры успели запасти. Однако из дальнейших указаний Моргана им стало ясно, что дело не только в кукурузе: необходимо было взять испанских пленников и вызнать у них сведения о панамских укреплениях. Важно было также убедиться, не готовят ли испанцы операцию против Ямайки.

— Ежели таковая не готовится, я заставлю пленных утверждать обратное. Они поклянутся в этом перед свидетелями и собственноручно подтвердят на бумаге,— без обиняков заявил командующий.

Предосторожность на случай, если предыдущие провокации покажутся Модифорду и Лондону недостаточными.

6 октября восходящее солнце окрасилось в ржавый цвет, птицы замолкли, на море наступил мертвый штиль. Час спустя деревья согнулись в три погибели от ураганного ветра, хлынул проливной дождь, и Карибское море, закипев, обрушилось на берег. Почти все стоявшие на якоре корабли были выброшены на сушу, многие получили серьезные повреждения. А на следу-

ющее утро ласковое солнце как ни в чем не бывало освещало картину опустошения. Ремонт поврежденных занял добрых три недели.

Четыре корабля, посланные в Ранчерию, не возвращались. Что с ними — потонули, захвачены в плен, или же их капитаны взяли такую огромную добычу, что решили отныне действовать самостоятельно? Морган едва скрывал беспокойство.

Наконец сигнальщик адмиральского флагмана — это был бывший «Летучий змей», переименованный Морганом в «Сатисфекшн» («Удовлетворение»), — закричал, что видит четыре паруса. Это возвращались блудные дети пиратского адмирала.

Морган еще раз прочел приложенный к поручительству «наказ». Документ предписывал ему взять город Сантьяго-де-Куба, перебить там всех рабов мужского пола, а женщин-рабынь отправить на Ямайку, с пленниками же обращаться хорошо и «превзойти испанцев цивильным обхождением и милосердием». Наказ был подписан губернатором Модифордом и утвержден Советом острова. Но у адмирала был свой план действий.

В начале декабря Морган собрал капитанов и приказал им быть готовыми к отплытию через неделю. Конечная цель — Панама. Один из офицеров слушал адмирала с особым вниманием. Это был Эдвард Коллиер, экс-капитан «Оксфорда», возведенный перед походом в ранг «временного вице-адмирала».

Не менее часа адмирал излагал подробности предстоявшей операции. Вначале он намеревался совершить рейд на Провиденсию (Санта-Каталину) и забрать остров у испанцев, чтобы обеспечить тыл экспедиции, а во-вторых, набрать из тамошних каторжников-индейцев проводников, знающих Панамский перешеек. После этого предстояло взять курс на устье реки Чагрес и захватить штурмом крепость Сан-Лоренсо. И наконец, одолеть перешеек: подняться на пирогах по Чагресу до укрепленного селения под названием Крус, а оттуда выйти на Золотую тропу, по которой следовали знаменитые караваны с бесценным грузом. Эта тропа вела к Тихому океану, к Панаме.

19 декабря 1670 года армада подняла паруса. Она состояла из 28 английских и 8 французских кораблей общим водоизмещением 1585 тонн, вооруженных 239 орудиями, и насчитывала 1846 человек. Сегодня эти цифры нам кажутся смехотворными, но подобной силы еще не видывало Флибустьерское море за всю свою историю.

Морган намеренно нарушил наказ своего губернатора высадиться на Кубе и взять город Сантьяго-де-Куба. «Орешек» грозил оказаться слишком крепким. Возможно, он имел на то тайное согласие Модифорда, а может, просто действовал согласно глав-

ному принципу большой политики: успех списывает все, победителей не судят.

Выданную ему охранную грамоту он хранил в большом портфеле красной кожи с тисненым британским королевским гербом. Он не мог не знать, что сей документ был просрочен уже по меньшей мере на пять месяцев, но сознательно не придавал этой детали значения.

Мадридский договор, подписанный между Испанией и Англией 8 июля 1670 года, гласил, что отныне две великие державы намерены жить в мире.

Модифорд получил об этом известие из Лондона «ближе к осени». 18 декабря он отписал лорду Арлингтону, что направил адмиралу Моргану копию государственного договора. Когда именно это было сделано, в послании не уточнялось. Однако капитан корабля, отправленного на поиски Моргана, вернулся на Ямайку, не сумев выполнить поручение:

— Я добрался до острова Ваку через несколько дней после отплытия эскадры адмирала.

Модифорд адресовал лорду Арлингтону новое донесение: им направлено на поиски Моргана другое судно, которое, как он надеется, «вручит адмиралу известие о договоре до того, как он совершит какой-либо враждебный Испании акт». Видимость была соблюдена. Губернатор не учел, что в архиве останется письмо Моргана, в котором тот извещал, что отплывает с Коровьего острова 15 декабря. Но кто станет сверять даты, если экспедиция пройдет благополучно?

Остров Провиденсия, 22 декабря 1670 года, десять часов утра. Орудия всех флибустьерских кораблей обрушивают огонь на два форта, стерегущие гавань; по морю плывут клочья черного дыма, стоит адский грохот, в паузах слышны отрывистые мушкетные залпы. На берег высажен десант, который продвигается к стенам фортеций под плотным огнем защитников. Классическая картина. Быть может, сухое описание ее покажется банальным, но, присмотревшись внимательнее, мы обнаружим, что бой разворачивается весьма странным образом.

Флибустьеры, стреляя из мушкетов и пистолетов, надрываются от хохота, причем видно, что стреляют они в воздух, а не в сторону крепости; защитники отстреливаются, тоже хохоча во все горло и весело переключаясь; канониры обеих сторон, не глядя, подносят к орудиям фитили: совершенно ясно, что выстрелы — холостые.

Да, перед нами театральное действо, имитация боя, идея, которая родилась у губернатора острова Провиденсия. В ответ на предложение сдаться он направил Моргану послание, оставшееся уникальным документом в анналах испанской военной истории:

«Я решил сдать остров, поскольку не имею сил защищать его против столь могучей армады. Однако я прошу адмирала Моргану прибегнуть к военной хитрости, дабы я сумел сохранить свою репутацию и репутацию моих офицеров».

Далее следовала целая программа фальшивой битвы, причем настолько подробно разработанная, что мы вправе осведомиться, не заготовил ли губернатор ее заранее — на всякий случай. Непонятно лишь одно: неужели испанец в самом деле верил, что секрет, в который были посвящены сто девяносто солдат его гарнизона и около двух тысяч моряков Моргану, останется секретом? Как бы то ни было, Морган дал свое согласие, присовокупив, что при малейшем вероломстве поддельная битва обернется для испанцев кровавым побоищем. Но все прошло как по писаному. Единственная печальная нота во всем эпизоде прозвучала в момент, когда губернатор, отдавая свою шпагу, зарыдал.

Как можно было прибегнуть к жестокости после столь легкой победы? Вместо привычных дознаний на острове царило сердечное согласие. Флибустьеры галантно раскланивались с дамами, а в качестве трофеев забрали лишь порох из крепостей. Морган приказал разрушить укрепления, а в губернаторской резиденции разместил небольшой гарнизон. На острове нашлись каторжники-индейцы, хорошо знавшие Панамский перешеек.

Параллельно с этими мероприятиями Морган отправил под командованием капитана «Мэйфлауера», Джозефа Брэдли, авангард в четыреста человек с заданием захватить крепость Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес. Уходившие обменялись веселыми шуточками с коллегами, остававшимися на Провиденсии. Опереточная баталия, райская природа зеленого острова превращали начало экспедиции в загородный пикник — все виделось легким и доступным. Казалось, и дальше они будут лететь от победы к победе.

Это впечатление еще больше укрепилось, когда главные силы армады, подойдя 11 января 1671 года к Чагресу, узнали, что отряд Брэдли успел захватить форт Сан-Лоренсо. При виде английского флага, развевавшегося над крепостью, на кораблях поднялось ликование. Оно охватило не только рядовых матросов, но и штурманов, и капитанов. Головные суда, распустив паруса, на полном ходу устремились в устье. Результат: «Сатис-

фекшн» и еще три корабля наскочили на берег. А налетевший ночью норд доконал потерпевшие аварию суда. Жертв, к счастью, не оказалось. Тем временем Моргану доложили, что штурм крепости Сан-Лоренсо никоим образом не напоминал шутовское действо на Провиденсии. Потери флибустьеров исчислялись в сто десять человек убитыми и восемьдесят ранеными. Из трехсот четырнадцати защитников цитадели в живых осталось лишь тридцать, среди них — ни одного офицера.

— Немедленно приступить к ремонтным работам! — распорядился Морган.

Триста человек были оставлены охранять Сан-Лоренсо и корабли на ябре у входа в устье. Стоя на верхней площадке крепости, возвышавшейся на холме, адмирал смотрел на хорошо знакомое Флибустьерское море. Синяя глядь величественно серебрилась под солнцем. Это зрелище немного успокоило его. У подножия крепости ютились разноцветные домишки селения Чагрес. Оно слыло гиблым местом: желтая лихорадка и холера из года в год собирали здесь обильную жатву. А дальше к югу начиналась сельва.

Работы при сооружении Панамского канала в XIX веке изменили конфигурацию реки Чагрес. А тогда, в 1671 году, широкая в устье, она резко сужалась в нескольких километрах выше по течению. Ширина ее была не больше сорока метров, и река мчалась, стиснутая меж высоких, обрывистых берегов, заросших неприступной чащобой. Форт Сан-Лоренсо скрылся из виду еще до того, как экспедиция добралась до места сужения реки.

Войско насчитывало тысячу четыреста человек, семь баркасов, пятьдесят шесть шлюпок и пирог; собрать и рассадить его — уже одно это было непростой задачей. Когда наконец тронулись в путь, солнце стояло в зените. В девственном лесу царил тишина, прерываемая трелями птиц и стрекотом насекомых. С обоих берегов несся запах мимоз, дурмана, огромных цветов жасмина и псидиума. Потоки пьянящих ароматов смыкались над водой, образуя как бы вторую, воздушную реку.

Флибустьеры с удивлением принюхивались к необычной гамме запахов, в которой им знаком был лишь запах их потных тел. «Мы были стиснуты, как сельди в бочках, в баркасах и пирогах», — писал Эксмелин. У Моргана не было другого выхода: лодок было мало, а народу — много, и все, как он считал, потребуются в бою. Перед посадкой адмиралу пришлось скрепя сердце отказаться от продовольствия. Оставалось надеяться на

«подножный корм» — селения и испанские посты, расположение которых было известно из донесений лазутчиков.

Через несколько часов пираты, разморенные жарой и мерным плеском весел, начали дремать в лодках. Внезапно их вырвал из сна пронзительный треск с обоих берегов: аисты, разноцветные попугаи ара и обезьяны дружным хором приветствовали пришельцев. Огромные бабочки зароились над лодками. Гребцы-индейцы отвечали обезьянам гортанными выкриками. Флибустьеры, приободрившись, затянули песню. Вытянувшаяся по реке гигантская вереница разномастных посудин напоминала праздничную процессию.

Лодки медленно двигались против течения. Лоцманы-индейцы, вызволенные с испанской каторги, с удовольствием узнавали родные места. Задирая головы к верхушкам деревьев, они по солнцу следили за временем. Близились сумерки, вода наливалась свинцом по мере того, как темнело небо. Песни смолкали. Неясные громады берегов, казалось, совсем стиснули реку, запах болотной тины все отчетливей проступал сквозь аромат цветов. Лодочная флотилия входила в зону порогов, движение совсем замедлилось.

Наконец выдалось спокойное место, лоцманы жестами указали на небольшой островок посреди реки. Пора — ночь была совсем близко, через несколько минут наступила кромешная тьма. Прижавшись друг к другу в узких скорлупках, бесстрашные флибустьеры озирались вокруг, тревожно прислушивались к ночному концерту сельвы. Кто слышал хоть раз в жизни эту какофонию, тот не забудет ее никогда. Свист, квохтанье, плеск, щелканье клювов, треск сухих веток, скрежет, улюлюканье, бесконечные вскрики птиц пересмешников и сотни других самых невероятных звуков. А в интервалах явственно доносился хриплый рык ягуара.

На утро следующего дня показалось местечко Хуан-Кальего (ныне город Гатун), где, по сведениям Моргана, стоял слабый испанский гарнизон.

— Перебьем солдат и заберем провизию, — распорядился он.

Расчет не оправдался. Ни одной живой души: домишки и жалкие хижины были пусты, ни одной унции кукурузы, ни одного поросенка, даже ни одной собаки. Пришлось двигаться дальше на голодный желудок.

Река стала совсем мелкой. Было велено выгрузиться из лодок, оставив там больных (то были жертвы малярийных комаров), и лезть на берег. Продвижение колонны совсем замедлилось. Несколько человек умерли от укусов ядовитых змей, водившихся здесь во множестве.

Морган выслал вперед и на фланги дозоры, чтобы обнаружить испанцев. Результат — ноль. Все кругом было пусто, хижины на опушках покинуты, ни скота, ни птицы, ни зерна; даже овощи на огородах были вырыты, а фрукты сорваны, плантации перепаханы или уничтожены. Тактика «выжженной земли». Удивительное дело: среди густейшей в мире растительности люди оказались более голодными, чем в пустыне! Пытаться охотиться в этих зарослях — напрасная затея. Самые смелые не могли сделать и шага в сторону от тропы: путь преграждали лианы. А в высокой траве кишели змеи.

На четвертый день кошмарного похода они натолкнулись на испанскую «засеку» — снова ни единого защитника, ни грамма провизии. Флибустьеры обнаружили несколько *канастр* (сшитых из шкур ларей) — конечно же пустых; но они настолько оголодали, что стали есть шкуры. Пираты соскребали с них остатки ворса, разрезали на узкие ремни, отбивали о камни и вываривали несколько часов. Те, кому не досталось канастр, жевали траву и листья. По счастью, на следующий день их ждала удача: дозорные обнаружили набитый кукурузой тайник. Морган распорядился накормить самых ослабленных.

Адмирал рассчитывал, что пост Крус, где тропа отклонялась от берега реки в глубь леса, испанцы не смогут эвакуировать полностью. Действительно, поначалу предположение казалось верным: на утро шестого дня из-за завала, преграждавшего дорогу, загрели выстрелы. Ответные залпы флибустьеров рассеяли испанцев.

В километре дальше произошла совсем странная вещь. Люди, шедшие в голове колонны, вдруг стали падать замертво. Врага не было видно. Полная тишина. Раненые пытались вытащить из тел заостренные палочки с оперением — индейские стрелы. Колонна смешалась, многие бросились назад. Как сражаться с невидимым врагом. А стрелы продолжали лететь в людскую гущу.

Морган приказал рассредоточиться, пираты залегли и начали вслепую стрелять по кустам. Пальба прекратилась, когда индейцы исчезли, растворившись в зеленом мареве. Час спустя впереди к небу поднялся столб дыма.

— Испанцы жгут кустарник. Продолжать двигаться цепью! — скомандовал Морган.

Нет, то полыхал не кустарник, а селение Крус. Флибустьеры, задышав от бега, встали на окраине, глядя на пожарище. Огонь не оставил ничего. Испанцы продолжали упорно следовать избранной тактике. Не успели сгореть только склады с каменными стенами. Там нашли несколько ящиков прошлогодних сухарей. Этими зачерствевшими сухарями заедали кошек и собак,

которых удалось отловить и изжарить. В погребках обнаружили также бочонки с перуанским вином. Первые пираты, ослабленные голодом и мучительным маршем, едва отведав этого напитка, в беспамятстве свалились наземь. Морган велел предупредить, что вино отравлено.

— Виват яду! — кричали пираты, наливая себе полные котелки.

Восемь лье отделяют Крус от Панама. Даже сегодня, несмотря на оживленное движение по каналу, эта часть перешейка выглядит безлюдной. В окна электропоезда, если только спящее солнце не заставляет опустить жалюзи, взору пассажиров открывается каменистая пустынная местность. Воздух кажется застойным, словно ветры с обоих океанов по взаимной договоренности останавливаются в этой пограничной зоне. В небе, не обращая внимания на достижения цивилизации, парят, словно куски сажи, огромные птицы стервятники. Совершенно так же они вились, выискивая поживу, над моргановской колонной. Птицы привыкли за долгие века собирать с людей дань...

Но пираты считали, что худшее позади — наконец-то они вышли на столбовую дорогу, ту самую караванную тропу, по которой испанцы перевозили награбленное у индейцев золото. Тропа имела не более дюжины шагов вширь; местами топь сужала ее еще пуще и почва ходуном ходила под ногами; повсюду валялись скелеты мулов, отполированные стервятниками до блеска. Зрелище бранных останков несколько не омрачало настроения флибустьеров. Они знали, что вожаделенная Панама не за горами и скоро они отведают душу. После стольких дней лишений и смертельной усталости их аппетиты были поистине ненасытными.

Люди, шедшие по Золотой тропе, были небриты и нечесаны, в изодранной в клочья одежде и сбитых сапогах, покрытые коростой, отощавшие донельзя — сплошные мышцы и сухожилия. Со стороны они не могли внушить ничего, кроме ужаса. Пираты несли помимо оружия и пороха еще и знамена, и трубы, и барабаны. Морган намеревался развернуть настоящую баталию. Ее тактика была продумана адмиралом в мельчайших деталях. Знамена и музыка были атрибутами настоящей армии. На сей раз Морган имел не только официальное поручительство (он не знал, или забыл, или хотел забыть о мире с Испанией, дезавуировавшем его жалованную грамоту), но и офицеров, воевавших в Европе. Этот факт, как надеялся вожак флибустьеров, должен был раз и навсегда заставить забыть о его сомнительном прошлом и возвести его в ранг полководца.

Марш по Золотой тропе несколько раз прерывался стычками

с индейцами и испанцами. Последние, правда, старались не связываться в бой, а лишь выкрикивали издали угрозы:

— Выходите в поле, собаки, мы вам зададим!

Колонна, кстати, как раз выходила в пампу. Головной отряд бросился ловить лошадей, быков и мулов. Божественный запах жареного мяса окутал дневку. Вместе с едой к пиратам возвращались силы, и жгучая жажда битвы росла в них от часа к часу.

В предпоследнюю ночь разразилась гроза, и все вымокли до нитки, но порох сумели уберечь. Наутро флибустьеры двинулись дальше под низкими, набухшими от влаги тучами. Через два часа пути Морган, шагавший во главе колонны, взшел на холм, и впереди, за невысокой грядой, ему открылось безбрежное пространство — Южное море, Тихий океан. Он не переливался голубизной и не серебрился на солнце, как Карибское море; это была неукротимая стихия, с которой теперь предстояло столкнуться пришельцам. Морган насчитал на рейде пять трехмачтовых кораблей. Казавшиеся отсюда крохотными суденышки плясали на крутой волне.

Минула еще одна ночь, а наутро заговорили пушки. Ядра плюхались справа и слева от тропы, но флибустьеры не обращали на них внимания, словно это были ярмарочные шутихи. Штурмовая колонна быстро двигалась вперед. Осталось уже недолго! И вот наконец им явился город.

Будущая жертва кружила голову больше, чем любая женщина. Вытянувшись вдоль океана улицы, колокольни и каменные строения конечно же были битком набиты сокровищами. Флибустьеры вопили от радости, подпрыгивали на месте и обнимались, не веря собственным глазам. Неужели добрались? В порт входили и уходили суда, совершенно, похоже, не заботясь о нависшей угрозе.

В Панаме звонили колокола. Псалмы возносились к небу с дымком ладана. Людская река текла по городу: впереди священники в золоченом облачении, за ними жители с молитвенно сложенными руками, а в конце процессии вновь священники и монахи со святыми дарами под балдахином. Колокола всех церквей и монастырей звонили без устали, и заезжий путник мог подумать, что город празднует победу. Но нет, достаточно было взглянуть на губернатора дона Хуана Переса де Гусмана, шагавшего в голове процессии, сразу за прелатами, впереди городской знати. Лицо его было сумрачно, отмечено печатью глубокой тревоги. Процессия подошла к кафедральному собору, где Гусман поклялся перед образом пречистой божьей матери не пожалеть

жизни для защиты святого места. Вместе с ним поклялись все присутствующие — «истово и благочестиво». Дон Хуан Перес де Гусман почти с отчаянием молил небо о помощи, ибо чувствовал, что без божественного заступничества ему не совладать с вражьей силой.

Его письма, адресованные королеве-матери Марии-Анне, регентше малолетнего Карла II, поразительны для губернатора, осуществлявшего военную и гражданскую власть в заморской провинции. Вначале он намеревался защищать Панаму возле Крусa. Получив известие о высадке пиратов в устье Чагреса, он привел туда войска. Однако депутация знатных горожан явилась в Крус с просьбой «не рисковать войсками, которые потребуются для защиты подступов к столице». Гусман сообщал королеве, что, учитывая слабость городских оборонительных укреплений, подобная тактика самоубийственна. Тем не менее он согласился эвакуировать Крус и отвел войска в Панаму. «Приступ» твердости побудил было его к своеобразному компромиссу: напасть на пиратскую колонну на открытом месте вблизи городских окраин. Однако сам же Гусман писал, что это неразумно и надо было дать генеральное сражение в Крусe. Что же осталось теперь, кроме как молить господу? Перед крестным ходом состоялись и другие благочестивые мероприятия: повсюду выставили святые дары, устраивали публичные молебны, налагали епитимьи, божьи слуги лихорадочно грузили в порту на быстроходный корабль самые ценные вещи из церковных и монастырских алтарей.

18 января Гусман предпринял вылазку из города во главе 1200 солдат, 200 всадников и довольно большого числа (точная цифра неизвестна) вооруженных рабов. Тридцать индейцев должны были в решительный момент выпустить на поле полторы тысячи «боевых единиц», с которыми моргановским флибустьерам еще не приходилось сталкиваться, — полудиких быков. Сейчас эти звери, взмучивая пыль, медленно брели стадом в плотном окружении индейских ковбоев. Небо было ясным, светило солнце.

Как только Гусман с офицерами переехали холмистую гряду и увидели пиратскую армию, они остановились в изумлении.

Морган назвал придуманное им расположение войск *терцией*. Это был плотный порядок, напоминавший формой ромб. В голове размещался отряд из 300 человек, обращенный острием в сторону врага. В центре — главные силы, 600 человек, стоявшие прямоугольником. Затем — арьергард, треугольник в 300 человек острием назад. Один фланг флибустьерской армии защищал холм, другой — болото. Весь строй медленно двигался вперед под барабанный бой, с развевающимися знаменами.

Дон Франсиско де Харо, командовавший кавалерией испанцев, посмотрел на дона Гусмана. Тот кивнул головой:

— Атакуйте.

Это было ошибкой. Следовало подождать, пока пиратская армия продвинется дальше и оголит свои фланги. А так испанской кавалерии пришлось идти лобовой атакой против острия. Почва была неровная, местами болотистая, усеянная кочками и рытвинами. Шедшие в авангарде флибустьеры опустили на колено, вскинули мушкеты и встретили нападавших дружными залпами. Гусман видел, как всадники, натолкнувшись на острие *терции*, рассыпались в стороны, а пираты продолжали вести в упор убийственный огонь. Харо собрал всадников и вновь повел их в атаку. Когда пороховой дым рассеялся, испанская кавалерия перестала существовать.

Пиратская армия двинулась дальше, по-прежнему в плотном строю, нацелившись на левый фланг Гусмана. Испанцы были вооружены в основном аркебузами, оружием куда менее дальнобойным и бившим не столь прицельно, как мушкеты. Губернатор отдал приказ пехоте стоять насмерть. Различные грешащие неточностями рассказы очевидцев позволяют тем не менее заключить, что этот приказ не был исполнен. Часть испанцев начала отходить под огнем пиратов, другие с пением «Магнификат...» бросились вперед. По прошествии некоторого времени Гусман, не в силах понять, что происходит, отдал приказ бросить в бой быков.

— Обойти холм и пустить быков в тыл пиратам!

Командующий надеялся, что быки, ворвавшись в ряды пиратов, посеют панику, топчя поверженных и разя их рогами. Но животные двигались шагом, иногда ленивой рысцой, а после первого залпа флибустьеров повернули назад и, отбежав подальше в поле, принялись мирно щипать травку. Испанская пехота бросилась наутек.

«Мы преследовали врага буквально по пятам, так что его отступление вылилось в паническое бегство», — писал Морган. Битва продлилась два часа.

— Они идут! Они идут!

В течение веков этот крик, вырывавшийся из тысяч ртов, гораздо чаще выражал панический ужас, чем безумную радость. Поднявшись в предместье, он перекинулся в город. Его услышали в каждом доме. Когда же через полчаса стало ясно, что сражение проиграно, порт превратился в место действия трудновообразимой драмы.

Оба пирса и весь берег были покрыты людским муравейником, буквально сползавшим в море. Люди прыгали с причалов в лодки, брели по мелководью к суденышкам, бросались вплавь к стоявшим на якоре кораблям, толкались, орали, захлебывались, отчаянно дрались, затаптывая слабых, без всякого снисхождения к женщинам и детям. История знавала подобные сцены панического бегства, когда море мнилось последним прибежищем, последней надеждой на спасение. Шлюпки уже отходили под парусом или на веслах. Сумевшие забраться туда счастливицы толкали гребцов, в безумном страхе за собственную жизнь колотили по головам цеплявшихся за борт, каблуками отдавливали им руки. Над портом стоял сплошной стон, слышались призывные крики, рыдания, проклятия, угрозы, а по прилежавшим улицам с топотом неслась нескончаемая людская река — скорее, скорее, прочь из города!

Согласно описаниям свидетелей, первым поднял паруса и вышел в море корабль, груженный церковными ценностями — среди них был алтарь массивного золота, практически бесценный. Интересно, что эта вещь с той поры бесследно исчезла, превратившись в легенду. Говорили, что «один священник покрасил алтарь белой и голубой краской, а когда привез его в Перу, то распилил на куски». Оставим эту деталь на совести рассказчика и обратимся к другим, значительно более достоверным фактам.

Среди беглецов, которым удалось пробиться на корабль (как мы увидим, им не удалось уйти далеко), была молодая женщина, совсем недавно вышедшая замуж; ее супруг находился в это время в Перу. Она выглядела как живая статуя — точеная фигура, черные волосы, белоснежная кожа, бархатные глаза, короче, канон испанской красавицы того времени, «краше которой в Европе не было и нет никого». Имя этой женщины не сохранилось («панамская дама» — так называют ее хронисты), но реальность ее существования подтверждается многими свидетельствами. Я решил для удобства рассказа наречь ее доньей Эрмосой.

Менее чем в десяти морских милях от Панамы лежит остров Товаго. Первые барки с беженцами еще не успели подойти туда, как сзади над морем поднялся столб дыма.

— Лихоимцы жгут город!

Никому из беглецов не пришло в голову, что пиратам глупо жечь город, взятый ценой таких усилий, до того, как они успели его ограбить. Но для подобных суждений требовалось известное хладнокровие, а откуда ему было взяться в подобных условиях? В действительности роковой приказ исходил от дона Гусмана,

отошедшего со своим штабом в индейскую деревушку Пенонеме, в четырех километрах западнее Панама:

— Взорвать пороховые склады, как только первые пираты войдут в город!

При взрыве погибло некоторое число захватчиков, но взметнувшийся вулкан мгновенно объял пламенем деревянный город.

Однако для беглецов, которые, стеноя, вылезали на берег Товаго, виновниками всех несчастий могли быть только пираты, недаром же они не люди, а самые настоящие монстры! Жители городов Испанской Америки, особенно обитатели Панама и Карибского побережья, всерьез верили, что у пиратов Ямайки и Тортуги на человеческих фигурах красуются песьи или обезьяньи головы. Священники и монахи усердно убеждали свою паству:

— Чудовищные инстинкты превратили этих людей в исчадий ада.

Вряд ли донья Эрмоса, жена богатого купца, разделяла простонародные верования. Но в том, что флибустьеры были людьми чудовищного нрава, она не сомневалась, как и все остальные женщины ее круга. Достаточно было взглянуть на черный столб дыма, ночью окрасившийся в багровый цвет, чтобы представить себе творившиеся в Панаме ужасы.

Крупные парусники вслед за кораблем с церковными сокровищами улизнули в открытое море и сейчас были вне пределов досягаемости — на подходе к Перу или портам Тихоокеанского побережья. Но мелкие суденышки не могли рисковать: океан есть океан даже в хорошую погоду под ясным солнцем, и вдали от берега утлым скорлупкам несдобровать. Примерно сутки в сердцах беглецов на Товаго еще теплилась наивная надежда: ведь все, кто мог уплыть из Панама, уплыли; значит, порт опустел, и пиратам не на чем будет пуститься в погоню. Действительно, в течение этих суток море между Панамой и Товаго гнало лишь белые барашки.

— Монстры побесчинствуют и рано или поздно уйдут. Тогда мы сможем вернуться домой...

Безумная надежда рухнула, когда прямо перед островом из утреннего тумана стали возникать паруса. Монстры сумели где-то раздобыть не только барки, но и несколько судов довольно солидного тоннажа. Теперь они шли во главе целой флотилии к Товаго. В течение часа противоположный берег острова был ареной отчаянной паники и душераздирающих сцен — в несколько уменьшенном масштабе по сравнению с тем, что происходило недавно в Панаме. Беглецы, не видя ничего вокруг, тащили задыхаясь свое добро и сталкивали барки в море. Но Тихий океан был в гневе, огромные валы переворачивали суденышки со

всем содержимым. Люди захлебывались у самого берега. Многие пытались зарыться в песок, спрятаться хоть в крысиную нору от грядущей беды.

Двухсуточное бесчинство пиратов на Товаго заслуживает особого упоминания. На пепелище сожженной Панамы была уже собрана огромная добыча, но флибустьеры злились, что многое сгорело. Морган, обосновавшись в губернаторском дворце — каменное здание с толстыми стенами почти не пострадало от пламени, отдал приказ:

— Догнать беглецов, вышедших в море, и как следует потрясти их!

Пуще всего адмирала снедала мысль об уплывших церковных украшениях; все подробности их погрузки на галион рассказали свидетели, подвергнутые дознанию. Поэтому участникам погони было велено захватить церковные сокровища. Самые исполнительные намеревались идти в океан, но большинство решило сделать остановку на острове. Надо же выведать, говорили они, в какую сторону двинулся галион и где он может прятаться. Пираты налетели на Товаго как коршуны — впрочем, расхожее сравнение несправедливо к птицам, которых не интересует ни золото, ни женщины.

Донья Эрмоса и несколько других беглянок из числа самых красивых поначалу не поняли, почему их пощадили. Запертые в одном из домов, они, рыдая, взывали на коленях к деве Марии, слушая доносившиеся снаружи крики. В любую секунду осатанелые головорезы должны были ворваться в их убежище. Но нет, дверь открыли лишь для того, чтобы дать им еды и питья. Пленницы терялись в догадках о причине столь мягкого обращения. А она была очень проста: флибустьеры знали, что их ожидает гнев адмирала за то, что они застряли на Товаго, вместо того чтобы догнать галион с сокровищами, и надеялись умилостивить предводителя, доставив к нему нескольких красавиц. На третьи сутки женщин вывели из дома, посадили на корабль и отвезли в Панаму.

— Адмирал шлет вам это со своего стола.

«Это» был дивный серебряный поднос, уставленный яствами и графинами. Принесшая его прехорошенькая, нарядно одетая черная служанка была прежде одной из горничных губернатора Гусмана. Во дворе совсем не чувствовалось следов пожара. Из окон своей комнаты донья Эрмоса видела уголок сада — посыпанные песком дорожки, разноцветные кусты, птичьи клет-

ки, бассейн с морскими черепахами. К аромату цветов примешивался запах дыма, все еще висевшего над городом.

— Можно мне выйти в сад?

— Нет, сеньора. Вам велено оставаться в комнате.

Пленница... Вчера вечером, когда донью Эрмосу вводили в эту комнату, в коридоре появился адмирал. Он учтиво поклонился, сняв шляпу. Сеньора может потребовать все, что пожелает. Не потеряй сеньора присутствия духа, она могла бы ответить:

— Я хочу, чтобы меня освободили и разрешили ехать к мужу.

Но она этого не сказала. Страх был еще слишком велик. Она успела мельком разглядеть главаря пиратов — невысокий, но очень представительный мужчина, широкое загорелое лицо, вовсе не похожее на песью голову. Изысканно одет, превосходно говорит по-испански. Донья Эрмоса пробормотала, что она предпочла бы остаться с другими пленницами. Адмирал лишь улыбнулся и, ничего не ответив, удалился.

Теперь донья Эрмоса наконец уразумела, почему пираты пощадили ее на Товаго и что означала учтивость адмирала. Она была напугана, но не могла побороть чисто женского любопытства: «Как он начнет домогаться меня?»

Появились еще две девушки, на сей раз испанки, сообщившие, что адмирал велел им быть постоянно в распоряжении сеньоры; обе были необыкновенно почтительны.

— Почему я не могу спуститься в сад? — спросила донья Эрмоса.

— Адмирал опасается, как бы ненароком с вами не случилось чего-нибудь дурного.

И девушки начали заученно твердить: адмирал-де без ума от сеньоры, она может получить от него все, что пожелает. Ах, зачем возмущаться, зачем стонать? Все женщины Панама, за исключением разве что глубоких старух, вынуждены были поступить собой, чтобы спасти жизнь. Покориться силе, когда нет другого выхода, вовсе не грех.

Осада через посредство третьих лиц продлилась несколько дней, что уже само по себе удивительно для флибустьера. Донья Эрмоса и та была удивлена. Из своих покоев она не могла слышать того, что происходит в парадном зале дворца. Морган пировал там с соратниками, и недостатка в развлечениях и удовольствиях любого рода у них не было. Отсюда и невероятно терпеливое «ухаживание».

— На сей раз, сеньора, я пришел к вам сам.

Донья Эрмоса успела подумать: «Так и должно было случиться. Только почему сейчас, а не раньше?» Обе служанки тут же испарились без звука. В огромной комнате с роскошной мебелью

царила прохлада, из сада доносились крики попугаев. Пират, массивный, с багровым лицом, но тщательно завитыми усами и в повязанном на голове красном платке, стоял между доньей Эрмосой и дверью, глядя на нее невыносимо пронзительным взором, и молчал. Он был словно живой утес, от которого отскакивали бессвязные фразы пленницы, твердившей о супружеской верности. Донья Эрмоса знала от своих служанок, которые в свою очередь слышали об этом от флибустьеров, что у адмирала была на Ямайке законная жена, которую он чтит; но супружеские чувства не мешают мужчине время от времени развлечься, и пираты были бы шокированы, если бы их предводитель вел себя иначе. Если донья Эрмоса поначалу надеялась пробудить в нем какую-то порядочность, то по мере того, как она говорила, ей становилось все более ясным, что она напрасно тешит себя иллюзиями. Монстр все так же молча пошел на нее.

Донья Эрмоса закричала, изо всех сил оттолкнув его. И адмирал, вместо того чтобы накинуться на нее, толкнул ее так, что она упала на пол, после чего круто повернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Донья Эрмоса была так потрясена, что, когда служанки вернулись (а они были тут как тут, едва хлопнула дверь), она не могла говорить, ее душили слезы. Немного успокоившись, она поведала им о случившемся, и именно из их уст вся эта история стала известна впоследствии.

— Я слышала, как адмирал упомянул в сердцах имя божье. Значит, он христианин, — наивно твердила пленница. — Я сумею убедить его не совершать греха прелюбодеяния.

Служанки, видевшие, что адмирал превратил губернаторский дворец в настоящий притон, лишь умилились подобной наивности. Прошло несколько дней. Морган не появлялся, он продолжал осаду. Служанки, не выдержав, дали понять госпоже, что ее добродетельность дорого обходится городу: ведь Морган, удовлетворив свою страсть, давно бы ушел восвояси, а так он продолжал терзать Панаму. Днем и ночью из домов слышались крики истязаемых.

Донья Эрмоса слушала эти слова ломая руки, ее прекрасное лицо искажали мучения; служанки решили, что она на пороге сдачи. Однако, когда адмирал вновь явился в ее покои, она вынула из корсажа спрятанный кинжал и приставила его острием к груди:

— Лучше умереть!

Во всем ее облике было столько решимости, что Морган опять отступил. В тот вечер гордая испанка получила на ужин лишь хлеб и воду. А на следующее утро ее отвели из дивных покоев в

темницу, благо во дворце их было в избытке. Испанские художники изображали потом «панамскую даму» прикованной к стене рядом со скелетом в цепях, но эти художества не стоит принимать за чистую монету. Как бы то ни было, донья Эрмоса провела несколько дней в каменном мешке, после чего Морган передал ей, что она должна выплатить выкуп в 30 000 реалов, иначе ее заберут пленницей на Ямайку.

Донья Эрмоса вновь увидела дневной свет 14 февраля 1671 года. В то утро Морган отдал приказ экспедиции покинуть Панаму. Множество британских историков, сведущих в бухгалтерском деле, добрых полтора столетия подсчитывали стоимость добычи. Цифры вышли такие: минимум — 400 000 реалов, максимум — 750 000. Караван, двинувшийся с грузом в обратный путь, насчитывал 175 вьючных животных, в основном мулов.

Флибустьеры уводили с собой толпу пленников, по большей части негров-рабов. То был очень удобный товар, двигавшийся своим ходом. Вместе с ними шли несколько десятков испанцев, мужчин, женщин и детей, за которых Морган не получил выкупа.

— Еще есть время, и вам, возможно, не придется ехать на Ямайку. Но — торопитесь, — предупредил он.

Как и во всех предыдущих походах, адмирал разрешил пленным отправить послания родственникам и друзьям. Людской поток тянулся по тропе, каждый день умирали дети. Донья Эрмоса брела одна. Соотечественники ненавидели ее за те блага, которые якобы расточал перед ней Морган, — послушать их, она имела в своем распоряжении целый дворец, купалась в невысказанной роскоши, слуги ползали перед ней на коленях. Ее же считали виновницей всех бед: почему она не уступила пирату? Он мог бы расчувствоваться и пощадить их. Каменный мешок и голодный рацион последних дней были не в счет, да они и не верили ее злоключениям. Даже теперь, когда Морган выказывал полное пренебрежение к ней, пленники донимали донью Эрмосу попреками: почему она не попросит адмирала распорядиться идти помедленнее, сократить дневные переходы, давать больше еды и питья?

Сломленная морально, донья Эрмоса в отчаянии шлет адмиралу записку. Никакого ответа. Пленники понимали, что у Моргана в эти дни были другие заботы, кроме как судьба испанцев. Среди флибустьеров росло недовольство, оно выливалось в открытую вражду, причем предлог неизменно был один и тот же:

— Кое-кто успел набить золотом полные карманы!

Дошло до того, что в один прекрасный день Морган распорядился отвести пленников подальше, а всем флибустьерам раздеться догола на опушке и обыскать одежду друг друга. Сам он первым подал пример. Духота сельвы растопила все кастовые различия, больше не было командиров и подчиненных, люди обрели первородный облик, обнажив — в буквальном смысле — свою натуру.

Обыск удовлетворил не всех: часть флибустьеров ворчала, что, добравшись до Панамы, надо было двигаться дальше в Перу. Вот уж где золото можно грести лопатой, они бы купались в золоте, стали бы властелинами мира! Отягощенные сказочной добычей и не будучи в состоянии извлечь из нее подходящих удовольствий, пираты предавались алчным мечтаниям.

Донья Эрмоса добилась аудиенции у Моргана, когда экспедиция вошла в сожженное селение Крус. Там они пробыли три дня. Понукаемые флибустьерами черные рабы перегружали добычу в шлюпки и пироги, оставленные здесь под присмотром. Адмирал принял донью Эрмосу в одном из уцелевших от огня королевских складов. Он выглядел усталым и озабоченным. Вначале она попросила его облегчить участь соотечественников, на что он ответил, что, поскольку выкуп за большинство уплачен, они сегодня же будут освобождены. Затем донья Эрмоса рассказала, как ее предали и обобрали двое монахов, которых она послала за собственным выкупом: возвратившись с деньгами, они заплатили их за собрата-монаха.

— Куда они делись? Когда ушли?

— Немногим более двух часов назад.

За монахами отрядили погоню. Пойманные, они тут же во всем сознались.

— Молитесь,— сказал им Морган,— завтра утром ваши души предстанут перед господом.

Напрасно донья Эрмоса умоляла сохранить им жизнь. Казнь состоялась на заре следующего дня. Тела монахов еще дергались в петле, когда над деревьями, где их повесили, закружились стервятники.

Флибустьеры погнали пленных к реке. В толпе негров осталась лишь горстка испанцев, которым не удалось заплатить за свое освобождение.

— Отчего вы плачете? — осведомился Морган у доньи Эрмосы.

— Я погибла. Казнь двух монахов лишила меня последней надежды получить новый выкуп. Лучше бы вы повесили меня вместо них.

Трудно вообразить в точности мысли, кружившиеся в тот момент в тяжелой голове адмирала. Вожак разбойников, он

полностью разделял их психологию. В минуты ярости он не щадил никого и ничего. Сейчас перед ним стояла женщина, отказавшаяся стать его наложницей, чем, несомненно, задела его самолюбие. Она находилась в полной его власти. Однако Морган возглавлял поход, и в его нелегкую задачу входило поддержание дисциплины в войске, принципиально отрицавшем всякое подчинение и дисциплину. Для этого требовался непререкаемый авторитет предводителя. Отправить красавицу испанку на Ямайку, где она будет продана на рынке, как рабыня, и достанется кому-то после того, как не досталась ему,— на это он не мог решиться. Выкупить ее для себя тоже было невозможно по очевидным причинам. Присутствие доньи Эрмосы среди пленников превращалось в проблему. Решать ее надо было быстро, поскольку Морган собирался делить добычу по прибытии в крепость Сан-Лоренсо, в устье реки Чагрес. Как поступить?

Его вошедший в легенду рыцарский жест, я полагаю, следует рассматривать как просто наиболее рациональное решение. Этого человека всегда отличал продуманный подход—с самого первого дня, когда он прибыл в Порт-Ройял семь лет назад.

— Донья Эрмоса отправится в Панаму с теми, кто уплатил выкуп. Дайте ей мула.

На этом кончается романтическая история «панамской дамы» Флибустьеры со всем добром погрузились в лодки. А маленькая группа пленных двинулась в противоположном направлении. Измученные, покрытые язвами, облепленные мухами мулы и разоренные, униженные люди возвращались на пепелище. Но радость обретенной свободы переполняла их сердца. Они говорили наперебой о том, как будут отстраивать заново город, и действительно сделают это, не ведая, что через пятнадцать лет их ждет новое нашествие.

На таком же жалком, как и у всех, муле ехала домой «панамская дама», но сколько в ней было грации, несмотря на мятую одежду и утомление. Поглядим же ей вслед, а если она обернется, постараемся запомнить ее лицо—одно из немногих благородных лиц среди скопища грубых и жестоких физиономий этой эпопеи.

Почему. ну почему, Генри Морган, не умер ты сейчас, после блистательно проведенной и поистине грандиозной флибустьерской операции? Тебе удалось бы сохранить легендарный образ, избежать многих невзгод и мучительного конца. Но Историю наджит писать целиком.

Первый взрыв недовольства адмиралом произошел по возвращении в Сан-Лоренсо, когда Морган объявил, сколько денег приходится на рядового участника: 200 пиастров. Эксмелин пишет — «по десять ливров, в то время как все рассчитывали получить самое меньшее по тысяче реалов». Общая добыча оценивалась в 6 миллионов крон, а доля Моргана — в 400 000

песо. Я намеренно привожу здесь наименования различных денежных единиц из разных источников. Возможно, специалист в бухгалтерском деле сможет привести их в соответствие с современной валютой — мне это не удалось. Укажу лишь, в какой пропорции производился дележ. Каждый капитан получал восемь солдатских или матросских долей. Королю причиталась пятнадцатая часть общего дохода, герцогу Йоркскому, недавно назначенному первым лордом Адмиралтейства, — десятая; самому Моргану полагалась сотая часть, составившая 750 пиастров, которые принято приравнивать к доллару.

Итак, пираты, как я сказал, были на грани бунта. Валлийские историки во главе с В. Ллуэлином Вильямсом негодуют по поводу этой вспышки ярости. По их подсчетам, заработок в 200 долларов был совершенно справедливым вознаграждением, так что требования флибустьеров они рассматривают не иначе как наглость. Морган действовал «строго по правилам», свою весомую долю он заслужил «шестимесячными трудами, прилежанием и беззаветной отвагой». Короче, по их убеждению, дележ нельзя было произвести *честнее*. Пикантная подробность: историки встали горой на защиту своего соотечественника не в славные времена флибустьерства, а в начале нынешнего столетия, точнее, в 1905 году, когда британские судьи не колеблясь отправляли в долговую тюрьму несчастную вдову, если та была не в силах заплатить домовладельцу.

Эксмелин рассказывает, что в порту Сан-Лоренсо недовольные во всеуслышание обзывали адмирала вором. Могут возразить, что Эксмелин в своих записках часто сурово отзывается о валлийце. Давайте послушаем другого свидетеля, англичанина Ричарда Брауна, который до этого дележа безраздельно восхищался Морганом. Однако после эпизода в Сан-Лоренсо он в корне меняет свое мнение, выдвигается в первые ряды «протестантов» и даже отправляет в Лондон письмо статс-секретарю Вильямсону, в котором квалифицирует поступок Моргана как чистый грабеж. Его письмо и поныне лежит в архиве лондонского Сити. Среди возмущенных до крайности «береговых братьев» составила партия, решившая действовать радикально. Несколько дней жизнь адмирала была в опасности, ибо эти люди не любили шутить, когда речь шла о звонкой монете.

Все это объясняет нам, почему климат Чагреса показался Моргану особенно вредоносным и он отплыл, «не дав никакого сигнала, в сопровождении лишь четырех судов, чьи капитаны соучаствовали в невиданном дотоле грабеже». Эти обвинительные строки принадлежат Эксмелину. И он добавляет: «Несколько французских авантюристов хотели броситься вдогон,

но спохватились слишком поздно. Морган уже шел к Ямайке».

На Ямайке их ждал триумф. Капитаны и матросы, удравшие с Морганом (вспомним выражение «уйти по-английски»), и даже рядовые флибустьеры, ехавшие в трюме, не оказались среди обделенных. Им безусловно досталось кое-что сверх нормы, поскольку по прибытии в порт ни один из них не пожаловался.

Откроем же глаза, и откроем их хорошенько, ибо в последний раз нам открывается это зрелище: огромная толпа, сбившаяся на причале и вдоль изогнутой полумесяцем бухты Порт-Ройяла, приветственные клики встречающих; четыре корабля с поднянутыми парусами медленно и величаво плывут в окружении скопища лодок, комарьем вьющихся вокруг, откуда наверх летят тысячи вопросов, на которые не успевают отвечать с палубы. Чуть позже, едва матросы успевают ступить на сушу, их тянут друг у друга наперебой «срамницы», а вечером закатывается небывалый пир и дождь монет обрушивается на все портовые таверны. Морган и губернатор Модифорд, покончив с официальной частью, переходят к поздравлениям с глазу на глаз, хохоча в голос и хлопая друг друга по спине. Сомнения прочь: никогда еще цифры флибустьерских призов не были столь внушительны.

И видимо, в этот вечер Модифорд, а может, и оба сообщника решили, что доля короля и герцога Йоркского при такой несметной добыче, право слово, слишком уж велика, так что если ее немного уменьшить, то Лондон и бровью не поведет, не заметит; надо лишь к выплаченным суммам присовокупить весьма подробный и толковый доклад, в котором бы убедительным образом перечислялись огромные расходы, потребовавшиеся на снаряжение эпохального похода. Опасное решение! Возможно, само по себе оно и не спровоцировало дальнейших событий, но уж безусловно способствовало их развитию.

Итак, триумф на Ямайке, но тайфун в Лондоне. Тайфун по имени Молина — так звали полномочного посла Испании. «Никогда моя держава не снесет оскорбления, нанесенного разорением Панама в мирное время. Мы требуем самых суровых санкций и в случае надобности не остановимся перед военными действиями», — в ярости пишет он. Представьте теперь раздражение Карла II. Ему докладывают (письма недовольных уже начали прибывать в Лондон) о самоуправстве Модифорда и Моргана при подсчете и дележе добычи. С другой стороны, с Ямайки уже отошел фрегат с его долей, означающей солидный прибыль в его личную казну. Безобразие, что люди не могут оградить своего государя от неприятностей даже при благополучном завершении дел! И он начинает инстинктивно искать глазами козла отпуше-

ния, жертву, которую следует отдать на заклятие, и незамедлительно. Сидя в своем сыром дворце, который не в силах прогреть июньское солнце, Карл II диктует личному секретарю официальный ответ на ноту испанского посла:

«Нами установлено, что губернатор Модифорд самочинно выдал Генри Моргану поручительство на означенную экспедицию, а также не принял мер для отзыва его после подписания мирного соглашения между Англией и Испанией. Сей же неделей мы отряжаем сэра Томаса Линча на Ямайку с наказом арестовать Томаса Модифорда и не мешкая препроводить его в Лондон в видах судебного разбирательства».

22 августа того же 1671 года, четыре месяца спустя после грандиозной фиесты, устроенной по случаю возвращения победителей панамского похода, потрясенные жители Порт-Ройяла узрели, как их горячо любимый губернатор поднимается на борт торгового парусника с прозаическим названием «Ямайский купец». Никаких кандалов, конечно, не было, наоборот, все происходило очень куртуазно. Но даже последние кабацкие пропойцы знали, что сэр Томас едет в метрополию не по своей воле. Все было сделано без шума, чтобы не накалять страстей. Ямайка жила ожиданием дальнейших событий.

«Экспедиция в Панаму унизила и оскорбила людей (флибустьеров.— Ж. Б.). Они пребывают в ужасной обиде на Моргана за то, что он заставил их голодать, а потом обворовал и покинул в бедственном положении. Полагаю, Морган заслуживает сурового наказания».

Такую реляцию Томас Линч адресовал королевскому министру лорду Арлингтону. Почти все в ней было неправдой. Успех панамского похода наполнял гордостью сердца участников, даже тех, кто призывал к бунту в момент дележа. Флибустьеры не были в обиде на Моргана, они славили его имя так же, как через полтора столетия рекруты, служившие пушечным мясом Наполеону, будут прославлять своего императора. Однако Линч, прибывший с высокими полномочиями на Ямайку и находившийся «на ножах» с Модифордом (об этом знали все в Порт-Ройяле), поставил себе целью утвердить собственные порядки в Вест-Индии.

Популярность Моргана была необыкновенно велика на Ямайке, а в Лондоне его репутация крепко держалась среди разбогатевших на испанском золоте придворных. Линчу потребовалось полгода неусыпных хлопот, прежде чем он добился от правительства приказа направить великого флибустьера в Англию, «дабы держать ответ за оскорбления, нанесенные королю и престижу его короны». После получения этого приказа у Линча ушло еще

два месяца на организацию отплытия. Морган дал слово подчиниться, и многие в Порт-Ройяле знали о подоплеке; но внешне все — включая и жертву, и палача — делали вид, будто адмирал отправляется в Лондон за почестями и наградой. Под крики «виват» и рукоплескания толпы 4 апреля 1672 года Морган поднялся на борт фрегата «Велкам» («Добро пожаловать»). Приличия были соблюдены.

«Велкам» — старое судно, и, если ему суждено будет попасть в непогоду, оно сгинет со всем экипажем». Настоящий моряк никогда бы не написал подобных строк. В нескончаемом списке затонувших судов старые и новые корабли находятся в равной пропорции, и немало заслуженных посудин с замшелыми, полупрогнившими боками закончило свои дни в порту приписки, где их разбирали на дрова, в то время как новехонькие корабли шли ко дну в первом же рейсе. Вот и «Велкам», попавший не в один шторм на обратном пути, как и ожидал (или надеялся?) Линч, выдержал все испытания. 2 июля 1672 года, три месяца спустя после отплытия из Порт-Ройяла, он прибыл в Лондон. Неудобства морского путешествия той поры: скудная загнивающая пища, урезанные порции воды, становившейся почти непригодной для питья, цинга, кишечные болезни — сполна выпали на долю пассажиров «Велкама». В довершение на родине их встретило мерзкое английское лето — холодное и туманное, подстать оказанному приему. В ожидании момента, когда его величество соизволит поинтересоваться им, Моргану было велено оставаться на борту фрегата.

«Оба моих пленника, — писал капитан «Велкама» Джон Кин министру двора лорду Клиффорду, — все еще пребывают на борту, утомленные длительным заключением, в особенности полковник Морган, весьма склонный к болезням». Мне не удалось установить, кто был вторым пленником, но приведенная деталь говорит о многом: *полковник* Морган. Адмиральский титул даже не упоминается.

Какое-то время спустя (продолжительность заключения на борту фрегата нигде не указывается) капитан Кин вошел в каюту пленника, держа пакет, запечатанный королевской печатью. Морган вряд ли почувствовал облегчение, прочтя высочайшее указание: «Полковника Моргана отпустить на берег под честное слово. Жительство иметь в Лондоне на собственный счет». Больше — ничего.

Три года прожил Морган в английской столице. Рассказов об этом периоде его карьеры не сохранилось, и мы можем основываться лишь на заметках в газетах и строчках из мемуаров современников. В 1672 году Моргану исполнилось тридцать семь

лет. Сегодня этот возраст считается молодым, но в те времена он был вполне зрелым. К тому же наш полковник только что пережил тяжкое путешествие через океан в антисанитарных условиях. Однако по прошествии нескольких недель он, разодетый и надушенный, словно сказочный принц, появляется в лучших домах.

Тогдашний Лондон — это Лондон Реставрации, бездумно веселый, старающийся позабыть о былых несчастьях, чуме и большом пожаре. Под давлением французского короля Людовика XIV англичане возобновили войну с голландцами, но никто, похоже, не воспринял этого конфликта всерьез; основные новости (главным образом устные), занимавшие умы лондонцев, касаются любовниц короля — одну из них, французенку Луизу де Керуа, чернь на улицах встречает свистом и улюлюканьем, когда она проезжает в карете. Все заморское и экзотическое в большой моде; аристократы сходят с ума по обезьянам и попугаям, высшим шиком считается иметь в доме лакея-негра; за этих слуг платят втридорога, жаль только, что они так быстро мрут от туберкулеза.

Не приходится удивляться, что в такой обстановке Морган, не считающийся с расходами и швыряющий золото направо и налево, быстро становится светским львом. «У лорда Беркли вместе с сэром Томасом Модифордом, бывшим губернатором Ямайки, был знаменитый полковник Морган, предводительствовавший славным панамским походом», — читаем мы заметку в светской хронике. Да, наш старый знакомый Модифорд всплыл на поверхность: его вытащил из тюрьмы (легендарного лондонского Тауэра) дальний родственник, юный герцог Альбемарль, племянник министра колоний. В свои девятнадцать лет герцог был богат, как Крез, верховодил светскими львами и явно не стремился получить приз за добродетель и благонравие. В Лондоне нельзя было найти человека, более подходящего Модифорду и Моргану, чем этот способный юноша. Удачную тройцу стали часто видеть на лондонских титулованных раутах, в сравнении с которыми флибустьерские оргии в Порт-Ройале выглядели воскресными собраниями церковного хора.

— Все это премило, — заметил однажды Морган Модифорду, — но так ведь недолго и разориться. Надо попросить короля назначить наконец дату рассмотрения моего дела.

Какое там, все и думать забыли о его деле! Даже посол Испании больше не вспоминал о нем. Тем не менее этот странный суд состоялся. Не было ни объявления, ни даты, ни даже судей. Просто министры торговли и колоний собрали свидетельские показания и представили их королю. Подоспев-

шие с Ямайки письма изображали Моргана благодетелем, неустанно пекущимся о процветании колонии. Подсудимого вызвали на заключительное заседание комиссии, проходившей под председательством короля. Морган ответил на несколько вопросов. Вердикт: «Виновность не доказана». На следующее же утро Морган получил аудиенцию при дворе.

Лондонский климат не благоприятствовал избавлению от хвори, и он испросил дозволения вернуться на свой остров.

— Возвращайтесь,— милостиво согласился король,— в звании вице-губернатора. Сэр Томас Линч отозван нами и заменен графом Карлайлем. Желаю вам благополучного пути.

Линч с кислой физиономией ознакомился с письмом, извещавшим его об отставке. Еще более чувствительный удар последовал со следующей почтой, из которой он узнал, что Модифорд тоже возвращается на Ямайку — в звании *верховного судьи* колонии.

«Алчность флибустьеров не ведает границ, в особенности при слабой власти. Для обуздания их был призван сам сэр Генри Морган, хитроумно произведенный в вице-губернаторы» — в этих двух фразах заключен смысл последнего назначения, завершившего карьеру Моргана. Небезынтересно разобраться в ней.

Алчность ямайских флибустьеров не возросла и не уменьшилась; они мечтали о новых походах, за которыми следовали буйные оргии. Но их предводитель оказался к сорока годам физически немощным. Кабацкие загулы не прошли для Моргана даром. Другого предводителя не было. Результат? Мелкие и средние экспедиции приносили скромную добычу. Флибустьерство вырождалось в кустарный промысел. Тем временем возникали новые обстоятельства.

Американское золото не лишило Ямайку, подобно Испании, жизненной энергии и не затормозило ее развития. Награбленные флибустьерами богатства послужили начальным капиталом для развития на острове в крупном масштабе сельскохозяйственного производства. Вслед за бригами, доставлявшими в Лондон разбойничью добычу, из Порт-Ройяла уходили купеческие суда, груженные сахаром, ромом, какао, ананасами, цитрусовыми, табаком и пряностями. Навстречу им тянулись другие суда, с «черным деревом» — партиями рабов, на труде которых богатели плантации английских колоний Северной Америки. По пути из Африки работорговцы непременно делали остановку на Ямайке. Постепенно флибустьерских судов в Порт-Ройяле становилось все меньше, а ямайское население, состоявшее теперь главным образом из коммерсантов и плантаторов, относилось к ним все хуже: островные буржуа желали сохранять хорошие отношения с Лондоном.

И вот в центре этого хитросплетения экономических интересов оказался Морган. В государственных архивах на Ямайке и в Лондоне есть немало документов, касающихся Моргана. Однако документы интересующего нас времени уже не потревожит ничей любознательный взор: они сгинули навсегда в страшном землетрясении 1692 года, когда часть острова превратилась в морское дно. Таким образом, фигура Моргана вырисовывается то отчетливо, как, например, во время его пребывания в Лондоне, то совсем пропадает.

Что мы знаем? Морган живет на Ямайке, где за это время сменилось несколько губернаторов. Начальство приходит и уходит, а самый знаменитый из «береговых братьев» остается. Отношение к Моргану колеблется от настороженности к откровенной враждебности, ибо королевские наместники не хуже нас с вами понимают, что остепенившийся (внешне) адмирал пиратов втихомолку поощряет, ссужает деньгами и снаряжает мелкие грабительские походы. Речь уже не идет о том, чтобы идти *добывать испанца*, — не тот размах; в лучшем случае удастся *пощипать* его. Тем не менее эти акции чреваты неприятностями и дипломатическими инцидентами, о чем ретивые чиновники извещают Лондон. Правительство не реагирует. Морган по-прежнему член Совета, вице-губернатор, исполняющий в отсутствие губернатора его обязанности. Более того, на короткое время он даже назначается полномочным губернатором. Свои позиции он сохраняет благодаря развѣдающей силе золота, откровенному подкупу и интригам. Канули в прошлое времена эпопеи флибустьерства — бурной, аморальной, подчас отвратительной в своей жестокости, но все же эпопеи. Теперь нам придется стать свидетелями моральной деградации нашего героя. Истина всегда одна, и если читателю показалось, что в описаниях разбойничьих триумфов Моргана у нас невольно проскальзывала нотка восхищения, то сейчас он убедится в обратном.

По отношению к бывшим сотоварищам Морган, в традициях всех выскочек, выказывает особую суровость. В сентябре 1679 года внезапно умирает Модифорд. Моргана возводят в ранг верховного судьи, и вскоре он оказывается замешанным в скверную историю. У некоего Фрэнсиса Мингэма он конфискует за обман ямайской таможни судно (обратите внимание, как обуржуазилось бывшее флибустьерское гнездо — просто диво!). Но вместо того, чтобы внести деньги от продажи конфискованного судна в казну, Морган спокойно прикарманивает их. Мингэм обжалует приговор в Лондоне и добивается решения об отмене конфискации и возмещении всех убытков (ну, уж этого он не получит никогда!). Однако замять скандал не удастся. И вот,

чтобы как-то сгладить впечатление от столь наглого казнокрадства, пошатнувшего его авторитет, Морган решает заделаться рьяным законником.

В начале 1680 года лорда Карлайла отзывают домой, и мы вновь видим Моргана на посту исполняющего обязанности губернатора. Он немедленно закрывает Порт-Ройял для всех флибустьерских и «подозрительных» судов, а короткое время спустя люди, служившие у него под началом и прошедшие с ним через все опасности, люди, которые по его приказу грабили, жгли, убивали, насиловали и пытали, в изумлении прочитали подписанный Морганом ультиматум:

«Всем, кто оставит пиратское ремесло, обещается прощение и дозволение селиться на Ямайке. Те же, кто по истечении трех месяцев не подчинятся закону, объявляются врагами короны и, будучи задержаны на суше или на море, будут судимы трибуналом Адмиралтейства в Порт-Ройяле и, за неимением смягчающих обстоятельств, повешены».

Морган самолично приписал к копии отправленного в Лондон ультиматума следующую невероятную фразу:

«Я намерен предать смерти, бросить в узилище либо выдать испанским властям всех пиратов, которых мне удастся задержать».

Население восприняло эти меры с удовлетворением. Коммерсанты, разбогатевшие в свое время на перепродаже добра, награбленного предводителем флибустьеров Морганом, теперь громко одобряли Моргана — гонителя флибустьеров. Нужно уметь шагать в ногу с эпохой...

Обращение в новую веру — дело нелегкое, и расстаться с дурными привычками, увы, куда тяжелее, чем с хорошими. В начале лета 1683 года некто Флад, помощник того самого капитана Мингэма, у которого Морган умыкнул судно, повздорил с капитаном Черчилем, командиром корабля флота его величества «Фалькон». Ссора быстро дошла до рукоприкладства, от удара Флада Черчилль слетел с пристани в воду, от чего подхватил воспаление легких и вскорости умер. Морган, которого тайком посетил доверенный человек Флада (видимо, не с пустыми руками), запугал присяжных настолько, что суд, проходивший под его председательством, вынес следующий приговор: «Оправдать за отсутствием состава преступления. Капитан Черчилль умер от бронхита, коим заболел еще на суше». И это после того, как два десятка свидетелей заявили под присягой, что собственными глазами видели, как Черчилль барахтался в воде! Попрание справедливости было столь вопиющим, что прямо у здания суда между сторонниками Флада и Черчиля завязалась

кровавая драка. Ямайка была одной из самых процветающих колоний, и Лондону никоим образом не хотелось, чтобы там возникали раздоры. Дело Моргана было передано для разбирательства в Совет острова.

Моргановская «клиентура» (вернее, то, что от нее осталось) считала, что на сей раз адмиралу не выкарабкаться. Самые ярые его приверженцы с пеной у рта утверждали, что Морган — человек необыкновенных достоинств, соглашаясь, правда, что он чрезмерно подружился с Бахусом (Морган оплачивал их долги кабатчикам), не очень щепетилен в финансовых вопросах (они принимали от него деньги, не задумываясь, откуда те берутся) и слишком склонен конфликтовать с властями.

Обвиняемому, явившемуся в зал Совета, где некогда все наперебой спешили почтительно позвать ему руку, было сорок три года, но выглядел он хворым стариком. Адмирал тяжело опирался на трость и говорил с одышкой, прерывающимся голосом:

— Я полагаю, мне не станут вменять чужую вину. Сам я никогда не имел намерения оскорбить чем-либо правительство. Посему я надеюсь на беспристрастное разбирательство.

Жалкая речь была встречена ледяным молчанием. Несколько минут спустя единогласным решением Совета (при двух воздержавшихся) Моргана исключили из его состава и освободили от всех занимаемых им постов.

Минул год полнейшей безвестности. А в 1685 году имя Моргана, как сказали бы сейчас, «получает большую прессу»: оно появляется крупным шрифтом на первых страницах всех газет. В связи с судебным процессом.

Дело в том, что в 1678 году хирург Эксмелин публикует свои записки о похождениях флибустьеров. Книга называлась **«Пираты Америки. Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки»**. Она имела огромный успех, была переведена на многие европейские языки и переиздавалась чуть ли не ежегодно. Моргану в книге было отведено немалое место.

Конечно, мало кто бывает в восторге от того, что о нем пишут другие, если только произведение не отредактировано им лично или, лучше, не написано под его диктовку. У Моргана подробное повествование хирурга вызвало особое неудовольствие, ибо выход английского перевода совпал с моментом, когда он впал в немилость; более того, перед ним вообще маячил грозный призрак тюрьмы. Нет, автор безусловно выбрал самое неподходящее время для напоминаний о грабежах испанских городов и перебитых им испанцах: Англией и всеми английскими владени-

ями в мире правил преемник Карла II — Яков II, католик и друг Испании. Все знакомые с историей знают, что подвиги предаются забвению несколько лет спустя, и Морган очень надеялся на это. Увы, получилось иначе.

«Требуйте опровержения и выплаты компенсации за ущерб», — пишет он своему лондонскому поверенному Джону Грину.

Английский перевод вышел в двух издательствах. Владелец одного из них тут же согласился выпустить исправленное и дополненное издание с предисловием, во всем обеляющим Моргана. Но второй заупрямился, справедливо предположив, что судебный процесс окажется для него наилучшей рекламой. Фамилия его была Мальтус.

Все материалы этого процесса сохранились, с их копиями можно ознакомиться в крупнейших библиотеках Лондона. Потребованный Грином текст опровержения удивил всех посвященных в детали походов его подзащитного:

«Сэр Генри Морган верой и правдой служит ныне здравствующему монарху, равно как он служил покойным государям, проявив себя на суше и на море человеком самых добродетельных устремлений, всегда противясь несправедливым деяниям, как-то: пиратству и воровству, к коим испытывает глубочайшее отвращение... Он всегда ненавидел и продолжает ненавидеть буканьеров, промышляющих пиратством, поджогами городов и грабежом имущества подданных короля Испании, попирая тем самым все божеские и человеческие законы».

Судьи в тяжелых напудренных париках невозмутимо выслушали это. Никому в голову не пришло осведомиться, зачем святой апостол добродетели, каким желал предстать Морган, ездил в Маракайбо, Пуэрто-Бельо, Панаму и прочие места и почему испанский посол жаловался на него английскому королю.

— Мы требуем десять тысяч фунтов в качестве компенсации за нанесенный ущерб, — заключил свою речь Грин.

— Слово имеет защита ответчика.

Никого. Издатель Мальтус не ответил на иск, не явился в суд и даже не прислал своего адвоката. Решение суда: десять фунтов штрафа Мальтусу и двести фунтов компенсации Моргану за моральный ущерб.

Процесс этот представляет интерес главным образом с юридической и исторической точек зрения. Это был первый иск, поданный на издателя книги. Мальтус был оштрафован за клевету, и британское законодательство долго еще черпало вдохновение в следующей фразе из судебного вердикта: «Чем хуже истина, тем изощреннее клевета». Похоже, что единственным утешением для Моргана было постановление о выплате ему

двухсот фунтов стерлингов. У нас нет возможности установить, получил ли он их в конце концов или нет.

В дымных пабах Кардиффа и Ньюпорта и поныне стоит въевшийся за долгие годы запах пива, но моряки там больше не поют: они смотрят на мерцающий над стойкой экран телевизора. А еще полвека назад здесь, в Уэльсе, можно было услышать, как старые матросы (кое-кто из них плавал еще на деревянных судах) хором затягивали песню, сложенную, должно быть, вскоре после смерти Моргана:

Нет на свете моря,
Где не побывал
Флибустьер-валлиец,
Морган-адмирал.
Но покой он вечный
Лишь в земле обрел.

В декабре 1687 года Морган, давно уже не бывавший ни в каких морях, вновь воспрянул духом. Незадолго до рождества он сидел за богато убранным столом с только что прибывшим в Порт-Ройял герцогом Альбемарлем. Тот был назначен на считавшийся престижным пост губернатора Ямайки.

Морган поднимал бокал за бокалом за здоровье своего товарища по лондонским похождениям. Нет нужды говорить, сколь он был рад вновь свидеться с юным аристократом. Адмирал вспоминал три года, проведенные в столице в шумных пирах, называл имена собутыльников и сотрапезников, имена женщин и — внезапно заходилась в долгом приступе кашля. Герцог молча ждал окончания приступа, пытаясь скрыть тревогу и изумление при виде того, в какую развалину превратился гуляка-адмирал. Новоназначенный губернатор прибыл со свитой, достойной герцогского титула; среди прочих там был и врач, полковник Ханс Слоун. Несколько дней спустя он освидетельствовал Моргана у него в доме. Адмирал лежал в постели, не в силах подняться, «худой, с желтой кожей и пожелтевшими глазами, живот был сильно вздут». Туберкулез и цирроз печени в результате злоупотребления алкоголем — таков был диагноз.

— Ему уже ничем не поможешь, — сказал врач герцогу. — Он гибнет.

Верность дружбе — безусловная добродетель. Следует воздать должное Кристоферу Альбемарлю: он окружил заботой своего сильно поблекшего соратника по застольям, хотя ничем не был обязан ему; герцог просто сохранил восхищение перед его прошлыми ратными и морскими подвигами. Нельзя ли сделать не таким горьким конец этого безнадежно больного вояки, поднять как-то его пошатнувшийся престиж, реабилитировать его? Гер-

цог пишет в Лондон прошение о восстановлении Моргана членом Совета острова.

Лондон отвечает не сразу. Лишь 27 апреля 1688 года оттуда отправляют пакет с согласием. Судно вынуждено задержаться в пути из-за сильных штормов, и в Порт-Ройял весть прибывает только в июле. У Моргана едва хватает сил доехать до здания Совета, выслушать решение и едва слышным, прерывающимся голосом ответить на поздравления. «Боюсь,— сообщил герцог министру колоний,— что жить ему осталось недолго».

Больше Морган уже не поднимался. Откинувшись на подушки, он непослушной рукой написал завещание, самый интересный пункт которого звучал следующим образом: «Оставляю все свое недвижимое имущество своей дражайшей супруге, а все наличные сбережения — второму сыну моего двоюродного брата Чарлзу Биндлосу при условии, что он добавит к своей фамилии фамилию Морган».

В судовом журнале королевского фрегата «Ассистанс» рукой его командира, капитана первого ранга Райта, сделана следующая запись, датированная 25 августа: «Сегодня около одиннадцати часов утра скончался сэр Генри Морган». А 26 августа добавлено: «Тело сэра Генри Моргана доставлено в губернаторский дворец в Порт-Ройяле, затем в церковь и после заупокойной службы погребено на кладбище Палисейд. Орудия всех фортов произвели равное число залпов. Мы и королевский фрегат «Дрейк» сделали по двадцать два пушечных выстрела, затем салют отдали все купеческие суда».

Почести по приказу герцога Кристофера Альбемарля были отданы сообразно с адмиральским званием. Черный дым от орудийного пороха заволок весь рейд и прибрежную полосу. Когда отговорили пушки, наступила полная тишина.

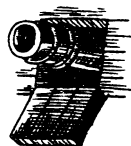
Но покой он вечный
Лишь в земле обрел.

Не совсем. Не прошло и четырех лет после пышных похорон, как земля Ямайки, словно салютуя, загрохотала, задвигалась, а затем разверзлась, поглотив все живое. Гигантская волна обрушилась на город, и Порт-Ройял навсегда исчез в пучине.

Новый город Кингстон был выстроен поодаль, на другом конце бухты. Что касается полуострова Палисейд, то он превратился в остров. Старинное кладбище исчезло. Какой стихии принадлежат останки адмирала — суше или морю? Обе вправе заявлять на него права. Во всяком случае, этот бурный эпилог, эта планетарная катастрофа лучше подходят Генри Моргану, чем любая могила.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

Гроза двух океанов

В 1543 году три сотни французских и английских пиратов впервые ограбили Картахену, а в 1853 году умер последний флибустьер, француз Жан Лафит, прославившийся своими «подвигами» в Мексиканском заливе. Таким образом, эпопея флибустьеров продолжалась в общей сложности три столетия. Но два ее «пика», связанные с расцветом пиратских гнезд на Тортуге и Ямайке, занимают по времени каких-нибудь семьдесят пять лет, не больше.

Только что мы видели, как знаменитейший английский пират Генри Морган, получив официальные почести и регалии, перешел в лагерь законности и порядка и начал самыми суровыми

мерами выживать своих бывших соратников с Ямайки. То же касается и Тортуги, где французские губернаторы, выполняя волю «короля-солнца» Людовика XIV, стали подвергать гонениям «береговых братьев». Процесс этот был долгий и трудный. Угасание флибустьерства на Тортуге и Санто-Доминго напоминало тушение большого пожара. Пламя сникало, порой исчезало совсем, оставались лишь раскаленные угли; казалось, все уже прогорело. Но вот пронесся ветер, и пламя вновь с треском вспыхивало над пепелищем пущи прежнего, освещая все вокруг алым заревом.

Человек, с именем которого связан последний взлет французского флибустьерства «классического» периода, никогда не располагал столь обширными средствами, как Морган, никогда не обладал его могуществом, а его карьера предводителя «береговых братьев» была гораздо короче. Зато он и не отрекался от своих товарищей и никогда не был их гонителем. Почему-то его походы известны гораздо меньше деяний кровожадного Олоне. Речь идет о Грамоне. Но, прежде чем обратиться к этому незаурядному капитану, надлежит обрисовать исторический фон, на котором он появился. И тут не обойтись без другой фигуры.

Один из редких, а возможно, и единственный французский памятник эпопее флибустьерства находится в соборе св. Северина в Париже. Слева от входа, над чашей со святой водой, к стене храма привинчена простая мраморная доска со следующей надписью:

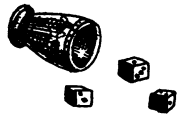
«В последний день января года MDCLXXVI* в приходе св. Северина на улице Каменщиков Сорбонны скончался Бертран д'Ожерон, владелец имения Буэр, что в Жаллэ, который с MDCLXIV по MDCLXXV** закладывал гражданские и религиозные основы жизни флибустьеров и буканьеров на островах Тортуга и Санто-Доминго. Тем самым неисповедимыми путями Провидения он подготовил рождение будущей Республики Гаити».

Мемориальная доска была установлена в октябре 1864 года стараниями главного архивариса Военно-морского министерства г-на Марги.

Быть может, читатель не забыл, что одной из первых административных мер, предпринятых д'Ожероном на губернаторском посту, была доставка из Франции спутниц жизни для флибустьеров. Операция завершилась столь блистательным фи-

* Год 1676.

** С 1664 по 1675 год.

нансовым итогом, что в дальнейшем Вест-Индская компания сама занялась снабжением мужского населения Тортуги дражайшими половинами. Ни д'Ожерон, ни прочие акционеры компании не отказывались от полагавшейся им доли флибустьерской добычи. Но в отличие от сиятельных компаньонов, смотревших на Тортугу лишь как на живительный источник денег, о происхождении коих они не желали знать (деньги ведь не пахнут!), Бертран д'Ожерон употреблял добытый капитал на благо колонии.

Бескорыстие этого человека выглядит в высшей степени странно на фоне безудержной алчности героев флибустьерских авантюр. Много лет подряд д'Ожерон тратил не только губернаторские «отчисления», но даже свое жалованье на то, чтобы привезти, расселить и устроить на Тортуге фермеров, ремесленников и прочих полезных людей. Он давал им деньги на открытие предприятий, ссужал кредитами самые смелые коммерческие начинания и спасал их в последнюю минуту от банкротства.

Искатель приключений, в пятнадцать лет отправившийся за море, бывший буканьер, бывший флибустьер, плантатор и купец, сведущий в торговых делах, он был идеальной фигурой компетентного руководителя пиратского гнезда. Более того, именно на этом посту он проявил качества, которые не сумел раскрыть, а может, и не подозревал за собой в предыдущей деятельности.

Одной из его главных забот был демографический рост тропической провинции. В 1667 году он обеспечил безопасность первых французских поселений на Эспаньоле, изгнав испанцев из городка Сантьяго-де-лос-Кабальерос в центре острова. Эти селения — Кю-де-Сак, Пор-де-Пэ, Кап-франсэ, Леоган и Пор-Марго — стали быстро расти. В их гаванях флибустьеры прятали свои суда, а вокруг мирные обыватели разбивали плантации, где сажали сахарный тростник, хлопок, имбирь и табак, называвшийся там петун. Тортуга же с ее Скальным фортом, гарнизоном, экспедиционным корпусом и хорошо вооруженными кораблями стала форпостом — своего рода Мальтой Флибустьерского моря.

В 1668 году Бертран д'Ожерон отправился во Францию возобновить свои полномочия. При встрече он предложил министру Кольберу основать французскую колонию во Флориде. Вопрос был направлен для подробного изучения в соответствующий департамент, а затем благополучно оставлен пылиться в папке. Губернатор возвратился в следующем году на Тортугу в сопровождении четырехсот анжуйцев (сам он тоже был уроженцем городка Рошфор-на-Лауре в провинции Анжу), билеты которым он купил на свои деньги. Тогда же он договорился с

судовладельцами ежегодно переправлять в Вест-Индию — по-прежнему за его, губернатора, счет — по триста новых колонистов. В голове д'Ожерона роились грандиозные проекты. Но, как слишком часто бывает, энтузиазм, благородство и бескорыстная помощь ближнему оказываются бессильны перед лицом большой политики.

Самую оживленную торговлю Тортуга и ее мелкие «филиалы» вели с голландцами. Не менее шестидесяти — восьмидесяти голландских судов привозили ежегодно из Европы инструменты и стройматериалы, ткани и мануфактуру, у французов же купцы загружались колониальными товарами.

— Отныне запрещаю своим подданным фрахтовать голландские суда! — объявил король.

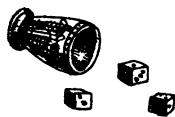
Запрет обрушился в мае 1670 года как снег на голову. Он был прямым результатом смены политического курса в Европе после подписания Людовиком XIV Аахенского мира (1668). Целью этой политики была дипломатическая и коммерческая изоляция Нидерландов, с которыми французский король намеревался затеять войну.

В Кю-де-Саке и Леогане колонисты схлестнулись с солдатами, не позволившими грузить уже сложенные на причале товары. Голландские суда ушли пустыми. Товар сгнил на месте.

Колонисты запаслись оружием и порохом, и, когда в следующий раз патруль попытался помешать погрузке, поселенцы перебили солдат. Бертрану д'Ожерону скрепя сердце пришлось возглавить карательную экспедицию против людей, приехавших в колонию по его настоянию и на его деньги.

В 1673 году (начавшаяся за год до того война с Голландией продлилась шесть лет) ему было предписано из Парижа совместно с губернатором Мартиники разорить голландские владения в Вест-Индии. Д'Ожерон едва успел отойти от Санто-Доминго, как налетевший тропический ураган выбросил его судно на ту часть острова, которая принадлежала испанцам. Взятый в плен, он «сумел бежать на утлой лодчонке без еды и питья и умирающим был подобран на островке Самана, примерно в двухстах милях севернее». Острова с таким названием мне отыскать не удалось; возможно, речь идет об одном из островков в бухте Самана на северо-востоке Санто-Доминго, но разве это побережье не принадлежало испанцам? Как бы то ни было, здоровье д'Ожерона после этого сильно пошатнулось, и, вернувшись на Тортугу, он оставил там губернаторствовать своего племянника, кавалера де Пуансэ, а сам поехал в Париж.

— Буду присутствовать аудиенции у короля. У меня есть замечательный план покорения всего Санто-Доминго.

Лежа в постели, больной Бертран д'Ожерон твердил это своей квартирной хозяйке на улице Каменщиков Сорбонны. Пожилая женщина ухаживала за ним со всей преданностью, на какую была способна. Она же сохранила последние слова д'Ожерона о покорении далекой колонии, сказанные им перед тем, как испустить дух 31 января 1676 года.

Выгравированная на мраморной доске в церкви св. Северина надпись заканчивается тремя буквами — R. I. P., означающими на латыни «Покойся в мире». Боюсь, среди редких посетителей и прихожан, читающих эти слова, не сыщется и одного человека на сто тысяч, который вознес бы молитву за упокой этого паразитического управителя. Да и то верно: кто сейчас помнит, что именно Бертран д'Ожерон привез женщин в Вест-Индию, что он был зачинателем многих полезных дел в этом районе? Умер он, подобно большинству энтузиастов, без гроша за душой, оставив в наследство лишь ларец, набитый векселями, по которым никто не думал платить...

Официальный рескрипт о назначении Жака Непвэ, кавалера де Пуансэ, губернатором Тортуги и Санто-Доминго прибыл в середине 1676 года. А в следующем году министр Кольбер получил от него самое тревожное известие, какое только может поступить из колонии или провинции: население покидает ее. Причем речь шла не об отдельных случаях отъезда, а о начавшемся массовом исходе, который в приложении к организму можно сравнить лишь с кровотечением. Пуансэ без обиняков объяснил причины этого тревожного явления: стеснения в торговле и растущий гнет монополии.

Декретом о создании Вест-Индской компании (ставшей преемницей Компании островов Америки) Людовик XIV передавал ей исключительные права на торговлю во всем Новом Свете. Этот декрет был датирован 1664 годом, то есть к моменту описываемых событий минуло тринадцать лет. Мы знаем, что правительственное распоряжение оказывает воздействие не сразу, а тем более в XVII веке. Монопольное право трактовалось очень широко, в нем было бессчетное множество лазеек. Тортуга с молчаливого согласия властей пользовалась особым статусом, учитывавшим, какие доходы приносили гнездившиеся там флибустьеры. Поселенцы продавали свои товары кому угодно, но главными их партнерами были голландцы. Первые ограничения этой коммерции вызвали в 1670 году стихийные бунты в Кю-де-Саке и Леогане. То была реакция на политику «завинчивания гаек».

Вторая мера, особенно возмущившая поселенцев, касалась табака. Эта культура была широко распространена во всех

французских владениях на Антильских островах; она не требовала крупных вложений в отличие, например, от сахарного тростника, для переработки которого нужны были мельницы.

Правление Вест-Индской компании, уже владевшей монопольным правом на закупку табака, измыслило систему «откупа». Новшество красноречиво свидетельствовало об административном склерозе и полном отрыве от жизни и было сравнимо разве что с бездарными уставами испанской Королевской торговой палаты. «Откуп» заключался в том, что группа привилегированных акционеров заранее вносила в кассу компании деньги за будущий урожай табака, получая взамен право покупать его у плантаторов. Акционеры в свою очередь уступали это право изготовителям. Естественно, последние норовили скупать табак по максимально низкой цене. У плантаторов теперь не было выбора: компания не пускала на острова других купцов.

«Обескураженные плантаторы переселяются на Кюрасао или на Ямайку,— писал Пуансэ.— В видах удержания остающихся я распространил среди жителей письмо королевского интенданта островов Америки месье Белинзани, в котором он обещает, что табачные откупы не будут возобновлены. В случае если это обещание будет нарушено, я не берусь отвечать за последствия».

В 1677 году Ж. Б. Кольбер занимал посты генерального контролера финансов, статс-секретаря королевского двора, статс-секретаря морского ведомства, главного интенданта строительных работ,— короче, он заправлял во Франции всем, кроме военных и иностранных дел. Несмотря на огромную занятость, его высокая профессиональная добросовестность, превосходно поставленное делопроизводство и особый интерес к торговле с заморскими владениями заставляют нас предположить, что письмо губернатора Пуансэ было им прочитано. Возможно, он и пошел бы на какие-то послабления для поселенцев Тортуги. Но, как мы уже упоминали, общий политический курс был, как бы мы сейчас сказали, на «завинчивание гаек». Это безусловно относилось прежде всего к Европе, но даже такая песчинка, как далекая Тортуга, не должна была нарушать картину. Государственная машина не могла остановиться, тем паче что влиятельные акционеры Вест-Индской компании имели непосредственный доступ во дворец. Результат? Доклад Пуансэ не возымел никакого действия.

Подорванная в одном месте, экономика колонии вскоре пошла по всем швам. Восстание рабов, вспыхнувшее в Пор-де-Пэ в 1679 году, никак не было связано с перипетиями табачной войны между их владельцами-плантаторами и Вест-Индской компанией. Доведенные до отчаяния черные невольники не

имели никакой четкой программы, они просто жаждали расправиться со своими мучителями, а затем бежать на другую половину острова к испанцам. Испанцы, естественно, тоже обратили бы их в рабство, но об этом бунтовщики не задумывались; главным для них было излить накопившуюся ненависть и гнев. Пуансэ через доносчиков узнал о готовившемся бунте. Предотвратить его он не смог, но ему удалось изолировать очаг восстания и подавить его артиллерией. С пленными, особенно с зачинщиками, расправились без пощады.

Не прошло и года, как лазутчики вновь принесли тревожные вести. На сей раз брожение шло среди белых поселенцев Тортуги, а источником был слух:

— Теперь всей торговлей будет заправлять Сенегальская компания.

Сенегальская компания занималась работоторговлей — доставляла негров Западной Африки на Антильские острова. Это было солидное предприятие — то, что сегодня называют «фирма», — с безупречной репутацией в деловом и банковском мире. Предположение, что она намеревалась «заправлять всей торговлей» на Антильских островах, было глупой и совершенно бесосновательной выдумкой. Ловить рыбку в мутной воде куда лучше, чем в зеркально чистом источнике. А мутить воду во Флибустьерском море было кому.

— Сенегальская компания похлеще Вест-Индской! Ее приказчики будут с нами обращаться как с невольниками! Все передохнем с голоду.

Громче всех кричали обитатели селения Кап-Франсэ на Тортуге. Вооруженные группы ездили на лодках из порта в порт поднимать народ. Они еще не кричали: «Да здравствует свобода! Да здравствует республика!», пока они требовали: «Долой компанию!» Но фактически они мечтали — не всегда сознательно — об учреждении республики Тортуга — Санто-Доминго. Все исходившее от имени королевской власти было им ненавистно.

«Твердое поведение кавалера де Пуансэ позволило подавить бунт, не дав возникнуть общему мятежу». За скупыми строчками этой реляции встает умелая линия поведения, ловкие дипломатические ходы. Губернатор экзотической колонии, насчитывавшей всего несколько тысяч человек, проявил недюжинное дарование государственного деятеля. Правда, Пуансэ пользовался опытом своего дяди и предшественника, у которого он почерпнул немало, но следует признать, что обстоятельства в его правление сложились тяжелее, чем во времена д'Ожерона.

История учит, что платой за усилия часто бывает неблагодарность, и Пуансэ не тешил себя иллюзиями. Но все же, когда в

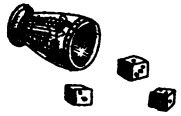
июле 1681 года он ознакомился с прибывшими из Парижа декретами короля касательно колонии, они прозвучали для него как гром среди ясного неба. Во-первых, вопреки обещаниям Белинзани откуп на табак не только сохранялся, но и усугублялся. Плантаторов обязывали сдавать заготовителям определенное количество табака по твердым ценам (установленным самими откупщиками), иначе они облагались штрафами. Во-вторых, ужесточались правила монопольной торговли Вест-Индской компании: отныне она, и только она одна могла скупать все колониальные товары. Нарушение влекло за собой самые серьезные санкции. В-третьих, флибустьерам предписывалось прекратить нападения на испанские корабли; вольные добытчики должны были безотлагательно заделаться обывателями, что фактически означало стать крепостными монополии.

Кавалер де Пуансэ объявил об этих невеселых новшествах 21 июля 1681 года. То, что бунт не вспыхнул сразу, объясняется двумя причинами. Колонисты уже поняли, что эмиграция на Кюрасао и Ямайку оставалась для них единственным выходом. С другой стороны, губернатор, обнародовав новые эдикты, сообщил, что немедленно отправляется в Париж, чтобы убедить министра Кольбера смягчить их.

Достучаться до Людовика XIV ему не удалось. «Король-солнце» готовился перевести свой двор в Версаль. Царедворцы, не щадя сил, славил прозорливого, умного и неотразимо красивого государя. Немудрено, что в этом льстивом хоре затерялась жалоба губернатора крохотной, забытой богом колонии на другом конце света. Кавалер де Пуансэ возвратился в мае 1682 года на Тортугу в полнейшем унынии. Он исчерпал все свои возможности.

За год положение в колонии еще ухудшилось. В Бас-Тере стояли заколоченные дома и лавки, повсюду чувствовалось полнейшее запустение. За городом вид был еще тяжелее: буйная тропическая растительность опутала недавно отвоеванные человеком уголья, там и тут чернели обгорелые фермы и надворные постройки: колонисты, уезжая, поджигали свои владения... Смерть кавалера де Пуансэ не заставила себя ждать. Он умер от горечи, глядя, как рушится дело его рук, от сознания полного своего бессилия. Смерть иногда бывает единственным выходом из игры.

Купцы почти не появлялись на Тортуге. А флибустьеры? О них разговор особый. Попытка монарха обратить тигров в овец вызвала у вольных добытчиков бурю насмешек. И среди громких голосов, вырывавшихся из огрубелых глотков, явственно слышался хохот Грамона.

Фамилию свою он произносил Гранмон, как все уроженцы юго-запада Франции, где любая гласная звучит через нос. Наверное, поэтому в некоторых источниках сохранилось такое написание. Но это — несущественная деталь. Биография Грамона разворачивается стремительно, подобно пьесе Лопе де Веги.

Его отец, гасконец, офицер королевской гвардии, умер молодым. Мать вторично вышла замуж. У второго ее мужа, тоже офицера, был коллега, влюбившийся в сестру нашего Грамона, которой в то время исполнилось четырнадцать лет. Юношеская ревнивость и гасконская вспыльчивость были не в силах примириться с ухаживаниями офицера, и в один прекрасный день Грамон пытается выставить его из дома. Появляется мать, которая заявляет сыну, что он — невоспитанный мальчишка. Галантный офицер поддакивает: «Маленький смутьян!» Юноша заливается краской и выхватывает шпагу, — несмотря на юные лета, он, как подобает дворянину, всегда носит оружие. Офицер, защищаясь, обнажает свою шпагу... и падает, пронзенный тремя смертельными ударами в грудь. С этого момента в авантюрном сюжете начинается неожиданный поворот.

Раненый офицер умирает, но перед смертью успевает распорядиться своим состоянием. Ему приносят перо и бумагу, и он пишет: «Оставляю десять тысяч ливров мадемуазель де Грамон». Затем какую-то сумму, не знаю в точности сколько, он завещает своему убийце. Нет, своему победителю, поскольку наш офицер — настоящий рыцарь. Весть о дуэли быстро долетает до самых верхов, и король отражает к раненому гвардейцу майора де Кастеллана.

— Передайте его величеству, — шепчет умирающий, — что я пал не от руки убийцы. Я сам был виновником несчастья, и все свершилось сообразно с правилами чести.

Таким образом, наказания не последовало; не было и судебного разбирательства; король лишь распорядился приструнить пятнадцатилетнего бретера: «Отдать его в школу юнг!»

В этом заведении потомственный дворянин де Грамон познал весь набор ругательств и особый лексикон, которым он потом широко пользовался с упорством, достойным лучшего применения. Там же он овладел начатками навигационного умения и, перейдя впоследствии в морское училище, проявил не меньше способностей к овладению маневром, чем к фехтованию шпагой. Как говорили в те времена, «он обрел репутацию».

Репутация его укрепилась еще больше после первого же крупного дела в Вест-Индии. Вооружив на одолженные деньги потрепанный фрегат, он перехватил на траверзе Мартиники голландскую купеческую флотилию. Обычно она перевозила

столь богатые грузы, что ее именовали не иначе как Амстердамская биржа. Молва не ошиблась и на сей раз. Доля Грамона, составившая одну пятую добычи, равнялась 80 000 ливров.

Второй его подвиг, исполненный незамедлительно вслед за первым, прославил его по всему Флибустьерскому морю: он сумел растратировать и прогулять эту огромную сумму (за вычетом двух тысяч ливров, отложенных на крайний случай) за одну неделю. Во всех кабаках французских владений на Антильских островах и даже на Ямайке пропойцы в восторге стучали кулаками по столу: — Тысяча чертей, такого еще не бывало!

Восторг пиратов разросся до немыслимых пределов, когда наш герой, поставив на кон заветные 2000 ливров, выиграл в последний день столько, что мог снарядить на эти деньги пятидесятипушечный корабль. Он возвратил королю свои офицерские галуны (читатель понимает, что это выражение следует понимать не буквально) и отправился на Тортугу набирать экипаж. Авантюристы и морские волки дрались за право служить под его началом.

Крепко сбитый шатен невысокого роста, с живым взором и хорошо подвешенным языком стал кумиром флибустьеров. Они его попрекали одним-единственным недостатком — это был откровенный вольнодумец, то есть атеист.

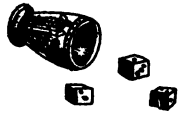
— Покамест не увижу бога, ангелов и дьявола собственными глазами, не поверю в них!

Подобные высказывания шокировали джентльменов удачи, считавших для себя обязательным после грабительских походов и смертоубийств каяться в грехах и просить небесного прощения. Но обаяние этого человека перевешивало все остальное.

Четыре крупных похода прославили имя Грамона: в Маракайбо (1678), Куману (1680), Веракрус (1682) и Кампече (1686).

Из Маракайбо пираты возвратились разочарованными: добыча оказалась скудной. Олоне, а затем англичанин Морган выжали из этого места все соки. Грамону мало что досталось. Тем не менее он произвел сильное впечатление на флибустьеров умением овладеть любой ситуацией. Поэтому год спустя они согласились отправиться с ним в следующий поход. Целью была Кумана, порт на том же побережье, что и Маракайбо, в пятистах морских милях восточнее.

Произошло это в бытность губернатором на Тортуге кавалера де Пуансэ. Он только что получил известие о заключении мира (Фонтенбло, 1679), предусматривавшего среди прочего взаимное прекращение враждебных действий с Испанией. Жалованная грамота, выданная Грамону перед маракайбским походом, была действительно «вплоть до особого распоряжения». Теперь, выхо-

дит, ее следовало аннулировать? Пуансэ, расстроенный массовым исходом из колонии, предпочел не вмешиваться, а в случае осложнений сообщить Парижу, что Грамон успел отплыть до прихода известий о мирных соглашениях. Как и следовало ожидать, королевские чиновники, получив после разорения Куманы причитающуюся им мзду, не стали метать громы и молнии на заморских строптивцев. Отметим, что Грамон проявил и в этом набеге свое недюжинное мастерство, так что отныне подчиненные именовали его не иначе как «генерал Грамон».

Когда Пуансэ вернулся в подавленном состоянии из Парижа, неделю спустя «генерал» отбыл в Веракрус. Это была нешуточная цель. Крепость, построенная для защиты побережья Мексики, была добросовестно укреплена испанцами: гарнизон насчитывал три тысячи солдат, а еще 600 человек постоянно жили в цитадели Сан-Хуан д'Ульоа; ошестившаяся 60 орудиями фортеция запирала вход в гавань. Помимо этого в случае нападения 15 000—16 000 солдат можно было стянуть к Веракрису в течение ближайших дней из других гарнизонов Мексики.

Для атаки на этот крепкий орешек у генерала было семь кораблей, в том числе личный пятидесятипушечный мастодонт. Своими помощниками Грамон назначил двух весьма сведущих в батальном деле людей — Ван Дорна и Де Графа.

Ван Дорн, голландец на французской службе, носил ожерелье из бесценных жемчужин «поразительной величины, окружавших редкой красоты рубин». Эту склонность к украшениям, учитывая вкусы XVII века, не следует принимать за признак женственности. Доказательством тому служит биография этого человека. Начав как корсар французского короля, Ван Дорн грабил владения своих бывших соотечественников, а затем возглавил флотилию вольных добытчиков. Маленькая эскадра пиратствовала на Антильских островах, не прикрываясь уже ничьим флагом. Одно время Ван Дорн даже принял сторону испанцев, чтобы в нужный момент покинуть их, прихватив «на память» несколько купеческих галер. Предложение служить под началом Грамона он расценил как весьма лестное для себя; в свою очередь прославленный генерал высоко ценил морское умение Ван Дорна.

Имя другого голландца, Де Графа, промелькнуло в нашем повествовании, когда речь шла о замужестве неукротимой буканьерки Мари Божья Воля, вдовы Пьера Длинного. Де Граф тоже какое-то время служил у испанцев. Он слыл отменным знатоком артиллерии. В отличие от сквернословия-генерала, охотно дававшего волю рукам, и вспыльчивого Ван Дорна Де Граф «с лицом приятным, но не женственным, светлыми волосами без

рыжины и эспаньолкой, шедшей ему замечательно» являл пример человека благовоспитанного и утонченного. На борту своего судна он держал струнный оркестр, игравший за обедом и ужином вне зависимости от того, вкушал ли капитан трапезу один или с гостями.

Итак, Веракрус — город богатый и соблазнительный, но это орешек, о который легко было обломать зубы. Один французский историк XVIII века писал, что предприятие Грамона было столь же рискованным, как попытка тысячи двухсот басков на десяти старых посудинах напасть на Бордо.

Прежде всего Грамон совершил вещь немыслимую по тогдашним временам: ему удалось благополучно пристать к берегу ночью в нескольких лье от цели. Десант немедленно двинулся в путь и еще до зари оказался перед главными воротами города. Обалдевшие от неожиданности стражники, увидев наставленные на них дула пистолетов, послушно отворили.

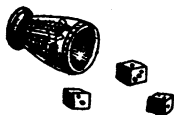
Флибустьеры рассыпались по улицам Веракруса. Часть заняла цитадель, другие окружили главные здания. Знатных горожан вытаскивали из постели и гнали к городскому собору, куда Грамон велел вкатить несколько бочонков с порохом.

— Выкуп — два миллиона пиастров, иначе весь город взлетит на воздух!

Один миллион был доставлен в тот же день, второй — тремя сутками позже. Тем временем в городе шел грабеж по всем канонам флибустьерской традиции. Общая сумма добычи составила четыре миллиона пиастров плюс полторы тысячи рабов. Все было погружено на четыре больших корабля. Операция прошла без сучка, без задоринки. Когда солнце поднялось над городом в четвертый раз, флотилия была готова к отплытию.

В этот момент трижды бухнула сигнальная пушка: на горизонте показался испанский флот. Семнадцать кораблей. Две минуты спустя новый сигнал, на сей раз с фортеции: с суши к городу подходил испанский полк.

Тут-то и проявилось в полной мере искусство кораблевождения, которым славились генерал и его помощники. Напрасно полк спешил бегом к городу, напрасно испанские суда на всех парусах мчались к гавани: флотилия пиратов (с Испанией ведь был заключен мир), отягощенная баснословной добычей, успела ускользнуть из Веракруса. В спешке отплытия на борт не успели погрузить продовольствие, однако вскоре пиратам в открытом море попался галион. Завороженный страхом, как и защитники Веракруса, испанский капитан сдался без боя. Невообразимая удача: галион оказался гружен мешками с мукой! Ими был забит весь трюм.

Судя по рассказам современников, потери флибустьеров оказались минимальными, некоторые даже утверждают, что жертв вообще не было, за исключением Ван Дорна, но он погиб не от руки испанца.

Де Граф, услышав от одного англичанина, что Ван Дорн «оскорбительно отозвался по его адресу», стал выяснять отношения с соотечественником. Ван Дорн уверял, что не говорил ничего похожего, англичанин клялся в обратном. От слов перешли к дуэли на саблях. Де Граф ранил Ван Дорна в руку, и по пути домой тот умер, по всей видимости от заражения. Его похоронили на берегу полуострова Юкатан.

Кабатчики и гулящие девицы Бас-Тера и флибустьерских портов Санто-Доминго, а также торговцы драгоценностями, скупщики, посредники и прилипалы всех мастей — те, что не успели еще покинуть французских владений, — ожидали во всеоружии и всеготовности возвращения армады «генерала». Не надо отчаиваться, будет и на нашей улице праздник; такие лихие молодцы, как Грамон со товарищи, отведут злую судьбу от колонии, решительными действиями разомкнут петлю административных запретов, и тогда острова вновь заблещут благополучием. Да-да, очень скоро дезертиры горько пожалеют, что уехали накануне великих перемен!

На берегу обыватели пережевывали эти фразы целыми днями — вначале громко и уверенно, но со временем все тише и тише. Армада не показывалась, хотя слух о сказочных сокровищах, добытых в Веракрусе, успел уже домчатся на крыльях легких парусников до Тортуги. Дни шли за днями. Тревожное ожидание воцарилось на острове.

А в это самое время песни и пьяные выкрики по-французски неслись из таверн Порт-Ройяла на Ямайке. Это было вопиющим попранием патриотизма, проявлением самой черной неблагодарности и настоящим вызовом королевской власти — люди Грамона пропивали добычу у англичан! Это ли не свидетельство того, что родина флибустьеров там, где удобнее?

Чувство безысходности, заставлявшее обывателей и флибустьеров покидать райский остров, усилилось еще пуще с приездом нового губернатора Тортуги — Пьер-Поля Тарена де Кюсси, преемника кавалера де Пуансэ. Свою резиденцию он устроил не в Бас-Тере, а в Пор-де-Пэ, на северном берегу Санто-Доминго.

Собственно, Кюсси не был новичком во Флибустьерском море; его помнили на Тортуге и Большой Земле вице-губернатором при д'Ожероне; он заправлял тогда делами на северном побережье Санто-Доминго, занятом французами. Те, кто надеялся, что при новом начальстве наступит послабление, быстро разоча-

ровались. Де Кюсси прибыл с самыми строгими инструкциями от месье де Сеньеле, ставшего преемником Кольбера на посту статс-секретаря по морским делам! Обывателям надлежало смириться с монополией Вест-Индской компании. Что касается флибустьеров, не желавших переквалифицироваться в обывателей, то они могли поступить на службу в королевский флот. Последнее предложение было встречено градом ругательств и самых непотребных насмешек со стороны заинтересованных лиц.

Вскоре губернатор получил письмо из Версаля, извещавшее о прибытии в колонию господина де Сен-Лорана, генерального инспектора французских островов и материковых владений в Америке, и господина Бегона, интенданта юстиции, полиции и финансов. Высокие «шишки» должны были ознакомиться с положением дел на Тортуге и Санто-Доминго, после чего составить подробный отчет королю.

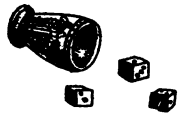
Несколько недель они проводили ревизию, а затем написали отчет, с которым любезно предложили ознакомиться губернатору де Кюсси. Прочтя его, тот долго не мог прийти в себя. Казалось, что этот документ составили инопланетяне, пришельцы из некоего идеального мира, в котором существуют лишь добродетель, кристальная честность, послушание и уважение всякого параграфа устава. Господа де Сен-Лоран и Бегон делали открытие: оказывается, существуют такие люди — флибустьеры; они нападают на испанские корабли и владения, захватывают добычу, а в экипажи свои набирают «отъявленных головорезов, среди коих есть и беглые каторжники с галер». Далее высокопоставленные особы отмечали с возмущением, звучавшим особенно комично после вышеизложенного, что вольные добытчики «отдавали по своему хотению губернатору Тортуги лишь десятую часть награбленного». Короче, весь доклад был составлен, чтобы потрафить королю, принявшему решение искоренить заморскую нечисть, дерзко игнорировавшую его указы и волеизъявления.

Бедняге де Кюсси, конечно, нечего было возразить на обвинения авторов доклада. Разве только то, что авантюристы регулярно платили полагающуюся мзду губернатору, а тот отправлял каждый раз причитающуюся часть Вест-Индской компании и эти деньги ни разу не были отклонены. Он поблагодарил высоких посланцев за их любезный жест и добавил, что отныне приложит все старания для исполнения воли его величества.

Вот какова была обстановка в колонии к концу 1685 года, когда де Кюсси узнал о том, что Грамон готовит новый поход.

— Он уже собрал флотилию у Коровьего острова,— сообщил информатор.

— Я сам отправлюсь туда и не допущу отплытия!

Взяв две сотни солдат, Кюсси немедленно отбыл к острову Ваку на крупном судне.

Эскадра из четырех кораблей и двадцати баркасов болталась на якоре возле берега. Сам генерал с верным помощником Де Графом уточнял план операции в каюте своего фрегата. На сей раз у него под началом были тысяча сто человек. Целью экспедиции наметили город Кампече, жители которого, по слухам, сказочно разбогатели на торговле ценным кампешевым деревом. Грамон встретил де Кюсси с распростертыми объятиями.

— Я как раз собирался отправить к вам гонца — просить, чтобы вы возобновили жалованную грамоту.

Губернатор чуть не задохнулся от такой наглости. Летописцы донесли до нас состоявшийся между ними диалог, позволяющий почувствовать весь юмор ситуации.

Грамон. Как же его величество узнает о нашем намерении, если добрая часть моей флотилии еще не ведает о нем? Возможно, вы по доброте своей беспокоитесь, что мы подвергнем испанцев жестокому обращению. Так вот, клятвенно заверяю вас, господин губернатор, что у них волоса не упадет с головы. Мы рассчитываем взять город Кампече и собрать там добычу в столь малый срок, что жители не успеют и оглянуться. Острижем барана, сохранив шкуру в целости. Тот даже не заблеет.

Кюсси. Капитан Грамон, так-то вы собираетесь исполнять приказы своего государя? Помолчали бы лучше, чем нести вздор. Король категорически запретил пускаться в подобные предприятия. Его величество даже отрядил несколько фрегатов, чтобы при надобности силой призвать к порядку ослушников и бунтовщиков. Я призываю вас отказаться от своих дерзких замыслов. Взамен я обещаю всем и каждому достойное занятие сообразно с его заслугами и умениями.

Говорят, Грамон обратился к *братьям* с вопросом: «Ну что, отказаться от похода?» Ответом, естественно, было могучее «нет», вырвавшееся разом из луженых глоток вместе с воплями и проклятиями. Нам не известно, в каких условиях проходил этот референдум и где именно. Любопытно звучит юридический аргумент, выставленный ослушниками или самим Грамоном:

— Коль скоро правительство не желает давать нам поручительство добывать испанца, обойдемся жалованной грамотой на охоту и ловлю рыбы. Этого достаточно.

Дело в том, что испанцы не признавали за французами права на охоту и ловлю рыбы ни в одном из владений Нового Света. Между тем французский король настаивал на нем. Сам факт ловли рыбы в прибрежных водах испанских колоний был

заведомой провокацией. Испанцы должны были напасть на нарушителя правил, а тот соответственно вынужден был бы прибегнуть к самообороне. И контратаковать.

Господин де Кюсси резко оборвал разговор:

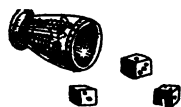
— Как знаете. Советую, однако, подумать, дабы мне не пришлось силой заставлять вас подчиняться королевским приказам.

Угроза была чисто формальной. И губернатор, и Грамон прекрасно знали об этом. Губернатор не мог да и не собирался ввязываться в бой с превосходящими силами пиратов. Ему было важно соблюсти лицо.

Нам часто приходится мириться с тем, что старинные авторы больше были озабочены эффектностью, чем строгостью, изложения. Они опускают детали, кажущиеся им несущественными, и в результате многое остается неясным. Казалось бы, Грамон после легкой победы в Веракрусе должен был действовать аналогичным образом в Кампече: скрытная высадка и марш-бросок к городу. Вместо этого мы видим, как он бросает среди бела дня якорь в четырнадцати лье от Кампече, восемьсот человек садятся в шлюпки и баркасы и начинают грести к берегу. «Каждая лодка шла под своим флагом, и зрелище радовало глаз». Сойдя на берег, войско двинулось вперед «под барабанный бой на глазах изумленного противника, который не знал, что и думать: они куда больше походили на королевскую армию, чем на шайку флибустьеров».

Возможно, Грамон хотел запугать защитников Кампече демонстрацией силы. А возможно, ему просто не удалось обеспечить скрытности подхода. Как бы то ни было, у горожан было предостаточно времени для того, чтобы соорудить засеки вокруг стен города. Увы, эти хилые сооружения едва замедлили продвижение пиратов. Внутри города тоже были сооружены баррикады с пушками. Флибустьеры могли увязнуть в уличных боях, но Грамон ввел тактику, применяющуюся и поныне: он рассыпал по крышам снайперов. Стрелки-флибустьеры перебили сверху орудиную службу, и защитники баррикад сдались. Любопытно, что батальные рассказы и «дымящиеся» воинственные гравюры того времени весьма отдаленно соответствуют подлинной картине сражения. Оно никак не напоминало битву под Верденом: потери флибустьеров составили в итоге четыре человека, около десятка получили ранения.

Три дня спустя была взята городская цитадель, служившая также тюрьмой. Потери флибустьеров — ноль, потери защитников — тоже ноль. Гарнизон потихоньку убрался восвояси, оставив одного-единственного англичанина, который сражался как лев,

был взят в плен, но тут же освобожден Грамоном, пригласившим храбреца отобедать с ним.

Пока защитники баррикад пытались сдерживать натиск, испанцы-горожане, наученные столетним горьким опытом, бежали прочь, унося с собой домашний скарб. Но пираты знали, где и как вылавливать беглецов. На следующее утро после падения Кампече 600—700 горожан были приведены под охраной назад в свои дома. Следует отметить, что никаких особых жестокостей в стиле Олоне или Моргана не совершалось.

«Эта экспедиция закончилась полным успехом, если не считать отсутствия денег»,—саркастически писал Эксмелин. Денег не нашлось, быть может, именно потому, что Грамон не был заплечных дел мастером. Конечно, в момент захвата города не обошлось без тумачков и зуботычин, но дознания огнем и железом не проводились.

Около двух месяцев вольница Грамона пировала в городе; погреба и склады Кампече могли потратить самому взыскательному любителю еды и питья. Ежедневными застольями флибустьеры пытались развеять горечь разочарования от скудной добычи. Одновременно вокруг Кампече рыскали патрули, удаляясь от города иногда на двенадцать—пятнадцать лье; они надеялись поймать богатых горожан, которые укажут им свои тайники—последние сделались навязчивой идеей у пиратов. Но улов был скуден—несколько онемевших от ужаса невольников. Самые быстрые из беглецов успели добраться до столицы провинции города Мерида, отстоявшего на сто пятьдесят километров от Кампече.

Испанский губернатор был раздражен известием о прибытии пиратов в его провинцию. Вступать в сражение с ними он не хотел, учитывая прошлый печальный опыт такого рода баталий. С другой стороны, надо было как-то реагировать. Он распорядился выслать конные дозоры, наказав им перехватывать отряженные Грамоном поисковые группы. Стоял август—сезон дождей. Флибустьерам надоело месить сапогами грязь в пампе, и они тоже сформировались в эскадроны. Только вот скакунами им служили по большей части ослы и мулы. Однажды губернатор Мерида, лично принимавший участие в боевых операциях, натолкнулся на такую группу горе-кавалеристов, убил два десятка человек, в том числе пиратского капитана, а двоих взял в плен.

Несколько дней спустя к нему явился парламентар Грамона:

— Наш генерал предлагает вам обмен: двух пленных на коррахидора и офицеров Совета Кампече. Если вы откажетесь, заложники будут казнены, а город сожжен.

— Понял. Свой ответ я сообщу вам. Можете быть свободны.

Губернаторы и военачальники той поры обожали переписку. Их гонцы выполняли роль средневековых глашатаев-герольдов. Ответ испанского губернатора был неожиданно грубым:

«У Испании достанет денег, чтобы отстроить город, если вы сожжете его, и людей, чтобы заселить его заново. Я не веду переговоров с бандитами».

Грамон прочел записку вслух своим офицерам.

— Сеньор губернатор Мериды настроен свирепо,— добавил он.— Ну что же, порадуем его, раз ему так хочется. Жаль только, его милость не почтил Кампече своим присутствием.

Дым пожара заволок один из кварталов города. Испанский гонец увидал, как на дворцовую площадь привели пятерых его соотечественников со связанными руками.

— Я велел выбрать первых попавшихся,— сказал Грамон.— Они умрут к вящей славе вашего губернатора.

Головы пятерых несчастных слетели с плеч. Палач вытер саблю.

— А теперь ступайте и передайте своему господину, что это только начало. Если он не согласится на обмен пленными, я казню всех заложников и подпалю город с четырех сторон!

Заложники в тревожном ожидании замерли в темнице. Перед вечером прибыл новый ответ губернатора— столь же наглый и вызывающий, что и прежде. Но Грамон, очевидно, был в хорошем расположении духа. В голову ему пришла новая мысль.

— Освободите заложников и подожгите город.

Город запыхал, правда не весь. Пираты уже привыкли к комфортабельному жилью, поэтому старинный центр с каменными домами они сохранили.

Вторая идея генерала заключалась в следующем:

— Через четыре дня праздник святого Людовика. Мы должны достойно отметить именины короля Франции, и у нас есть для этого все необходимое.

Действительно, ни в провизии, ни в напитках они нужды не терпели. А идея праздновать чьи угодно именины, будь то хоть самого Сатаны, была встречена флибустьерами с восторженным рвением. Еще бы! Когда речь шла о том, чтобы наесться и выпить до отвала, им не надо было повторять приглашение дважды.

Празднество началось необычно. «Король-солнце», гонитель «флибустьерской нечисти», был бы несказанно удивлен, когда б узнал, что утро 25 августа пираты встретили орудийными залпами в его честь. Затем флибустьеры сомкнутыми рядами под барабанный бой прошествовали с развернутыми знаменами по

улицам опустевшего города. Головорезы были по-детски счастливы возможностью продефилировать во всем блеске и великолепии.

К концу дня приступили к банкетам. Из полусожженных домов на улицы вытащили столы, покрыли их скатертями, простынями и коврами, устали дорогой посудой. Когда же стемнело, пир продолжался, освещенный пламенем близких пожаров. Огонь снаружи еще больше усиливал разгоравшийся жар внутри. К банкетным столам стали приглашать местных дам. Те безропотно соглашались, зная по опыту, что перечить в такие минуты небезопасно; тот же опыт, кстати, указывал, что переизбыток спиртного гасил галантные намерения флибустьеров.

Грамон в окружении своих офицеров сидел за самым богатым столом.

— А теперь,— воскликнул он,— зажжем фейерверк!

Этому салюту суждено было войти в Историю. Генерал собрал для праздничного костра все запасы драгоценнейшего кампешевого дерева — он в буквальном смысле пустил на распыл сказочное сокровище. Оранжевое пламя потрескивая взвилось в ночи. Божественно благоухающий дым потянулся в небо. Это был последний всплеск безрассудного мотовства «классической» эпохи флибустьерства. Фраза, произнесенная Грамоном, позволяет считать, что он прекрасно сознавал символический смысл этого всеожжения:

— Ну разве смогут *они* в Версале тягаться с нашей затеей? Любая их выдумка покажется сущей чепухой!

Несколько дней спустя флибустьеры погрузились на корабли и флотилия взяла курс на Санто-Доминго. Встреченные барки сообщили, что испанцы раструбили весть о пожаре в Кампече по всему свету.

— Интересно,— сказал Де Граф своим офицерам,— неужели из Франции действительно прислали фрегаты, чтобы призвать нас к порядку? Если да, то встреча выйдет погорячее, чем в Кампече...

В тот день он не велел звать музыкантов к обеду. Грамон тоже был в хмуром настроении. Вернувшись на Тортугу, он не появлялся на людях несколько недель. Когда месье де Кюсси вызвал его в Пор-де-Пэ, он уже был готов к самому худшему, перебирая в уме все возможные обвинения.

— Мне доставляет удовольствие,— сказал ему губернатор,— сообщить о назначении вас королевским наместником южной провинции Санто-Доминго. Вот ваш патент.

Что касается Де Графа, то он был помилован за убийство Ван Дорна, принял французское подданство и был назначен началь-

ником полиции Санто-Доминго. Оба назначения были сделаны по просьбе де Кюсси, который хотел обезвредить двух знаменитых флибустьеров, поместив их в золотую клетку и тем самым превратив их, согласно королевской воле, в смиренных обывателей колонии.

Грамон вежливо поблагодарил за честь, принимая из рук губернатора патент. Намеревался ли он действительно исполнять функции королевского наместника? Или же хотел просто усыпить бдительность властей? Что он сказал двум сотням флибустьеров, следовавших за ним в последний поход? Вопросы повисают в воздухе, ибо ответить на них некому.

В один прекрасный день в октябре 1686 года Грамон отчалил с Тортуги на трех кораблях курсом вост. Жители Бас-Тера долго провожали глазами исчезающие на горизонте паруса. Солнце садилось в воду, превращая Карибское море в озеро расплавленного золота. Вдали еще какое-то время чернели три пятнышка. Больше никаких известий. Отныне флибустьер с причудливой натурой художника принадлежал Истории.

Сидя на пятках под деревьями, индейцы молча смотрели на корабли, застывшие на ровной глади залива Ураба. Залив глубоко вдается в колумбийское побережье у самого основания Панамского перешейка, на 8° северной широты. Пышная тропическая растительность подступала со всех сторон к воде. Тучи мошкары роились над эстуариями небольших речушек.

Добрых три десятка кораблей застыли невдалеке от берега — неподвижные, как и индейцы, смотревшие на них. Паруса были подтянуты на гитовы, палубы казались вымершими, ни единого человека. Корабли появились не все разом; они подходили с интервалами, неравными группами по два, четыре, пять судов.

Потом белые люди высадились на берег. Система счисления и календарь индейцев известны нам весьма приблизительно; никто не видел, чтобы они делали какие-то записи. Тем не менее индейцы знали точную дату прибытия флотилии и число людей на борту каждого судна.

Туземцы ловили рыбу в заливе, близко подходя на пирогах к брошенным кораблям. Но ни разу им не пришлось в голову подняться на палубу: эти бессильно замершие суда были табу, средоточием Зла.

Возможно, другие белые люди придут сюда на других судах. А возможно, и нет. Индейцы залива Ураба принадлежали к самба, группе племен, слывших мирными. Они не нападали на белых, если те не пытались обратить их в рабство или в свою веру, что, в сущности, было равнозначно. Приплывшие на кораблях белые подарили им холстины, нитки, иголки, ножи, ножницы, топоры, серпы, гребешки и множество других красивых и полезных вещей — в психологии *естественного* человека все красивое непременно было полезным. За это индейцы проводили белых к реке Чика, название которой те без конца повторяли.

В верховьях реки кончалась территория самба. Они передали белых другому дружественному племени, а сами возвратились к заливу. Индейцы, разумеется, не могли знать, что стали невольными участниками знаменитой флибустьерской авантюры.

— Раз правительство не позволяет нам промышлять в Карибском море, отправимся в Южное. Это море не значит ни в одном установлении, на него не распространяются запреты.

Подобные речи зазвучали по-английски на Ямайке и по-французски на Тортуге и Санто-Доминго приблизительно в одно и то же время: в конце 1684— начале 1685 года. Южным морем флибустьеры называли Тихий океан.

Южное море омывало Перу, главный источник сокровищ тогдашнего мира. Не случайно даже реки в том краю назывались Золотыми и Изумрудными. Карибское море в сравнении с Южным выглядело нищим захолустьем. Вперед, на поиски нового Эльдорадо!

Но прежде чем двинуться вслед за этими замороженными богатством людьми, давайте проследим немного за их маршрутами по Южно-Американскому континенту.

Первыми флибустьерами, отважившимися на далекую вылазку, были англичане. Числом около 700—800 человек они отплыли из Порт-Ройяла, пересекли Карибское море курсом зюйд-ост, прошли вдоль континента 3000 морских миль до его восточной оконечности, обогнули мыс, спустились до Патагонии (еще 4000

миль), попали в Тихий океан и вновь поднялись вдоль побережья до Панамы. Более 12 000 морских миль!

Вторая группа, в 120 человек, также англичане, тоже отчалившие с Ямайки, не пошла так далеко в море. Круто свернув на юг, они высадились в заливе Ураба. Это их пустые корабли стояли на якоре в ожидании владельцев. Индейцы самба довели англичан до верховья Чики, а другое племя помогло им спуститься по реке, впадающей в Тихий океан. Так они оказались в Панамском заливе.

Третья флибустьерская экспедиция, из 430 французов, под началом капитанов Гронье, Лекюйе и Пикардийца, двинулась по тому же маршруту. Вслед за ними шло еще несколько небольших банд англичан и французов. В конце концов все они, примерно 1100 человек, собрались на островах Короля в Панамском заливе. Там их ждали английские суда, обогнувшие с юга Американский континент и успевшие дорогой захватить два-три приза. В общей сложности в Панамском заливе оказалось десять судов, из которых восемь были корабли с прямыми парусами, а два — грузовые барки.

Одиннадцатый корабль, капитана Лесажа с 200 французами на борту, присоединился к армаде чуть позже. Он тоже обогнул Южно-Американский континент. И прежде чем продолжить рассказ, воздадим должное этим парусникам.

Кругосветный подвиг Магеллана относится к 1520 году, то есть он был совершен более чем за полтора века до описываемых событий. И за все это время капитанов, отважившихся бросить вызов грозному проходу между южной оконечностью Америки и льдами близкого полюса, можно пересчитать по пальцам (я имею в виду тех, кто благополучно вышел из этого испытания). Для счета хватит пальцев одной руки. В 1577 году Дрейк (из пяти кораблей его эскадры в Тихий океан сумела пройти лишь одна «Золотая лань»), затем Грубер и в 1663 году д'Орвилль. Флибустьеры же ходили из Атлантического океана в Тихий *регулярно*. Добавим еще, что многие капитаны пиратских судов, добравшись до Панамы через Магелланов пролив, возвращались затем в Карибское море тем же путем.

Интересно, что историки флибустьерства упоминают об этих подлинно сенсационных свершениях вскользь, без всяких комментариев, хотя в других случаях они не упускают из виду даже крохотных деталей. Вы не найдете ни в учебнике, ни в энциклопедии списка парусных судов, бросивших вызов мысу Горн. Я полагаю, что сейчас, когда интерес к парусникам во всем мире необыкновенно велик, когда имена Чичестера и Табарли известны всем и каждому, пора воздать по заслугам первооткры-

вателям и первопроходцам этого сложнейшего из морских путей. Право слово, они заслужили тоекратного «ура» или, если вас коробит слишком громкое изъявление чувств, почтительного кивка.

Мы не знаем ничего о перипетиях плавания этих «чемпионов» XVII века. Зато в одной из групп, шедших по суше через Панамский перешеек, находился «репортер». Равно де Люсан, гугенот, выходец из благородного французского семейства города Нима, был, судя по его запискам, человеком наблюдательным, доброжелательным и симпатичным. Я бы с удовольствием пошел с ним за рюмкой вина и поговорил о старых добрых временах. Гугенот, но без всякой склонности к постному воздержанию, человек предусмотрительный, но любящий риск, он пошел служить в армию; когда же война кончилась, попросил своего благородного отца заплатить за него карточные долги, а сам отправился в Дьепп и подрядился в портовой конторе ехать «на острова». Вербованным!

Три года каторжного труда в Вест-Индии не отбили у него охоты к приключениям, и по истечении договорного срока ему удалось устроиться на флибустьерское судно, где капитаном был Де Граф. К сожалению, первая небольшая экспедиция, в которой он участвовал, закончилась безрезультатно — доказательство того, что вольный поиск добычи отнюдь не всегда приносит дивиденды; тут скорее напрашивается сравнение с рыбным промыслом.

Флибустьерству в тот период угрожали не только внешние беды, его терзали и внутренние раздоры. Поскольку поход ничего не дал, экспедиция раскололась: Де Граф с частью людей вернулся на Санто-Доминго, а Люсан, с двумястами шестьюдесятью тремя коллегами оказался в заливе Ураба. Два десятка судов уже стояли там на якоре, и морские древоточцы активно точили недвижимые корпуса. Сойдя на берег, пираты двинулись к реке Чика.

Во время перехода через холмистую гряду судьба была благосклонной к флибустьерам. Дело в том, что, когда испанцы убедились, что мирные самба помогают пиратам, они, изменив свою обычную тактику, не стали «учить» туземцев огнем и каленым железом, а, наоборот, предложили солидную награду за каждую пиратскую голову. Кое-кто из индейцев согласился. Не все, конечно, и не всегда поступали так. Однако отношения флибустьеров с индейскими племенами уже не были столь радужными, как при первой высадке. Думаю, что многие повадки вольных добытчиков не пришлись по душе обитателям девственного леса. Но в тот раз, повторяю, все прошло благополучно: Люсан и вся его группа добрались до реки. Далее нужны были

лодки, чтобы спуститься по течению. Индейцы, друзья самба, вызвались поставить, вернее, изготовить их по заказу флибустьеров, но, поскольку идея запасаения готовой продукции на случай появления заказчика еще не охватила туземные массы, приходилось ждать. Все племя интенсивно принялось за работу, а флибустьеры пока охотились в лесу, где было полным-полно дичи — встречались даже куропатки и фазаны.

Наконец транспортные средства были готовы, можно было начинать спуск по реке. Поначалу нужно было часто выгружаться на берег и переносить пироги на себе: верховья реки изобиливали мелями, порогами, иногда рухнувшие деревья перегородивали ее, как шлагбаумы. Останавливались и для того, чтобы вырыть могилу для очередного умершего от «излива крови». Этот странный диагноз, по-видимому, относился к кишечному кровотечению в результате острой дизентерии. В рассказах очевидцев встречается описание одной и той же клинической картины: больной умирал от приступов колик и обильного кровотечения.

В низовьях реки препятствий, по счастью, было меньше. Но здесь приходилось плыть лишь ночью: местные индейцы были настолько терроризированы испанцами, что из страха перед репрессиями непременно сообщили бы о приближении пиратов. Наконец, выйдя в Южное море, лодки подгребали к судам, ждавшим на якоре в устье Чики.

Общий сбор был назначен недалеко отсюда, на островах Короля, в тридцати лье восточнее Панамы. 22 марта 1685 года, в праздник пасхи, десять кораблей стали группой. На борту, как я уже упоминал, было 1100 французов и англичан. Последние составляли большинство. Англичане продали французам один корабль и одну барку.

Главным и, пожалуй, единственным преимуществом этой маленькой армады была отчаянная смелость ее пассажиров. Их кредо выражалось девизом «Пан или пропал». Суденышки были маленькие, практически не вооруженные. Так, корабль Гронье, построенный с расчетом на пятьдесят орудий, не имел ни одного. Корпуса судов, обогнувших континент, обросли ракушками и водорослями, в трещины обильно просачивалась вода. Ситуация была критическая и требовала критических же решений.

Флибустьеров осенила гениальная идея:

— Как раз сейчас испанский флот должен везти сокровища Перу в Панаму. В Южном море на него никогда еще не нападали. Экипажи настроены благодушно, охрана налажена из рук вон плохо. Надо устроить засаду и напасть на перуанский караван. Будет дьявольским наваждением, если мы не сумеем захватить два-три галиона! В результате мы не только обогатимся, но и

получим хорошо вооруженную флотилию для дальнейших действий.

Несколько островков в Панамском заливе как бы самой природой были предназначены для того, чтобы служить местом засады. Испанцы называли их Сады Королевы. Действительно, на этих клочках суши, продуваемых морским ветром, росли под сенью высоких пальм фруктовые деревья и цветы, были построены виллы панамских богачей и знатных вельмож. За ними присматривали жившие на островах черные невольники.

Флибустьеры ринулись в этот земной рай так, словно там находились сокровища Перу. Сидеть в засаде в Садах Королевы оказалось просто мечтой: удобное жилье, вкусная еда и богатые винные погреба.

Прошло шесть недель. Однажды к одному из островов подошла барка с испанцами. Они были тут же схвачены. Нетерпеливые флибустьеры забросали капитана вопросами:

— Где же перуанские галионы? Скоро они появятся?

— Вы имеете в виду Золотой флот? Он прошел неделю назад и разгрузился в Панаме.

Поток ругательств и проклятий последовал за этим сообщением. Дурная весть мгновенно облетела соседние островки. Радоваться было нечему: они упустили редчайшую возможность, причем по собственной глупости, и за нее теперь надо было расплачиваться.

Три дня спустя несколько галионов, выгрузив золото в Панаме, подошли к островам и подвергли их обстрелу. Итог: потоплена одна барка и два человека убиты. Потери были бы еще больше, если бы днем раньше французские капитаны не отвели свои суда для тщательного осмотра и ремонта в тихое место. Для этой цели был выбран остров Сан-Хуан-де-Пуэбло в восьмидесяти лье к западу от Панамы.

Да, была упущена сказочная возможность. Однако эскадра кораблей, пусть даже небольшая, была грозным оружием в руках решительно настроенных людей. Если начать захватывать чужие суда, сила будет расти от приза к призу. Кстати, ведь «береговые братья» именно таким образом начинали свою славную эпопею во Флибустьерском море.

В войске, насчитывавшем 1100 человек, готовых начать завоевание Тихого океана, примерно две трети составляли англичане, им же принадлежали почти все корабли. Естественно, что при подобном численном превосходстве они желали взять бразды правления в свои руки.

— Командовать буду я,— объявил английский капитан Дэвид французцу Гронье.— Для начала вы отдадите мне судно, которое я

вам уступил: мое течет, как решето. Если хотите, можете взять его себе.

Как видим, британское высокомерие давало себя знать и на далеком тропическом острове. Перед началом похода англичане и французы намеревались действовать сообща на паритетных началах. Но демарш Дэвида пробудил чувства, которые лучше было бы оставить в летаргическом состоянии.

Французских флибустьеров, в большинстве своем католиков, всегда шокировало святотатство английских собратьев: во время грабежа церквей те, не задумываясь, обламывали распятия, разбивали вдребезги пистолетными выстрелами статуи пречистой богоматери и святых. Несмотря на общий хищнический настрой и поощрения насилия, трещина между двумя основными национальными группами пиратов не зарастала даже во время совместных экспедиций; порой достаточно было одного-единственного обидного слова, а то и просто намек, чтобы вспыхнула ссора. Разбойники сходились в свирепых драках, а религиозный мотив придавал этим раздорам как бы высокий, благородный смысл.

На сей раз дело не дошло до обмена ударами. Французы отказались признать главенство англичан, тогда те забрали свои суда и уплыли к другому островку, отстоявшему в пяти лье от Сан-Хуана. Своим бывшим союзникам они оставили две барки. Таким образом, на четыреста человек у них было всего две посудыны величиной со шхуну для ловли тунца. Правда, у французов остался корабль Гронье: капитан, купивший его за наличные, категорически отказался возвращать англичанам свою собственность. Но — ни одного орудия, ни запаса провианта и очень мало пороха и пуль. Приключение начиналось для французских флибустьеров не с нуля, а ниже нуля.

Испанские власти в Панаме решили не пугать население, когда верные им индейцы принесли весть о том, что пираты одолели перешеек и вышли к заливу. Но захвата Садов Королевы скрыть было невозможно. Женщины в испуге осеняли себя крестным знамением.

Стократно, тысячекратно было произнесено имя Моргана, чудовища Моргана. Взрослые рассказывали детям и подросткам леденящие кровь истории о том, как черная тьма пиратов выползла из леса и ринулась на город. Об их кровожадности и жестокости. О бесславном разгроме испанских войск и бегстве населения морем. О том, как за место на корабле отдавали сундук с золотом, а путь к причалу прокладывали шпагой. Шестнадцать лет уже минуло с тех пор. Всего шестнадцать лет.

Из губернаторского дворца твердили, что на этот раз ничего похожего не произойдет, опасность несоизмерима. И действи-

тельно, когда по прошествии трех месяцев ничего не случилось, страсти немного улеглись.

Где-то в октябре губернатору доложили, что англичане разграбили городки Реалегуа и Леон в провинции Никарагуа. Двумя неделями позже другие пираты, уже французы, прибыли в эти же городки, но, не обнаружив там ничего, кроме руин и разора, отправились грабить другое селение, дальше к югу. Затем вплоть до декабря не поступало никаких новостей.

Губернатор Гранады (разоренной Морганом в 1664 году) на озере Никарагуа сообщил, что к коменданту гарнизона неожиданно явился флибустьер-каталонец, заявив, что французские пираты намереваются напасть на город. За это извещение он надеялся получить прощение всех предыдущих грехов.

Небольшое географическое уточнение. Чтобы достичь Гранады, Морган, приплывший из Карибского моря, должен был подняться по реке Сан-Хуан, вытекающей из озера Никарагуа в Атлантику. А со стороны Тихого океана озеро отделяет холмистая гряда шириной не более двадцати километров. Дезертир-каталонец сказал, что его бывшие приятели рассчитывают добраться до Гранады через эту холмистую гряду. Губернатор принял решение усилить гарнизон и повернуть орудия на бастионах в сторону Тихого океана, откуда ожидалась опасность.

Губернатор провинции держал в боевой готовности резервы, чтобы бросить их на выручку Гранаде, но несколько дней спустя матросы галиона, прибывшего из перуанского порта Гуаякиль, рассказали леденящие душу подробности о нападении английских пиратов на перуанское побережье и каботажные суда. Ценного груза им не попало, однако верховные власти Перу, заморской жемчужины испанской короны, распорядились увеличить число пушек на галионах и, как разболтали матросы в тавернах, временно прекратить всякое морское сообщение между Перу и Панамой.

В конце января панамский губернатор отправил очередное донесение, содержание которого сводилось к следующему:

«7 дня сего месяца (января 1686 года.— Ж. Б.) французские пираты напали на Чирикиту в двадцати лье к западу от их стоянки на Сан-Хуан-де-Пуэбло. Небольшой гарнизон оказал храброе сопротивление, однако разбойники проникли в город, разграбили его и взяли в плен знатных жителей, за которых потребовали выкуп. Отправленная по моему приказу эскадра встретила их суда на обратном пути и огнем потопила один большой корабль. На острове Сан-Хуан-де-Пуэбло французские разбойники строят пироги, которые выдалбливают из дерева акажу. Там же они охотятся и ловят рыбу для прокормления.

Из-за сильных дождей они терпят всяческие неудобства, а несколько разбойников умерли от укусов змей или были разорваны кайманами. В настоящее время, похоже по всему, у них не достанет сил для нападения на Гранаду».

— Мы нападём на Гранаду. Нельзя пробавляться грабежом мелких селений. Так не соберешь денег и никогда не выберешься отсюда, будем торчать на этом проклятом берегу до скончания века. Гранада же — город богатый и старинный, заложен больше века назад. Нападать на него будем по суше, так что добывать кораблей не потребуется. Город захватим, если будем сражаться не щадя живота своего и свято подчиняться приказам. Я порешил, что те, кто без разрешения покинут строй, не получат своей доли добычи, равно как и те, кто проявят трусость и непослушание, совершат насилие или напьются.

Приказ капитана Гронье был объявлен на стоянке французских флибустьеров на острове Сан-Хуан-де-Пуэбло. Пункт, запрещавший насилие и пьянство, был совершеннейшей новостью. В Карибском море всего несколькими годами раньше подобное распоряжение вызвало бы немедленный бунт: какого черта рисковать жизнью, если потом не напиться и не потешить беса?! Но сейчас заброшенные на далеком враждебном берегу люди понимали, что их единственный шанс на спасение в том, чтобы следовать железной дисциплине.

— Чтобы сохранить порох для дела, я запрещаю отныне до момента выступления всякую охоту. С собой возьмем минимум продовольствия, добудем его по дороге. Для этого сделаем остановку на банановой плантации Кальдейра.

Отчаянные морские волки дошли до того, что жевали бананы, дабы не помереть с голоду... Подкрепившись, пираты в первых числах апреля 1686 года вышли в море. Флотилия состояла из большого корабля Гронье, барки и дюжины пирога. Дорогой она увеличилась еще на одну барку под командованием англичанина Таунли, одного из тех, кто вел себя особенно вызывающе в момент расставания у Сан-Хуан-де-Пуэбло. Встреченный у берега и грубо остановленный французами, он неожиданно попросил позволения принять участие в экспедиции. Его экипаж из 115 человек довел общую численность флибустьерского войска до 365 бойцов.

— Корабль и барки станут под прикрытием мыса Бланко, люди пересядут в шлюпки и пироги. Дальше пойдём скрытно на веслах. Через шесть суток дежурные экипажи подведут корабль и барки к месту нашей высадки на материк.

Экспедиция без всяких осложнений выгрузилась на сушу, и проводник-индеец повел их через поросшую сельвой холмистую

гряды в глубь провинции. Стояла удушающая жара. Неожиданно начинался тропический ливень, одежда промокала насквозь, но час спустя высыхала, вставала колом и покрывалась пылью. 8 апреля флибустьеры дружно ахнули от восхищения: впереди в окружении гор величественное, словно море, расстилалось озеро Никарагуа. Посреди его скользили курсом зюйд два красивых судна под прямыми парусами.

9 апреля отряд вышел к крупной сахарной плантации всего в четырех лье от Гранады. «Кавалер Сантьяго, владелец ее, ускользнул от нас и ускакал поднимать тревогу». Впрочем, военные власти Гранады, по их собственному признанию, вот уже три месяца были в полной боевой готовности.

Центральная площадь города, называвшаяся по обычаю Оружейной, после вторжения Моргана была обнесена стеной и превращена в мощный узел обороны. Четырнадцать пушек и шесть стрелявших каменными ядрами мортир защищали его; внутри могли поместиться шесть тысяч солдат. В тот день, правда, там находилось всего от тысячи до полутора тысяч защитников. Шесть кавалерийских рот, рассредоточенные вблизи города, должны были ударить во фланги и тыл противника, когда он втянется в бой.

Франко-английский экспедиционный корпус атаковал город не ночью при свете луны, как моргановский отряд за двадцать два года до этого, а среди бела дня, в два часа пополудни. Командир гранадского гарнизона знал о приближении врага по меньшей мере за сутки. Но ему хватило и трех часов, чтобы проявить свою полную неспособность к ведению боя и показать деморализованность вверенных ему войск. Еще до наступления сумерек флибустьеры, у которых не было ни одного орудия, завладели Оружейной площадью и держали под прицелом весь город. Потери их исчислялись четырьмя убитыми и восемью тяжелоранеными. Сражались они не только храбро и решительно, но и с большим тактическим умением, особенно хорошо используя такое оружие, как гранаты (небольшие глиняные горшки, начиненные порохом). Разница с современными гранатами заключалась в том, что тогда приходилось сначала поджигать торчавший из горшка фитиль и лишь потом бросать.

Нападавшим было нечего терять, наоборот, они многое выигрывали от успеха дела. Испанцы же не стремились выказывать храбрость, поскольку у них все было предусмотрено, в том числе и поражение: полтора миллиона пиастров (потенциальный выкуп за город) было замуровано в стене губернаторской резиденции. Стоило ли в таких обстоятельствах рисковать собственной жизнью?

Флибустьеры, естественно, не знали этой подробности. Они лишь выяснили, что два парусника, замеченные на озере по дороге к городу, увезли в трюмах самые драгоценные сокровища Гранады. Гнаться за этими судами на пирогах? Об этом не могло быть и речи, если учесть коварный нрав озера, а захваченные в порту баркасы были не очень надежны. Нет, оставалась испытанная не раз классическая угроза: «Платите выкуп, иначе сождем все!» Вот тут гражданские власти испанцев проявили куда больше умения, нежели их солдаты во время штурма города.

— У нас ничего не осталось. Все было вывезено,— твердили они.

Во времена Моргана и Олоне подобные речи дорого обошлись бы знатым горожанам: тогдашние пираты были большими специалистами по развязыванию языков. Несколько часов слышались бы душераздирающие вопли жертв, а потом золото, словно по волшебству, появилось бы из земли и из тайников в стенах. Возможно, это были бы не все сокровища города, но все равно весомая добыча.

Однако эти времена канули в прошлое. Флибустьеры даже не предприняли тотального прочесывания домов. Они больше не насильовали, они вели переговоры. А произнося угрозы, не подкрепляли слова покалыванием кинжалами. Разве что подожгли несколько домов. И в конечном счете удовлетворились даже не выкупом, а компенсацией— точная цифра осталась неизвестной, но сумма явно была незначительной, поскольку она целиком была распределена между ранеными.

На обратном пути на них напали пятьсот пехотинцев и всадников под командованием предателя-каталонца, того самого, что предупредил коменданта Гранады об опасности. Флибустьеры отразили натиск и добрались до места высадки. Там их ждала оставленная флотилия. Вздываясь и пропадая из виду на груди великого океана, суда казались крохотными и хрупкими скорлупками.

Чтобы избежать судьбы портовых нищих и вернуться в родимое Карибское море с парой горстей монет в кармане, надо было решаться на какое-нибудь крупное дело. Заработать, не потерять лица, отпраздновать как следует возвращение на Тортугу или Ямайку, соблюсти честь— это было основной темой разговоров разбойников. Громкие споры продолжались в пирогах и шлюпках, на палубах судов.

— Надо подымать паруса и идти к Панаме. Там в гавани непременно найдется пожива. Тем паче что панамцы нас не ждут: они уверены, что мы далеко.

— В Панамском заливе сейчас появляться опасно: сплошные

бури и торнадо. Нет, надо двигаться к мексиканскому побережью.

— Кого мы там найдем? Крокодилов?

Капитан Гронье был в растерянности. Так хорошо подготовленный и так успешно проведенный поход не принес ни единого пиастра! С момента прихода в Южное море какое-то заклятие висело над флибустьерами, какой-то злой рок тяготел над всеми их начинаниями. Снова произошел раскол. Флотилия разделилась: 148 французов во главе с Гронье двинулись к Мексике, а остальные французы и все англичане под началом Таунли, тоже 148 человек, взяли курс на Панаму. Судьба, словно в шутку, поделила их ровно пополам.

Итак, англо-французское войско, насчитывавшее вначале 1100 человек, распалось на несколько отрядов, самыми крупными из которых были группы капитанов Таунли и Гронье, а самая маленькая не имела и четырех десятков. Отрядики эти были плохо вооружены, не имели снаряжения, ни один из них даже отдаленно не напоминал флибустьерские когорты, некогда бороздившие Карибское море. И тем не менее эти диверсанты («коммандос», как сказали бы сейчас), рассыпавшись по всему тихоокеанскому побережью Южной Америки — от Перу до Калифорнии, на расстоянии 6000 морских миль, держали в напряжении всю гигантскую испанскую империю на Тихом океане.

Куда бы ни двигались английские и французские флибустьеры, впереди бежала их слава кровожадных и безжалостных ищущих ада. Подобно бульдозеру, она сметала все укрепления и парализовывала у испанцев волю к сопротивлению. А летевшие со всех сторон тревожные известия еще пуще нагнетали панику:

— Английские и французские пираты напали, разграбили, обложили данью и сожгли селение Вилья. Защитники, несмотря на проявленную храбрость, не смогли сдержать натиска супостатов. Когда пиратам показалось, что выкуп задерживается, они отрубили головы нескольким испанским пленникам и выставили их для всеобщего устрашения.

Был конец июня 1686 года. Отрубленные в Вилье головы все чаще мерещились в кошмарных видениях панамцам. Месяц спустя на заре еще не проснувшийся город узнал, что минувшей ночью пираты, ведомые предателями, проникли в порт и увели испанскую барку. Жители, бросившиеся для проверки слуха в порт, могли увидеть собственными глазами: да, одной барки не хватало.

— А может, она вышла в море ловить рыбу?

Предположение было встречено презрительными ухмылками. Слух о предательстве, подтвержденный таинственным исчезнове-

нием одного грека, находившегося под подозрением, накалил атмосферу до крайности. Самым опасливым уже мнилось, что убийцы крадутся в ночи по городу.

Минули две недели. Пока ничего не произошло. Наоборот, пришла радостная весть: испанские солдаты перебили из засады банду пиратов, пытавшихся добраться через перешеек до Атлантического побережья, и взяли в плен четверых из них. Все оказались англичане.

Но 22 августа вернувшиеся из залива рыбаки рассказали, что видели захваченный пиратами полуобгоревший испанский фрегат. При этом свидетели происшествия не могли прийти в себя от изумления,— по их словам, пираты одержали победу без единого пушечного выстрела, в то время как фрегат дал мощный бортовой залп, от которого пиратское судно должно было бы разлететься в щепки. В этом крылось какое-то необъяснимое колдовство...

Рыбаки оказались достаточно храбрыми (или любопытными), чтобы заметить подробности этого морского боя. Флибустьерский корабль очень ловким маневром зашел фрегату в корму, избежав тем самым смертельного залпа, а затем быстро приблизился к нему, и, прежде чем канониры успели зарядить пушки для второго залпа, пираты забросали «испанца» гранатами. На палубе подле орудий вспыхнул порох, фрегат загорелся, поднялась паника. Дальнейшее нетрудно предугадать.

Пока рыбаки в сотый раз рассказывали об этом в портовых тавернах, из гавани вышли, никем не предупрежденные, две испанские барки. На рейде их окликнули с судна, дрейфовавшего под испанским флагом. Не подозревая ничего дурного, барки приблизились, и тут внезапный мушкетный огонь дал им понять, что это — пираты. Удирать уже было поздно. Коварно подняв чужой флаг, флибустьеры взяли в плен оба грузовых парусника.

Результатом этих двух небольших морских сражений было то, что теперь у пиратов оказалось около полусотни пленных. Они потребовали за их освобождение заплатить выкуп и отпустить четырех товарищей, захваченных в засаде у реки Чика.

Начался обмен письмами, выдержанными в пышном, цветистом стиле того времени. Первое елейное послание отправил епископ Панамы, обращавшийся к пиратам:

«Настоятельно призываю Вас не проливать кровь невинных, оказавшихся у Вас в руках, ибо они воевали с Вами не по доброй воле, а по приказу. Доверьтесь моему слову. Уведомляю Вас, что отныне все англичане обратились в римско-католическую веру, на Ямайке открыта церковь, а четверо пленников, приняв истинную веру, пожелали остаться с нами».

Последнее утверждение, живое на сто процентов, особенно возмутило флибустьеров. Они решили было присовокупить к своему ответу несколько отрубленных голов, но в конечном счете возобладала умеренность, и после двенадцатидневных переговоров флибустьеры на несколько часов зашли в Панамский порт, где им был вручен выкуп в десять тысяч пиастров.

Горожане, знать и простолюдины, солдаты и невольники — в общей сложности больше десяти тысяч человек — с облегчением и безо всякого стыда глядели, как удаляются в море пять-шесть обшарпанных посудин. Кто были их победители? От силы полторы сотни разбойников без роду и племени и без единой пушки на борту. Город был достаточно богат, чтобы позволить себе откупиться. Всегда лучше расплатиться деньгами, чем кровью, — такова была философия обитателей испанских колоний на Тихоокеанском побережье. Если же посмотреть на эти события в исторической перспективе, то окажется, что востребованный пиратами «налог» в пересчете на душу населения куда меньше, чем тот, что мы платим государству. Платим, не помышляя о бунте.

Итог приключения в Южном море для многих флибустьеров оказался позитивным, кое-кто даже сколотил солидный прибыток.

— Пора уже, — говорили они, — давно пора возвращаться в Северное море.

(Так они называли бассейн Карибского моря и Мексиканского залива.)

— Нет, еще не пора! — возражали другие.

Среди тех, кто желал остаться, было много заядлых игроков, посадивших в карты и кости свою часть добычи. Естественно, им не хотелось возвращаться с пустыми руками, и они жаждали нового предприятия.

— Почему бы не потрепяти Гуаякиль? Там наверняка найдется что взять.

Гуаякиль (сейчас в Республике Эквадор) тогда был самым северным городом провинции Перу. Флибустьеры наверняка посетили бы его, не пропустили они глупейшим образом Золотой флот, благополучно проскользнувший в Панаму.

Однако каким-то таинственным образом, не сговариваясь, весной 1687 года почти все пираты собрались в одном месте — на траверзе мыса Святой Елены (ныне — мыс Париньяс), у крайней западной точки Южно-Американского континента. Низкое небо хмурилось, шел дождь — как обычно в это время года в этой части света. Флибустьерские корабли обменялись сигналами. Подойдя ближе, матросы стали окликать друг друга:

— Куда идете?

— А вы?

Было велено бросить якорь, капитаны на шлюпках отправились в гости друг к другу, чтобы за стаканом рома прощупать намерения коллег.

— Гуаякиль? Ну, разумеется! Не возражаете, если отправимся туда вместе?

— Милости просим!

Казалось, добрый ангел отогнал от флибустьеров демона раздоров.

Над сегодняшним Гуаякилем, стоящим в устье реки, висят клубы заводского дыма, гудят сирены самоходных барж, курсирующих между причалами и грузовыми судами, пришедшими за бананами и какао. В прилив морские корабли заходят в устье, ближе к портовым кранам. А в XVII веке это был странного вида город, построенный почти целиком на сваях и защищенный со стороны реки высокой стеной. Богато украшенные церкви и монастыри свидетельствовали о процветании. Да, богатство жителям города приносили добыча золота в рудниках и плантации какао. Нет нужды говорить, что и под землей, и в поле трудились невольники-индейцы.

Как и в Гранаде, Оружейная площадь призвана была стать центром сопротивления возможному нападению. Как и в Гранаде, нападение флибустьеров было образцом тактического мастерства, особенно преодоление стены. Часть нападающих прикрывала густым прицельным огнем штурмовую группу, которая с кошачьей ловкостью карабкалась на стену. Затем завязался уличный бой, в котором морские разбойники не знали себе равных. Самым сложным оказалось овладеть Оружейной площадью. Однако ровно три часа спустя шум битвы стих. Потери флибустьеров — девять человек убитыми и двенадцать тяжелоранеными — позволяют считать сражение почти бескровным. Но многочисленные тела погибших испанцев свидетельствовали, что защитники города проявили гораздо больше храбрости и самоотверженности, чем гарнизон Гранады. Лежавшие на улицах трупы стали быстро разлагаться: Гуаякиль находится на 2° южной широты, так что потребовались срочные санитарные мероприятия.

Подавив сопротивление, англичане бросились за город вылавливать жителей, уносивших ноги, а заодно и свои ценности; французы же собрались в кафедральном соборе, чтобы истово исполнить «Хвалу господу». Вознося небесам благодарение за удачу, они одновременно прикидывали на глаз стоимость золотых и серебряных статуй и прочей драгоценной утвари. К упа-

ковке ценностей приступили сразу после молебна. Одной из самых красивых вещей была дверца шестидесятифунтовой дарохранительницы из золоченого серебра, украшенная фигурой орла дивной работы; вместо глаз у орла были два огромных изумруда.

Мебель в губернаторском дворце была богаче, чем в покоях многих европейских монархов,— ведь сюда, в Перу, выписывали из Старого Света все самое лучшее и самое дорогое: золото обязывало. Не в силах унести с собой всю несметную добычу, флибустьеры плакали от обиды.

Как обычно, захваченный город обложили данью, заломив фантастическую сумму выкупа; в соборе собрали семьсот заложников — знатных сеньоров и горожан, мужчин и женщин, в том числе все семейство губернатора. Как обычно, переговоры, угрозы, запугивания, уловки с обеих сторон и прочее продлились довольно долго — в общей сложности добрый месяц. Вдаваться в детали этих переговоров я не рискую, боясь наскучить читателю. Кстати, флибустьерам переговоры тоже набили оскомину, и им пришла в голову замечательная мысль отправиться в ожидании исхода дела на остров Пуна, лежащий посреди Гуаякильского залива, тем более что, поскольку испанцы задержались с уборкой трупов, на улицах Гуаякиля буквально нельзя было продохнуть.

А на Пуне царила вечная весна; продуваемый ветрами зеленый остров, напоенный живительным ароматом моря, не имел ничего общего с душающе влажным и жарким Гуаякилем. Подобно Садам Королевы перед Панамой, Пуна была дачным местом богатых горожан. Равно де Люсан, не скрывая, пишет, что, несмотря на снедавшее их нетерпение, несмотря на явные проволочки с выкупом (испанцы ожидали прибытия подкреплений из Кито), он и его товарищи провели на острове незабываемые дни.

Пираты на дивных виллах шли под музыку: пираты прихватили вместе с заложниками мастеров игры на лютне, теорбе, гитаре и арфе; естественно, пираты не отказывали себе и в прочих удовольствиях.

Выкуп и добыча, взятые в Гуаякиле, оказались в буквальном смысле неподъемными. Пираты с трудом погрузились на суда. Испанцы попытались было отбить добро в морском сражении при выходе из бухты. Но у них не хватило духу пойти на абордаж, а в искусстве маневрирования флибустьеры были сильнее.

Делили добычу на пустынном берегу в пятидесяти милях к северу от мыса Святой Елены. Сцена выглядела какой-то фантазмагорией: прямо на песке были расстелены куски парусины, а на них выложены, возможно, самые прекрасные на свете драгоцен-

ности. Камни продавали с аукциона, поскольку экспертов-оценщиков под рукой не было. Желавшие могли купить их, заплатив золотыми монетами из своей части добычи. Кстати, камни ценились довольно высоко по одной-единственной причине: они были куда легче мешочков с монетами, поэтому нести их было не столь обременительно. Правда, владельцы этих сокровищ, став «ходячим сейфом», не без опаски ловили на себе взоры менее удачливых коллег. Зная их нравы, нельзя было с уверенностью утверждать, что они не прикидывают, в какое место лучше будет всадить кинжал. Почему-то с носителями драгоценностей несчастные случаи происходили куда чаще...

2 января 1688 года двести восемьдесят французских и английских флибустьеров, измученные, в лохмотьях, с мешками и узлами на плечах, двинулись из бухты Мапала (сегодня — Амапала, на тихоокеанском берегу Гондураса) в глубь материка.

После взятия Гуаякиля пиратское воинство вновь распалось. Англичане отправились килевать свои суда на Галапагосские острова, рассчитывая возвратиться в Карибское море через Магелланов пролив. «Что касается нас,— пишет Равно де Люсан,— то наши посудины были столь мелки и ничтожны, что на них нельзя было помыслить спуститься ниже перуанского берега. На борту негде было хранить даже запас потребной нам питьевой воды».

Итак, французы на своих ничтожных посудинах двинулись на север. От Гуаякиля до Панамы, надо считать, добрых 1200 морских миль.

Высаживаться на берег под Панамой было немислимо. Хотя перешеек в этом месте уже всего и в принципе перебираться на карибскую сторону следовало именно здесь, но этот район усиленно охранялся испанцами, которые, кроме того, подкупили индейцев, обещая им в изобилии водку, если те перестанут помогать флибустьерам; за каждую пиратскую голову была объявлена награда... Нет, надо было двигаться дальше на север!

Дорогой произошла душераздирающая встреча: они увидели большую пирогу, в которой сидели почти умирающие от голода и жажды сорок французов; в их пироге была сильная течь. Эти человеческие призраки твердили, что разыскивают пятьдесят пять своих товарищей, унесенных бурей. Сорок измученных разбойников выгрузились с группой Люсана на пляже бухты Мапала.

Оформители нынешних туристских проспектов, разрисовывая карту Центральной Америки, использовали для характеристики этой бухты фигуру пеликана. Если вам доведется побывать в тех местах, вы убедитесь, что символ правдив. Над серыми волнами

неустанно накатывающего на берег Тихого океана висит крикливое облако птиц. А по пустынному берегу вышагивают пеликаны.

Такую же картину увидели и флибустьеры. Изнемогая от усталости и голода, они выбрались на берег и, сжимая ружья, стали лихорадочно оглядываться. Никакой дичи. Пришлось настрелять морских птиц, чье мясо воняло рыбой. Сорок спасшихся в пироге не переставали твердить о своих пятидесяти пяти пропавших товарищах. Призраки сгинувших пиратов являлись к ним по ночам, заставляя вскрикивать во сне:

— Надо искать! Они могут быть где-то рядом.

Робинзоны спустили на воду баркас, поставили парус и прошли еще 400 миль дальше на север, до рези в глазах всматриваясь в берег, выискивая малейший след. Пусто. Чтобы не умереть с голоду, пришлось пристать к берегу.

Кое-кто из пиратов утверждал, что знает эти места:

— В пятнадцати лье отсюда лежит город под названием Теуантепек. Там можно будет разжиться провизией. Кроме того, возьмем пленных и потребуем за них выкуп.

Взятие Теуантепека не напоминало штурм Гуаякиля. Никакого героизма с обеих сторон. Селение окружала с трех сторон река. Флибустьеры перешли ее вброд — в некоторых местах вода доходила до шеи. Натиску никто не сопротивлялся, хотя пираты были настолько голодны, что ради сытного обеда схлестнулись бы с целой армией. Насытив желудок, они вынуждены были сразу ретироваться: был разгар сезона дождей, вода в реке прибывала, и разлив, того и гляди, грозил надолго закупорить их в Теуантепеке. По дороге к морю посетили еще селение Чолутека, где практически нечего было взять, кроме кучки пленных. Затем добрались до берега, подняли парус и вновь вернулись на безлюдный пляж Мапала. Их встретило оглушительное птичье разноголосье.

Почему снова Мапала? Потому что из бухты несчастий вела дорога к Карибскому морю. Об этом пираты узнали от пленных в Чолутеке. От Мапалы можно было, перевалив через горную гряду, добраться до города Сеговия, а оттуда по реке, носившей то же имя, спуститься прямо в Карибское море: Сеговия впадала недалеко от мыса Грасиас-а-Дьос.

— На нас могут напасть — путь неблизкий...

— Могут. Однако испанцев в этих местах немного. И потом, они не знают, что мы двинемся этим маршрутом.

Надо было решаться. Пятьдесят пять товарищей, похоже по всему, сгинули безвозвратно: поиски ни к чему не привели. Чтобы отместить колебания, пираты сожгли свои корабли, а пирогам продырявили днища. В путь!

Поклажу несли на себе. В холщовых мешках звякали не только монеты, но и позолоченные канделябры, золотые и серебряные статуэтки, распятия, чаши и дароносицы — все, что было награблено в соборах Гуаякиля после благочестивого пения «Хвалы господу».

«Что касается меня,— пишет Люсан,— то мой груз не был увесист, хотя нисколько не проигрывал в ценности с остальными, ибо я обратил тридцать тысяч пиастров в жемчуг и драгоценные камни». Нести подобный груз было легче, хотя и много опаснее. «Поэтому я решил отделаться от имущества, раздав его на глазах у всех нескольким людям и уговорившись, что они мне вернут его по прибытии за вычетом платы, о которой я с ними условился. Этим я спас себе жизнь, заплатив за предосторожность дорогую цену». Отметим походя, что в этой среде твердо соблюдался разбойничий «кодекс чести».

Маршрут от Мапалы до Сеговии вел не по дороге — это была тропа, по которой двигались через горную гряду обычно на мулах или лошадях. У пиратов не было ни тех, ни других. По обе стороны частоколом вставала непроходимая чащоба. Иными словами, идеальное место для устройства засад и ловушек.

К концу первого дня флибустьеры вышли на прогалину и увидели возделанную плантацию. Господский дом был пуст. В большой зале на видном месте лежала записка: «Польщены, что вы посетили наши края. Сожалеем лишь, что при вас не так много добычи». Сквозь иронический стиль явственно сквозила угроза. Флибустьеры теперь не сомневались, что на них совершат нападение. Хорошо еще, что в имении нашлось несколько лошадей; на них навьючили мешки.

Действительно, вскоре они наткнулись на первые засады — сваленные поперек тропы стволы. Из-за барьера горстка испанцев стреляла из мушкетов. Стрелки не были ни очень умелыми, ни слишком храбрыми. Препятствие ненадолго задержало продвижение колонны.

Когда флибустьеры вышли в саванну, испанцы подожгли высохшую траву и плантации кукурузы. Черный дым не давал дышать. Лошади в страхе пятились назад. С трудом удалось прорваться через выжженное пространство. Дальше вновь тянулся лес, где пиратов поджидала неведомая опасность.

Вначале были просто звуки. Флибустьеры были не новички, они знали, что скрытное продвижение по территории противника — первый и главный залог успеха. Но тут справа и слева явственно слышались посторонние шумы: треск сухих ветвей, голоса, ржание. Посланные дозоры успевали заметить сквозь деревья всадников, уносившихся прочь. Да, испанцы двигались

параллельно колонне и при первой же опасности убегали, чтобы вернуться. Ночью вокруг бивака раздавались те же звуки. Часовые до рези в глазах вглядывались во тьму. Ничего.

Наутро та же картина. Тропа, стиснутая каменистыми склонами, становилась все уже. Отрягать на фланги дозоры становилось почти невозможным делом. Приходилось все время держаться настороже, а это изматывало нервы.

В голове колонны шли самые отчаянные головорезы. На третий день они донесли, что тревожащих звуков больше не слышно. Разбойники вздохнули с облегчением. Но ненадолго. Слева и справа вдруг затрубили трубы. Что это — сигнал к атаке? Звуки неслись, казалось, издали, но повторялись через равные промежутки времени. Невидимые трубачи не отставали от колонны.

Те, кто остался в живых после похода в Южное море, надолго запомнили эти пронзительные звуки труб. Вокруг что-то затевалось, но что именно? Труба звенела то спереди, то сбоку, то сзади. Флибустьеры каждый раз брали оружие наизготовку. Останавливались. Ничего... А четверть часа спустя — призывный звон трубы уже в другой стороне.

Они покинули побережье пять дней назад и двигались в полнейшем неведении относительно намерений противника. Наконец на шестой день удалось поймать одного испанца — без трубы, который замешкался в лесу. Допрошенный с пристрастием, он сказал, что колонну флибустьеров «сопровождает» отряд испанских солдат в количестве трехсот человек. Когда последует атака и где, он не знал. Его покарали за неведение пульей в голову.

Горная гряда тем временем поднималась все выше и выше. Днем нещадно пекло солнце, ночью люди дрожали от холода. По утрам густой туман на два часа заволакивал все вокруг. Флибустьеров по-прежнему вели пленники, захваченные в Чолутеке. Наконец 8 января они сказали, что вот-вот должна показаться Сеговия.

Этого города в нынешнем Гондурасе не существует. Муравьи и другие тропические насекомые давно разделались с остатками деревянных строений. А тогда эти дома предстали перед флибустьерами во всей красе. Город лежал в долине, окруженной пологими склонами, заросшими хвойным лесом. Разбойники двигались вниз с превеликой осторожностью; нервы были напряжены до крайности психологической «подготовкой», трубными звуками и шумами. Кроме того, это место на дне долины прекрасно подходило для засады. Кто-то даже подал мысль обойти Сеговию, но слишком уж велик был голод. Груженные

золотом и драгоценностями люди были голоднее последнего нищего.

Никакого сопротивления. Ни одной живой души в городе. Ни куска хлеба в брошенных домах, пустых складах, вымерших улицах. Ничего. Все съестное было сожжено, испорчено, испоганено; скот, свиней и кур увели и увезли с собой. Из живности остались лишь собаки, понуро бродившие вокруг с поджатыми хвостами.

— Когда же наконец выйдем к реке?

— Еще два дня хорошего хода. Нам предстоит одолеть горный хребет.

Через полдня после того, как покинули Сеговию, вновь зазвенели трубы — сзади, спереди, сбоку. Наутро положение ухудшилось: трубы звучали все призывнее и громче. Перед заходом солнца, разбивая лагерь для ночевки, флибустьеры заметили на противоположном склоне узкой долины лошадей, которых они приняли поначалу издали за пасшихся коров. В этих диких горах и в ту эпоху не могло быть иных лошадей, кроме кавалерийских. Теперь преследователи уже не скрывались, испанцы безусловно собирались атаковать. Впереди дорога втягивалась в узкую щель между отвесными горами — настоящую мышеловку. Что делать?

Равно де Люсан приписывает себе авторство смелого и хитроумного плана, рассчитанного на то, чтобы опередить испанцев. Возможно, первоначальная идея принадлежала и не ему, но ясно, что он принимал в выработке плана самое деятельное участие. Суть его заключалась в следующем: построить укрепление, где оставить под охраной восьмидесяти защитников лошадей и всю поклажу, а остальным неожиданно обрушиться на испанцев с тыла. Правда, вначале надо было определить, где находится враг. Разведчики, поднявшись выше в горы, разглядели диспозицию испанцев. «Мы помолились вполголоса, дабы враг не услышал нас, поскольку его отделяла лишь узкая долина. Нас было двести человек, и мы выступили в час ночи при свете луны». Предстояло вскарабкаться по крутому склону, чтобы обойти испанцев.

Пробираясь по гребню, флибустьеры слышали, как испанцы молились, спрашивая у бога победу. Подобные сцены можно было слышать во все века, но сейчас близость противников придавала ей особую пикантность. Испанцы, чувствуя себя в безопасности, молились громко, во весь голос и даже распевали гимны, стреляя из мушкета в воздух после каждого «аминь». Пираты были рады, что благочестивые испанцы производили столько шума: тот заглушал их продвижение. Они медленно

ползли на животе, обдирая одежду о камни. Рассвет застал их в опасной зоне, но, к счастью, густой туман окутывал вершины гор.

Они ударили, как только туман рассеялся. Пороха было мало, так что стрелять надо было наверняка. Бедные испанцы! Стоило столько дней преследовать разбойников, выматывая их физически и морально, с тем чтобы самим попасть в засаду! Увы, испанская пехота, храбро сражавшаяся в Европе, похоже, теряла (вместе с кавалерией) свои боевые качества при переезде через океан... Короче, не прошло и получаса, как солдаты дрогнули и бросились врассыпную, спасаясь от метких выстрелов.

Через шестнадцать дней после сожжения судов на берегу бухты Мапала пираты благополучно добрались до реки Сеговия, ныне называемой Коко, — она служит границей между Никарагуа и Гондурасом. Кажется, они, как и обещали, освободили пленных. Верховья Сеговии оказались столь бурными и порожистыми, что пираты предпочли спускаться на «летучках» — плотках из нескольких сбитых стволов легкого дерева типа бальсы.

Недалеко от устья река успокаивалась. Бросив неудобные «летучки», флибустьеры сделали остановку, чтобы построить настоящие лодки. Они работали, снедаемые нетерпением и тревогой. Ясно было, что теперь они доберутся до своего моря. Но ведь от мыса Грасиас-а-Дьос до Санто-Доминго семьсот морских миль. Не шутка! Найдут ли они корабль и когда? Удача не оставила их у моря.

Невдалеке появилось английское купеческое суденышко. На нем могли разместиться от силы четыре десятка человек. Первыми его заметили французы, и они же бросились как безумные на палубу. Остальные должны были ждать другой okazji. Английский капитан вначале заявил, что его пункт назначения — Порт-Ройял на Ямайке, однако, когда ему показали мешок с золотыми монетами, он был готов плыть куда угодно, хоть к черту на рога. Он сделал несколько рейсов и перевез в конечном счете всех.

8 апреля 1688 года Равно де Люсан и его товарищи по путешествию со слезами на глазах выгрузились на Санто-Доминго в бухте Пти-Гоав. В ознаменование благополучного возвращения они зажгли в храме несколько свечей. Но куда больше свечей сгорело во время пира, который они закатили по тому же поводу. А несколько месяцев спустя, уже вернувшись во Францию и осчастливив огромным вкладом своего банкира, Равно де Люсан вывел гусиным пером название книги — длинное и обстоятельное, целиком во вкусе того времени: *«Дневник путешествия, совершенного в Южное море с флибустьерами Америки в 1684 и последующие годы»*. В ней он описал все перипетии пережитого.

Сокровища Картахены

Жизнь гребца-галерника XVIII века можно без преувеличений назвать адовой: каторжный труд плюс грязь, голод, непрерывные побои. Галеры, изысканные с виду, вблизи воняли так, что благородным офицерам приходилось носить в набалдашнике тросточек мускус и то и дело подносить их к ноздрям, чтобы заглушить исходящий от невольников запах. Дворяне на морской службе любили выказывать презрение к прочим смертным, в результате чего в языке появилось выражение «за версту разит кичливостью». Метко подмечено, не правда ли?

Экипажи королевского флота содержались едва ли в лучших условиях, чем прикованные к веслам галерники, однако морские

офицеры любили насмеяться и язвить по поводу неотесанности и грубых манер капитанов корсарских судов. Вряд ли стоит повторять, что в глазах высокородных господ флибустьеры, несмотря на все подвиги и успехи, оставались чернью, плебейскими выскочками. Поносить морских добытчиков сделалось особенно популярным при французском дворе, когда Людовик XIV из чисто политических соображений решил в 1681 году пресечь их деятельность. Королю достаточно было нахмуриться, а уж дальше придворные старались перещеголять друг друга в угодливом вении.

Особо язвительными замечаниями по адресу флибустьеров отличался один аристократ по имени Жан-Бернар-Луи Дежан, барон де Пуэнти. Он носил звание капитана первого ранга французского королевского флота, часто появлялся в Версале, где имел влиятельнейшие знакомства и связи. Де Пуэнти не упускал случая упомянуть о своей блистательной карьере под началом адмиралов Дюкена и Турвиля. Разодетый, как сказочный принц, он приезжал ко двору не с пустыми руками и каждый раз бывал обласкан монаршим вниманием.

Хотя слухи облетали двор мгновенно, мало кому было известно, что в конце 1694 года де Пуэнти после предварительной беседы с морским министром Поншартреном предложил королю лично снарядить экспедицию против испанцев в Вест-Индии. Поншартрен благожелательно относился к *каперству*. Адмиралы Жан Барт, Дюгюэ-Труэн и Форбен занимались в мирное время морскими набегами, а война Аугсбургской лиги, прервав Ратисбоннское перемирие между Францией и Испанией, снова легализовала охоту за галионами.

В начале этой книги объяснялось, что каперство заключалось в нанесении ущерба морской торговле враждебной державы и что эта деятельность отнюдь не разоряла капитанов корсарских судов, равно как владельцев судов и лиц, их снаряжавших.

В июле 1696 года Людовик XIV объявил де Пуэнти особые условия, при которых он был согласен принять участие в походе. Присутствие короля за спиной барона проливает свет на все последующие события. Кроме того, этот исторический эпизод дает нам представление о нравах того времени.

Итак, французское правительство намеревалось передать де Пуэнти суда в хорошем состоянии, «со всем снаряжением, снастями, такелажем, якорями, пушками и огневыми припасами, достаточными для девятимесячного плавания», а также выделить морских офицеров и матросов для экипажей означенных судов, причем барон обязан был выплачивать им жалованье и обеспечивать пищевым довольствием из своего кармана. Что касается

солдат десантных войск, то король сохранял за ними казенное жалование, а кормить их должен был де Пуэнти. Барона это вполне устраивало.

Добыча распределялась следующим образом. Пятая часть отчислялась королю. Офицерам и экипажам судов совокупно причиталась десятина от чистой прибыли после вычета всех расходов (эти расходы входили в десятину, полагавшуюся главе экспедиции) при условии, что доход не превысит миллиона ливров. Сверх этого миллиона им полагалась лишь тридцатая часть. Ну а все остальное после возмещения накладных трат предназначалось, как во всех операциях подобного рода, вкладчикам «товарищества», снарядившего поход. Таким образом, «король-солнце» Людовик XIV предоставлял барону собрать начальный капитал, львиную долю прибыли от которого он намеревался забрать себе.

Для этой цели барон связался с генеральным казначеем Ванолем, человеком оборотистым и обладавшим обширными связями. «Едва мы оповестили о будущем предприятии,— писал де Пуэнти,— как у Ваноль не стало отбоя от охотников вложить в него деньги, и весьма скоро нам пришлось начать отказывать желающим, ибо мы положили себе набрать некую сумму, которую не желали превышать».

Два месяца спустя, однако, Ваноль известил барона, что вкладчики забеспокоились начавшимися разговорами о замирении с испанцами (мирная конференция была назначена на май 1697 года). Соответственно надо было торопиться: ведь заинтересованным лицам было обещано осязаемое преумножение капитала. Кстати, акционеры хотели бы знать, как именно будут употреблены их деньги и чем конкретно намерена заниматься экспедиция.

— Добывать галионы,— коротко ответил Пуэнти.— Мы обратим на пользу королю то, что флибустьеры обращали лишь к своей выгоде.

Последняя часть фразы была заведомой клеветой: флибустьеры (по крайней мере те, что прикрывались жалованной грамотой) всегда отчисляли королю положенную долю. Пуэнти добавил, что уже сейчас, не дожидаясь готовности всей флотилии, он отрядил кавалера де Сен-Вандрия на фрегате «Марен» («Моряк») разведать ситуацию в Карибском море. Кавалер де Сен-Вандрий должен был передать губернатору Санто-Доминго Дюкасу королевский приказ обеспечить подмогу прибывавшей из Франции экспедиции. Подмога должна была состоять из запасов провизии и кораблей с экипажами. Антильские экипажи могли, разумеется, состоять лишь из флибустьеров.

Таким образом, король, полтора десятилетия подряд преследовавший своенравную и недисциплинированную флибустьерскую вольницу, теперь повелел возобновить разбойный промысел в Вест-Индии — при условии, что во главе похода будет стоять человек, получивший его, государево, благоволение. Пуэнти ощущал себя на коне (хотя стоял на капитанском мостике); знавшие его крутой нрав не сомневались, что он расправится с каждым, кто вздумает перечить ему.

Жан Дюкас, или Дю Кас, назначенный в 1691 году губернатором Санто-Доминго вместо Тарена де Кюсси (погибшего в предыдущем году в сражении с испанцами), писал к концу срока своего правления:

«Остров Тортуга являет собой недоступный утес, где торговли происходит едва на семь тысяч экю в год. Этот остров был первым французским владением, а засим сорок лет служил прибежищем флибустьерам. Сейчас же он ни на что не пригоден».

Если бы Дюкас строго выполнял все приказы и инструкции Версаля, Санто-Доминго ожидала бы та же участь. Частично картина напоминала Тортугу. Поселенцы, опутанные по рукам и ногам бредовыми ограничениями Вест-Индской компании, покидали остров, а флибустьерам приходилось всерьез опасаться за свою голову. Новый губернатор быстро оценил ситуацию. Дюкас не был ретивым чиновником, для которого важен лишь артикул устава, а там хоть трава не расти. Сам потомственный моряк, он питал слабость к флибустьерам и старался, как мог, покровительствовать им, одновременно пытаясь смягчить дикие проявления их необузданного нрава. В результате ему удалось, хотя и не полностью, остановить бегство морских добытчиков из французских антильских владений.

В начале января 1697 года он встретил прибывшего Сен-Вандрия; с первых же его слов Дюкас понял, что власти весьма рассчитывают на помощь и содействие оставшихся на Санто-Доминго флибустьеров.

— Приложу все старания! — обрадовался губернатор. Выходило, что его политика получила косвенное одобрение самого государя.

4 марта ему доложили, что флотилия барона де Пуэнти из пятнадцати кораблей прибыла накануне в бухту Кап-Франсэ. Кавалер де Галифе, комендант тех мест, получил приказ достойно встретить сиятельного главу экспедиции. 6 марта барон

посетил резиденцию Дюкаса на Санто-Доминго. Вот содержание состоявшейся между ними беседы.

Пуэнти. Я вне себя от негодования. Меня обнадежили сообщением, что ваш остров даст мне по крайней мере две с половиной тысячи человек, а их оказалось всего восемьсот, среди коих я вижу черных рабов. Весьма странный оборот! Возможно, мне лучше не мешкая вернуться во Францию и доложить обо всем королю.

Дюкас. Я полагал, месье де Галифе сообщил вам, что помимо этих восьмисот человек, рекрутированных среди обывателей колонии, для вашей экспедиции собрано моими стараниями шестьсот флибустьеров, находившихся в порту Пти-Гоав. Ежели вы отбудете сейчас, мне безусловно будет невозможно собрать их вторично. Я смог убедить их участвовать в вашей экспедиции, лишь обещав, что добыча будет разделена согласно их правилам, то есть подушно, вне зависимости, на каком судне они шли. Дело в том, что некоторые из них служили прежде на королевских судах, где получали весьма малое жалование, и с тех пор остерегаются этой карьеры. Вы вольны думать об этих людях что угодно, но, коль скоро вы намерены употребить их в деле, вам следует знать, что они собой представляют, и соответственно обращаться с ними.

Де Пуэнти позарез нужны флибустьеры, собственных сил у него явно не доставало. Поэтому он сразу же дает задний ход (в дальнейшем ему придется производить сей маневр неоднократно):

— Прекрасно. Передайте флибустьерам, что они не останутся на меня в обиде, ибо я намерен включить их в свою флотилию для многих походов. Даю слово, что добыча будет поделена согласно их обычаю, то есть подушно, наравне с экипажами королевских судов.

И Пуэнти повторил: «Подушно, наравне с экипажами королевских судов». Назавтра его эскадра соединилась в бухте Пти-Гоав с флибустьерами.

Столпившись на палубах своих судов и на причалах, джентльмены удачи разглядывали прибывавшие корабли. Лица их не выражали особого восторга, а их замечания по поводу маневра и отдачи якорей были весьма колкими: уж в чем в чем, а в тонкостях морского ремесла эта братия знала толк. Первые контакты с сошедшими на берег солдатами и матросами получились довольно натянутыми. Но когда на причал сошли офицеры и, презрительно раздвигая тросточкой толпу оборванцев, — как это делали позже британские офицеры в Индии — двинулись к поселку, среди флибустьеров не только поднялся ропот, но и

раздались угрожающие выкрики. Дюкас предупредил Пуэнти, что дело может принять дурной оборот. Версальский придворный лев в ответ расхохотался:

— Неужто у этих бандитов хватит наглости напасть на офицеров короля?

— Нет, но они могут этой же ночью, не предупредив, сняться с якоря, и потом мы их не сыщем.

В отчете об этой экспедиции Пуэнти позже писал, что он принудил флибустьеров подчиниться, пригрозив в противном случае сжечь их корабли. Абсурдное утверждение, поскольку ответом на подобную угрозу был бы немедленный бунт. На самом деле барон, подавив в интересах дела свое чванство, «отправился в народ», пожимая руки встречным и произнося демагогические речи в тавернах. Каждый раз он во всеуслышание повторял оговоренные с Дюкасом условия дележа добычи: «Подушно, на равных с экипажами королевских судов». Надо заметить, немалое число флибустьеров, несмотря на все свое предубеждение, было польщено таким приобщением. Никто из них, и Дюкас в том числе, не ведал, что по соглашению между королем и Пуэнти доля причитающейся экипажам добычи была установлена в одну десятую с первого миллиона и одну тридцатую со всех сумм сверх того. *Это было в пятнадцать раз меньше того, что причиталось бы по флибустьерскому обычаю.*

Руководство экспедицией было распределено следующим образом. Пуэнти — главнокомандующий, и под его непосредственным началом находится вся прибывшая из Франции флотилия. Дюкас, возведенный в звание капитана первого ранга, подчинялся только де Пуэнти и командовал всей *подмогой*, набранной в подведомственной ему колонии. Подмога в свою очередь делилась на три группы: флибустьеры под началом майора Паж, обыватели и солдаты Санто-Доминго под началом кавалера де Галифе, негры-невольники под командованием капитана островного гарнизона кавалера дю Пати.

Флотилия вышла из Пти-Гоава 19 марта 1697 года. Общий тоннаж и вооружение семи флибустьерских кораблей нам неизвестны, поскольку, разумеется, эти суда не были вписаны ни в один официальный регистр. Кроме них у Дюкаса были под началом корабли «Поншартрен», на котором он плыл, и «Франсэз», должный одним судовладельцем из французского порта Сен-Мало, оказавшимся в тот момент на Санто-Доминго.

Зато список прибывшей из Франции королевской эскадры известен во всех подробностях. В общей сложности флотилия насчитывала до трех тысяч матросов, десантный корпус в 1730 солдат и 53 гардемарина.

Направление — Картахена. Пуэнти сообщил Дюкасу цель экспедиции лишь накануне отплытия. В принципе, как командующий эскадрой, он имел на это право, но Дюкас сильно расстроился из-за того, что целью оказалась именно Картахена. Дело в том, что Сен-Вандрий дал ему понять — и скорее всего сам так считал, — что флотилия начнет охоту за галионами. Как раз в это время испанский Золотой флот, покинув Пуэрто-Белью, где загрузился слитками, частично отправился на Кубу, а частично в Картахену. С такими силами, как у Пуэнти, ничего не стоило устроить заслон перед обоими пунктами назначения и перехватить драгоценный груз. Теперь же вместо этой легкой задачи предстояло штурмовать грозную твердыню, какой слыла Картахена.

— Повторяю, идем к Картахене, — отчеканил барон де Пуэнти.

Эскадра стала на якорь в день пасхи, 7 апреля, возле Самбе, в десяти морских лье по ветру от крепости. Жители поселка Самбе, обезумев от страха, кинулись, бросив свои дома и имущество, спастись под защиту грозных стен Картахены.

Если вы посмотрите на карту, то увидите, что Картахена расположена на тонком перешейке и выходит одновременно на море и на широкую полузакрытую бухту, глубоко вдающуюся в берег. Сразу скажем, что со стороны моря крепость была неуязвима, поскольку подход к берегу был закрыт рифами и скальными выступами. Добраться до стен можно было лишь со стороны бухты, но вход в нее защищали три форта: в горловине — Бокачико, а в самой бухте — Санта-Крус и Сан-Ласар (непосредственно перед городом). Таким образом, штурмовать Картахену было немыслимо, не подавив вначале эти три цитадели.

У Пуэнти возникла другая мысль:

— Не имеет смысла сразу заходить в бухту. При виде такой огромной флотилии испанцы начнут спешно отправлять свои сокровища — золото и изумруды — в глубь континента, в удаленные от моря городки. Поэтому флибустьерам надлежит высадиться обочь Картахены прежде, чем в крепости заметят наши корабли. Пройдя через лес, они должны будут захватить монастырь Пречистой девы, что на холме у скрещения дорог, ведущих из Картахены в глубь материка. Таким образом, мы будем держать беглецов под огнем.

Барон, будучи прекрасным администратором, никогда не упустил из виду ни интересы своих акционеров, ни свои собственные.

— С наступлением темноты флибустьеры спустятся в шляпки, а высадку начнем в полночь. Мы с месье Дюкасом лично выберем место выгрузки.

Несколько часов спустя после отдачи этого приказа гребцы его разведывательного баркаса, с трудом держась носом к волне, изо всех сил работая веслами, уходили прочь от берега. Огромные валы с грохотом разбивались о прибрежные камни. О высадке не могло быть и речи. Пуэнти удрученно отдал приказ вернуться к наиболее логичному стратегическому плану: войти в бухту и захватить сторожевые форты.

Отчет об операции, широко разрекламированный его стараниями, живописует взятие Картахены как серию шумных баталлий, смелых вылазок, громоподобных канонад и так далее. По счастью, он был не единственным, оставившим свидетельство об этом походе.

Не дойдя до горловины бухты, Пуэнти высадил десант позади форта Бокачико. К удивлению французов, противник даже не пытался помешать им. Ни одного испанского солдата не оказалось и в лесу, отделявшем морское побережье от форта. На ночь там разбили лагерь. Пуэнти выслал разведку, чтобы измерить ширину наполненного водой рва, опоясывавшего форт. Разведка возвратилась с известием, в которое трудно было поверить:

— Во рву нет воды. Перейти его — левое дело. А в самом форте не видно никаких признаков жизни.

Наутро нападавшие убедились, что это не так, когда форт начал — правда, весьма вяло — отвечать на орудийные залпы кораблей флотилии. Продвигаясь по берегу к Бокачико, французы перехватили пирогу, в которой находился монах-иезуит. Оказалось, он плыл из Картахены.

— Вы отправитесь к коменданту Бокачико, — сказал де Пуэнти, — и скажете ему, что я предлагаю сдать форт. Всякое сопротивление бессмысленно. Вы сами убедитесь, что это безумие.

И барон провел перед божьим служителем свои войска, причем так, чтобы каждый ряд продефилировал дважды, обойдя вокруг рощицы.

— Да, — ответил иезуит, на которого демонстрация произвела сильное впечатление, — я передам ваши слова.

Комендант форта ответил, что оружия он не сложит. Барон отдал приказ штурмовать.

Нападавшие потеряли около двух десятков убитыми и ранеными, причем было трудно установить, результат ли это стрельбы испанских мушкетеров или бомбардировки французских канониров: корабли по-прежнему били бортовыми залпами по стенам фортеции, куда лезли свои. Во время штурма был ранен Дюкас: осколок каменного ядра — испанского или французского — ударил его в бедро, и ему пришлось покинуть поле брани.

Через два часа испанские солдаты стали бросать вниз свои мушкеты и комендант сообщил, что он сдается.

Капитан Санчес Хименес, лысый, с седой бородой, согбенный семьдесятю годами жизни и службой во влажном климате, командовал фортом Бокачико двадцать пять лет. Пуэнти отпустил его и четырех офицеров на волю. Старый служака выехал из крепости во главе целой процессии. Нет, его сопровождали не солдаты — они оставались в плену, — а слуги и невольники, гнавшие небольшой караван мулов с личным имуществом капитана. Хименес сказал, что намерен ждать развития события на другой стороне бухты, «в расположении своих владений».

Конец первого эпизода. Далее предсгояло захватить форт Санта-Крус. Флотилия осторожно втянулась в неглубокую, изобиловавшую песчаными мелями бухту-лагуну. На этот маневр ушло двое суток, в течение которых французские солдаты и флибустьеры отдыхали. Впрочем, не совсем: за это время среди вольных добытчиков едва не вспыхнул бунт. Дело в том, что в отсутствие Дюкаса (он лежал в своей каюте) барон де Пуэнти ущемлял их достоинство. В частности, командующий запретил впускать флибустьеров в захваченный форт, словно опасаясь, что недосчитается затем трофеев. Пуэнти счел за благо сгладить конфликт с помощью незатейливой комедии: приговорив к смерти «зачинщика» бунта, он тут же с отеческой улыбкой помиловал его. Напряжение спало, но обе стороны продолжали держаться настороже.

Итак, войско двинулось к форту Санта-Крус. Разведка вернулась с сообщением, повторявшим первое: как и Бокачико, форт выглядел вымершим. На сей раз, к изумлению французов, это соответствовало действительности: испанцы эвакуировали Санта-Крус.

Одновременно флибустьеры, действуя по плану Пуэнти, вышли через лес к монастырю Пречистой девы. Обитель на холме тоже оказалась пустой. Теперь перед Картахеной оставалось последнее укрепление — форт Сан-Ласар. Вперед!

Дозорные головного отряда услышали звон колоколов. Они били медленно, словно вызванивая к вечерне. Но это не был вечерний звон — не только потому, что было раннее утро. По мере приближения к городу колокола стали бить чаще. Звонари явно предупреждали Картахену о подходе вражеского войска: когда солдаты выbralись на равнину перед цитаделью, внутри уже неистовствовал настоящий набат. В его грохоте потонуло несколько орудийных выстрелов — их можно было угадать лишь по черному пороховому дыму, взметнувшемуся над стенами. Затем вдруг наступила тишина.

Когда головной отряд осторожно приблизился к форту, там не оказалось ни одного защитника. «Ворота были открыты,— писал Дюкас,— а на земле мы нашли одного раненого солдата и убитого коменданта форта. Он погиб, исполняя свой долг, пытаясь, как мы предположили, удержать гарнизон от бегства. Храбрый воин и человек чести, он не пожелал оставить свой пост». Не думаю, чтобы Дюкас, сам храбрый воин и человек высокого долга, написал это ради красного словца. Трагическая фраза побуждает нас пристальнее взглянуть в происходящее и попытаться представить Картахену более реальной, нежели она выглядит на старинных гравюрах.

Десятый градус северной широты, влажная жара, которую почти не разгоняет ветер с моря: город лежит в окружении холмов; шесть месяцев длится сезон дождей, когда все покрывается плесенью.

В самой Картахене, где галионы Золотого флота делали остановку, перед тем как двинуться через океан в Испанию, богатые идалго жили хорошо (по меркам эпохи): каменные дома с высокими потолками хранили прохладу, тенистые сады защищали от солнца; ласковые супруги оберегали семейный очаг; снисходительное духовенство, падкое на деньги и прочие мирские удовольствия, прощало малые и большие грехи. Но вокруг, в мрачных стенах фортов, зеленых от плесени, жизнь тянулась монотонно и беспросветно. Никаких происшествий. Лишь ящерицы ползали по амбразурам.

Трудно представить себе, какова должна была быть степень любви к родине, чтобы заставить рядовых солдат, затерянных на краю света, подставлять свою голову под пули. Ради кого? Ради чего? Вот явились враги — огромная флотилия, целая армия. Неужели же они должны умирать, в то время как старый Санчес Хименес преспокойно удалился в свое имение, а гарнизон Санта-Круса без выстрела покинул форт? Ударим в колокола, чтобы предупредить Картахену, а дальше — ноги в руки, чем мы хуже других! И если комендант пытается остановить бегущих, то пусть пеняет на себя...

Картахена состоит из двух частей, каждая из которых обнесена крепостной стеной: нижнего города, носящего индейское имя Ихимани, и верхнего города, собственно Картахены. Форт Сан-Ласар был выстроен прямо напротив нижнего города, так что, когда он пал, настала очередь Ихимани.

Странное впечатление «невсамделешности» исходит от старинных картин и гравюр, изображающих сцены осады или

подготовки к штурму. Вот солдаты тащат фашины, строят туры или деревянные лестницы с площадками наверху; другие вдесятером втаскивают на толстых канатах орудия на бруствер. А осажденные спокойно наблюдают со стен за происходящим, будто оно не имеет к ним никакого отношения. Поразительная безмятежность!

Между тем примерно так происходила среди тропических декораций подготовка к штурму Картахены. Операция растянулась на восемь дней, с 22 по 30 апреля 1697 года. Погода стояла еще хорошая, то есть жаркая, только во второй половине дня небо разражалось ливнем — предвестником затяжного сезона дождей. Войска разбили лагерь на пологом склоне, обращенном к нижнему городу. Ежеутренне под барабан начинались работы. Солдаты сгружали с кораблей орудия и волоком тащили их под стены; офицеры с озабоченным видом сновали взад и вперед, отдавая приказания и размахивая шпагой. Здесь, как и при дворе, надо все время быть *на виду*. Ведь потом в своей реляции королю барон де Пуэнти упомянет тех, кого он видел чаще других.

— Кстати, я как раз вижу барона. Что он делает в той стороне?

— Наблюдает, как возводят бруствер для прикрытия мортиры.

Пойдем туда. Другие, привлеченные движением, тоже направляются к месту работ; образуется группа, живописная группа благородных господ, чьи узорчатые камзолы переливаются атласом на солнце, а шляпы с перьями хорошо видны издали. И тут — бум! Испанский канонир тоже засек привлекательную цель и открыл огонь. Какой ужас! Месье де Пуэнти падает, «пораженный осколком в живот». По счастью, одежда и пояс ослабили удар. Его уносят, перевязывают рану, лекарь говорит, что ничего страшного, нужно лишь несколько дней полного покоя. Но как тут отдохнуть, когда в этот самый момент на поле появляется Дюкас?! Он еще сильно хромает, но уже передвигается от батареи к батарее, раздает приказания, короче, забирает бразды правления в свои руки. Пуэнти, лежа в своем шатре, яростно сжимает кулаки.

Орудия, оставшиеся на кораблях и снятые на берег, начинают обстреливать город. Испанские пушкари вяло отвечают им, не отличаясь рвением от собратьев из форта Бокачико. Нападающим требуется особое невезение, чтобы оказаться убитым или раненым.

28 апреля Дюкас приказал сосредоточить огонь всех орудий на городских воротах. К полудню те рухнули. Соблюдая чинопо-

читание, Дюкас посылает гонца предупредить командующего, что брешь достаточно широка, чтобы начать штурм.

— Через три дня! — кричит де Пуэнти, рассчитывавший полностью поправиться за это время.

Однако на следующее утро становится ясным, что штурм откладывать нельзя, поскольку испанцы пытаются заложить кирпичом зияющую брешь. Пуэнти, которому доложили об этом, велит отнести себя в кресле на поле боя, к батарее, откуда рассылает ординарцев с приказаниями:

— Выдвинуть вперед гренадеров. За ними пойдет кавалер Дюкас во главе подмоги Санто-Доминго, потом батальон флибустьеров, а за ними остальные войска колонной.

Когда спустя столетия начинаешь анализировать исторические документы, то поражаешься, насколько же мал был участок, на котором разворачивался бой. Так, перед воротами французам надо было бежать по настилу шириной четыре фута, то есть метр двадцать, переброшенному через отведенный из лагуны рукав, причем главной трудностью здесь было рьяное соперничество господ офицеров. Я уже говорил, что их основной заботой было находиться на виду, но *оказаться первым у бреши* — это уже было залогом будущей блестящей карьеры. Это все равно что сейчас оказаться первым в списке выпускников Национальной школы администрации.

Шитые камзолы теснились и мешались в кучу, словно при выходе из метро в часы «пик». Испанцы, защищавшие брешь, не целясь, тыкали длинными пиками в гущу, каждый раз поражая кого-либо. Гренадеры топтались сзади, не в силах добраться до стены. Наконец, ступая по трупам офицеров, они опрокинули испанский заслон, и Дюкас со своими островитянами ринулся в проход. «Будучи весьма тяжелой комплекции, кавалер Дюкас с большим трудом пролез в брешь. При этом он дышал так часто, что, казалось, вот-вот задохнется». Читатель, конечно, догадался, что эти любезные строки принадлежат перу Пуэнти. На самом деле Дюкас, несмотря на тучность, быстро преодолел брешь. А Пуэнти оставалось лишь сучить ногами от ярости, сидя в отдалении и наблюдая за штурмом из кресла. Вытесненные из Ихимани испанцы побежали спасаться в верхний город, ворота которого немедленно закрылись за ними.

Через день, 1 мая, начался орудийный обстрел этой части Картахены. Пуэнти велел поставить свое кресло на балконе одного из домов Ихимани. Едва его устроили там, как примчался сияющий ординарец:

— Испанцы сдаются!

Да, четыре белых флага появились между зубцами крепости.

Они выглядели очень жалко под проливным дождем. Пуэнти велел прекратить огонь. Дюкас встретил возвращавшегося в верхний город испанского офицера. Тот был в парадном мундире и при всех регалиях.

— Губернатор передал, что он готов на почетную сдачу,— сказал барон Дюкасу.— Я прошу вас сделать вот что...

Дюкас подумал: «Сейчас он предложит мне вести переговоры».

— Я только что получил известие от нашего офицера, оставленного в форте Бокачико,— продолжал Пуэнти.— Он сообщает, что вдоль лагуны в тыл нам движется испанский полк в тысячу двести солдат. Вам с флибустьерами надлежит задержать их.

Бредя в надвигавшихся сумерках по заболоченному берегу лагуны навстречу испанцам, Дюкас вслушивался в реплики, которыми обменивались в сердцах вольные добытчики:

— Нас погнали прочь, а сами кинулись в город...

— Кому достанется добыча? Господам офицерам короля.

— Нас проведут как пить дать!

Они шагали, увязая местами по щиколотку и с трудом вытягивая сапоги из грязи. Прошел час, потом другой. Где же испанцы? Их не было ни у лагуны, ни в прибрежном лесу. Вся эта история начинала принимать подозрительный оборот.

Дюкас возвратился в Ихимани и доложил обо всем Пуэнти.

— Хорошо,— сказал барон.— Пусть ваши люди возвращаются в лагерь и отдыхают.

Флибустьеры метали громы и молнии. Дюкасу удалось успокоить их лишь сообщением, что Пуэнти поручил ему лично вести наутро переговоры с губернатором о сдаче Картахены.

— Я вас никогда не обманывал и не обману на сей раз,— добавил он.

Да, они доверяли ему. К вечеру 3 мая Дюкас возвратился из Картахены с готовым соглашением. Оно было собственноручно подписано губернатором, что, кстати, умели делать далеко не все благородные господа того времени; затейливый росчерк тянулся за его именем — граф Уньес де Лас Риос.

Условия были следующие.

Губернатор мог покинуть крепость со всеми солдатами и офицерами при оружии, с развернутыми знаменами и под барабан, забрав с собой четыре орудия.

Вся денежная наличность доставалась барону де Пуэнти в качестве главнокомандующего войсками французского короля. Движимое и недвижимое имущество всех отсутствующих или покинувших крепость также становилось собственностью барона

де Пуэнти. Жители, пожелавшие остаться в Картахене, сохраняли свое имущество и привилегии — кроме денег, которые надлежало сдать, — и отныне считались подданными короля Франции.

Церкви и монастыри оставались в неприкосновенности.

Испанский губернатор долго воевал за этот последний пункт. Дюкас опасался, что он вызовет кислую гримасу у барона, но тот, внимательно выслушав зачитанный ему вслух документ, согласно кивнул.

Как жаль, что в Картахене 6 мая не оказалось художника, чтобы запечатлеть выход испанцев из крепости. Военный парад являл нелепую в своей торжественности церемонию, одинаково триумфальную как для победителей, так и для побежденных.

Пуэнти, все еще страдавший от раны, велел взгромоздить себя вместе с креслом на коня. По его приказу французские войска выстроились по обе стороны ворот двумя шеренгами лицом друг к другу. Флибустьеров вызвали из лагеря, для того чтобы усилить впечатление.

Из уважения к дамам испанское шествие открыли супруги офицеров в сопровождении детей и рабынь. Элегантно одетые гарнизонные красавицы плыли под зонтиками, которые держали над ними негритянки, — время еще только перевалило за полдень и дождь не капал, но зонтик был символом их общественного положения. Торжественность момента не мешала им стрелять глазами в сторону храбрых победителей. Они еще не знали, что Пуэнти разместил при выходе на дорогу заставы с наказом обыскивать всех без исключения. Барон, превозмогая боль от неудобного сидения в кресле верхом, подкручивал усики, обозревая чернооких испанок.

Ближе к трем часам раздалась барабанная дробь и разодетый в пух и прах губернатор показался на лошади во главе своего войска в две тысячи человек, маршировавшего с развевающими знаменами и штандартами. Он отсалютовал шпагой Пуэнти, тот ответил на приветствие, оба командующих обменялись несколькими вежливыми фразами, после чего граф Уньес де Лас Риос двинулся дальше за знаменосцем. Позади везли четыре орудия, остальные ему пришлось оставить «из-за недостатка тягловой силы».

Вскоре начал накрапывать дождь. Пуэнти велел снять себя с коня: лицезреть процессию гражданских лиц, решивших уйти с войсками, ему было неинтересно. Шествие замедлилось, поскольку на заставах не успевали обыскивать уходивших. Вечером примчался посыльный с сообщением, что у застав участились инциденты, часть гражданских пыталась проскользнуть мимо под покровом темноты.

— Пусть перестанут обыскивать и побыстрее пропустят всех,— распорядился барон. Ему не терпелось войти в покоренный город.

Конец церемонии оказался смыт проливным дождем. Барон приказал отнести себя в кафедральный собор и начать богослужение. Пуэнти восседал в кресле в окружении факельщиков прямо перед аналоем. Испанские певчие драли глотку так, будто славили победу своего оружия, тревожно глядя на плотные ряды французских военных, заполнивших храм. Они обратили внимание, что Пуэнти отвел гардемаринам места, полагавшиеся у испанцев лишь капитанам и адмиралам. В соборе присутствовала делегация флибустьеров. Дюкас добился, чтобы сотне его людей разрешили войти в город; остальным было приказано оставаться под стенами. Естественно, этот запрет вызвал недовольство. Адъютант доложил барону, что разбойники угрожают взять город силой.

— Передайте им следующее...

Офицер отправился объяснять флибустьерам, что их оставили снаружи только из-за того, чтобы не перепугать насмерть жителей Картахены: репутация пиратов говорила сама за себя.

— Однако сия мера — временная. Губернатор поручил мне передать вам, господа, что ваши представители будут присутствовать при подсчете добычи.

После молебна Пуэнти велел отнести себя в ратушу. Начинаясь деловая часть операции «Картахена». Барон сам признавал позднее, что главной трудностью для него был сбор золотых и серебряных монет, ювелирных украшений и прочих ценностей:

«Как поступить? Доверить поиск офицерам? Но их было явно мало, чтобы методично обыскать каждый дом,— на это бы ушло полгода. Пустить солдат? Но их самих пришлось бы всякий раз обыскивать. Поверить в порядочность жителей?» Последнее предположение выглядело уже просто смехотворным.

— У меня есть идея,— сказал Дюкас.— Надо объявить, что тем, кто сдаст ценности добровольно, будет оставлена десятая часть. А у тех, кто этого не сделает, заберут все.

— Что ж, неплохая мысль для начала. Но затем ваш метод надо будет усовершенствовать.

Усовершенствование заключалось в следующем. Барон оповестил город, что десять процентов скидки получат и те, кто донесет оккупационным властям о лицах, скрывающих свое имущество или сдавших свои ценности не полностью.

«Желание получить назад эту десятину, страх перед соседями и завистниками, кои увидели для себя случай поживиться и одновременно рассчитаться за прошлые обиды,— все это дало

замечательнейшие результаты, так что вскоре дю Тийель, отвечавший за финансовые дела, не успевал принимать деньги и взвешивать драгоценности», — с удовлетворением отмечал Пуэнти.

Над одной из дверей ратуши прибили вывеску: «Казначейство», и туда картахенцы стали сносить свои ценности; им возвращали одну или две десятины (в зависимости от заслуг) и выдавали расписку, которая служила им пропуском, если они желали покинуть город с остатками имущества. Расписки по поручению Пуэнти выдавал Дюкас. Конфискация, начатая 7 мая, продлилась до 19-го. Однако уже через несколько дней один из помощников губернатора Санто-Доминго тихонько предупредил своего шефа:

— По городу ходит навет на вас. Пуэнти всем твердит, что он нисколько не верит в него, но я не удивлюсь, если он же первым и пустил его. Поговаривают, что вы за вознаграждение оставляете испанцам больше положенного.

Дюкас побелел, как полотно. Все, он больше не желает заниматься никакими делами! Хлопнув дверью, он удалился в один из домов предместья. Туда к нему явилась депутация флибустьеров.

— Ваш гнев безусловно справедлив, — сказали они. — Но теперь у нас не осталось никакой возможности узнать, что происходит в казначействе. Попросите, чтобы кого-нибудь из наших допустили присутствовать при подсчете добычи.

Дюкас отправил Пуэнти записку с соответствующей просьбой. Ответ прибыл час спустя: «Моя честность не нуждается в контроле, тем паче со стороны таких бандитов, как флибустьеры. Я дал им слово, и в надлежащий момент они получат сполна свою долю». Дюкас постарался скрыть от своих подчиненных начало, прочтя им лишь последнюю фразу. Однако атмосфера накалялась все больше.

Ректор ордена иезуитов Картахены, худой человек с суровым взглядом, выглядел под стать аскетическому убранству своего кабинета: грубо оштукатуренные стены украшало лишь распятие. Ректор внимательно слушал доклад настоятеля монастыря.

— Мы полагаем, что параграф в соглашении о сдаче города относительно церкви и монастырей будет соблюдаться, и поначалу так оно и было. Как вам известно, представители лучших семей города передали нам на хранение свои главные ценности. В дальнейшем щедрые вклады и пожертвования вознаградили бы нас за хлопоты. К несчастью, вскоре барон де Пуэнти, бесчестно

попирая подписанные им самим условия, заявил во всеуслышание, что все картахенцы попрятали сокровища в церквах и монастырях, и приказал настоятелям отнести в казначейство имеющиеся у них золото и серебро. Нам следовало, по моему разумению, воспротивиться этому лихоимству, и мы отнесли лишь малую толику. Тогда барон впал в гнев и пригрозил обыскать святые обители.

— Эта угроза,— вздохнул ректор,— уже сама по себе есть смертный грех.

— Так и ответил барону наш отец Гранелли, чей темперамент вам известен. Увы, должен с прискорбием известить вас, что вчера отец Гранелли был арестован, мне только что сообщили об этом.

— Где его содержат? — встrepенулся ректор.

— Неведомо. Солдаты схватили его прямо у казначейства и увели с собой. Но вот еще более тягостные вести. Час спустя был арестован настоятель монастыря францисканцев, отказавшийся выплатить более того, что он уже отдал. И барон пригрозил ему в назидание другим жестоким обращением. Это его собственные слова.

Ректор иезуитов закрыл лицо руками и застыл неподвижно, быть может, молясь.

— Должен добавить еще вот что,— продолжил настоятель.— Барон де Пуэнти направил отряд флибустьеров обыскивать монастырь францисканцев.

— Флибустьеров!

— В городе еще не знают, какие нечестивые деяния успели совершить эти демоны. Но, я полагаю, следует действовать быстро, дабы уберечь нашу обитель от столь ужасной участи. Я составил краткую опись нашего имущества. Решите, монсеньор, чем мы можем пожертвовать, не нанеся ордену непоправимого ущерба.

Ректор взял бумагу и стал внимательно изучать ее. Лицо его хранило непроницаемое выражение. Он глубоко вздохнул:

— Отнесите в казначейство двадцать тысяч пиастров.

Несколько часов спустя отец Гранелли был освобожден. Но и Пуэнти не терял времени даром. Поскольку главы остальных церковных общин не проявили такой сообразительности, как ректор иезуитов, французский командующий распорядился обыскать все религиозные учреждения:

— Я приказал капитанам возглавить обследование монашеских обителей дабы соблюсти благопристойность и порядок.

Не удивлюсь, если при этих словах на лице барона обозначилась ехидная улыбка: поищите-ка в Истории грабителей, действу-

ющих в рамках «благопристойности»! Дюкас уверяет, что Пуэнти велел обшаривать даже склепы, а у монахов прощупывать рясы.

Работа шла медленно, морские и пехотные капитаны были плохо подготовлены к обыску божьих обитателей. Барон решил тогда отрядить в помощь мирянам людей, лучше знакомых с топографией церкви и местонахождением потенциальных тайников: «Поскольку я был озабочен тем, чтобы подчиненные не касались священных даров, сосудов и прочего, я присовокупил к розыскным отрядам наших священников, наказав им забирать одни лишь украшения».

Быть может, кто-то из моих читателей ожидает, что французские капелланы с негодованием откажутся участвовать в этом богомерзком святотатственном обыске. Должен разочаровать их. Наша задача — строго придерживаться исторической правды, поэтому возьмем для примера монаха-доминиканца отца Поля. Во время операции «Картахена» он был *исповедником флибустьеров*. Странно? А почему, собственно, этим грешникам было не иметь исповедника? Среди них было немало искренне набожных людей.

Пуэнти писал об отце Поле, что тот «действовал сообща с другими», его видели в первых рядах «потрошителей монастырей» — до той минуты, пока трофейные команды не подступили к обители доминиканского ордена в Картахене. «Внезапно охвативший ужасом перед подобным осквернением, он попытался остановить солдат, а затем прибежал ко мне и грозил карой небесной. Но мы продолжили обыск».

Привязанность монахов к своему ордену, порой доходящая до самозабвения, до фанатизма, известна. Поэтому отказ отца Поля грабить своих картахенских собратьев не вызывает сомнений. Столь же достоверно и то, что, когда чуть позже отец Поль попал в плен к англичанам, он оказался нищ, как церковная крыса. Так что, хотя доминиканец и помогал грабить чужие монастыри, он не позарился ни на одно су. Барон де Пуэнти завершает описание эпизода сбора испанской церковной казны элегантно намекнув: «Нам воздалось по заслугам за все тяготы и старания в этом многотрудном деле».

На публике, однако, он не переставал жаловаться:

— Мы теряем деньги! Как я предвидел, обитатели города при приближении флотилии бежали прочь. Знатные женщины уехали со всеми своими драгоценностями, а монахини — со всеми сокровищами своих обитателей. Сто двадцать мулов, груженных золотом, покинули Картахену! И это еще не все. Мне доложили, что и сейчас еженощно испанцы бегут из города с мешками драгоценностей и золотых монет, подкупив стражу у ворот. Какой позор!

Слушавшие эти сетования воздерживались от комментариев, поскольку речь шла о весьма щекотливом предмете. Злые языки утверждали, что сам Пуэнти, утаив полученную от испанцев огромную мзду, соорудил лазейку, по которой шла утечка капитала. К этим слухам мне нечего добавить, разве только, что поведение барона в финансовых вопросах оставляет много простора для толкований...

18 мая к Пуэнти в помещение казначейства явился посланный Дюкасом Галифе.

— Нам известно, что каждый день на ваши корабли грузят добычу. Месье Дюкас полагал, что вначале следовало бы провести общую оценку и дележ.

Барон, вспыхнув от гнева, ответил, что Галифе следовало взвесить свои слова, прежде чем вести столь наглые речи.

— Я хорошо взвесил их, тем паче что больше мне нечего добавить. Наши люди рвутся громить казначейство. И если бы месье Дюкас не удержал их, это бы уже случилось.

Пуэнти писал затем, что после этого разговора он успокоил флибустьеров, раздав часть денег их капитанам. При этом, подчеркивал барон, «не были ущемлены попечители». Попечителям, то есть акционерам экспедиции, в сущности и предназначалась реляция командующего, надеявшегося получить *очистку счета*. Честность флибустьерских капитанов в вопросах дележа добычи не подлежит сомнению: для них это был в буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Поэтому следует сразу же отменить предположение о том, что кто-либо из них согласился принять взятку от Пуэнти. Думаю, что барон и не пытался предлагать ее. Скорее всего эта выдумка нужна была ему, чтобы повысить сумму «накладных расходов».

Между тем события ускоряли свой бег.

20 мая. Пуэнти погрузил на свои суда остатки добычи, сложенной в казначействе. Встревоженный Дюкас лично прибыл к командующему:

— Я подсчитал часть, причитающуюся моим людям. Добыча составляет, как вы известили нас несколько дней назад, восемь-девять миллионов ливров. Наша доля, таким образом, равна двум миллионам. Прикажите получить ее безотлагательно.

— Все должно быть совершенно по правилам. Я не могу выплатить ничего без того, чтобы главный казначей не произвел полного подсчета. Вы получите полагающееся вам ровно через три дня.

Дюкас — уже в который раз — успокаивает своих людей, рвущихся брать на бордаж плавучий сейф, в который превратился флагман де Пуэнти «Скипетр». Ворча и бранясь, они слоняются

вокруг, хмуро наблюдая, как королевские солдаты тащат через город к причалам пушки, ядра, порох, провизию, переносят на носилках больных; по утверждению Пуэнти, лихорадкой и дизентерией заболело восемьсот человек, хотя многим историкам цифра кажется завышенной. Барон не скрывает своего недовольства тем, что флибустьеры праздно глазают на хлопоты, вместо того чтобы помочь. В ответ он слышит:

— Только когда получим свои деньги!

24 мая. Все погружено, последние шлюпки с солдатами отваливают от причала, в городе остаются лишь флибустьеры, что не настраивает жителей Картахены на оптимистический лад. Но флибустьерам не до горожан: они во все глаза следят за стоящими на якоре в лагуне французскими судами, на борту которых находится их доля добычи. Они знают, что эскадра Пуэнти вряд ли попытается незаметно улизнуть: тяжело сидящим судам пришлось бы медленно идти по мелководной лагуне к выходу в море и легким маневренным суденышкам пиратов не составило труда нагнать их. Однако раздражение растет.

Проходят еще два дня настроенного выжидания. Наконец 26 мая ординарец Пуэнти прибывает в предместье Картахены к Дюкасу с извещением о том, что главный казначей ожидает его на борту «Поншартрена» для вручения денег. Дюкас летит туда. Чиновник сидит в капитанской каюте, дверь караулят часовые. На столе, стульях, на койке и прямо на полу разложены холщовые мешочки.

— Сколько тут?

Казначей берет в руки опись:

— Итак, барон де Пуэнти увольняет ваших людей со службы 1 июня. Каждому со дня их найма начислено жалованье в размере 15 ливров в месяц, итого — 24 000 ливров. Что касается добычи, то дележ производился подушно, наравне с королевскими матросами, в соответствии с распоряжением, данным его величеством барону де Пуэнти. Таким образом, вашим людям причитается еще сумма в 135 000 ливров.

Пауза. Дюкас просит повторить цифру. Нет, он не ослышался.

— Этого не может быть! Здесь какая-то ошибка. Наша доля составляет по меньшей мере два миллиона. Я давеча назвал эту цифру месье де Пуэнти, и он не стал оспаривать ее. Два миллиона при самом приблизительном подсчете!

Читателю, конечно, известно, как разводят руками люди, вынужденные, к своему великому сожалению, подчиняться приказу свыше.

— Барон де Пуэнти сам указал размер вашей доли и поручил мне передать ее вам...

В течение всего похода Дюкас разрывался между чувством долга по отношению к своим подданным и верностью королю. В конце концов верх всегда брала последняя, несмотря на вероломство барона.

— Надо выполнять решения королевских наместников,— твердил он флибустьерам, то и дело призывавшим разнести в щепки «Скипетр».— Это куда достойней скоропалительной выходки, продиктованной обидой и отчаянием.

После беседы с главным казначеем губернатор Санто-Доминго понял, что бессилён предупредить бунт в Картахене. Он сел на корабль и самолично начал объезжать свою эскадру, храбро внося на борт каждого судна дымящуюся «бомбу»: 135 000 ливров вместо двух миллионов. Реакция рыцарей удачи была однозначной:

— Вперед, на «Скипетр»! Через четверть часа дело будет улажено.

— Если вы нападете на королевское судно, последствия будут самыми тяжкими! — взывал Дюкас.

В ответ неслись вопли:

— Барон де Пуэнти повел себя не как королевский генерал, а как презренный вор!

— Он нарушил слово!

Значение данного слова огромно в любом примитивном обществе или группе; слово приобретает особую важность и необходимость постольку, поскольку писаных законов там нет либо их мало знают, игнорируют или презирают. Изменить своему слову было для этих профессионалов грабежа и убийства непростительной подлостью, так что их желание кинуться на «Скипетр» было вполне естественным. Экипажу флагмана королевской флотилии да и самому барону крупно повезло, что на каком-то из флибустьерских судов — на каком именно, я не знаю, название не фигурирует в хронике — чей-то могучий бас перекрыл весь остальной шум:

— Братья! Напрасно мы взьелись на эту собаку Пуэнти! Он оставил нашу долю в Картахене! Вперед — в городе нас ждет добыча!

Всякая толпа — это жидкая масса в состоянии неустойчивого равновесия. Порой достаточно одного крика, жеста или появления чьего-либо лица, чтобы она превратилась в неуправляемый поток. Для пиратов, сбившихся в кучу на палубе, призыв навестить «свое» в Картахене прозвучал как трубный глас. Он разом пробудил сжигавшее их тайное желание кинуться очертя голову туда, где их ждут богатство, выпивка и женщины. Весть искрой мгновенно облетела флибустьерскую эскадру. Пуэнти был

забыт, *спасен*— хотя в тот момент кичливый барон не удержался от выговора Дюкасу: почему губернатор не открыл огонь из пушек по взбунтовавшимся подчиненным! Флибустьеры попрыгали в шлюпки и, бешено работая веслами, помчались назад, к Картахене.

Дюкас, не дожидаясь конца событий, снялся с якоря и поплыл на своем «Поншартрене» к Санто-Доминго. А Пуэнти во главе эскадры прошел горловину бухты и, взорвав форт Бокачико, в котором он раньше думал оставить гарнизон, взял курс в открытое море. Для барона Картахена была уже выжатым лимон.

Тяжелые капли дождя рябили воду лагуны. Жители Картахены, поднявшись на опустевшие укрепления, смотрели с нескрываемым страхом, как от флибустьерских кораблей отделились шлюпки и двинулись назад— хищные черные рыбы на серой воде. Зло, которое, казалось, уже пронесло мимо, теперь неотвратимо надвигалось на город и от этого казалось еще страшнее.

Флибустьеры вспрыгивали на дощатый причал, из лодок им подавали ружья и сабли. Это отмело последнюю теплившуюся надежду. Что оставалось теперь? Забиться в дома и молиться, чтобы бог отвел от них худшее. Четверть часа спустя кулаки замолотили в запертые двери.

Первый сюрприз: пираты заходили в дома, но ничего не забирали, никого не убивали и не насиловали. Довольно беззлобно, часто с прибаутками, они выводили мужчин на улицу и приказывали идти к городскому собору. Туда на площадь стекались люди со всех сторон.

В корректности обращения сказался авторитет Дюкаса: перед самым отплытием он успел послать к флибустьерам офицера с наказом не совершать преступлений и не проливать невинной крови, обещав им (в который раз!), что «король поступит с ними по справедливости, буде они окажутся достойными милости Его Величества». Пираты уважали своего губернатора, и поэтому вместо грабежей и бесчинств они провели в беззащитной Картахене операцию, которую в современных терминах можно вполне обозначить как полицейскую облаву.

Когда мужчины были собраны в церкви, флибустьеры направили к ним *депутатов*, сообщивших картахенцам, что от них требовалось. Отец иезуит Пьер-Франсуа-Ксавье де Шарлевуа в своей «Истории испанского острова, или Санто-Доминго» изложил этот ультиматум в выражениях, настолько созвучных веку Людовика XIV, что я не могу отказать себе в удовольствии процитировать его:

«Нам ведомо, что вы нас полагаете существами без чести и веры и называете чаще дьяволами, чем людьми. Оскорбительные слова, кои вы употребляете при всяком случае по нашему поводу, а также ваш отказ впустить нас в форт Бокачико и обсуждать с нами сдачу города, вполне доказывают ваши чувства. Но вот мы прибыли во всеоружии и готовы отомстить за себя, если пожелаем, и вы ожидаете самого жестокого возмездия, сколь можно понять по вашим бледным лицам. Но мы разочаруем вас и докажем, что мерзкие звания, коими вы нас награждали, относятся вовсе не к нам, а к генералу, под чьим началом вы нас видели в сражении. Сей генерал коварно обманул нас, ибо, будучи обязан лишь нашему усердию при взятии этого города, отказался вопреки своему слову разделить с нами плоды виктории и тем самым принудил нас нанести вам визит вторично. Мы сожалеем об этом случае. Однако даем вам слово, что удалимся, не причинив вам ни малейшего беспорядка, как только вы соберете выкуп в пять миллионов пиастров. А ежели вам угодно будет не принять столь разумное предложение, то пеняйте на себя, ибо нет такой беды, от которой вы будете избавлены. Можете посылать любые самые страшные проклятия генералу де Пуэнти».

Конечно, флибустьеры выражались куда короче и менее цветисто, нежели ученый рассказчик. Но их слова были предельно понятны слушателям. Среди последних нашлись люди, надежные здравым умом. Один священник поднялся на кафедру и произнес проповедь на вечную тему о том, что жизнь дороже денег. Паства тут же порешила отправить ходоков по домам для сбора денег.

— Внесите что можете в счет пяти миллионов за освобождение!

Результат вышел весьма посредственный — явно потому, что до тех пор флибустьеры вели себя в Картахене корректно *вопреки* своей грозной репутации. Им вручили собранное:

— Господа, поверьте, это все, что у нас осталось! Ни у кого за душой нет и ломаного гроша!

Подобные речи не однажды доводилось слышать поколениям флибустьеров, и всякий раз они побуждали их проявлять дар *убеждения*. Так вышло и на сей раз. И хотя «многие авантюристы выказали жестокость», число подвергнутых дознанию жителей оказалось куда меньше, чем в эпоху Моргана и Олоне, а хитрость часто заменяла варварство. Скажем, несколько знатных горожан уводили из собора, после чего неподалеку раздавался ружейный залп; флибустьеры возвращались в храм со свирепым видом:

— Кто следующий?

Нельзя не признать, что в сравнении с костром и каленым железом подобное обращение выглядит вполне гуманным. В целом же за четыре дня самым разнообразным способом была собрана сумма, из которой на каждого участника пришлось по тысяче экю, не считая товаров и рабов, выручку от продажи которых должны были поделить позднее.

Пора было поднимать паруса: от Дюкаса прибыл гонец с сообщением, что на обратном пути губернатор заметил возле Барбуды английскую эскадру в составе двадцати четырех кораблей. Она явно намеревалась перехватить в море картахенскую добычу. Дюкас назначил местом встречи бухту на Коровьем острове.

В сезон дождей тропики превращаются в парную. Иногда ливень не прекращается ни днем, ни ночью. От лагуны и набухшей земли поднимается тяжелый пар. Паруса флибустьерских судов бессильно поникли: окрестные холмы не пропускают в бухту даже слабый ветерок с моря.

Несмотря на весомую добычу, на судах вместо веселья царит гнетущая тишина, как после неудачи или проигранного сражения. Раньше флибустьеры шли на *дело* вместе, вместе бились в бою против общего врага. На этот раз они были преданы и унижены своими же. Горький осадок от этого не смогла бы развеять и вдесятеро большая добыча.

Корабли поодиночке выходили из лагуны. Плотный дождь скрывал все вокруг, и марсовые уныло кричали сверху: «Горизонт закрыт!»

Горизонт закрыт — это могло бы стать девизом для эпохи заката флибустьерства. Ну, вернутся они на Санто-Доминго, а что дальше? Затеять новый поход под водительством этой змеи де Пуэнти? Не могло быть и речи. Продолжать «добывать» испанца? Да, но теперь в море появился еще один противник, посерьезнее испанцев, — англичане. С тех пор как Англия и Испания заключили союз против Франции, британские фрегаты не нападали *открыто* на испанские суда, однако не успевали французы захватить испанский галион, как тут же появлялись три-четыре бандита с Ямайки и пытались отбить приз. А, надо признать, флот его британского величества был идеально отлаженной машиной, крепкой, надежной и неутомимой, с вышколенными экипажами, подчинявшимися малейшему движению офицерского стека или свистку боцманской дудки; что до английских капитанов, то им не было равных в искусстве маневра. Кто еще оставался — голландцы? Замечательные профессионалы, эти гол-

ландцы, столько лет они жили с ними душа в душу, а теперь вдруг заделались врагами из-за идиотской войны, затеянной французским королем! Пиратский хлеб становился все горше, а ремесло вольного добытчика все менее прибыльным...

Горизонт закрыт, неба не видать, ни одной благосклонной звезды. Одна беда тянет за собой другую. Первая случилась буквально в виду Картахены. Внезапный ветер разметал корабли в стороны, нарушив строй; один капитан растерялся, и судно вынесло на прибрежные камни, хотя о них было известно после первой неудачной попытки высадиться с моря. В таких случаях не успеваешь ничего понять и сообразить, главная мысль — не утонуть, уцепиться за обломки. Когда, с трудом дыша, вымокнув до костей, бедняги вылезли на берег, к ним устремились, злорадно хохоча, размахивая палками и кинжалами, «спасатели». Конечно, эти чертовы испанцы могли радоваться — настал их черед. Флибустьеры приготовились к смерти. Нет, пленников не убили. Их заставили восстанавливать взорванный де Пуэнти форт. Возможно, этой милостью они были обязаны мягкому обращению с захваченной Картахеной. Но до чего же горька неволя и как тяжело рабство! Будь проклято твое имя, Картахена!

Остальные флибустьеры ничего не заметили. Когда позже чуть развиднелось, они пересчитали свои суда. Одного корабля не было. Ничего, море велико, еще встретимся подальше или попозже, а может, и никогда, на все божья воля...

Вахтенный офицер английского фрегата долго всматривался в цель, замеченную матросом, сидевшим в «вороньем гнезде», затем опустил подзорную трубу и двинулся к капитанскому мостику:

— Корабли на горизонте, сэр. Семь-восемь мачт. Два румба по левому борту, идут встречным курсом.

Адмирал не скрывает своего удовольствия:

— Это Пуэнти.

Английская эскадра из двадцати четырех кораблей неделю назад вышла с острова Барбуда. Сначала она полетела на запад, подгоняемая пассатом. Не обнаружив никого, адмирал подумал: «Барон де Пуэнти все равно должен будет возвращаться во Францию — с заходом на Санто-Доминго или без. Подождем его на обратном пути». Его эскадра заняла позицию к востоку от Багамских островов.

Расчет оказался верен. Пуэнти, покинув Картахену, взял курс на Санто-Доминго, но Дюкас успел сообщить ему об англичанах, поэтому барон решил идти западнее, в обход Ямайки, с тем

чтобы свернуть затем на север и проскочить в Атлантику между Багамами. Тут-то он и напоролся на англичан.

Было 7 июня 1697 года. Небо наполовину закрывала облачность, дул свежий вест-норд-вест. Пересчитав противостоявшие ему корабли, Пуэнти понял, что единственный шанс на спасение — это «сесть на ветер», иными словами, удирать. Решение нисколько не роняло его достоинства, учитывая соотношение сил, обилие больных на борту, а главное, ценность добытого груза.

Следует отметить, что барон выказал себя незаурядным мастером маневра. Продолжая двигаться курсом норд-вест, он начал забирать бейдевинд. Английский адмирал недооценил скорости противника и, замешкавшись, поздно лег на другой галс. В результате он смог догнать и захватить лишь отставшую от французской эскадры барку. Пуэнти, лавируя по ветру, удерживал дистанцию. Британский адмирал, видя, что его основным силам не догнать противника, пустил за ним вдогонку лишь три фрегата — на всякий случай. Но ночью барону удалось скрыться из виду, и 27 августа 1697 года он вошел в порт Брест на побережье Франции.

Английский же адмирал отправился искать других «клиентов»: ведь флибустьеры, грабившие с Пуэнти Картахену, не могли никуда уйти. К нему присоединились дорогой два «голландца», и они начали методично прочесывать Карибское море. На юге горизонт был по-прежнему закрыт плотной завесой дождя. На сей раз Фортуна отвернулась от флибустьеров: они столкнулись буквально нос к носу с ищущими их англичанами и оказались застигнутыми врасплох. Дело в том, что пираты привыкли всегда проявлять инициативу, и эта привычка обернулась сейчас против них. Они не были подготовлены к бою.

Подробности разыгравшегося сражения остались неизвестны. Результат же его таков: два корабля, на которых находилась основная часть пиратской добычи, были захвачены, один — англичанами, второй — голландцами. Пленных флибустьеров посадили в трюм на цепь рядом с черными невольниками. Возможно, пираты страдали бы меньше, знай они, что свобода не за горами: по условиям Рисвикского мира (20 сентября 1697 года), завершавшего войну Аугсбургской лиги, они будут отпущены на волю. Что касается рабов, то их судьба была поистине ужасной. Добрый губернатор Дюкас обещал, что за участие в картахенской экспедиции они получат высшее благо — свободу. Но в результате встречи с английской эскадрой они вновь стали товаром, который победители продадут на рынке, — на них мирное соглашение не распространялось. Уникальный шанс был потерян.

Остальным флибустьерским судам удалось ускользнуть, и они прибыли к условленному месту встречи в бухту Коровьего острова. Под занавес не повезло еще одному судну — его выбросило на берег Санто-Доминго столь же необъяснимым образом, как и тот корабль, что разбило о камни возле Картахены. Рыбаки видели, как парусник шел на юг, и тут неожиданный порыв ветра, словно гигантская рука, швырнул его на мель.

Вскоре в месте крушения к небу поднялся столб дыма. Зарево было видно издали всю ночь. Рыбаки вошли в соседний порт Кай, где сообщили о происшествии, но жители крохотного поселка боялись отправиться на место. Пожар казался подозрительным, а за минувшие годы немалое число поселенцев поплатилось за излишнее любопытство. Позже, утром, они все-таки подплыли к месту крушения, обнаружив там лишь обгоревший остов, в котором нечего было взять. Уцелевшие флибустьеры пешком добрались до поселка Леоган. От них-то и стало известно название погибшего судна.

«Самым выдающимся событием в войне Аугсбургской лиги,— читаем мы в учебниках истории,— было взятие города Картахены адмиралом де Пуэнти». Действительно, за этот удачный поход барону было пожаловано адмиральское звание. Он не лишился королевской милости даже после случившейся вскоре неприятности. Дело в том, что Дюкас, неустанный воитель за права флибустьеров, отправил в Версаль своего помощника, сьера Галифе, с подробным рассказом об обстоятельствах экспедиции и дележа добычи. Галифе удалось добиться приема у короля, и в результате акционеров картахенского похода обязали выплатить флибустьерам оставшуюся часть двухмиллионной доли добычи. Таким образом, они добились своего. На бумаге.

Королевский рескрипт о выплате причитавшейся компенсации датирован 20 ноября 1697 года. Но, как известно, должники редко когда торопятся расстаться с деньгами. К тому же заботливый Дюкас, резонно опасаясь, что столь огромная сумма пробудит в его строптивых подданных загульные замашки, попросил, чтобы компенсация была выдана в форме земельных участков и сельскохозяйственного инвентаря. Это было для должников прекрасным предлогом тянуть с выплатой до бесконечности. Со своей стороны флибустьеры Санто-Доминго, которых становилось все меньше и меньше, не были особенно заинтересованы в пугах и надворных постройках. Когда с ними заговаривали о государственной справедливости, они лишь пожимали плечами. Они пожимали плечами и когда Дюкас спрашивал их: «Почему вы уезжаете?» Зачем спрашивать перелетных птиц, почему они улетают? Их влечет неодолимый инстинкт.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА

Последний флибустьер

18 апреля 1804 года поутру два тяжело груженных купеческих парусника в сопровождении элегантно покачивавшегося брига медленно входили в устье Миссисипи у Плакмайн-Бенд, что в пяти милях ниже Нового Орлеана. Бриг шел под французским флагом, как и один из «купцов»; над вторым развевался испанский флаг. Небо успело поблекнуть, свинцовое солнце безжалостно жгло равнину, раскинувшуюся насколько хватало глаз по обоим берегам. Черные рабы на плантациях и солдаты форта Сен-Филипп, прищурившись, следили, как три суденышка храбро одолевали течение великой реки.

Индейцы называли ее Мешасебе — Родитель Вод. На послед-

нем отрезке перед впадением Миссисипи расходится вширь на полтора километра, и ветры там порой не уступают свирепостью знаменитым ураганам Мексиканского залива. Даже сегодня, глядя на реку из Новоорлеанского порта, где громоздятся высоченные мосты и краны, поражаешься мощи этого колоссального творения природы. Бурые воды каштанового оттенка от вымываемой из берегов почвы несут вырванные с корнем деревья, а между этими плавучими таранами лавируют десятки буксиров, туеров и толкачей, с утра и до вечера снующих вдоль нескончаемых причалов; забытые автомобилями квадратные паромы, пыхтя от натуги, пересекают в облаке водяной пыли бугристую от волн огромную поверхность. Могучим океанским судам требуется добрых полчаса для захода в порт, когда ветер и течение гонят их прочь. Немудрено, что три крохотных парусника начала XIX века выглядели жалкими козявками на спине мастодонта. Казалось, он вот-вот стряхнет их. Но нет, они ползли вперед, дальше и дальше, наперекор могучим стремнинам.

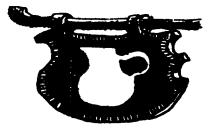
Три парусника лавировали по ветру, явно стараясь не удаляться от левого берега, где впереди вырисовывались контуры порта. Черные невольники, трудившиеся на хлопковых плантациях, заметили на палубах своих собратьев вперемежку с белыми матросами. Внезапно все они — и стоявшие на суше, и теснившиеся на борту — разом повернули головы в сторону форта: на крепостной стене грохнул холостой орудейный выстрел. Эхо отозвалось на другом берегу, и вновь наступила тишина. То был сигнал трем судам немедленно остановиться.

Парусники развернулись носом к ветру, их паруса опали, а три якоря, подняв фонтаны брызг, почти одновременно плюхнулись в буро-каштановую воду. Суда замерли примерно в ста метрах от берега.

Минут через пятнадцать из крохотной бухточки у подножия форта вышла шлюпка с полицейским офицером. Гребцы лишь слегка подправляли веслами ее ход по течению.

Шлюпка по очереди подошла к двум купеческим судам. Визиты были краткими: офицер ограничился беглым досмотром — не более пятнадцати минут на каждого «купца». Вскоре оба судна вновь подняли паруса и продолжали медленный путь против течения. Зато осмотр брига затянулся на час. Наконец шлюпка отвалила от борта и двинулась на веслах назад к форту, а бриг остался стоять на якоре.

В тот день после полудня капитан Купер, комендант форта Сен-Филипп, отправил губернатору Нового Орлеана Вильяму С. С. Клэрборну донесение следующего содержания:

«Мною выдано разрешение войти в порт испанскому купеческому судну «Санта-Мария», следующему из Гаваны, и французскому купеческому судну «Эктор», следующему с Сент-Кристофера. Документы обоих судов оформлены должным образом, а капитаны заявили о намерении грузиться различным товаром. Что касается французского брига «Милая сестрица», имеющего на борту три орудия, то он поставлен мною на якорь. Капитан онго судна, месье Пьер Лафит, заявил о желании войти в порт Новый Орлеан для ремонта корпуса, переконопачивания пазов, укрепления мачт и замены парусов, поскольку, по его словам, был застигнут бурей в заливе. Вышедший из Санто-Доминго бриг «Милая сестрица» вооружен для нападения на английские суда. Месье Лафит предъявил поручительство, подписанное от имени французского правительства губернатором Мартиники. Поскольку дежурным офицером было отвечено, что вооруженным судам воспрещен заход в Новоорлеанский порт, месье Лафит заявил, что намерен добиваться такового разрешения, о чем я имею честь предуведомить Вас. Имея экипаж всего из четырнадцати человек, половина из коих негры, судно, по моему разумению, мало подходит для каперства. Бриг действительно понес некоторый ущерб от непогоды, хотя повреждения не столь серьезные, как заявляет месье Лафит.

Дано в форте Сен-Филипп 18 апреля 1804 года».

К этой дате исполнилось всего четыре месяца и два дня, как французское правительство продало Луизиану Соединенным Штатам и звездный флаг был поднят на плацу Нового Орлеана. Губернатор, занимавший свой пост несколько недель, получил инструкцию соблюдать всяческую осторожность по отношению к иностранным подданным. Он еще раз перечел донесение капитана Купера. Замечания касательно малочисленности экипажа «Милой сестрицы», якобы вышедшей в корсарский рейд, и несуществующие повреждения брига, на которых настаивал капитан, показались ему достойными внимания.

На следующее утро, 19 апреля, рабы, пришедшие на плантацию Плакмайн-Бенд, увидели, что бриг по-прежнему стоит на якоре. Прошел день, за ним другой. Палуба «Милой сестрицы» казалась вымершей. На третьи сутки на мачте брига звякнул сигнал: «Нуждаюсь в пресной воде». Из форта доставили на шлюпке несколько бочонков с водой. Вновь потянулись дни. Лишь 24 апреля около девяти утра комендантский ялик подошел к бригу и тот, подняв паруса, двинулся вверх по течению к порту.

Капитан Пьер Лафит получил разрешение войти в Новый Орлеан, стоянку ему определили напротив Мясного рынка.

Сейчас это место называется Французским рынком, и по утрам там всегда царит большое оживление. Такую же пеструю и многоликую толпу можно было видеть там и в апреле 1804 года.

Гигантский бассейн Миссисипи покрывает добрую треть Соединенных Штатов. В Новоорлеанский порт стекалась продукция богатейших сельскохозяйственных районов, в том числе урожая хлопка с плантаций Луизианы и прилегающих к Миссисипи штатов. Круглый год суда спускались по течению реки, выгружая в порту горы товаров, за которыми с моря приходили заграничные суда. Целый сонм работников и невольников трудился на причалах и в огромных пакгаузах, куда складывался излишек товаров, чтобы не сбить цену. Морская торговля и связанный с ней спекулятивный ажиотаж сделали Новый Орлеан богатейшим городом американского Юга. Никто даже отдаленно не мог составить ему конкуренцию.

Едва бриг причалил, как на борт к Пьеру Лафиту поднялся чиновник канцелярии капитана порта, сообщивший условия, на которых «Милой сестрице» дозволялось пребывать в Новом Орлеане. Разрешение было дано строго на срок, необходимый для ремонта; запрещалось увеличивать количество орудий, а также закупать иное оружие и боеприпасы; запрещалось нанимать в экипаж матросов из числа американских подданных. Капитан «Милой сестрицы» заверил, что будет соблюдать все условия и безотлагательно договорится с судовым поставщиком о производстве ремонта.

В любом порту толпится множество народа, за которым наблюдают полицейские в форме и агенты в штатском. Осторожный губернатор Клэрборн распорядился установить за Пьером Лафитом особую слежку. Полиция отдала соответствующий приказ осведомителям, владельцам гостиниц и притонов, хозяевам кафе и таверн, не считая проституток и прочих темных личностей: без их помощи проследить за человеком в коловращении Нового Орлеана было столь же не просто, как не потерять из виду пчелу в рое. Мы же тем временем оглядим с высоты птичьего полета место действия нашего рассказа.

Дельта Миссисипи — это целый мир. Река впадает в Мексиканский залив бесчисленным множеством рукавов, ответвлений и протоков, с которыми у нас будет случай познакомиться поближе. Эрнандо де Сото, испанец, приплывший из Флориды в 1540 году, оказался первым европейцем, увидавшим Родителя Вод. Сто сорок лет спустя Кавелье де ла Салль, монах-расстрига ордена иезуитов, ставший отважным первопроходцем, проплыл по Мис-

сисипи больше тысячи миль и объявил ее французским владением: «Сия земля отныне будет наречена Луизианой в честь нашего государя».

Однако проникнуть в русло великой реки со стороны моря оказалось делом безнадежным: путешественники, не видя ориентиров, плутали и терялись в болотистом лабиринте. Первым это удалось сделать Лемуану д'Ибервилю в 1699 году, а в 1717 году его брат заложил город Новый Орлеан. Название было дано не в честь французского города, который защищала Жанна д'Арк, а в честь регента Луи-Филиппа Орлеанского.

Две-три сотни авантюристов, частью прибывших с Антильских островов, а частью из Франции — среди последних было восемьдесят незаконных солеваров, пожизненно изгнанных из страны, под руководством горстки плотников сколотили сотню хибар на берегу, кишевшем змеями и аллигаторами. Эти первые поселенцы, прозванные креолами, не имели еще понятия о креольском языке. Когда Франция в 1762 году уступила Испании все свои владения к западу от Миссисипи, включая Новый Орлеан, креолы единодушно решили, что сделка к ним не относится.

— Раз французский король отказался от нас, будем отныне править сами!

Бунт, вспыхнувший при первом испанском губернаторе (1768), свидетельствовал о строптивости нрава жителей Луизианы. Их привязанность к французскому языку и традициям была очень сильна. Тем не менее 20 декабря 1803 года Наполеон, забрав провинцию у Испании, продал ее Соединенным Штатам; восемьдесят миллионов франков — во столько оценил он заморскую территорию, размерами превосходившую Францию. Нет нужды говорить, какой горечью отозвалась эта базарная сделка в сердцах креолов, едва успевших возрадоваться своему воссоединению с Францией. Неудивительно, что новоорлеанцы встретили американских чиновников с тем же восторгом, с каким встречают разносчиков холеры.

Тем временем первые шаткие хижины уступили место кирпичным домам под кровлей из кипарисовой дранки, а потом появились и черепичные крыши. Бессмертная римская черепица соседствовала там с более элегантным материалом, ввозившемся из Нанта и Гавра, — плоской зеленой черепицей, отливающей зеркальным блеском после дождя.

Многие из этих жилищ имели балконы, и почти все — внутренние дворики — патио. На улицу выходили ворота с низким сводом, куда въезжали экипажи; при этом черному кучеру приходилось торопливо сдергивать с головы цилиндр,

чтобы не задеть потолка. В патио были разбиты садики, на центральной клумбе непременно рос цветок, который поливала, холила и лелеяла сама хозяйка: согласно поверью, пока «памятный цветок» (это был розмарин) не увял, муж в разлуке хранил верность своей суженой. А в те времена долгих мореплаваний разлука нередко длилась годами.

Два страшных пожара, случившиеся при испанцах в 1788 и 1794 годах, уничтожили бóльшую часть города. Согласно губернаторскому приказу, все сгоревшие дома надлежало отстраивать из кирпича и покрывать штукатуркой для защиты от сырости, а деревянные балки пилить не из первого попавшегося дерева, а только из кипарисов, срубленных в новолуние. Можно сколько угодно смеяться над нелепостью этого распоряжения, но факт налицо: эти дома стоят и поныне, прекрасно сохранившись во влажном субтропическом климате, к тому же в месте, часто посещаемом ураганами.

Фасады были украшены балконами, причем по роскоши их убранства можно было судить о достатке владельцев. Поскольку в Луизиане не было железной руды, балконы заказывали в Испании и привозили в готовом виде в Новый Свет. Затем, когда черные невольники обучились кузнечному ремеслу, из Испании стали доставлять лишь железо.

Процент черного населения Нового Орлеана в начале XIX века мне выяснить не удалось, но он должен был быть весьма солидным, поскольку, не считая рабов на плантациях, вся домашняя прислуга была негритянской. Еще сегодня в домах старого города — во Французском квартале — можно видеть жилища рабов; они помещались в первом этаже рядом с конюшней, каретным сараем и кухнями. Эти помещения ничем не отличаются от трущоб в современных западноевропейских «бидонвиллях» или жилья батраков на фермах — кроме вделанных в стену железных колец, куда прикреплялись цепи. И эти цепи живы в памяти американских негров поныне...

Резюмируя, скажем, что город, в котором ежеутренне терялись следы капитана «Милой сестрицы», хлопотавшего якобы по ремонту, жил кипучей деловой жизнью и был наполнен самой пестрой публикой; архитектура его была на четверть французской и на три четверти испанской, а говорили там в большинстве по-французски. Испанский режим любезно разрешил оставить оригинальные названия улиц: Королевская, Орлеанская, Шартрская (в честь старшего из принцев Орлеанских), Бурбонская, Бургундская, Тулузская и Менская (в честь побочных королевских отпрысков, сыновей Людовика XIV и мадам де Монтеспан, носивших титулы герцогов Тулузского и Менского),

улица Людовика Святого, улица Урсулинок и полсотни других. Лето в Луизиане жгуче жаркое, поэтому старинные улицы не превышали 12—15 метров в ширину. Узкие эти улочки сохранили до наших дней свои французские наименования; теперь они покрыты асфальтом, а в начале XIX века их покрывали, как во всех городах мира, пыль или грязь, в зависимости от сезона. Узкие дощатые тротуары называли в Новом Орлеане «банкетками»; любопытно, что и это наименование дожило до настоящего времени.

Через несколько дней после прибытия в каюту к Пьеру Лафиту явился утренний посетитель:

— Доктор Джон Уоткинс. Вот письмо от губернатора Клэрборна с поручением осмотреть ваше судно и задать вам несколько вопросов.

— Я к вашим услугам.

Визит-допрос продлился два часа, и на следующее утро губернатор получил от доктора Уоткинса— это был его старый друг и личный врач— отчет, дополнявший донесение капитана Купера. В докладе, в частности, говорилось следующее:

«По заявлению капитана Пьера Лафита, при отплытии с Санто-Доминго его экипаж насчитывал 60 человек. 46 из них, в основном негры, якобы дезертировали с судна после входа в дельту Миссисипи. Что до пушек, то при отплытии их было 10. Капитан пояснил, что семь орудий ему пришлось выбросить за борт во время бури».

Как и капитан Купер, доктор считал, что судно потрепано непогодой гораздо меньше, чем утверждал Пьер Лафит.

— По моему разумению,— заключил опытный в делах сыска Уоткинс,— исчезновение семи орудий и сомнительное дезертирство негров означают следующее: судно занималось контрабандой оружия, которое сбывалось пиратам прибрежных островов, и работорговлей. Капитан «Милой сестрицы» жалуется, что судовые поставщики перегружены работой, поэтому ни один из них до сих пор еще не приступил к ремонту. Он не препятствовал досмотру и охотно отвечал на все вопросы.

Следователь и допрашиваемый расстались на дружеской ноте, Пьер Лафит был превосходно настроен. Возможно, он держался бы менее уверенно, кабы знал, что донесение капитана Купера вместе с отчетом доктора Уоткинса будут отправлены губернатором Клэрборном министру юстиции Соединенных Штатов в железном ящике, хранившемся в капитанской каюте военного шлюпа, отошедшего на всех парусах из Нового Орлеана в

Вашингтон. Одновременно вопреки первоначальным инструкциям, ограничивавшим срок стоянки «Милой сестрицы», полиции порта было приказано следить, чтобы судно потихоньку не улизнуло.

В чем дело? Из-за чего такие предосторожности? Чтобы понять поведение Клэрборна, нам придется кратко описать ситуацию, сложившуюся к тому времени во Флибустьерском море и прилегающих областях.

Флибустьерство классического толка угасло на Санто-Доминго и Ямайке к концу XVII века, а Утрехтский мир (1713) между Францией, Англией и Испанией, узаконив раздел Нового Света, превратил последних флибустьеров в обыкновенных пиратов: отныне им не от кого было получать жалованных грамот.

Один из самых предприимчивых джентльменов удачи, англичанин Дженнингс, устроил на одном из островов Багамского архипелага, Нью-Провиденсе, свою базу, ставшую местом притяжения антильских пиратов. Дело дошло до того, что английскому королю Георгу I пришлось отрядить на Багамы мощную эскадру с ультиматумом — прощение раскаявшимся, петля всем прочим. Дженнингс посоветовал коллегам раскаяться, поскольку это их ни к чему не обязывало. Строптивцев повесили, а новоявленные «честные мореходы», выждав какое-то время, вновь вернулись к своему промыслу, правда уже не на Нью-Провиденсе.

Снова — в который уже раз — вспыхнул огонь над пепелищем флибустьерства, которому, казалось, давно-давно полагалось угаснуть. Появилось *второе поколение* пиратов, не ведавшее традиций «береговых братьев» и не соблюдавшее законов корпорации. Именно эти «анархисты» от пиратства стали плавать под «веселым Роджером» — черным флагом с черепом и двумя костями.

Одним из самых известных приверженцев этой эмблемы был Эдвард Тич, по прозвищу Черная Борода. Прозвище родилось не случайно: волосяной покров начинался на физиономии Тича от глаз и спускался до пояса. Для удобства владелец заплетал бороду в косицы и украшал ленточками. Несколько лет Тич со своей бандой разорял побережье Северной и Южной Каролины, прячась в заросших густой растительностью бухточках, перехватывая купеческие суда, нападая на поселки и плантации, грабя и убивая. Любимейшим развлечением падкого до спиртного Тича было погасить во время пиршества свечи и начать наугад палить в присутствующих из пистолетов. Ущерб усугублялся ответными выстрелами соперников, пытавшихся под покровом темноты укокошить самого «затейника»; увы, это им никак не удавалось. Однажды, когда на борту у него появились больные, Черная

Борода высадили с отрядом в порту Чарлстон, схватил заложников и пригрозил перебить их, если ему не принесут лекарств. Пока отцы города совещались, пираты безнаказанно разгуливали по городу.

В тех же местах — у атлантического побережья Штатов — оперировали Льюис, Лоу и Флай. Льюис, бегло говоривший кроме английского по-французски, испански и на нескольких карибских диалектах, был круглый сирота — в десятилетнем возрасте его нашли на палубе захваченного пиратского судна. Своим покровителем Льюис считал не бога, а дьявола, и именно ему ежевечерне адресовал свои молитвы, стоя на коленях и повернувшись лицом к двери каюты. Лоу был садистом по призванию — наподобие Олоне; по рассказам очевидцев, одного пленника он заставил съесть собственные уши, посыпанные солью и перцем. Флай, птица того же полета, прославился среди пиратов отборной руганью и богохульствами — известность, которую, согласитесь, нелегко заслужить в подобной среде.

Большинство этих бандитов с большой океанской дороги были в конечном счете пойманы и благополучно повешены в Бостоне, Нью-Йорке, Чарлстоне и других местах. Но они сумели достаточно напугать население прибрежных поселков.

Иные пираты, например Бартоломью Роджерс, появлялись в американских водах изредка, через долгие интервалы, проносясь по ним словно кометы. Их поле деятельности было поистине необъятным. Кроме Новой Англии и Луизианы Роджерс взимал дань с побережья Бразилии и Гвинеи. Другие держались в Индийском океане вблизи Мадагаскара, где возникла целая пиратская республика, основанная на началах равенства и братства. Третьи проникли в Китайские моря и там виртуозно грабили неповоротливые купеческие суда. Любопытно, что сплавлять товар они предпочитали в Северной Америке, где за контрабанду платили хорошую цену.

В эпоху, когда «Милая сестрица» стояла у причала в Новоорлеанском порту, пираты уже не нападали на прибрежное население; они довольствовались исключительно морским разбоем. Но воспоминания о тех тревожных днях еще не стерлись в памяти жителей атлантических городов Америки. В Чарлстоне, Сейлеме, Норфолке и Бостоне бабушки пугали пиратами внучат, а появление чужого паруса на горизонте вызывало у людей настороженное, если не враждебное отношение.

На смену великим пиратам первой половины XVIII века пришли капитаны менее жестокие и менее знаменитые, менее способные на крупные начинания. Зато их было гораздо больше, и власти с горечью убеждались в том, что огромный объем

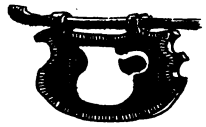
контрабанды чувствительно сказывается на доходах казны. Кроме того, как это станут делать сто с лишним лет спустя гангстеры типа Аль Капоне, пираты подкупали чиновников и полицию. Взятки они чередовали с угрозами смерти и, кстати, эти угрозы нередко приводили в исполнение в отношении тех, кто отказывался играть с ними в одну игру. Наконец, пираты набирали в американских портах — иногда насильно сажая на борт людей — свои экипажи, в то время как военно-морские силы США страдали от хронического недобора. Теперь ясно, почему Клэрборн запретил Пьеру Лафиту вербовать американских граждан и почему подозрения, что этот корсар занимается торговлей оружием и рабами, заставили губернатора незамедлительно известить обо всем Вашингтон.

Из столицы не торопились с ответом. Клэрборн в ожидании инструкций не торопил Пьера Лафита, а тот тянул с ремонтом. В июле — августе губернатор получил два донесения от капитана порта. В первом говорилось, что Пьер Лафит пополнил свой экипаж французами с Санто-Доминго. На это было нечего возразить, однако следовало держать ухо востро: «Милая сестрица» теперь была в состоянии отчалить в любой момент.

Вторая информация касалась купеческого судна «Санта-Мария»: испанский капитан продал в дельте Миссисипи, в районе Плакмайн-Бенд, контрабандный груз кофе. Тот же капитан неоднократно встречался в кафе, посещаемом контрабандистами и прочими темными личностями, с Пьером Лафитом, хотя тот по прибытии в Новый Орлеан заявил, что не знаком с испанцем. Клэрборн подумал, что надо бы поближе заняться испанским «купцом». Но последующие события опередили его.

Портовая полиция периодически получала от центральных властей полезную информацию, в частности список и технические данные всех судов, не вернувшихся в порт приписки и, возможно, ставших жертвами моря. Капитан Новоорлеанского порта, где стояла «Милая сестрица», с особым тщанием изучал все поступавшие из Вашингтона информационные бюллетени. Однажды утром в августе конторские служащие услышали, как из кабинета шефа донеслись возбужденные восклицания. Появившись на пороге, капитан порта потребовал регистр захода кораблей за апрель месяц, быстро пролистал его, сделал кое-какие пометы, после чего распорядился сесть ему коня. Четверть часа спустя он вошел в губернаторскую резиденцию.

— Описание купеческого судна «Эктор», плавающего под французским флагом и якобы вышедшего с Санто-Доминго, полностью совпадает с описанием английского парусника «Эктив», захваченного, по заявлению владельца, французским корса-

ром в Юкатанском проливе. Что же касается «Санта-Мари», то ее характеристики в точности соответствуют характеристикам американского парусника «Мэри», исчезнувшего в конце марта во время рейса из Гаваны в Чарлстон.

В голове Клэрборна промелькнули силуэты трех парусников, появившихся 17 апреля возле форта Сен-Филипп, несообразности между заявлениями Пьера Лафита и оценками доктора Уоткинса. Внезапно все эти разрозненные детали сложились в четкую картину, не оставлявшую уже никаких сомнений. Французский корсар и контрабандист обнагел настолько, что появился в его порту с двумя призами, не удосужившись даже изменить их облик, а лишь слегка подменив судовые документы. К тому же — немыслимое нахальство! — одно из захваченных судов было американским. Последнее обстоятельство являло собой акт недвусмысленного пиратства, и никакая жалованная грамота не могла затушевывать серьезности преступления.

Капитан порта не принял никаких мер до того, как повидал Клэрборна. Сам губернатор тоже промедлил несколько часов, и причины такой нерешительности можно понять. Да, он олицетворял власть в Новом Орлеане, но в этом городе, только что ставшем американским, еще находился французский поверенный в делах, который хотя и не имел юридической власти, но обладал обширными связями среди влиятельных горожан и чиновников. Поэтому Клэрборну очень хотелось, прежде чем арестовывать французского корсара, получить официальное «добро» Вашингтона. Увы, в те времена еще не существовало ни телеграфа, ни телефона. Поразмыслив как следует, взвесив все за и против, он наконец принял решение.

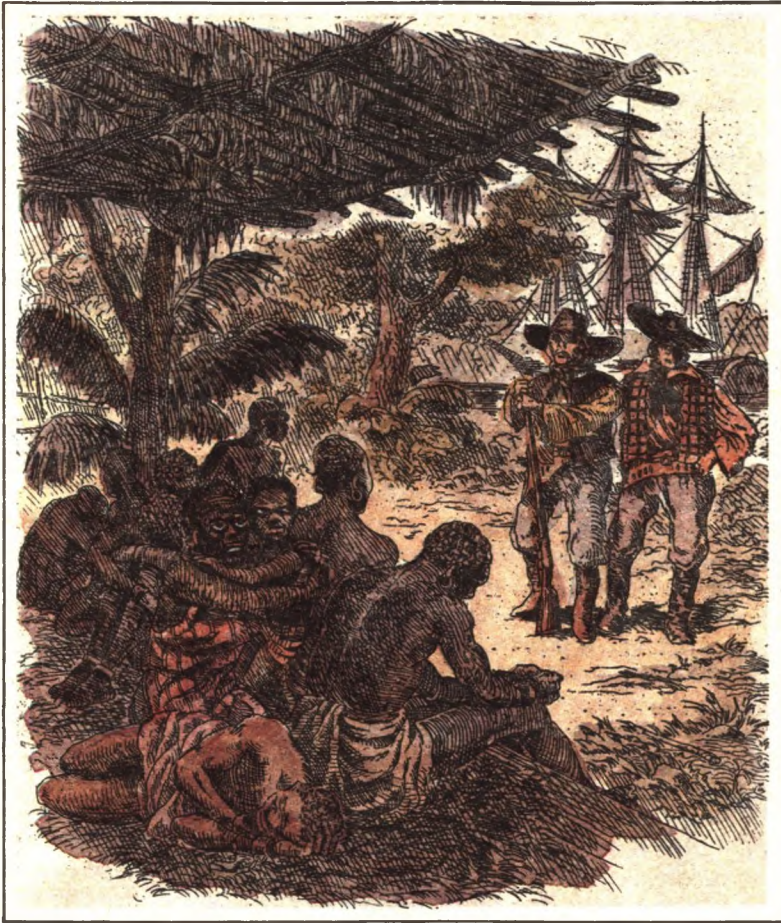
Капитан порта в сопровождении вооруженного караула прибыл на причал Мясного рынка, взбежал на борт «Милой сестрицы» и потребовал капитана. Капитана не оказалось, равно как и никого из офицеров. На палубе остались лишь несколько матросов и горстка перепуганных негров, из которых ничего не удалось вытянуть. Другие наряды полиции бросились к месту стоянки фальшивой «Санта-Мари» (бывшей «Мэри»). Ее капитана тоже простыл след. Вместе с судном. Грузчики на причале сообщили, что парусник отплыл на заре, двинувшись вниз по течению. Американский корабль, захваченный пиратами и приведенный ими средь бела дня в американский порт, исчез в неизвестном направлении!

Капитан известил о неприятной развязке губернатора. Двоем они принялись обсуждать положение. Корсары, пираты, контрабандисты были явно предупреждены, но кем? Откуда могла произойти утечка информации — из канцелярии порта,

полиции или губернаторской резиденции? Кого следовало опасаться?

Пока новоорлеанские чиновники ломали голову в поисках ответа, капитан бывшей «Мэри», стоя на корме своего приза, смотрел, как впереди на горизонте обозначилась четкая голубая линия — место впадения Миссисипи в залив. Река здесь заканчивалась. Судно двинулось вдоль низкого берега, покрытого густой растительностью, и неожиданно исчезло в укромном убежище.

Клэрборну было бы стократ досаднее, знай он подлинное имя ускользнувшего от него человека — имя, которое в дальнейшем ему придется не раз слышать и произносить самому, иногда с яростью и гневом, а иногда с большим почтением. Мы не станем томить читателя и сообщим, что это был младший брат Пьера Лафита — Жан. Жан Лафит — герой нашего повествования.

В начале XIX века самыми популярными кафе в Новом Орлеане были «Масперо», «Сосуший теленок», «Кафе беженцев», «Колокольчик» и «Джокунделла». Там пекли булки и подавали напиток, которому эти заведения обязаны своим позднейшим наименованием — «Абсентные дома». Но тогда, в начале прошлого столетия, там пили не абсент, а кофе, вино и, конечно, ром, тафью и прочие крепкие напитки. Хозяева гнали собственный спирт, настаивали его на тропических травах и фруктах и подавали фирменные изделия под экзотическими наименованиями типа «Наповал» или «Поросенок со свистом» (последним славилось «Кафе беженцев»).

В этих заведениях с десяти утра до глубокой ночи, а кое-где и всю ночь напролет «заседала» компания, отличавшаяся необыкновенной общительностью нрава и веселостью. Там были штурманы дальнего плавания, моряки с плоскодонных судов Кентукки, прорвавшиеся мимо английских сторожевых фрегатов, переселенцы с Санто-Доминго, известные корсары и флибустьеры, высланные из Европы революционеры и целая армия дезертиров с военных судов; здесь также порой можно было видеть — и мы увидим их — новоорлеанцев с громкими фамилиями и представительнейшей самой настоящей знати. Кого там нельзя было встретить, так это женщин. Порядочные женщины не ходили в кафе да и вообще редко покидали дом: многочисленная черная прислуга делала закупки и выполняла все поручения. Что же касается портовых дам, то они были сосредоточены в специализированных заведениях на Бассейной улице.

Завсегдатаи «Кафе беженцев» сидели за столиками или стояли облокотившись о стойку, часто ощущая плечо соседа: в заведении всегда было тесно. Кстати, стойка с прибитой снизу деревянной балкой, на которую можно было операться ногой, была новинкой, появившейся недавно в самых модных кафе. Сверху стойка была покрыта мрамором. Разговоры возле нее велись в основном по-французски, иногда по-испански и редко когда по-английски.

Человек, входивший с улицы в длинный зал с обшитыми деревом стенами, вдоль которых стояли кожаные диваны, неминуемо должен был сощуриться от плававших в воздухе густых клубов сигарного дыма. Вошедшего оглушали рокот могучих голосов, всплески дружного хохота и призывные оклики. Кто-нибудь из забудыг заботливо вел новичка в глубину зала в расчете на даровое угощение. Свежий посетитель непременно обращал внимание на картины, которыми были сплошь завешаны стены. Тут были и пейзажи берегов Миссисипи, и сцены из старинной жизни Нового Орлеана, и рисунки кораблей, и портреты знаменитых пиратов.

— У меня собирается самое аристократическое общество Северной Америки,— с гордостью говорил владелец.

В подтверждение он вытаскивал Книгу почетных посетителей, куда заносил имена знаменитостей, оказавших честь его заведению. В списке значились граф Луи-Филипп де Рофиньяк, барон Анри де Сен-Жем, Бернар де Мариньи де Мандевиль, за которыми следовали фамилии лучших семейств Луизианы, судьи, банкиры, высокопоставленные чиновники, судовладельцы и негочанты. На самом почетном месте, возглавляя колонну знаменитостей, стояли имена Пьера и Жана Лафитов. Дело в том, что именно братья создали «Кафе беженцев» реноме модного места

встреч и нередко появлялись там под руку с кем-нибудь из клиентов, занесенных в Книгу почетных посетителей.

Жан Лафит жил в лучшей гостинице города, где устраивал роскошные приемы. Теплыми октябрьскими вечерами в патио ставили роскошно убранный стол, напоминавший празднично расцветенный галион; мерцали свечи, вышколенные слуги подавали изысканнейшие блюда креольской кухни. Если к ужину приглашались дамы, играл оркестр.

Кстати, дамы внимательно приглядывались к Жану Лафиту с тех пор, как их мужья стали вести с ним дела. Он блистательно прошел испытания на знание светских манер. Жан Лафит свободно и весьма элегантно изъяснялся по-французски, английски, испански и итальянски. В то время ему было около тридцати. Красивый статный мужчина с лицом, обрамленным аккуратно подстриженной бородкой, и пронзительным взором черных глаз, тревожащих женскую душу, был вдовцом и не имел никакой громкой связи. В частном порядке он охотно рассказывал о своей жизни до прибытия в Новый Орлеан.

Родился он в Бордо, но вскоре его родители переехали на Санто-Доминго, где занялись торговлей. После смерти отца он унаследовал его дело, женился и в 1803 году, продав все имущество, решил вернуться в Европу. В Мексиканском заливе на их судно напали испанские корсары, ограбили пассажиров до нитки, а его с женой высадили на пустынном острове. Жена вот-вот должна была родить. Им повезло: проходившая мимо американская шхуна подобрала несчастную пару и привезла ее в Новый Орлеан. Здесь мадам Лафит умерла при родах, оставив мужу новорожденную девочку. Рассказ вдовца неизменно трогал сердца слушателей.

— У меня не осталось никакого состояния, и я буквально вынужден был просить подаяния. Но мне посчастливилось встретить несколько отважных парней, столь же бедных, как я. Сообща мы купили на последние гроши шхуну и объявили крестовый поход против испанцев. Впоследствии я убедился, что коммерция предпочтительнее войны, и вновь занялся торговлей.

Да, официально Жан Лафит числился купцом. Мужчины, слушавшие без комментариев его автобиографию, не отказывали себе в удовольствии обменяться за его спиной едкими замечаниями о специфическом характере торговых операций Лафита; но в большинстве своем они были так или иначе обязаны ему, к тому же молодой француз умел вести дела незаметно, а в поведении был образцовым джентльменом.

Его брат Пьер, которого он всюду представлял как своего компаньона, тоже был принят в лучших домах Нового Орлеана.

Жена Пьера Лафита, Франсуаза, была дочерью художника-миниатюриста Жана Батиста Селя с Санто-Доминго, хорошо известного по всему Карибскому бассейну; в частности, в Новом Орлеане жили многие его заказчики.

О Жане Лафите долго ходили самые таинственные слухи. Лишь недавно его подлинная биография стала достоянием гласности благодаря изысканиям английского историка Стенли Клисби Артура, опубликовавшего о нем солидный труд.

Итак, настоящим местом рождения Жана Лафита был не Бордо, а Порт-о-Пренс на острове Санто-Доминго (ныне столица Республики Гаити). Случилось это в 1782 году. Жан был младший из восьми детей в семье. Само же семейство достойно отдельного рассказа. Его отец, Мариус Лафит, жил в провинциальном французском городке Понтарлье, где занимался выделкой кож. В возрасте двадцати двух лет он женился на Зоре Надримал, семнадцатилетней испанской еврейке.

Мариус и Зора Лафит покинули Францию и переехали на Санто-Доминго, где у них родились восемь детей, в том числе наш герой. Родители взяли с собой в Новый Свет бабушку — мать Зоры. Именно она воспитывала младших детей, поскольку Зора умерла молодой, и Жан Лафит сохранил о ней самые теплые воспоминания:

— Я научился относиться к окружающим с терпимостью благодаря своей бабке, помнившей времена инквизиции. Она обладала поразительным чутьем на людей.

В семнадцатилетнем возрасте Жан женился на Кристине Левин, жившей в датских владениях на Антильских островах, и та родила ему дочь. Кристина действительно умерла от послеродовой краснухи на борту судна, шедшего с Санто-Доминго в Новый Орлеан, но корабль благополучно добрался до места назначения, и никакие испанские корсары не нападали на него в пути.

Сегодня во Французском квартале в центре Нового Орлеана, на улице Бурбон, можно видеть длинное низкое строение из кирпича с деревянными балками. На нем висит табличка: «Кузня Лафитов». Да, именно здесь обосновались братья Лафит в начале 1805 года, менее чем через год после злополучного инцидента с захваченными парусниками. Новоорлеанская полиция не беспокоила ненужными расспросами пиратов-контрабандистов, переквалифицировавшихся в... кузнецов. Почему американские власти не стали расследовать случай захвата американского судна в американских территориальных водах? Об этом надо было спросить Клэрборна. Но у губернатора хватало иных забот, да и сам инцидент в ту эпоху не был из ряда вон выходящим.

Происходили вещи куда более достойные внимания администрации.

Братья обосновались в кузне. Разумеется, они не махали молотом — на американском Юге белому джентльмену никак не пристало заниматься физическим трудом. Лафиты лишь наблюдали за работой нескольких кузнецов-негров, принимали заказы и вели бухгалтерские книги. Всегда любезные и услужливые, они не имели недостатка в заказчиках, особенно когда те выражали желание приобрести контрабандой десяток невольников в хорошем состоянии и по разумной цене.

В следующем, 1806 году братья Лафит даже приобрели патент на право работорговли, не перестав, однако, заниматься контрабандной поставкой «черного товара». В Новом Орлеане купить невольников можно было официально или неофициально — все зависело от готовности уплатить подходящую цену за качественный товар. Лучшие дома города пользовались услугами кузни Лафитов; среди их клиентов числились даже настоятель собора святого Людовика и сестра-экономка монастыря урсулинок.

Сейчас уже невозможно установить, сколько времени братья Лафит занимались этим бизнесом. Весьма вероятно, постепенно они передали работорговлю управителю, поскольку присмотрели себе иное занятие. Для того чтобы понять события, нам вновь придется обратить взор на море.

Война между наполеоновской империей и Испанией опять придала легальный характер пиратским операциям в Карибском море: французские губернаторы Мартиники и Гваделупы стали выдавать грамоты любому корсару, желавшему «добывать испанца» под флагом Французской империи.

Однако после оккупации обоих островов англичанами (1809, 1810) поручительства оказалось выдавать некому. Но тут эстафету переняла Колумбия, стряхнувшая с себя испанское иго:

— Патриоты и авантюристы, мой порт Картахена открыт для вас! Здесь вы сможете без всяких хлопот обзавестись жалованной грамотой и плавать под колумбийским флагом.

Дело пошло на лад. Нельзя не посочувствовать Испании, землю которой оккупировала наполеоновская армия, а флот трепали на морях бандиты всех мастей; сплошь и рядом они не брали никакого поручительства, поскольку за испанский флаг некому было вступить, а просто грабили встреченное испанское судно, после чего спокойно продолжали плыть своей дорогой.

Новая вспышка флибустьерской активности не могла пройти мимо внимания капиталистов, готовых вложить деньги в любое

прибыльное предприятие. Именно в те времена на американском Юге возникли состояния, которые затем были преумножены наследниками, мало обеспокоенными вопросом, откуда вдруг взялись у их родителей бешеные деньги. Отдельные газеты и благочестивые ассоциации пытались было поднять голос против «узаконенного грабежа», возбудить общественное мнение. Куда там! Проценты на вложенный капитал были столь ошеломительными, что о прекращении разбоя не могло быть и речи. Капиталисты разве что стали действовать чуть менее открыто: зачем дразнить окружающих?

Что касается исполнителей, то для них главная проблема вырисовывалась четко: найти укромные базы, закрытые от яростных ветров, куда не могли бы войти крупные военные корабли и откуда было бы удобно сплавлять награбленный товар.

Однажды неприметным днем 1811 года Жан Лафит вышел с рассветом из своего дома в сопровождении двух молодых, весьма смахивавших на телохранителей; возле Мясного рынка он спустился на дебаркадер и перескочил на палубу парусного баркаса, который сразу же отвалил, держа курс вниз по течению.

Путь был недолгий, о прибытии Лафита знали, потому что в месте, куда он причалил, уже ждали три лошади под седлом. Хозяин с телохранителями проскакали около двух лье до одного из рукавов Миссисипи. Рукава отходят от главного русла задолго до впадения и самостоятельно впадают в Мексиканский залив, если только не упираются в озеро или болото, коим несть числа в покрытой густыми зарослями гигантской дельте.

Рукав, куда прибыл Жан Лафит, называется Баратария. Я спустился по нему на моторной лодке сто пятьдесят лет спустя. За исключением трех первых миль, где ныне высятся судостроительные верфи, пейзаж изменился мало. Жан Лафит сел в длинную лодку, и тотчас восемь гребцов мощными взмахами весел вывели ее на середину протоки.

Этот рукав — самый значительный из ответвлений Миссисипи: местами он достигает ширины Сены близ Парижа. Справа и слева тянется непроглядная густозеленая полоса растительности, откуда несутся печальные крики птиц; огромные старые дубы едва не гнутся под тяжестью длинных шлейфов испанского мха.

Заросли иногда вдруг расступаются и даже вовсе исчезают, уступая место плоским участкам ярчайше зеленого цвета: это болота, откуда поднимаются в воздух стаи диких уток и белых цапель. И вновь заросли смыкаются непроницаемой стеной. Вот у подножия дерева, высунувшись из тины, застыл аллигатор;

плеск весел заставляет его нырнуть. Гребцы Жана Лафита не обращают на него никакого внимания. Чуть дальше под сенью деревьев в небольшой излучине показывается несколько хижин под коническими крышами — индейская деревушка. Перед ней в пироге сидят рыбаки. На их выбритых головах видна оставленная посерединке черная прядь; бронзовые лица даже не поворачиваются в сторону проходящей шляпки

Справа начинается приток, за ним — другой, потом еще один слева и опять справа. До бесконечности. Рукава смыкаются, расходятся, ныряют в узкие туннели в девственной растительности. Умопомрачительное сплетение, в котором способен разобраться лишь опытный глаз, утомляет внимание. Солнце уже близится к зениту, и гребцы берут ближе к берегу, чтобы оказаться в тени нависающих ветвей. В полдень Лафит приказывает остановиться на отдых. Потом экипаж продолжит путь до темноты; заночуют они в бухточке в сложенном из ветвей бунгало.

Наутро по мере спуска рукав будет расширяться все больше и больше. Впереди меж разошедшихся берегов засверкает на солнце светлая полоса. Уже море? Нет, озеро. Широкое, дикое, окруженное лесом, подходящим почти вплотную к воде. Лишь кое-где на узких песчаных пляжах виднеются островерхие индейские хижины и вытащенные на берег пироги. Мы оказались в озере Большая Баратария. Это крупный водоем: двадцать километров в длину и десять в ширину. Издали озеро кажется непроточным, но это не так. Из его южной оконечности вытекает опередной рукав. Лодка Жана Лафита направляется туда, спускается еще десяток километров вдоль острова, на котором возвышается странный пирамидальный холм, после чего рукав впадает еще в одно озеро — Малая Баратария, меньших размеров, чем его старший брат, и также заканчивающееся протокой.

Все эти топографические подробности рискуют утомить нас, хотя в отличие от гребцов Жана Лафита мы негнулись двое суток на веслах. Но без этого трудно будет понять ход разыгравшихся здесь событий.

Итак, мы проехали два озера, прошли еще одну протоку, и перед нами открылась третья водная гладь шириной с Большую Баратарию; ее можно было бы принять за озеро, но морской запах не позволяет ошибиться — это уже не озеро. Мы в бухте Баратария, выходящей в Мексиканский залив. Впрочем, «выходящей» слишком громко сказано. Два плоских песчаных острова почти полностью закрывают доступ в нее со стороны моря. Острова носят названия Большая Земля (в память о Санто-Доминго) и Большой Остров. Узкий проход между ними скорее

угадывается, но именно в труднодоступности и заключалась ценность бухты Баратария.

Как и озера того же названия, она окаймлена лесом. Если смотреть издали, то из-за островов, на внутренней стороне бухты, тоже виднелись строго вертикальные голые стволы: то были мачты кораблей. Целая флотилия скрывалась в Баратарии, причем это не были речные или озерные суда. Хотя паруса их были спущены, по длине мачт и высоте корпусов можно было легко догадаться, что корабли предназначены не только для каботажного плавания в Карибском море, но и для далеких океанских походов. В открытом море они наводили страх, а здесь, спрятанные за песчаными островами, выглядели буднично и мирно.

Если бы вам довелось побывать на островах бухты Баратария в ту эпоху, вы бы удивились странным деревянным строениям, похожим на жилища покорителей американского Дальнего Запада. Еще пуще удивила бы вас публика, сидевшая в тени навесов или слонявшаяся по солнцепеку. Внешне она была похожа на уже знакомое нам разбойное население Тортуги, разве что вычурной пестротой костюмов напоминала нынешних отпускников, устремляющихся вкусить «первозданной» жизни у моря. Но одежды баратарийцев были оборваны по-настоящему, а лица покрывал стойкий морской загар с белым налетом соли. Если бы вы из любопытства стали исследовать остров, то на оконечности, обращенной к узкому проливу, обнаружили предметы, призванные отбить охоту у непрошенных визитеров,— пушки.

Это было классическое пиратское логово, тайное убежище Жана Лафита и одновременно источник его богатства и влияния.

Горстка пиратов-кустарей обосновалась в протоках и потайных рукавах миссисипской дельты еще в 80-х годах XVIII века; промышляли они мелкими нападениями, чувствительными не более, чем комариные укусы. В начале нового столетия опытные профессионалы разбоя уяснили, что запутанная водная сеть Баратарии представляла собой идеальное убежище: с моря в нее можно было с трудом протиснуться между двумя песчаными островами, зато из бухты водный путь вел далеко в глубь континента, доходя чуть ли не до предместий Нового Орлеана. Разбойничье логово идеально отвечало трем главным условиям: укрыто от ураганов, недоступно для крупных боевых кораблей и удобно для отправки добычи к местам сбыта.

Верткие суда входили в бухту, пираты тут же перегружали товар на баркасы или лодки, поднимавшиеся по протокам и

рукавам через два озера Баратария к Новому Орлеану. Сбыв награбленное, разбойники растекались по притонам Бассейной улицы, где к ним тут же прилипали, словно кровососы, представительницы древнейшей профессии всех оттенков кожи и собутельники, готовые ночи напролет слушать их хвастливые рассказы о лихих подвигах на море.

Режим свободной конкуренции продлился несколько лет, неизбежно породив смуту. Пираты всех национальностей стали стягиваться в Баратария. Старожилы начали ворчать: «В бухте и так тесно!» Капитаны стали обвинять друг друга в переманивании матросов, бесчестной конкуренции и даже кражах награбленного. Ссоры переросли в стычки, пролилась кровь. Постепенно примитивное сообщество разбойников пришло к заключению: «Нам нужен вождь!» Взоры всех обратились к Жану Лафиту.

Братья Лафит, снарядив свою первую пиратскую шхуну, быстро поставили дело на широкую ногу. Жан командовал шхуной, предоставляя другим пиратам отвозить добычу из Баратарии в Новый Орлеан, где не было недостатка в покупателях. Братья Лафит обзавелись в городе посредниками, работавшими с полной нагрузкой. Бизнес процветал. Вскоре братья купили вторую шхуну, потом еще несколько судов. Неудивительно, что, когда баратарийцы почувствовали необходимость в главаре, они обратились к человеку, наиболее преуспевающему в делах. Жан был предпочтительнее Пьера, поскольку имел больший опыт как на морском, так и на коммерческом поприще. Кстати, Пьер, став отцом семейства, все реже появлялся в Баратарии.

— Кузнец, стань нашим *босом*!

Лафитов все еще называли в Баратарии кузнецами, памятуя об их первом предприятии. А *бос* (с одним «с»), слово неизвестного происхождения, на жаргоне пиратов означало «хозяин», «шеф». Любопытная этимология, не правда ли?

Жан Лафит без колебаний согласился. С этого момента начинается новый этап в его карьере, которую по размаху можно сравнить с эпопеей Генри Моргана в новых обстоятельствах. Именно талантом Жана Лафита отмечена заключительная страница в истории Флибустьерского моря.

Это был умелый командир и храбрый боец, без колебаний бросавшийся в гущу абордажной схватки, опытный капитан, не страшившийся штормового моря, и прозорливый тактик, умеющий предугадывать ходы противника. И эти таланты, как мы увидим, он проявит не только в занятии пиратством.

Выбранный босом, он тотчас же снабдил всех капитанов Баратарии жалованными грамотами от антииспанских властей

Картахены, тем самым «легализовав» сообщество. Лафит намеревался превратить пиратский промысел в крупномасштабное предприятие. Несколько недель спустя после того, как он взял в свои руки бразды правления, посредникам в Новом Орлеане было объявлено, что пираты больше не намерены тайком доставлять им товары. Если маклеры хотят продолжать вести дело, пусть изволят отныне являться сами на пиратский оптовый рынок.

Спустившись по рукаву Баратария, пройдя большое и малое озера, новоорлеанские дельцы добирались до острова со странным пирамидальным холмом, который мы мельком заметили по дороге. Холм носил наименование Храмового: на вершине его выступали из растительности несколько сложенных камней, указывающих на то, что здесь некогда находилось святилище индейцев. Теперь на холме было святилище богу наживы — обширные склады, куда поступала добыча с судов, возвращавшихся из удачных пиратских рейдов. Здесь устраивались торги, на которых с аукциона шли партии награбленного товара; отдельные сделки маклеры заключали лично с Жаном Лафитом, главой баратарийского треста. Результаты новшества были весьма впечатляющими: за год прибыли пиратов удвоились.

Братья Лафит по-прежнему владели личной флотилией, составленной из лучших кораблей и экипажей. В нее входили: «Мизер» и «Дорада» под командованием Жана Лафита (он продолжал выходить в море); «Пти Милан» капитана Гамби, по прозвищу Гамбино; «Шпион» капитана Рене Белюша, дяди Лафитов; «Сенси Джек» капитана Пьера Сикара и «Виктори» капитана Франсуа Сапия.

Свой авторитет *боса* Жан Лафит утвердил с самого начала. Первым и единственным инакомыслящим оказался капитан Гамбино, свирепый итальянец, почему-то возмущившийся по поводу терминологии:

— Зачем это нам зваться корсарами? Я был пират и им останусь. Пусть все знают!

Один из подпевал Гамбино тут же подхватил реплику и стал громогласно бахвалиться, что он не признает никакого боса. Как гласит легенда, Жан Лафит на глазах у всех заколол его кинжалом в назидание будущим выскочкам. Убийство это осталось недоказанным, но о нем упоминают в своих заключениях несколько судебных лиц, позже проведявших расследование деятельности Лафита, в том числе судья Уокер. Мне лично этот поступок кажется вполне вероятным при тех обстоятельствах. Любой главарь банды, допускающий, чтобы его публично поносили, недолго удержит власть.

Жан Лафит проводил несколько дней в Баратарии, после чего возвращался в Новый Орлеан, появлялся в «Кафе беженцев», приглашал на ужин полезных людей, которым был полезен и сам. Благодаря кузнецу они делали хорошие деньги и, пользуясь своим влиянием, *улаживали* отношения с таможней и полицией в случае каких-то осложнений. Жан Лафит прекрасно знал пути к сердцу чиновников, делаящие их более понятливыми и готовыми к «сотрудничеству». Новая американская администрация не ставляла в этом смысле исключения. И не только в ту эпоху.

Сказать, что Жан Лафит вел двойную жизнь, было бы неверно. У него была тройная, если не четверная жизнь. Он появлялся не только в городе и в Баратарии. В сезон, когда спадала жара, в деревнях выше по течению Миссисипи устраивали танцы; частенько к вечеру там раздавался радостный возглас: «Жан Лафит приехал!» Он прибывал на маленьком паруснике в сопровождении нескольких молодцов, улыбающийся, веселый, щедрый, угощая направо и налево, и проходил круг-другой в танце с местной красавицей, чье сердце чуть не выпрыгивало из груди от счастья. Такой праздник запоминался надолго. Босу льстила популярность. Пользуясь случаем, он успевал шепнуть сельским парням, что морской промысел куда веселее и прибыльнее полевой работы.

Я говорил уже, что тридцатилетний герой, умевший скрыть от сторонних глаз свою вторую, третью и четвертую жизнь, был вдов. Городские дамы усиленно присматривали для него подходящую партию, но джентльмен-корсар с милой улыбкой пока отвергал попытки сватовства.

В описании событий нам еще часто будет встречаться название Баратария. Ряд американских историков утверждают, что это слово означало раньше «обман». Я склонен полагать, что оно восходит к старинному французскому термину из морского права, бывшему синониму пиратства. Баратария фигурирует на французских картах начиная с 1732 года, но есть основания предположить, что морские разбойники гнездились в дельте Миссисипи и раньше. Тем не менее, возможно, американцы и правы, поскольку слово этого корня, помеченное XIII веком, зарегистрировано французскими словарями в значении «обман». Сойдемся на том, что никакого положительного оттенка этот термин не несет.

В описываемую эпоху в Новом Орлеане выходили три французские газеты: «Луизианский курьер», «Новоорлеанская пчела» и «Луизианская газета». Редактор последней, некто Леклерк, был одним из преданнейших друзей Лафита. В конце

апреля 1812 года на первой странице его газеты появились две статьи. Одна была напечатана под заголовком «Драгуны заснули» и представляла собой ироническое описание экспедиции, затеянной таможенниками против Баратарии. Сорок драгунов под командованием капитана Холмса отправились на баркасах вниз по рукаву с целью перехватить контрабандистов, перевозивших по ночам нелегальный груз в Новый Орлеан.

Вовремя предупрежденный своими подручными, Лафит той же ночью доставил в город — только другой протокой — огромное количество товара, прибывшего именно тогда, когда незадачливый Холмс возвратился назад не солоно хлебавши. Редактор «Луизианской газеты» не без сарказма писал, что драгуны ничего не заметили потому, что, «будучи более привычны к лошадиному галопу, чем к баяканью баркаса», просто-напросто заснули во время выполнения ответственного задания. Статья вызвала немало смешков, номер шел нарасхват, речистому Леклерку даже пришлось срочно допечатать дополнительный тираж в тысячу экземпляров.

Вторая короткая заметка тоже фигурировала на первой странице под заголовком «Вскоре война». В ней не содержалось никакой иронии.

Сейчас из нашего далека забавно читать, что в то время практически никто в Европе не верил, что Версальский мир (1783), подытоживший Войну за независимость Соединенных Штатов Америки, продлится долго. Меньше всех верила в это Англия и делала все, чтобы подорвать статьи мирного договора. Англичане открыто поддержали восстание индейцев под руководством вождя Текумсена (1810—1811) в Индиане; под предлогом объявленной против наполеоновской Франции блокады британские корабли грубо задерживали американские суда в территориальных водах Соединенных Штатов; английские капитаны рекрутировали американских матросов в их собственных портах. Уже произошло несколько стычек между английскими отрядами и войсками Штатов.

Новоорлеанцы без особого волнения читали публикуемые газетами сообщения на эту тему: предвестники войны имели место «на Севере», иными словами, далеко от дома. Куда больше их интересовали местные новости. Даже летом 1812 года, когда война действительно разразилась и англичане подожгли в Вашингтоне Капитолий, новоорлеанцы нисколько не взволновались. Они продолжали заниматься своими делами, ведь война была где-то за многие сотни километров. Как раз в то лето деятельность пиратов-контрабандистов расцвела особенно пышным цветом.

После смехотворной попытки Холмса досадить нелегальным бизнесменам все вновь вошло, если так можно выразиться, в чинное русло. Храмовый холм превратился в шумное торжище, захваченные товары текли в изобилии и с похвальным постоянством. Баратарийскому тресту «Жан Лафит и К°» впору было начать котироваться на бирже.

«Адвокат Пьер Морель, долголетний поверенный в делах господ братьев Лафит, сообщил, что его клиенты, арестованные в результате недоразумения с таможенными властями, будут немедленно освобождены». Эта коротенькая заметка появилась на второй странице «Луизианской газеты» в последний день ноября 1812 года. Прочтя ее, владелец «Кафе беженцев» во всеуслышание заявил:

— Завтра они появятся здесь!

Это мнение разделяли все.

Однако на следующее утро «Новоорлеанский курьер» напечатал подробности, наводившие на размышления. Никакого недоразумения не было. Просто капитан Холмс повторил операцию, потерпевшую фиаско в апреле, а на сей раз закончившуюся успехом. Двадцать четыре флибустьера плюс их бос с братом оказались за решеткой в Калабусе — построенном испанцами величественном массивном замке, где кроме тюремных камер помещались также суд и городская ратуша.

Прошла неделя, за ней другая. Горожане старались не особенно обсуждать сенсационное происшествие; многие опасливо задавались вопросом: «Как обернется дело? Кто еще окажется замешан?» Всеобщий вздох облегчения раздался к концу второй недели, когда адвокат Пьер Морель совершенно официально заявил: «Мои подзащитные будут освобождены завтра». У ворот Калабуса собралась небольшая толпа, чтобы поздравить обоих «кузнецов» с благополучным разрешением инцидента.

Жан Лафит устроил грандиозный банкет в гостинице, а оттуда проследовал в «Кафе беженцев», где его ждала триумфальная встреча. Никто из вежливости не упоминал и намеком, что братьев отпустили *под залог*. Морель твердил как заведенный: «Никакого обвинения не предъявлено». Действительно, обвинения не было. Пока еще не было.

Дикие утки и гуси плескались на болотах Луизианы, ночи становились прохладными; новоорлеанцы наслаждались своей мягкой зимой. Вести о войне были отрывочными и не внушали беспокойства. Потом гладь реки зарябил ветер с моря, верный предвестник скорой весны.

Где-то в середине марта прохожие застыли на *банкетках*, читая расклеенные на заре по городу объявления:

«Губернатор штата призывает честных граждан очистить доброе имя Луизианы от попреков в том, что она приютила компанию, которая нападает на корабли держав, находящихся в мире с Соединенными Штатами, не чтит собственности, без зазрения совести подрывает законную коммерцию и не платит налогов штату. Всякое лицо, уличенное в том, что оно делит несправедно добытый доход с членами означенной компании, будет подвергнуто суровому наказанию».

Комментарии прохожих по поводу напыщенного стиля губернаторского объявления были весьма едкими. Текст опубликовали все городские газеты. Общую реакцию можно было резюмировать так:

— Все это сущая ерунда. Лафиты не названы по имени. Власти бессильны что-либо сделать с ними.

Однако в Новом Орлеане был человек, считавший, что Лафитов необходимо остановить. Это был окружной прокурор по имени Джон Рэндолф Граймз, человек молодой и пылкий, горевший желанием зарекомендовать себя с лучшей стороны на только что полученном посту. По его настоянию губернатор Клэрборн согласился предъявить обвинения братьям Лафит в суде штата. В зале и коридорах теснилась любопытствующая публика.

— Пристав, введите обвиняемых.

Судебный пристав могучим голосом выкликнул имена и фамилию знаменитых братьев. Ответом было полное молчание. Потом раздались несколько смешков, тут же пресеченных председательствующим. Лафиты, выпущенные на свободу под залог, отсутствовали; они даже не удосужились прислать вместо себя адвоката, что было уже открытым вызовом. Дж. Р. Граймз невозмутимо заявил, что братья Лафит обязаны внести в казну двенадцать тысяч четырнадцать долларов и пятьдесят центов в счет налога за продажу необъявленного товара, в противном случае им грозит судебное преследование. На этом заседание было закрыто.

Неделю спустя суд собрался вновь. Отсутствие Лафитов вызвало еще больше смешков: видно, братья-разбойники чувствовали свою силу, раз осмелились обращаться с судьями столь пренебрежительно.

Еще через неделю было устроено третье заседание. Зал был забит до отказа, зрители не скрывали иронического настроения. Но что это? В коридорах появилась вооруженная охрана, и председательствующий объявил, что при первом же проявлении неува-

жения к суду он силой очистит зал. Пристав дважды выкликнул имена Лафитов, после чего поднялся прокурор Граймз:

— Суд вынес постановление доставить сыеров Жана и Пьера Лафитов в зал заседания силой. Судебный исполнитель сообщил, однако, что означенные лица не находятся в городе. Каково будет решение, ваша честь?

Судья прочистил горло и произнес будничным тоном:

— Освобождение под залог сыеров Жана и Пьера Лафитов объявляется недействительным. Заседание закрыто.

На сей раз в зале воцарилась мертвая тишина. Слова судьи означали, что на арест обоих братьев выписан ордер.

В последующие дни никто в городе не видел их.

— Они там, где положено, — отвечал хозяин «Кафе беженцев» клиентам, осаждавшим его вопросами.

Три дня спустя весь город знал:

— Лафиты в Баратарии, их можно видеть на Храмовом холме, где полным ходом идут торги.

Это была правда. Братья Лафит, удалившись в свои владения, попросту *игнорировали* судебное постановление, словно на них не распространялись законы штата Луизиана. Их бизнес процветал, от покупателей не было отбоя. Словом, все шло как прежде.

В конце июня Лафит подтвердил феодальный характер своего владения. Британское сторожевое судно погналось за двумя парусниками флибустьерской флотилии, скрывшимися в Баратарийской бухте. Встреченный прицельным огнем орудий Большой Земли, сторожевик ретировался, унося разодранный в клочья флаг с георгиевским крестом. Жан Лафит с полным правом мог именовать себя «баратарийским императором» — этот титул он присвоил себе в полушутливой прокламации, которую опубликовал в «Луизианской газете».

«Поощряемые безнаказанностью своих деяний, злоумышленники наносят законным властям афронт среди бела дня. Так, действуя под началом некоего Жана Лафита, они тяжело ранили помощника таможенного инспектора Уокера Гилберта.

Настоящим распоряжением губернатора Луизианы приказывает всем гражданским и военным властям штата бдительно следить за соблюдением закона и задерживать всякого, уличенного в нарушении его. Губернатор предупреждает о серьезных последствиях, которые будет иметь оказание какой-либо помощи или содействия Жану Лафиту и прочим злоумышленникам.

Объявляется награда в 500 (пятьсот) долларов тому, кто передаст Жана Лафита в руки шерифа Нового Орлеана или любого другого округа.

Совершено в Новом Орлеане 24 ноября 1813 года. Вильям С. С. Клэрборн, губернатор».

Объявление было напечатано в местных газетах. А два дня спустя по всему городу разошлась во множестве экземпляров листовка такого содержания: «Жан Лафит предлагает награду в 5000 (пять тысяч) долларов тому, кто доставит к нему губернатора Вильяма С. С. Клэрборна. Баратария, 26 ноября 1813 года». Ответ немало потешил горожан; как передают, даже Клэрборн оценил юмор этого документа. Престиж Лафитов поднялся необыкновенно высоко.

Через месяц маклеры братьев-негоциантов открыто сообщили, что на 15 января 1814 года на Храмовом холме назначена широкая распродажа рабов и мануфактурных товаров, «доставленных» из Европы. Приглашались все желающие из Нового Орлеана и его окрестностей.

Торги состоялись. Правда, они были слегка нарушены инцидентом, о котором сообщил «Курьер» (леклерковский листок обошел его молчанием):

«Таможенное ведомство отрядило двенадцать человек под командованием лейтенанта Стаута для конфискации нелегального товара и разгона покупателей. По прибытии на место отряд был атакован. Лейтенант Стаут был убит, двое солдат тяжело ранены, остальные взяты в плен, но несколько дней спустя отпущены на свободу».

В газете замалчивалась деталь, о которой в городе знали все: пленники при выходе на свободу получили по роскошному подарку лично от Жана Лафита.

Через два месяца окружной прокурор Граймз явился к губернатору с докладом, в котором содержались следующие сведения.

За последние полгода пиратами было завезено в Баратарии товаров на миллион долларов. Они хранились не только на складах Храмового холма, но и в самом городе. По меньшей мере десятая часть взрослого населения Нового Орлеана связана с нелегальной торговлей и извлекает из нее немалую прибыль. В иные дни на Храмовом холме собиралось до пятисот новоорлеанцев, среди них немало знатных горожан и чиновников. Инспектор таможи Гилберт конфиденциально сообщал, что у братьев Лафит есть сообщники в таможенном ведомстве.

— Не кажется ли вам,— спросил окружной прокурор,— что чаша терпения переполнилась?

— Я считаю, что она переполнилась уже давным-давно. Но как быть? Я перепробовал все возможности. Законодатели штата отказываются предоставить мне полномочия для посылки войск против Баратарии.

— В таком случае следует обезглавить банду. Мне известно, что Пьер Лафит нагло появляется в городе. Можно арестовать его.

— И что это даст? Он внесет двенадцать тысяч в казначейство, заплатит какой угодно штраф, после чего мы будем вынуждены отпустить его.

— Я найду более серьезное обвинение, от которого он не открутится!

— В таком случае я с вами.

Граймзу пришлось дожидаться своего часа еще два месяца. Но он не упустил его. В июне судно федеральной полиции задержало в территориальных водах баратарийца по прозвищу Джани Огненная Борода, который, не имея поручительства, ограбил два испанских купеческих парусника.

— Я берусь доказать,— сказал Граймз губернатору,— что этот тип действовал по наущению главарей банды. При первой же возможности арестуйте Пьера Лафита.

Две недели спустя он был арестован среди бела дня на улице, и шериф препроводил его в Калабус. Адвокат Лафита тотчас подал прошение о выпуске своего клиента под залог, но Граймз отказал: никакого залога. 18 июля судья Холл уведомил Пьера Лафита, «в настоящее время содержащегося в заключении в городской тюрьме, что пират и контрабандист Джани Огненная Борода признал, что действовал по его, Лафита, совету и наущению», посему ему предстоит ответить за свои преступления перед Большим жури.

Адвокат попросил аудиенции у судьи Холла:

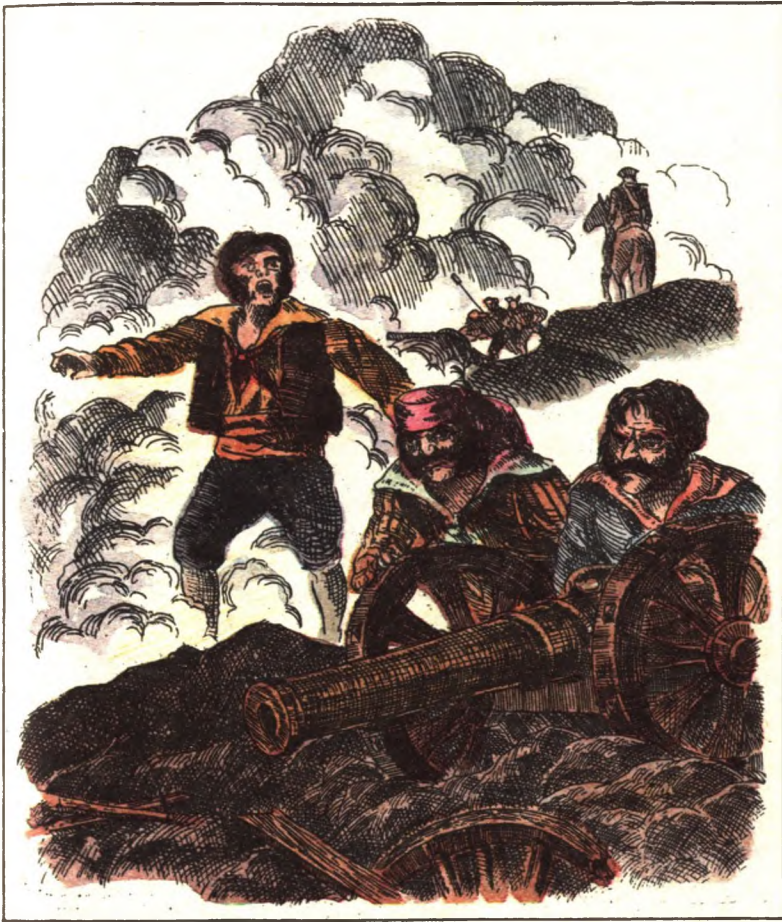
— Мой подзащитный болен, недавно он перенес апоплексический удар, парализовавший часть лица. Тем не менее его содержат в камере в цепях. Я настаиваю на снятии цепей.

Джон Рэндолф Граймз был начеку, он делал все, чтобы не дать судье Холлу смягчить участь Лафита. Двое врачей были командированы в тюрьму для освидетельствования узника; они пришли к выводу, что содержание в цепях не отразится на его здоровье.

— Вот увидите,— потирая руки, говорил Граймз Клэрборну,— недалек тот день, когда мы закуем и второго братца, после чего их останется лишь повесить!

Губернатор ничего не отвечал. Создавалось впечатление, что эта блистательная перспектива не особенно радовала его.

Черная неблагодарность

3 сентября 1814 года. Пьер Лафит все еще прикован к стене тюремной камеры в Новом Орлеане. В этот день перед Баратарией появляется бриг под флагом британского королевского флота. Корсары не успевают поднять тревогу, как «англичанин» стреляет в упор из орудия по флибустьерскому паруснику у входа в бухту. Получив пробоину в корпусе, парусник садится на мелководье. А «англичанин» спокойно отходит на три кабельтовых от берега, вне пределов досягаемости батареи. Он словно бы ожидает чего-то.

От берега отваливает шлюпка — Жан Лафит направляется к необычному визитеру. Бриг спускает на воду ялик под парламен-

терским флагом. Обе лодки сходятся вплотную. Англичане подают голос первыми:

— Где мистер Лафит?

— На берегу.

Жан Лафит отвечает решительно, не задумываясь ни секунды.

— У нас для него пакет.

— Передайте мне.

Англичанин отдает пакет с наказом вручить его адресату в собственные руки.

— Не беспокойтесь. Впрочем, если угодно, можете убедиться сами, что пакет доставлен по назначению. Прошу следовать за мной.

Англичане гребут к берегу. Когда до него остается метров пятьдесят, глава баратарийцев сообщает:

— Жан Лафит—это я. Буду иметь честь принять вас в своем доме.

На острове англичан тут же окружила вопящая, разъяренная толпа. Похоже по всему, баратарийцам не пришлось по нраву выстрел из пушки: подобное начало не предвещает хорошего знакомства. Если бы не решительность боса, гостям было бы не одобровать.

«Нас ждал весьма изысканный прием у мистера Лафита»,— писали они затем в отчете. Хозяин жил на затерянном среди болот и проток песчаном острове на широкую ногу. Были поданы великолепные французские вина. Мы забыли упомянуть, что гостями в тот день были командовавший бригам капитан первого ранга Локкайер, имевший при себе в качестве переводчика пехотного капитана Маквильямса. На врученном Жану Лафиту пакете значился написанный по-французски адрес: «Месье Ла Фиту, командующему Баратарией, либо персоне, возглавляющей флибустьеров на острове Большая Земля, что у побережья Луизианы».

— Пакет,— сказал Локкайер через переводчика,— направлен вам командующим войсками ее величества во Флориде генералом Николсом. Не угодно ли вскрыть его и ознакомиться с вложенной корреспонденцией.

Лафит вытащил первое письмо, распечатал его и мельком взглянул на текст.

— Он написан по-английски.

С начала разговора Жан делал вид, что не понимает ни слова на этом языке. Он протянул письмо переводчику, и тот начал читать:

«Ставка в Пенсаколе, 31 августа 1814 года. Сэр, я прибыл во Флориду с намерением начать военные действия против един-

ственного врага Англии. Как вам известно, Франция и Англия вновь стали дружественными державами...»

Для уяснения последующих событий напомним, что война между Соединенными Штатами и Англией тянулась уже почти полтора года. Англичане разработали стратегический план захвата богатой Луизианы; первым объектом нападения должен был стать город Мобил. Опытный Николс высадился во Флориде, принадлежавшей в то время испанцам. Испанский губернатор наотрез отказался сотрудничать с англичанами, но это не смутило Николса. Он решил прощупать настроение жителей Флориды и Луизианы по отношению к американцам и нанять лоцманов, хорошо знающих побережье. Его письмо Жану Лафиту преследовало именно эти цели.

Николс предлагал Лафиту и его «храбрым сподвижникам» поступить на службу британской короне. За это главе баратарийцев был обещан чин капитана первого ранга. А после заключения мира всем участникам военных действий обещались земельные участки — в зависимости от их звания и заслуг.

Баратарийская флотилия должна была поступить в распоряжение британского командующего; в случае ущерба владельцам судов гарантировалась компенсация из английской казны.

«Ожидая немалую пользу от нашего сотрудничества,— писал в заключение Николс.— Прошу вас не медлить с решением. Податель сего даст вам любые разъяснения касательно данного предприятия. В ожидании скорейшего ответа остаюсь ваш преданный слуга Э. Николс, командующий войсками Ее Величества по Флориде».

Жан Лафит выслушал перевод с большим вниманием, не проронив ни слова. Когда капитан закончил чтение, он сделал знак слугам наполнить бокалы.

— Второй документ,— сказал Локкайер,— представляет собой обращение к населению Луизианы. Мы только что отпечатали его в Пенсаколе. Капитан Вильямс прочтет вам.

«Жители Луизианы! — начал декламировать переводчик.— Мы обращаемся к вам с призывом помочь освободить земли ваших предков из-под власти глупого и бесчестного правительства. Испанцы, французы, итальянцы и англичане! Я призываю вас принять участие в справедливом деле освобождения провинции от американских узурпаторов, после чего земли будут возвращены их законным владельцам...»

Далее следовал аналогичный призыв к жителям штата Кентукки, где уже шли военные действия. Лафит выслушал все с прежней невозмутимостью.

— Я вижу здесь еще один документ,— сказал он.

— Это уже не столь важно,— чуть замявшись, сказал Локкайер.— Протест капитана брига «Гермес» Генри Перси. Он жалуется на захват вашими людьми нескольких своих матросов. Прошу вас не обращать внимания на форму письма. Капитан Перси— старый морской волк, не привыкший к церемониям...

Жан Лафит все же попросил прочесть ему письмо. Тон его действительно был грубым и даже угрожающим. Желая разрядить неловкость, Локкайер осведомился, что Лафит думает о предложении генерала Николса.

— Предложение весьма лестно и почетно,— добавил англичанин.— Столь высокое воинское звание редко когда дается иностранцу. Кроме того, я уполномочен сообщить вам еще одно условие, не упомянутое в письме.

Лафит оставался непроницаем. Локкайер кашлянул и продолжил:

— Лично вы получите сумму в тридцать тысяч долларов. Выплата по вашему выбору может быть произведена в Пенсаколе или Новом Орлеане.

Глава Баратарии молчал. Гости, переглянувшись, заговорили разом, один по-английски, второй по-французски. Ей-богу, предложение Николса настолько привлекательно, что человек в здравом уме не станет отказываться. Целое состояние плюс почетное звание капитана королевских военно-морских сил! Англичане не скупясь расхваливали сделку. Такой шанс выпадает раз в жизни.

— Мне нужно время, чтобы подумать,— промолвил наконец Жан Лафит.

— Полноте, что тут думать! Вы ведь француз, а значит, друг Англии. К тому же американский губернатор объявил вас вне закона, подверг всяческому позору и поношению, а ваш брат коварным образом заточен в тюрьму, где его держат в цепях. Разве не так?

Оба англичанина были до глубины души возмущены несправедливостями, сотворенными с братьями Лафит.

— Вас ожидает блистательная карьера. Детальное знание вами Нижней Луизианы будет иметь важнейшее значение при захвате Нового Орлеана. Как только город будет взят, наши войска двинутся в глубь территории на воссоединение с британскими частями, идущими с севера, из Канады...

Короче, стоит Жану Лафиту сказать «да», как война будет выиграна в мгновение ока, а сам он удостоится вечной благодарности английской короны.

— Мне нужно по крайней мере обсудить ваши предложения с моими капитанами,— сказал Лафит.— Я отправлюсь к ним на

Большой остров. А вас попрошу ожидать меня здесь. Я распоряжусь, чтобы вы ни в чем не терпели недостатка.

Не прошло и часа после его ухода, как в помещение ворвалась группа флибустьеров, схватила обоих англичан и без всяких церемоний затолкала их в сарай, навесив на двери амбарный замок. Нет нужды говорить, что парламентареры возмущенно требовали месье Лафита.

Жан Лафит, действительно отправившийся в лодке на Большой остров, узнал о недопустимом обращении с парламентарями по возвращении. Одним из главных мятежников оказался его старший брат Доминик по прозвищу Капитан Доминго, флибустьер, пришедший в Баратариию на своей шхуне «Пандора». Будучи членом клана, он сохранял автономию в действиях. Капитан Доминго с приятелями жаждал отомстить англичанам за обиды, причиненные им британским флотом в Мексиканском заливе. Жану Лафиту пришлось целую ночь терпеливо успокаивать горячие головы:

— Я люблю англичан не больше, чем вы. Но мне нужно потянуть время, чтоб выведать их планы. Нам подворачивается случай прославить Баратариию. Может быть, совсем скоро мы станем разгуливать по улицам Нового Орлеана с поднятой головой. Доверьте это дело мне.

Английский бриг стоял на якоре перед Большой Землей. Рано утром Жан Лафит освободил узников и, рассыпаясь в извинениях, проводил их до ялика. Когда капитан Локкайер уже сидел в лодке, бос передал ему запечатанное письмо Николсу. Копия этого письма сохранилась в архиве окружного суда Луизианы, и по ней мы можем судить о дипломатической ловкости «императора» баратарийцев:

«Сэр, смятение, царившее вечером в нашем лагере и отразившееся на удобствах ваших посланцев, не позволило мне продумать в деталях ваше любезное предложение. Поэтому я не могу сейчас дать удовлетворительного ответа. Если вам угодно подождать две недели, я к этому времени буду в вашем полном распоряжении. Данный срок необходим мне для того, чтобы отправить из лагеря людей, сеющих смятение, и привести в порядок свои личные дела. К указанному сроку я буду ожидать ваше судно у входа в бухту».

6 сентября некто Жан Бланк явился в канцелярию губернатора Клэрборна и попросил принять его по срочному делу государственной важности.

Упомянув о Бланке, новоорлеанские газеты непременно добавляли — «фигура, широко известная в нашем городе». Банкир, купец, юрист, член законодательного собрания штата Луизиана — одного этого уже было достаточно для известности. Но люди посвященные знали, что Бланк финансирует «деликатные» операции своих сограждан и пользуется в этой связи огромным влиянием. Губернатор распорядился немедленно проводить его в кабинет.

Раскланявшись, посетитель сказал Клэрборну, что он только что получил от Жана Лафита письмо, заслуживающее самого тщательного внимания. Адресованное Бланку письмо начиналось следующим образом:

«Милостивый государь! Будучи объявлен вне закона моей приемной родиной, я тем не менее продолжаю служить ей верой и правдой. Доказательством тому служат следующие обстоятельства. Вчера, 3 сентября, перед Баратарией появилось судно...» Далее Лафит подробно рассказывал о приезде англичан и сделанном ему предложении. В конце он прикладывал копию врученного ему Локкайером письма генерала Николса, а также текст английской прокламации к жителям Луизианы и Кентукки.

«Вы можете убедиться, читая эти документы, сколь выгоден был бы мне подобный союз. Возможно, я не всегда аккуратно уплачивал таможенную пошлину, но всегда оставался лоялен по отношению к Америке, а все отступления от закона, кои мне доводилось совершать, проистекали от несовершенства этих законов.

Короче, сударь, я посвящаю вас в тайну событий, от которых, возможно, будет зависеть спокойствие в стране. Можете распорядиться этими сведениями, как вам подсказывает разум. Не считаю нужным распространяться далее о своих патриотических чувствах. Пусть факты говорят сами за себя».

Жан Лафит выражал лишь надежду, что его поступок облегчит участь несчастного брата, и заключал так: «Ввиду того что англичане прибыли ко мне под парламентерским флагом, мне пришлось действовать с крайней осторожностью. Выставив благоразумный предлог, я попросил двухнедельной отсрочки и полагаю, что этот срок будет выдержан. В ожидании ответа смею надеяться на ваши юридические советы в столь сложном и запутанном деле».

Клэрборн не стал спрашивать Жана Бланка, отчего главарь баратарийцев выказывает ему такое доверие. Возможно, он знал, что тесное сотрудничество между ними началось еще в 1804 году, когда Бланк купил весь груз захваченной «Милой сестрицы». Губернатор прекрасно понимал, что сейчас не время ворошить

прошрое. Английская угроза, о которой сообщал Жан Лафит, не вызывала сомнений.

— Я сейчас же соберу Комитет обороны Луизианы,— сказал Клэрборн.— Что касается Жана Лафита, то у вас есть возможность передать ему устное сообщение?

— Да, я могу связаться с его посыльным.

— Передайте от меня Лафиту, чтобы он не давал никакого ответа англичанам до решения Комитета обороны. Я же не намерен взыскивать с него за прошлые прегрешения.

Посыльного звали Раушер. Поздно ночью Бланк вызвал его к себе и передал слова губернатора.

— Хорошо,— ответил Раушер.— Я сейчас же выезжаю.

На рассвете он покинул Новый Орлеан. И не в одиночку, поскольку на следующий день «Луизианский курьер» напечатал на видном месте такое объявление: «1000 долларов награды тому, кто задержит Пьера Лафита, минувшей ночью оборвавшего цепи и бежавшего из городской тюрьмы. Приметы Пьера Лафита: рост 5 футов 6 дюймов, сложения крепкого, оттенок кожи светлый, немного косит. Более подробное описание выше-названного Пьера Лафита не требуется, поскольку он хорошо известен в городе. Сообщаем, что он забрал с собой трех негров, содержащихся с ним в одной камере, чьи имена, как и фамилии владельцев, сообщаются. Нижеподписавшийся выплатит 1000 долларов за поимку Пьера Лафита и по 50 долларов за каждого из негров. Подписано: Холланд, тюремный надзиратель».

История «бегства» Пьера Лафита покрыта тайной. Можно лишь догадываться об участии в нем Жана Бланка и Раушера, безусловно действовавших с ведома и согласия самого губернатора.

7 сентября днем Клэрборн собрал Комитет обороны Луизианы. Зачитав присланные Лафитом письма, губернатор попросил членов комитета ответить на следующие вопросы: 1. Можно ли считать эти письма подлинными? 2. Если да, то должен ли губернатор вступить в контакт или переписку с Жаном Лафитом или кем-либо из его компаньонов?

Трое членов комитета ответили на оба вопроса решительным *нет*. Это были коммодор американского флота Дэниел Т. Паттерсон, командир 44-го пехотного полка полковник Т. Росс и казначей федерального таможенного ведомства Пьер Ф. Дюбур. Единственный голос за подал командир национальной гвардии Луизианы майор Жак Виллере:

— Я уверен в подлинности писем англичан. И думаю, что братья Лафит со своими баратарийцами могут решить ход сражения, если противник двинется на Новый Орлеан.

— Надо немедленно напасть и уничтожить это осиное гнездо! — запальчиво воскликнул Дюбур.

Коммодор Паттерсон добавил:

— Я уже получил инструкции морского министра атаковать сборище баратарийцев. Мы подготовили к походу шхуну «Каролина». Я условился с полковником Россом о поддержке его полком нападения на остров Большая Земля. Операцию следует начать без промедления.

Клэрборн сказал, что сожалеет о таком решении, поскольку сам полностью разделяет мнение майора Виллере. Но он не может отменить приказов военных властей. С этими словами он закрыл заседание.

Между тем Жан Лафит, не зная еще о «бегстве» брата, с нетерпением ожидал возвращения гонца Раушера. В тот день, когда в Новом Орлеане заседал Комитет обороны, капитан одного флибустьерского судна, вернувшегося из Пенсаколы, вручил Лафиту письмо от верного друга, в котором тот подтверждал намерение англичан в скором времени вторгнуться в Нижнюю Луизиану. Это сообщение тоже было незамедлительно отправлено Бланку. Лафит добавил от себя, что, если англичане нападут на Баратарию, он со своими людьми будет обороняться.

Корсарская база казалась вымершей; часть дозорных наблюдали с высоко поднятых дощатых настилов за горизонтом, другие — за протокой. Нападения можно было ожидать и с моря, и с суши. 9-го числа уже в темноте с причала Большой Земли донеслись радостные восклицания. Мгновением позже Жан Лафит сжимал брата в объятиях. Добрую часть ночи баратарийцы праздновали чудесное освобождение Пьера, забыв обо всех предосторожностях. Утром Жан сообщил брату о попытке англичан переманить пиратов на свою сторону.

— Ты поступил очень умно, упредив американцев, — одобрил Пьер. — Но, мне кажется, надо отправить Клэрборну личное письмо с предложением услуг нашей корпорации. Оно произведет должное впечатление.

Пьер считал, что такое предложение смягчит в городе впечатление от его подозрительного бегства. Письмо было написано и отправлено, судя по дате, 10 сентября. В нем Жан Лафит предлагал употребить его людей для защиты родины от врага; в качестве единственной награды он просил отменить положение вне закона для «моих поверженцев и меня самого». Письмо было выдержано в цветистых тонах эпистолярного стиля XVIII века. В конце его Жан заявлял, что, если губернатор откажет ему в доверии, он покинет Баратарию, дабы не быть

обвиненным в том, что он добровольно предоставил свою базу англичанам.

11 сентября поздно вечером, когда гонец с этим письмом поднимался по протокам к Новому Орлеану, из города отплыла карательная экспедиция янки под командованием Паттерсона. По плану коммодора шхуна «Каролина» с тремя прицепленными пехотными баржами должна была спуститься по главному руслу Миссисипи. В устье реки солдат предполагалось разместить на шести канонерках, после чего флотилия должна была двинуться к бухте Баратария.

Жан Лафит все еще ожидал ответа на свое послание американским властям, когда 15 сентября рано утром дозорные сообщили, что возле входа в бухту, в установленном Лафитом месте, ходит британская шхуна «София».

Глава баратарийцев медленно двинулся пешком по берегу. Английская шхуна ходила короткими галсами взад и вперед, словно девушка, ожидающая запаздывающего на свидание любимого. Молча постояв на берегу и поглядев на британский флаг, Жан Лафит вернулся назад. Немного погодя ему доложили, что шхуна ушла в море. «Англичанка» явно была разочарована, что корсар не «кlyнул» на ее чары.

Нескончаемо тянулись часы ожидания. Жан Лафит был настроен оптимистически:

— Не может быть, чтобы Клэрборн не ответил. А ответ наверняка будет положительным.

После полудня дозорные, сторожившие подходы с суши, заметили в протоке пирогу. Соскочив на берег, сидевший в ней человек задыхаясь потребовал боса.

— Я только что с Храмового холма. У меня ужасные вести...

Солдаты Паттерсона заняли склады. С минуты на минуту Баратария должна была подвергнуться нападению.

Жан Лафит велел собрать капитанов.

Здесь мы приступаем к описанию события, уникального в анналах флибустьерства. Жан Лафит, не являясь американским гражданином, отвергает из лояльности к Соединенным Штатам британское предложение, предупреждает американские власти и предлагает им свою помощь. В награду те посылают в Баратария карательную экспедицию. Что же Лафит предложит и даже прикажет своим капитанам? Не оказывать сопротивления.

Непостижимо, но факт. Ему удается убедить флибустьеров, для которых добыча всегда была превыше всего, позволить янки забрать корабли, имущество, все товары на складах и отдаться на милость властей, которых он сам чуть ли не десятилетие обкрадывал, обманывал и выставлял на посмешище. Неужели

опытный и тертый в политике корсар действительно рассчитывал такой ценой купить себе и своим соратникам прощение? Давайте проследим за событиями.

Большинство капитанов, в их числе старший брат Жана Капитан Доминго, решительно заявили, что о сдаче не может быть и речи; напротив, они намерены дать янки бой.

— Сражения я не допущу,— отрезал Жан Лафит.— Я не позволю применить оружие против солдат Соединенных Штатов.

Тогда возникло другое предложение, на первый взгляд вполне приемлемое.

— Мы грузим оставшиеся товары на суда и плывем в Картахену или любой другой нейтральный порт.

— Нет. Мы должны остаться здесь со всеми кораблями и орудиями, чтобы оборонять Баратариию от англичан,— сказал бос.— Поскольку я отказался пристать к ним, они нападут.

Рене Белюш, дядя братьев Лафит, задал вопрос, беспокоивший многих присутствующих:

— Если мы позволим американцам забрать все наше добро, есть ли у нас шанс возвратить его при условии, что мы запишемся добровольцами в их армию?

Ответ Жана:

— Нет сомнений, что Соединенные Штаты по достоинству оценят такой шаг баратарийцев.

Эти реплики, безусловно, набрасывают лишь канву. На самом деле дискуссия, разгоревшаяся на песчаном берегу под мерный плеск волн залива, была долгой и бурной. Время от времени кто-нибудь из флибустьеров покидал субтропический форум, чтобы остудить — в буквальном и переносном смысле — голову в тени хижин или в каюте своего корабля. Потом они возвращались, чтобы с новыми силами вступить в нескончаемый спор, затянувшийся до глубокой ночи.

Наутро, едва взошло солнце, корабли карательной экспедиции появились перед горловиной бухты. Орудия береговой батареи и пушки на флибустьерских судах были изготовлены к бою; корсары зарядили мушкеты; никто не знал, какой оборот примут события.

Жана Лафита на берегу не было. Он не стал дожидаться прихода американцев, а еще ночью вместе с Пьером покинул Большую Землю. Их лодка поднялась по протоке и вскоре свернула к плантации, чей владелец был с братьями в крепкой дружбе. Жан Лафит поступил так, как и обещал в письме губернатору Клэрборну: покинул Баратариию.

А пиратские капитаны рассматривали в подзорную трубу головную шхуну.

— Американский флаг на грот-мачте, белый парламентарский флаг на фок-мачте.

Последнее показалось многим добрым предзнаменованием.

Капитан Доминго распорядился:

— Всем судам поднять флаг Картахены!

В отсутствие Жана и Пьера он взял на себя командование.

Однако на берегу в умах царило полное смятение, приказы повисали в воздухе. Часть флибустьеров решила удирать, другие храбрились: «Пусть только сунутся!», третьи в отчаянии не знали, как быть. Одно из корсарских судов, «Леди залива», подняло на грот-мачте американский флаг, белый флаг на фок-мачте и флаг Картахены на гафеле!

— Янки спустили белый флаг!

На минуту все застыли, словно пораженные молнией. Затем на мачте американской шхуны взвился другой белый флаг. Тотчас все подзорные трубы уставились на него. На флаге черными буквами было выведено: «Прощение дезертирам». Это не был сигнал, специально предназначенный для баратарийцев, да они и не были дезертирами; на каждом американском судне в ту пору был такой флаг, настолько дезертирство было широко распространено. Корсары решили, что прощение обещалось им.

«Каролина» в сопровождении конвоя канонерок нарочито медленно потянулась в бухту. Коммодор Паттерсон с мостика всматривался в берег. «Я видел, как пираты бросали свои суда и разбегались прочь,— писал он в отчете.— Я распорядился отрядить за ними погоню. К полудню я завладел всеми судами в бухте. Полковник Росс с отрядом высадился на берег и захватил все находившееся там имущество».

Внесем уточнения. Три-четыре сотни баратарийцев рассыпались мелкими группами по лабиринту протоков и болот Баратарии. Американские солдаты не стали их преследовать— во-первых, потому что это было делом безнадежным, а во-вторых, все они, включая офицеров, куда больше стремились завладеть вожаденной добычей. Около восьмидесяти флибустьеров, поверивших сигналу янки, были взяты в плен. Среди них находились и Капитан Доминго, и дядя Лафитов Рене Белюш. «Прощение дезертирам» оказалось уловкой Паттерсона: флибустьеры были отправлены в Калабус и там закованы в цепи. Коварные янки громко сожалели лишь о том, что Пьер и Жан Лафиты избежали кандалов.

Четверо суток американские солдаты и матросы перетаскивали в трюмы своих судов собранную на складах Большой Земли контрабанду. В принципе все эти товары должны были пойти с молотка, а выручка передана в казну (об ограбленных владельцах

никто не вспоминал). Однако при виде такого богатства военные решили потребовать себе четверть стоимости возвращенного товара. Позже коммодор Паттерсон и полковник Росс оценили свои услуги в половину стоимости контрабанды. Такой счет они и предъявили таможене по возвращении в город. Между тем в Новом Орлеане ходили упорные слухи, что brave военные, не дожидаясь компенсации, щедро отоварились натурой еще при погрузке.

Пушки Большой Земли и Большого острова были сняты, а укрепления скрыты. На песчаных берегах бухты не осталось живой души. Солнце, дожди и ураганы вскоре доконали хижины и домики флибустьеров. Так закончила свои дни Баратария...

— Баратарийцы в бегах или в тюрьме!

— Англичане угрожают Новому Орлеану!

Обе новости разлетелись одновременно, породив в городе смешанные чувства, главным из которых было беспокойство. Собравшись в кафе, группа активистов учредила Гражданский комитет из восьми членов под председательством юриста Эдварда Ливингстона, бывшего мэра Нью-Йорка, перебравшегося на Юг. Первым актом комитета было опубликование патриотической прокламации, призывавшей всех на защиту города. Вторым действием была отправка командующему военным округом генералу Джэксону предупреждения Жана Лафита и всех приложенных им документов.

Рыжеволосый генерал Эндрю Джэксон, прозванный солдатами Старым Дубом, не сомневался, что целью англичан было нападение на Новый Орлеан. Разведка доставляла ему все новые и новые данные. К тому же из Вашингтона поступили неутешительные известия: на Ямайке собиралась мощная английская флотилия. На судах находился экспедиционный корпус, составленный из ветеранов битвы при Ватерлоо. Были сформированы и гражданские власти, готовые взять бразды правления в Новом Орлеане, как только «британская колония Луизиана» будет очищена от американских войск. Намерения англичан не оставляли никаких сомнений. Согласно их версии, Луизиана, «незаконно» проданная президенту Джефферсону Бонапартом, должна быть возвращена Испании. А поскольку Испания сама была неспособна отвоевать провинцию, Англия брала эту задачу на себя. Со всеми вытекающими последствиями.

Джэксон располагал для обороны Нового Орлеана всегонавсего четырьмя ротами федеральных войск и полудюжиной слабооруженных судов. Не было для него секретом и что

командиры морских и сухопутных сил — коммодор Паттерсон и полковник Росс — были куда больше озабочены прибыльной распродажей баратарийских товаров, чем приведением своих войск в боевую готовность. Поэтому участие любых добровольцев, в том числе и вчерашних баратарийцев, в защите Нового Орлеана было бы весьма кстати. Между тем, судя по составленному генералом обращению к населению Луизианы, флибустьеры были ненавистны bravому вояке не меньше англичан:

«Луизианцы! Коварные англичане бесстыдно пошли на сговор с пиратами и ворами. Британцы предложили бандитам из Баратарии соединиться с ними! И после этого вас посмели оскорбить предложением побрататься с дьявольским отродьем!»

Миновали октябрь и ноябрь. Была ровно полночь 30 ноября 1814 года, когда вошедший в устье Миссисипи пакетбот причалил в порту Нового Орлеана. На борту его находился генерал Джэксон в измятом черном мундире; вид у Старого Дуба был еще более свирепый, чем обычно. Наутро он принял на себя командование гарнизоном.

— Положение серьезное. Мне нужен человек, знающий толк в фортификационных работах, чтобы создать линию обороны вокруг города — у вас здесь хоть шаром покати!

Глава Гражданского комитета Ливингстон порекомендовал ему архитектора по имени Жерар-Каликст-Жан-Батист-Арсен Лакарьер, сьер де Латур-Фалес. Джэксон, не дослушав имени до конца, буркнул, что он согласен, коль скоро человек знает дело, и тотчас назначил Арсена Латура (для краткости) главным инженером оборонных работ Нового Орлеана, присвоив ему звание майора.

Время гонцов и посланий кончилось: новоорлеанцы поняли, что война у ворот. 14 декабря пять парусников федерального флота были атакованы стаей из 45 английских шлюпок, в которых находилось около тысячи морских пехотинцев. Парусники были захвачены после ожесточенного боя, стоившего американцам 98 человек убитыми и 77 ранеными.

«Родина в опасности!» — раздался клич в городе. Добровольцы образовали очередь у арсенала.

— Всякий способный носить оружие получит его, — распорядился Джэксон.

Однако, когда с ним заговорили о баратарийцах, он резко замолал головой, громыхая: «Дьявольское отродье!» Это было излюбленное выражение генерала. Немало видных горожан возмутились отказом командующего принять под ружье несколько сот закаленных бойцов, к тому же жаждавших заслужить прощение в бою. Они имели по этому поводу беседу с губернато-

ром, который в свою очередь отправился на переговоры к Джэксону. После часа уламывания Джэксон признал, что в сложившейся ситуации всякое лыко было в строку. Клэрборн воспользовался этим, чтобы подsunуть ему на подпись приказ об отсрочке судебного разбирательства по делу братьев Лафит и призыве их на военную службу. Губернатор дополнил приказ распоряжением выпустить из тюрьмы всех баратарийцев, изъявивших желание сражаться. Более того, генерал Джексон обещал пиратам, что, если они проявят доблесть на поле брани, он представит президенту США прошение о *полном помиловании* бывших джентльменов удачи. Как видим, отношение командующего изменилось на 180 градусов.

Приказ был датирован 17 декабря. А три дня спустя Жан Лафит был представлен архитектором Латуром лично генералу Джэксону. Эта встреча, названная «исторической», имела место в ставке генерала в доме № 106 по Королевской улице. О содержании беседы мы можем судить по мемуарам Латура. Архитектор пишет, что Жан Лафит подтвердил горячее желание своих людей сражаться под американским знаменем, и Джэксон пожал ему руку.

Людская молва и легенды представляют флибустьеров как специалистов по вылазкам и внезапному нападению, как мастеров ближнего боя. Это соответствует действительности, но в силу богатой и постоянной практики они были еще и непревзойденными стрелками и бомбардирами. Джэксон резонно рассудил, что такие таланты не должны пропадать втуне. Он распределил баратарийцев по батареям, поставив командовать над ними Капитана Доминго и Рене Белюша. Что касается Жана и Пьера Лафитов, то они оставались при ставке: никто лучше них не знал хитросплетения водяного лабиринта, которому предстояло стать театром военных действий.

Записанным в артиллеристы баратарийцам была доверена охрана форта Сент-Джон у северной части города. Джэксон считал это укрепление стратегически важным пунктом. Туда же он выдвинул Орлеанский батальон — пять рот волонтеров, хорошо вооруженных молодых людей из семей креольской аристократии; их желание защищать семейное имущество было очевидным.

Волонтеры с восторгом смотрели на вчерашних корсаров, о подвигах которых были наслышаны. Правда, и те и другие были слегка обижены, что их поставили сторожить форт, вместо того чтобы задействовать в бою. 23 декабря после полудня прибыл

связной от Джэксона: «Орлеанскому батальону незамедлительно вернуться в город». Противник высадился у города ниже по течению.

Десять километров отделяли форт от города. Триста семьдесят два добровольца совершили марафонский бросок под пение «Янки Дудл» и «Марсельезы». Это событие запечатлелось в памяти у новоорлеанцев, и сейчас ежегодно 23 декабря устраивается забег молодежи от старинного форта до площади, ныне носящей имя Джэксона, с конной статуей генерала посредине.

— Почему не мы? — ворчали баратарийцы.

— Нам приказано ждать распоряжений генерала! — прикрикнул Капитан Доминго, сделавшийся образцом дисциплинированности.

Настала ночь, ни один защитник форта не спал, даже часовые. На западе погромыхивали орудия, иногда доносился сухой треск ружейной перестрелки.

— Чего мы здесь торчим, как бараны!

Капитану Доминго стоило немалых трудов удержать своих молодцов, жаждавших выказаться в бою пиратскую удадь. Некоторые даже обвиняли генерала Джэксона в предательстве!

Наутро стало известно, что Джэксон внезапной фланговой атакой остановил продвижение британцев. Братья Лафит, прекрасно знакомые с местностью, сумели скрытно подвести американцев почти вплотную к противнику. Успех дал Джэксону передышку и возможность перегруппировать силы на левом берегу Миссисипи. За пять дней, что длилась пауза, защитники форта Сент-Джон дошли почти до отчаяния. Хорошо началось рождество, которое они отметили, опорожнив несколько ящиков бутылок и пропев весь репертуар разбойничьих песен.

Воздвигнутые второпях вдоль заброшенного дренажного канала «фортификации» — в работах участвовали все здоровые лица, гражданские и военные, включая офицеров, — не являли собой внушительного зрелища; это была просто глинистая насыпь, обращенная крутой стороной к противнику. 28 декабря на рассвете Джэксон прибыл на укрепление. Он с тревогой прислушался к звукам, доносившимся с той стороны.

— Будут атаковать, — буркнул он адъютанту. — Передайте сигнал приготовиться.

Через несколько минут тот доложил, что все на местах.

Адъютант добавил, что орудийная прислуга насчитывает, к сожалению, всего двенадцать человек. Джэксон выругался сквозь зубы.

В восемь утра на дороге показалась группа людей. Американцы насторожились, но тут же их лица расплылись в улыбке.

Двигавшаяся группа походила на что угодно, только не на воинскую часть. Разодранные штаны были забраны в сапоги — когда они были, потому что многие шли босиком; голубые и красные рубахи распахнуты на волосатой груди, на шее красовались платки, волосы у людей были всклокочены. Сейчас, пожалуй, как никогда, они соответствовали любимому выражению Джэксона «дьявольское отродье». Успев промокнуть под дождем, флибустьеры согрелись от быстрого бега, и от них валил пар. Получив приказ покинуть форт Сент-Джон, баратарийцы домчались до города быстрее, чем это сделал Орлеанский батальон несколькими днями раньше.

— Третья батарея, — скомандовал им начальник артиллерии. Баратарийцы с привычной сноровкой начали суетиться возле орудий.

В 8.25 в пепельно-сером небе взмыла сигнальная ракета. Загрохотали британские пушки, пехотинцы колонной бросились в атаку. Компактная масса красных мундиров двигалась по болотистой равнине. Раздалась команда, и американские орудия ответили на огонь англичан. Когда дым рассеялся, стало видно, что компактная масса нападавших распалась, а многие тяжелые пушки англичан смолкли, подавленные метким огнем баратарийцев. Корсары, приникнув к мушкетам, теперь били англичан, как зайцев. Несколько залпов в упор, и атака захлебнулась; пехота бросилась назад, а вслед ей еще раз грохнули орудия баратарийцев.

В первый день нового, 1815 года окрестности Нового Орлеана окутал густой, как вата, туман. В десяти шагах люди не могли разглядеть друг друга; желтые костры биваков едва просвечивали сквозь сырую мглу. В восемь утра юные креолы Орлеанского батальона, работавшие над укреплением фортификаций, отрядили к Джэксону депутацию с просьбой разрешить отпраздновать Новый год. Рыжий генерал взглянул на заполненную туманом долину и сказал: «Хорошо. Устроим смотр войскам».

В десять часов заиграла музыка, развевались флаги, войска строились к параду. Внезапно туман рассеялся, словно его и не было. Две минуты спустя тридцать британских орудий обрушились на американскую оборону. Ядра упали в гущу солдат, громко закричали раненые.

Наконец заговорили и американские пушки. Над английскими позициями взвились две ракеты — сигнал к атаке.

Американских пушек было всего десять. Ясно, что англичане неминуемо выиграли бы артиллерийскую дуэль, если бы не меткая стрельба американских бомбардиров, в основном баратарийцев. В полдень англичане остановили стрельбу, начальник

американской артиллерии тоже отдал приказ прекратить огонь: надо было охладить орудийные стволы. Дым рассеялся, явив результаты сражения.

Все пространство перед американскими укреплениями было усеяно телами британских пехотинцев, брошенных в атаку под пушечным огнем: 2230 убитых, раненых и пропавших без вести. Американские потери исчислялись 13 убитыми, 12 пропавшими без вести и 39 ранеными. Около половины английских пушек было повреждено или разбито; на американской стороне пострадало лишь несколько орудий. Новая атака английского командующего не отличалась тактической гибкостью от предыдущих.

В воскресенье 8 января 1815 года генерал Джэксон велел денщику разбудить его в три часа ночи; встав, он начал бриться при свече.

— Пошлите за генералом Батлером!

Батлер был его заместителем. Уже целую неделю они с Джэксонном пытались угадать, когда начнется новое наступление англичан и что лучше — ждать его или самим перейти в контрнаступление. Дело осложнялось тем, что необыкновенно дождливая и туманная зима превратила почву в сплошное болото. Солдаты и волонтеры восстанавливали поврежденный британской артиллерией рубеж и возводили новую линию обороны вдоль канала на правом берегу Миссисипи.

— Ага, вот и вы, Батлер. Вчера поздно вечером мне доложили, что *раки* опять заползли на передовой. Возможно, они решат предпринять что-нибудь сегодня. Давайте осмотрим позиции.

«Раки» было презрительной кличкой англичан, носивших красные мундиры. На дворе была темная ночь. Промозглый холод пробирал до костей. Генералы направились поначалу к ближайшей линии обороны.

— Третья батарея, — сказал Джэксон. — Баратарийцы.

Он знал диспозицию с закрытыми глазами. Тьму прорезали огни небольших костерков. Приятный запах щекотал генеральские ноздри. Джэксон подошел ближе.

— Кофе куда лучше того, что пью я. Черт подери, он черный как смоль!

— Не угодно ли кружечку, генерал?

Это был голос Капитана Доминго. Старый Дуб сурово взглянул на него.

— Откуда у вас такой кофе? Небось, контрабанда?

— Не могу знать!

Джэксон улыбнулся и отхлебнул из кружки. Батлер последовал его примеру. Затем оба генерала, сопровождаемые ординарцами, двинулись дальше.

— Будь у меня полсотни пушек и пятьсот таких дьяволов, как они, меня бы не выкурил отсюда сам Сатана,— пробурчал Джэксон.

День занимался медленно, густой туман покрывал все вокруг, как 1 января. Из молочного месива выплыла тень и приблизилась к Джэксону. Это был архитектор Латур, возглавлявший строительство оборонительных укреплений.

— Господин генерал, на этой позиции мы восстановили редуты. На том берегу фортификации тоже вполне способны выдержать атаку.

— А что вы думаете об этом тумане? Вы ведь местный...

— Он может рассеяться через час.

Генералы пошли по брустверу, Джэксон — впереди. Как обычно, от реки потянул ветер, растаскивая клочья тумана. Становилось все светлее. Внезапно Джэксон воскликнул:

— Вот они!

Да, можно уже было различить первый ряд красных мундиров. Высоко в небе вспыхнули две ракеты. Грохнули английские пушки. Джэксон отдал короткое распоряжение ординарцу, и тот бросился бегом вдоль укрепления.

— Генерал велел без приказа не стрелять! Целиться выше медной пряжки на поясе.

Масса красных мундиров дрогнула и двинулась вперед. Солдаты высоко поднимали ноги, чтобы не увязнуть в болотистой почве. Американские пушки дали первый залп. Несколько зарядов картечи угодило прямо в плотную колонну англичан. Пехотинцы сомкнули ряды и, переступая через убитых, зашагали дальше со штыками наперевес, не стреляя.

Джэксон спустился с бруствера, его окружили офицеры.

— Они уже совсем близко... Огонь!

Над укреплением взвились клубы порохового дыма. Американские стрелки были поставлены в четыре ряда, чтобы не мешать друг другу. Первый ряд давал залп и тотчас отходил назад; на его место становился второй ряд и, выстрелив, повторял маневр. Таким образом, когда четвертый ряд прицеливался, первый уже успевал зарядить ружья. Огонь не прекращался. Английские пули не могли нанести и десятой части того урона, который производили выстрелы солдат Джэксона в рядах красных мундиров.

Людская масса остановилась, но сзади на нее напирали новые войска: тупая тактика британского командующего, казалось,

заклучалась в том, чтобы бросить в бойню как можно больше своих солдат.

Атака началась в шесть утра. К восьми англичане остановились, а полчаса спустя стало ясно, что наступление захлебнулось. Джэксон приказал прекратить стрельбу. Луг перед укреплением опять был покрыт красным ковром из валявшихся тел. Но убитые и тяжелораненые были и в американском лагере. Баратарийцы своими жизнями скрепили контракт, заключенный Жаном Лафитом с властями.

Джэксон оставался настороже, опасаясь, как бы противник не предпринял атаку в другом месте. Но в час дня англичане возвратились в свой лагерь, а с противоположного берега Миссисипи прибыл посыльный с известием, что и там британцы отходят. Битва за Новый Орлеан кончилась.

Несколькими неделями позже защитники и нападавшие узнали, что сражение было совершенно напрасным. Полномочные представители двух стран, собравшись в Бельгии в городе Генте, выработали соглашение о перемирии еще к рождеству. Но вести в то время поступали медленно...

Генерал Джэксон отдал приказ, в котором официально поздравил Капитана Доминго и Белюша, командовавших третьей и четвертой батареями, укомплектованными членами их экипажей:

«Генерал с полным удовлетворением отмечает боевые действия этих джентльменов в течение всего времени, что они находились под его командованием. Он также с высокой похвалой отзывается о храбрости лиц, принявших на себя обязательство участвовать в кампании по защите страны. Братья Лафит проявили мужество и верность. Генерал обещает, что об их поведении будет должным образом доложено правительству».

31 марта в Новом Орлеане с утра царил странная атмосфера. Некоторые улицы опустели, лавки были закрыты, ставни захлопнуты, ворота на запоре. Казалось, обыватели ожидали уличных беспорядков. Издалека доносился шум. Толпа окружила приземистое строение под красной черепичной крышей, в котором помещался окружной суд. Раздавались громкие крики: «Позор!», «Требуем справедливости!» Баратарийцев было легко узнать по огромным бакенбардам и свирепому выражению лиц.

К девяти часам в толпе наметилось движение, понеслись крики: «Вот он!» Прибывший затерялся в скопище людей, но мы не станем интриговать читателя, а скажем, что это был генерал Джэксон, дело которого должен был рассматривать окружной суд.

Обвинения, выдвинутые против него судьей Холлом, были следующими: генерал после завершения кампании несколько недель не выпускал французов из Нового Орлеана, тем самым причинив им моральный и материальный ущерб; генерал оскорбил правосудие в лице судьи Холла, приказав арестовать его; генерал спровоцировал дипломатический инцидент, арестовав французского консула.

Немало событий произошло после славного дня победы 8 января. Была всеобщая радость, возросшая еще пуще после того, как английские суда принесли весть о мире. Волонтеры, естественно, с нетерпением ожидали демобилизации.

— Ни под каким видом! — ответил Джэксон. — Слухи могут оказаться уловкой врага. Я буду ждать официального объявления о мире президентом Соединенных Штатов.

Сотни исторических примеров доказывают, сколь опасно для властей тянуть с демобилизацией. Напомним, что значительная часть добровольцев были французы, не принявшие американского гражданства и плохо переносившие установленную Джэксоном железную дисциплину. Они не желали шагать по струнке в мирное время. Семьи волонтеров осаждали французского консула. Тот отправился к Джэксону. Ответ генерала гласил: никаких бесед с иностранными консулами! Ах, он настаивает? Арестовать его. Губернатор Клэрборн отказался вмешаться:

— Мы не получили официального объявления о мире, поэтому генерал осуществляет в штате верховную власть.

Джэксон поставил при выезде из города заставы и велел не выпускать волонтеров из Нового Орлеана. Поскольку протесты не утихали, генерал распорядился арестовать одного из тех, кто возмущался громче других. Им оказался судья Холл. А через три дня после этого события ударила пушка, возвещающая о мире; на рассвете в город прибыл правительственный курьер с известием, что президент Мэдисон подписал мирное соглашение.

Все приказы Джэксона отменялись. Консула выпустили, судья вернулся к своим обязанностям и сразу же возбудил дело против генерала.

Толпа, собравшаяся у здания суда, не была единодушна. Конечно, гонения на французов и арест их консула вызвали раздражение. С другой стороны, Джэксон был героем недавней битвы, спасителем отечества, и эти патриотические чувства разделяли все жители Нового Орлеана, в том числе и те, что говорили по-французски. Тащить в суд боевого генерала — какой позор!

Среди собравшихся 31 марта у здания суда были Капитан Доминго, Белюш и множество других баратарийцев. Они громко

приветствовали своего недавнего командира. Еще бы! Он публично назвал их в своем приказе *джентльменами*, а что может быть дороже такого признания для пирата, вечного изгоя общества.

Едва Джэксон занял свое место на скамье подсудимых, где до него перебивали сотни преступников, как зал взорвался такими аплодисментами, что, казалось, рухнут стены и кровля. Генерал поднял руку, требуя тишины.

Впрочем, ему не понадобилось произносить защитительную речь. Судья Холл сказал, что забыть заслуги генерала перед страной нельзя и посему, несмотря на оскорбление, нанесенное правосудию, речь не может идти о суровом наказании. Он приговорил генерала к штрафу в тысячу долларов.

Приговор оказался присутствующим справедливым. Он возмещал арестованным ущерб и не умалял достоинства героя. Джэксон вытащил из кармана чековую книжку.

По выходе из зала суда ему понадобилось добрых полчаса, чтобы добраться до пролетки. Лошади были выпряжены, построжки держали люди. Кто именно? Баратарийцы — Капитан Доминго и его артиллеристы с третьей батареей. Триумфальная колесница проехала по улице Людовика Святого, потом по Шартрской — прямо к кафе «Масперо». Джэксона на руках внесли в зал и здесь потребовали сказать речь.

— Мы все обязаны соблюдать законы! — выкрикнул генерал. — Даже если они кажутся нам несправедливыми. Призываю вас, храбрецы, следовать моему примеру и всегда склонять голову перед Законом!

Баратарийцы хлопали как безумные, вопя во всю глотку: «Да здравствует генерал Джэксон!» Они тут же начали сбор пожертвований для уплаты тысячедолларового штрафа за своего кумира.

Жан и Пьер Лафиты не были в тот день среди баратарийцев ни у здания суда, ни в кафе при чествовании героя. Они вообще стали редко появляться в «Масперо» и в «Кафе беженцев», которое в свое время ввели в моду. Их почти не видели в городе.

Нет, они не прятались. После того как угроза английского вторжения миновала, они разгуливали как свободные граждане. Жан Лафит носил в бумажнике копию документа, официально реабилитировавшего баратарийскую братию.

В середине марта фельдъегерь доставил из Вашингтона огромную бумагу, под которой стояли подписи президента

Соединенных Штатов Джеймса Мэдисона и государственного секретаря.

В бумаге говорилось следующее. «*Иностранцы* основали в Баратарии компанию, занимавшуюся нелегальной торговлей; правительство Соединенных Штатов приказало распустить указанную компанию и примерно наказать злоумышленников. Однако президенту доложили о полном раскаянии баратарийцев и их самоотверженном поведении при обороне Нового Орлеана. Учитывая все необыкновенные обстоятельства этого дела, я, Джеймс Мэдисон, настоящим декретом объявляю полное прощение за совершенные до 8 января 1815 года нарушения закона касательно уплаты налогов, торговли и мореплавания как по отношению к собственности подданных штата, так и к коммерции США с другими государствами всем лицам, проживающим в Новом Орлеане и его окрестностях либо на острове Баратария». Для получения права на помилование следовало предъявить справку от губернатора, подтверждавшую участие в обороне города.

Кроме того, у Пьера Лафита было письмо от Джэксона, в котором генерал с похвалой отзывался о выдающихся услугах, оказанных братьями Соединенным Штатам. Письмо заканчивалось уверениями в «личной дружбе и высоком уважении».

Означенные документы были единственным состоянием, оставшимся у Лафитов. Все остальное было конфисковано. Более того, теперь их осаждали со всех сторон кредиторы. Бывший глава баратарийцев не смирился с разорением и подал иск в суд. Но его иск был отклонен.

Жан Лафит понял, что единственным его достоянием оставались таланты организатора и морехода, а также великолепное знание Мексиканского залива, всех его потаенных мест и убежищ. Там было его поле деятельности.

Каждую пятницу богатые жители Хьюстона (полтора миллиона жителей, нефть, газ, электроника, космический центр) отправляются сейчас по скоростному шоссе в порт Галвестон (100 000 жителей, университет), где у причалов стоят их прогулочные яхты.

В 1816 году Хьюстона еще не существовало, а Галвестоном называли длинный (50 километров) низкий песчаный остров, совершенно безжизненный, если не считать чахлая трава. Там паслись стада диких оленей и ползали в огромном количестве змеи. Время от времени на острове высаживались индейцы-охотники с запасом питьевой воды: на Галвестоне ее не было.

В 1816 году Техас, известный тогда под индейским названием Тешас, теоретически был, как и вся Мексика, частью вице-королевства Новая Испания. На самом деле он, как и большая часть Мексики, был охвачен восстанием против испанского владычества. Мексиканское республиканское правительство находилось на территории Соединенных Штатов. Одним из видов его деятельности было расстройство испанской морской торговли с помощью корсаров, плававших под флагом Мексиканской республики. Видной фигурой среди последних был француз по имени Луи д'Ори. Своей базой он избрал Галвестон — по той же причине, по которой Лафит облюбовал Баратарийо: там была хорошо укрытая бухта.

д'Ори действовал в Мексиканском заливе настолько успешно, что в сентябре 1816 года республиканское правительство произвело его в звание «гражданского и военного губернатора Техаса и Галвестона». Под его началом было около полутысячи человек. Над островом реял мексиканский флаг.

Однажды в ноябре 1816 года д'Ори увидел те же флаги на мачтах четырех парусников, прибывших ко входу в бухту. На остров сошел смуглый мексиканец и представился:

— Франсиско Минья. Я возглавляю республиканскую армию освобождения. Правительство распорядилось, чтобы ваши войска вместе с моими частями двинулись на освобождение Мексики.

— Впервые слышу, — отозвался д'Ори. — А кто будет командовать походом?

— Я.

Это заявление не вызвало энтузиазма у д'Ори.

Сидение в Галвестоне затянулось на несколько месяцев. Когда наконец экспедиция выступила, д'Ори сохранил командование над своим войском. Обе флотилии отплыли порознь 7 апреля 1817 года.

Паруса исчезли вдали, и тогда в виду острова показалась маленькая шхуна, до этого терпеливо державшаяся в тени берега. Капитаном этой шхуны был человек, значившийся в списке шпионов испанской королевской службы под номером 13-2. Настоящее его имя было Жан Лафит.

Немного найдется приключенческих романов, чей сюжет был бы столь запутан, как похождения братьев Лафит. Но переписка, хранящаяся ныне в Гаване в Кубинском историческом архиве, доказывает, что все это не выдумка.

Первым в этих документах упоминается монах-капуцин отец Антуан, священник собора святого Людовика в Новом Орлеане, назначенный еще при испанцах и с тех пор остававшийся на месте. Еженедельно в тиши своей ризницы отец Антуан строчил

подробный отчет обо всем происходившем в городе и деятельности американской администрации. Надежным каналом этот отчет через несколько дней попадал на Кубу и ложился на стол испанского губернатора.

Кроме того, святой отец занимался вербовкой агентуры. Когда братья Лафит оказались на мели, священник при встрече с ними повел разговор об одном интересном и весьма прибыльном занятии.

— Кстати, один из ваших друзей уже сотрудничает с нами,— обронил он.

Лафиты с удивлением узнали, что речь идет об архитекторе Латуре, поставленном генералом Джэксоном возводить фортификации Нового Орлеана. В конце разговора братья согласились оказывать услуги испанцам. Отец Антуан тотчас присвоил им кодовый номер 13 (13-1 для Пьера и 13-2 для Жана) и дал первое весьма незатейливое задание, с тем чтобы они освоились с техникой агентурной работы. Заключалась она в составлении карты одного приморского района Техаса, весьма интересовавшего испанцев.

В феврале 1817 года Латур съездил в Гавану, чтобы отчитаться о выполнении задания.

— Сейчас нас больше всего интересует,— сказал ему испанский губернатор,— возможность справиться с пиратами. Разбойники не дают прохода нашим судам в Мексиканском заливе.

— Я уже думал об этом. Мне представляется разумным внедрить в среду флибустьеров верных людей, которые станут предупреждать вас о готовящихся нападениях и распускать между пиратами фальшивые сведения. Сей способ должен возыметь действие.

Говоря о верных людях, Латур естественно имел в виду Лафитов. Пока шли переговоры с испанскими властями в Гаване, братья успели сориентироваться в новой обстановке. Жана снедало желание поскорее выйти в море. Как всякий умный командир, еще во времена процветания Баратарии он подыскал резервную базу. Бухту Галвестон он знал хорошо — это было надежное убежище.

23 марта 1817 года он прибыл с братом на шхуне «Кармелита» к песчаному острову и повел беседу с д'Ори и Миньей. Командиры не могли договориться, кто у кого будет в подчинении. Умелый дипломат, Жан Лафит сумел уговорить их поделить власть и двинуться не мешкая в Мексику. Как мы помним, соперники действительно отплыли вместе.

Покидая Галвестон, подозрительный д'Ори сжег за собой все мосты. В данном случае это означало, что он спалил все хижины

и сарай на острове. Губы Жана Лафита тронула улыбка при виде пепелища.

Три недели спустя испанский тайный агент 13-2 собрал «граждан» Галвестона и заставил их подписать клятву на верность свободной Мексиканской республике. Поскольку на суше не осталось ни одного строения, собрание состоялось на борту «Кармелиты». Участниками его были члены экипажа шхуны и несколько человек, оставленных д'Ори, в общей сложности сорок «граждан». Хорошая часть из них, не разумея грамоты, поставила под документом крест. Этот любопытный документ, датированный 15 апреля 1817 года, находится ныне в архивах окружного суда в Новом Орлеане. Самое интересное, что под ним нет подписей ни Жана, ни Пьера Лафитов: опытные политики, они не любили оставлять ненужных следов...

Захват политической власти прошел благополучно. Но для морских операций бывшему главе баратарийцев нужны были средства. Видимо, с этой целью он отправился в Новый Орлеан, где пробыл с 18 апреля до конца месяца. Краткий визит был насыщен деловыми переговорами.

— Любезный друг,— сказал ему отец Антуан,— я хочу представить вас испанскому консулу, только что прибывшему из Гаваны. Он весьма интересовался нашими общими планами.

Испанский представитель сообщил Жану Лафиту, что гаванские власти с нетерпением ждут сведений о борьбе с пиратством в заливе. Осуществить ее надлежало агентам 13-1 и 13-2.

— Без денег ничего не получится,— без обиняков ответил Жан Лафит.

— Вот восемнадцать тысяч долларов. Остальные вы получите чуть позже.

Испанские власти не могли, конечно, знать о дальних замыслах Лафита. О том, что отныне джентльмен флибустьерства будет действовать исключительно в собственных интересах.

— Мы оборудуем большой и удобный лагерь,— объявил он гражданам острова Галвестон по возвращении из Нового Орлеана,— и назовем его Кампече.

Наименование было дано в память о лагере легендарного «генерала» Грамона. Несколькими днями позже, 4 мая, Луи д'Ори, так и не сумевший поладить с Миньей (который вскорости погиб в сражении в Мексике), возвратился в Галвестон. Там он с изумлением увидел, как несколько десятков молодых людей занимались строительными работами, сооружая на острове дома и склады.

— У нас сейчас новое начальство,— сказал первый человек, встреченный им на берегу.

Луи проводили к Жану Лафиту.

— Все, что было сделано в мое отсутствие, весьма похвально, — сказал д'Ори. — Но я по-прежнему остаюсь губернатором.

Размах строительных работ показывал, что новые граждане Галвестона не стеснены в средствах, поэтому д'Ори добавил:

— И казначеем.

— Решать будет правительство, — сухо ответил Жан Лафит.

Луи д'Ори успел потерять свой авторитет. Холодно принятый республиканским правительством, он двинулся в океан на своем паруснике, окрещенном им в свое время из патриотических чувств «Мексиканским конгрессом».

Утверждать, что мексиканский конгресс республиканцев сделал ставку на Жана Лафита, было бы неверно. Революционеры, конечно, не подозревали, что имеют дело с тайным испанским агентом 13-2; им просто не нравилось слишком независимое поведение Жана Лафита. Однако приходилось признать: это был, как сейчас говорят, «пробивной человек». Что ни день, новые флибустьеры прибывали в лагерь Кампече; к концу 1817 года там жило уже около сотни людей. Испанские власти засыпали правительство Соединенных Штатов жалобами на галвестонских пиратов, сеявших ужас в Мексиканском заливе.

Мексиканские республиканцы могли убедиться: Жан Лафит знал свое дело. Они даже выдали ему поручительство действовать официально от имени «независимой Мексики». Что касается гаванского губернатора, то, по его мнению, агент 13-2 слишком уж тянул с началом выполнения ответственного поручения.

Кампече процветал. Жан Лафит построил для себя комфортабельный домик, выкрасив его в красный цвет — память о кузне, оставшейся в Новом Орлеане. При входе в бухту вырос небольшой каменный форт, окруженный складами и домами. Все стройматериалы и всю провизию, включая питьевую воду, доставляли из Нового Орлеана. Снабжение обеспечивали бесперебойно курсирующие суда.

Флибустьеры выписали в Галвестон своих жен и подружек. Добыча от нападений на испанские купеческие суда делилась строго поровну — за этим Жан Лафит следил особо. Его авторитет был столь же непререкаем, как в Баратарии. В частности, он распорядился, чтобы холостяки и женатые жили в разных концах острова, предупредив, что первый, кто *обеспокоит* замужнюю женщину, будет повешен. «Он насаждал мораль веревкой и пистолетом», — напишет о нем один современник.

Можно предположить, что эти меры были продиктованы не только высокими соображениями, но и необходимостью. Так, флибустьерские нравы привели к серьезному конфликту с индейцами. Как мы помним, индейцы высаживались регулярно на

острове Галвестон для охоты на оленей. Прельстившись индейскими женами, пираты похитили нескольких *скво*. В ответ индейцы убили четырех корсаров, а вскоре Лафиту доложили, что, сосредоточившись возле болот, триста индейцев собираются напасть на Кампече. Лафиту пришлось выступить против них с отрядом в двести человек при двух орудиях. Бессильные противостоять орудийному и ружейному огню, индейцы покинули остров, оставив около трех десятков убитых. Но семена ненависти грозили дать новые всходы.

Среди галвестонцев поселились старые корсары из числа ветеранов Баратарии, в их числе Джани Огненная Борода, Венсан Гамби и дядя Лафитов, Рене Белюш. Братья Лафит поддерживали контакт с Белюшем и после того, как он начал новую карьеру, поразительную даже для флибустьера.

Белюш получил жалованную грамоту от великого освободителя Латинской Америки Симона Боливара и сражался с испанцами повсюду, где встречал их. Его бриг крейсировал вдоль побережья под флагом «Объединенных колоний», то есть Венесуэлы и Новой Гранады. Виртуозность действий капитана Белюша вызвала восхищение во всех портах Нового Света. Нередко американские корабли просто дежурили у дельты Миссисипи, ожидая, когда он появится там со своими призами.

В 1819 году его бриг участвовал в походе Боливара на Гаити. Поскольку адмирал, командовавший флотом вторжения, заболел, Белюш принял командование и блестяще справился с операцией. Боливар часто прибегал к его услугам и называл его «отважный Белюш».

В эти годы Жан Лафит, интенсивно занимаясь делами флибустьерской колонии, часто выходил с братом Пьером в море, перехватывая испанские купеческие суда и вступал в бой с испанскими боевыми кораблями охранения. Его престиж морехода и политика был необыкновенно высок как среди друзей, так и среди врагов. Гаванскому губернатору он сообщал, что действует «по плану».

Между рейдами он наведывался в Новый Орлеан. Американизация Луизианы — янки все в большем числе прибывали с Севера в богатую южную провинцию — заставляла новоорлеанских французов держаться теснее. Они всегда находили понимание у Лафитов, когда речь шла об оптовой покупке партий контрабандного товара. Клиенты приезжали за ним в Галвестон, но вскоре для удобства коммерции Лафиты открыли факторию в Доналдсвилле, городке в двухстах милях от Галвестона, на берегу бокового ответвления Миссисипи. Там же, в Доналдсвилле, братья встречались со своими адвокатами, все еще продолжавши-

ми судебную тяжбу о возвращении конфискованного в Баратарии имущества.

В Вашингтоне чиновники министерства иностранных дел и юстиции пытались найти выход из парадоксального положения, приносившего Лафитам огромную выгоду.

Испанское правительство по-прежнему заваливало Вашингтон жалобами: «Почему вы даете приют правительству мексиканских мятежников, которые натравливают пиратов на наши суда и подрывают морскую торговлю?» Обходя молчанием вопрос о мексиканском правительстве, американцы отвечали: «Главное логово пиратов расположено в Галвестоне. Угодно ли вам, чтобы мы направили туда свои войска?» Испании, естественно, это было неуютно, поскольку это бы означало фактическую оккупацию Соединенными Штатами Техаса. К тому же гаванский губернатор обещал своему правительству, что агент 13-2 вот-вот взорвет пиратское гнездо изнутри. Тем временем фирма «Лафит и Лафит» продолжала преспокойно заниматься своим промыслом.

Летом 1818 года американский госсекретарь вручил президенту Монро меморандум следующего содержания: «Нам следует твердо настаивать на том, что остров Галвестон является частью Луизианы, проданной нам Францией. Испанское королевское правительство до сих пор не смогло противопоставить каких-либо серьезных аргументов, опровергающих наш тезис. А так как территория между реками Сабина и Рио-Браво является Луизианой, Галвестон принадлежит нам. Прекрасным случаем подтвердить наш суверенитет была бы посылка экспедиции против Лафитов».

Монро начертил на полях меморандума две строчки:

«Согласен, но действуйте без ажиотажа. Уведомите Лафитов, что им надлежит обратиться».

Приказ очистить бухту и остров Галвестон был вручен Жану Лафиту в конце лета полковником Грэмом, прибывшим на невооруженном судне таможенной службы. Адресат ознакомился с бумагой и дал обстоятельный ответ в письменном виде. Лафит писал, что обосновался в Галвестоне с разрешения республиканского правительства Мексики. Он никогда не знал, что американское правительство заявляет свои права на эту территорию. А посему, питая безграничное уважение к американскому правительству, он незамедлительно исполнит волю президента Монро.

Полковник отбыл, очарованный приятным знакомством. Лафиту только это и требовалось. Если не считать налетевшего несколько дней спустя урагана, причинившего немалые разрушения Кампече,— эти разрушения были вскоре ликвидированы, и поселок стал еще краше,— все пошло как прежде. У американско-

го правительства были другие, более важные заботы. Фирма «Лафит и Лафит» увеличила оборот, а весной следующего года республиканское правительство Мексики, довольное размахом морских операций корсаров, официально назначило Жана Лафита губернатором острова Галвестон.

Флибустьер не забывал кормить посулами и испанцев. Думаю, что сложившаяся ситуация его немало *забавляла*. Подтверждением может служить найденное в Королевском архиве в Севилье письмо вице-короля Новой Испании, датированное 18 апреля 1819 года. Там упоминается о том, что агент 13-2 изложил кубинскому губернатору свой план управления островом и для этой цели просил официально объявить его «губернатором острова Галвестон»!

Надо сказать, что письмо вице-губернатора своему правительству поражает не меньше, чем смелая выходка Жана Лафита. «Несмотря на подозрения нашего военного командования относительно агента 13-2,— говорилось там,— полагаю, что ему можно доверить губернаторство до той поры, пока мы не вышлем в Галвестон карательную экспедицию. Это логово следует уничтожить. Кстати, остров представляет собой нездоровое место, лишенное каких бы то ни было ресурсов, и Лафит должен там влачить жалкое существование, терпя всяческую нужду». Если все сообщения, приходившие в Мадрид из американских владений, были того же качества, то причины краха Испанской империи становятся более понятны: предприятие Лафита никогда еще так не процветало, как весной 1819 года.

Возможно, даже слишком. Думая о последующих событиях, трудно отказаться от мысли, что человек столь разнообразных и замечательных талантов пересек некий незримый предел. Властелин маленькой галвестонской империи не был наказан впрямую, но, как это часто случается с теми, кому повезло и кто хочет усложнить игру уже из чистого удовольствия, удача отвернулась от него. А без помощи этой прихотливой дамы даже самый большой талант бессилен...

Летом 1819 года один авантюрист, которого Лафит принял совсем недавно, ночью улизнул тайком с бандой из Галвестона. Десять дней спустя в бухту вошла сторожевая шхуна «Рысь». Сошедший на берег лейтенант военно-морских сил США Макинтош потребовал незамедлительно проводить его к Жану Лафиту.

— Некто Браун, один из ваших людей, напал с сообщниками на плантацию Джона Лайонса возле протоки Черепеховый Хвост,— сказал он.— Бандиты избили и ограбили хозяев. Власти Луизианы требуют выдачи этих людей для суда и наказания.

— Я в курсе события,— ответил Жан Лафит.— Эти люди по

возвращении были допрошены, их судил галвестонский трибунал. Браун был признан главным зачинщиком. Кстати, вы можете взглянуть на него.

Он подвел лейтенанта к берегу, где стояла высокая виселица. Тело Брауна, болтавшееся в петле, было уже расклевано птицами.

— Прекрасно,— сказал лейтенант.— Но с ним было еще четверо сообщников.

Полчаса спустя эти четверо были выведены из подвала, служившего на острове тюрьмой, и поднялись на борт «Рыси» со связанными за спиной руками.

Лейтенант Макинтош написал в отчете, что Жан Лафит — «человек, обладающий манерами истинного джентльмена, а в обхождении с ним трудно сравниться и невозможно превзойти».

1 сентября 1819 года все газеты Нового Орлеана напечатали примерно в одних и тех же выражениях следующее сообщение:

«Судно «Храбрец» под мексиканским флагом и командованием капитана Жана Дефоржа, члена пиратской корпорации Галвестона, напало и захватило 29-го числа прошлого месяца испанскую шхуну «Филомена», вышедшую из Пенсакола в Гавану. Обращение с офицерами и экипажем шхуны было самое ужасное. Груз «Филомены» принадлежал двум негоциантам из нашего города, гражданам Соединенных Штатов.

Через короткое время «Храбрец», перехваченный двумя вооруженными тендерами американской таможенной службы, вступил с ними в бой и, будучи обездвижен, сдался. Сейчас он стоит на якоре под надежной охраной в порту, а капитан Дефорж и восемнадцать членов его экипажа сидят в Калабусе».

Несколько дней спустя те же газеты сообщили, что защищать пиратов будут адвокаты Е. Ливингстон и Дж. Граймз. «Утверждают, что Жан Лафит лично прибыл в Новый Орлеан из Галвестона для организации защиты капитана и экипажа «Храбреца». Лафит поручил своим поверенным сделать все возможное». С затратами те могли не считаться.

Дело «Храбреца» выглядело довольно скверно. Окружной прокурор Джон Дик предъявил суду два документа, захваченные на корсарском судне: написанную рукой Лафита инструкцию капитану Дефоржу, какие сигналы тот должен подать при входе в бухту Галвестон *с призом*, а также написанную рукой Лафита фрахтовую грамоту — ее флибустьеры все еще называли *фартвой*, — предусматривающую порядок дележа добычи.

Жан Лафит попал в переплет. «Курьер» напечатал статью, в

которой выражал сожаление, что «главный злоумышленник вышел сухим из воды». Тем не менее Жан Лафит употребил остатки своего влияния для того, чтобы склонить нескольких видных бизнесменов города подписать петицию президенту Монро о помиловании приговоренных; он даже сам отправился в Вашингтон, чтобы вручить этот документ высоким инстанциям. Единственное, чего он смог добиться,—это продлить жизнь своим бывшим соратникам еще на полгода.

25 мая 1820 года в полдень они были повешены на рее таможенного тендера, вставшего напротив причала Оружейной площади. Огромная толпа присутствовала при казни. Во время ее произошел душераздирающий инцидент. Воспользовавшись тем, что стража на несколько секунд засмотрелась, как первую жертву вздергивали на рею, капитан Дефорж бросился головой вперед с борта судна в реку. Его выловили и, мокрого, дрожащего, рыдающего, умоляющего о пощаде, казнили. «Военный парад, сопровождавший экзекуцию,— писала газета,— был самым значительным за весь мирный период. Никакие крамольные акции не нарушили общественного спокойствия».

Газета намекала на слухи о том, что галвестонские пираты готовили вылазку для освобождения сотоварищей и вообще были намерены мстить за них. Факты опровергают это. Судя по ним, у Жана Лафита были совсем иные намерения. В архиве его праправнука было обнаружено письмо, датированное маем 1820 года и отправленное из Сент-Луиса неким Мануэлом Лиса, считавшимся в ту пору «крупнейшим торговцем мехами на американском Западе». В этом письме, где многие фразы звучат загадочно, Лиса уведомлял Лафита, что он «схоронил карты, планы и инструменты в надежном месте», туда же положил «дублионы в количестве двадцати тысяч».

Да, с конца 1819 года Жан Лафит начал устраивать тайники вдали от Мексиканского залива — в Филадельфии, Нью-Джерси, Сент-Луисе. Таким образом, он уже тогда понимал, что галвестонская база перестала внушать доверие. Против него ополчились не только американские власти; флибустьеры были злы на него за то, что он не сумел спасти от петли экипаж, работавший на него и выполнявший его прямые указания. Упоминание о «картах, планах и инструментах» свидетельствует, что Лафит предполагал перенести поле деятельности в другое место. Но события, как и прежде, распорядились по-иному.

3 января 1821 года шхуна «Энтерпрайз» под флагом военно-морских сил США шла вдоль длинного песчаного берега острова

Галвестон. Капитан-лейтенант Кирни и его помощник Макенни пристально разглядывали берег в подзорную трубу.

— Прибыли,— сказал Кирни.— Вижу вход в бухту.

Несколькими минутами позже он добавил:

— А вот и Кампече.

Даже невооруженным глазом были видны деревянные строения. Отчетливо выделялся выкрашенный в красный цвет двухэтажный дом и небольшая фортеция при входе в бухту.

— По-моему, ничего серьезного,— заметил помощник капитана.

— Гнездо разбойников всегда выглядит так, пока его не потревожишь.

— Командовать всем по местам, сэр?

— Да. Якорь отдавать не будем. Ляжем в дрейф возле входа в бухту. Распорядитесь поднять сигнал «Просим связи с берегом!». Орудия навести на форт.

«Энтерпрайз» не успел лечь в дрейф, как из бухты выскочил парусный баркас и ловко подошел к шхуне. Человек, стоявший на палубе суденышка, снял шляпу.

— Я капитан Жан Лафит,— прокричал он.— Прошу вашего капитана быть моим гостем.

Лейтенант Кирни велел спустить собственный ялик. На берегу он отклонил предложение войти в дом «губернатора Галвестона».

— Я обязан сообщить вам важное известие, капитан Лафит. И предпочитаю сделать это здесь.

Из домиков вышли люди и начали собираться вокруг прибывшего. Лафит жестом удержал их на расстоянии. Кирни стоял по стойке «смирно» на песчаном пляже лицом к деревянным баракам.

— Правительство Соединенных Штатов поручило мне передать вам следующее...

Галвестонское предприятие должно полностью прекратить свои действия, более того—исчезнуть. Строения должны быть снесены, а суда покинуть бухту и никогда туда не возвращаться.

— Я вернусь через два месяца, дабы проверить исполнение этого приказа. К этому времени вы тоже должны покинуть остров. В случае неповиновения или промедления мои орудия откроют огонь.

Жан Лафит выслушал ультиматум без малейшего возражения.

— Я приму все меры к разрушению и эвакуации Кампече в указанный срок,— сказал он.

— Я вернусь ровно через два месяца, день в день,— повторил Кирни.

День в день, рано утром 2 марта, «Энтерпрайз» появился перед входом в бухту. Шхуна бросила якорь, спустила шлюпку, и капитан-лейтенант Кирни с помощником Макенни отправились к берегу. Восемнадцать лет спустя, в июле 1839 года, Макенни опубликовал в журнале «Демократическое обозрение» рассказ об этом памятном дне.

В бухте шлюпка миновала готовый к отплытию бриг. «Целые «гроздья» белых, черных и желтых лиц, увенчанных колпаками, фуражками, сомбреро и островерхими мексиканскими шляпами, свесившись за борт, без малейшей любезности во взоре смотрели на наши треуголки и эполеты». Кирни спросил, где Жан Лафит; ему указали капитанский корабль. «Это была черная шхуна вытянутой формы с низкой осадкой — идеальное судно для погони и пиратских нападений».

Лафит принял гостей у себя на борту. Он сказал, что условия, объявленные ему два месяца назад, выполнены. Беседа тотчас приняла дружественный характер.

— Пятнадцать лет я воюю против Испании и буду продолжать сражаться, покуда жив, — говорил Жан Лафит.

Американцы согласно кивали. У них не было никакого приказа касательно защиты испанских интересов, а свое задание они выполнили.

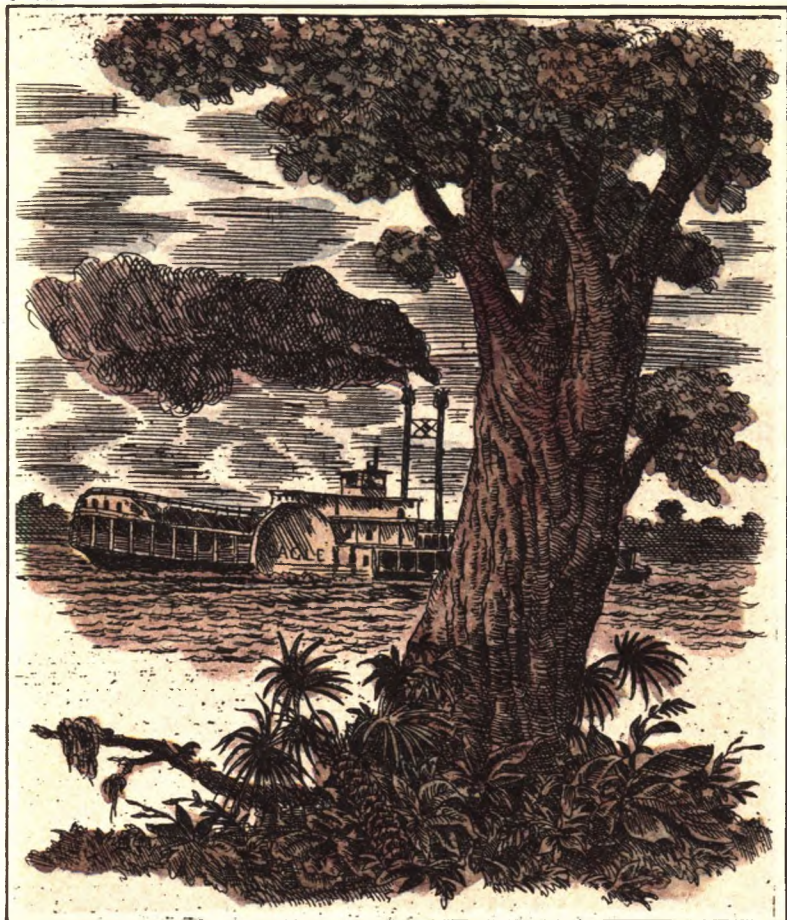
— Да, — продолжал бос. — Меня часто называли пиратом, а между тем я не напал ни на одно английское или французское судно. Когда у меня завелись было бандиты, ограбившие американскую плантацию, я их повесил. В Новом Орлеане все знают, что я большой друг Америки. Не угодно ли кофе, господа?

После кофе офицеры вышли на палубу. Расставаясь, они долго жали руку «пирату-джентльмену», словно расставались с желанным другом.

Наутро Кирни с помощником, стоя на корме «Энтерпрайза», смотрели, как последние флибустьеры покидали Галвестон. Один за другим суда выбирались из горловины бухты и распускали паруса. И хотя на палубах суетились оборванные нечесанные люди, напоминавшие скорее нищий сброд, чем храбрых моряков, все маневры производились образцово.

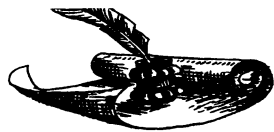
— Вижу на берегу человека, — сказал Кирни, не отрываясь от подозрной трубы.

Это был Жан Лафит. Главарь флибустьеров подошел к крайнему домику и поднес к нему факел. Огонь быстро пополз по крыше, перекинулся на соседнюю хижину, оттуда — на большой красный дом. Ветер раздувал пламя, пожирившее остатки галвестонского лагеря...

Больше ста тридцати лет история последнего флибустьера прерывалась здесь. «Жан Лафит уплыл навстречу неведомому, откуда он некогда явился» — это фраза из Британской энциклопедии. Лишь благодаря кропотливому труду историка Стенли Крисби Артура, имя которого уже упоминалось, теперь установлено, что вторая половина жизни Жана Лафита была не менее насыщенной, чем первая. Знаменитый флибустьер всегда был человеком скрытным и намеренно напускал туман на ту часть своей деятельности, которую он хотел уберечь от посторонних глаз.

7 июня 1832 года под именем Джона Лафлина (небольшая

трансформация имени показалась ему достаточной) он сочетался в Чарлстоне браком с Эммой Мортимер, дочерью богатого оптового торговца. 4 апреля 1834 года у четы родился сын Жюль, в два года спустя — второй, нареченный Гленном. В 1836 году супруги поселяются на берегу Миссисипи в Сент-Луисе. В этом городе по адресу Норт-Уотер, 29, отец семейства открыл контору, на бронзовой табличке которой значилось: «*Джон Лафлин, фабрикант и торговец орудийным порохом*».

Торговля подобным изделием может показаться странной для человека, живущего под чужим именем, старающегося остаться незамеченным и порвавшим прежние связи с пиратами. Но тут, как и раньше, нам следует делать ссылку на эпоху, когда подобные вопросы не возникали.

Джон Лафлин много времени проводит в разъездах. В частности, в Европе. И тут кроются указания на его вторую жизнь. Его следы отыскиваются во Франции в 1834 и 1848 годах. Именно тогда, когда там происходят революционные выступления. По возвращении в Штаты Лафлин рассказал своему другу художнику Дефранку о возмущении, которое у него вызвала бойня, учиненная правительственными войсками в Париже 13—14 апреля 1834 года на улице Транснотен. Рабочие вышли на демонстрацию по призыву Общества прав человека.

«Мой отец,— вспоминал много позже его старший сын Жюль,— говорил, что в год моего рождения он вступил в общество, провозгласившее равенство и братство людей». Не об этом ли обществе идет речь? Гипотезу подтверждает *деловая* поездка Жана Лафита — уже под собственным именем — во Францию накануне гражданской войны 1848 года. Он доставил туда груз пороха «неизвестному покупателю». Если бы сделка была легальной, ее не надо было бы скрывать. Стенли Клисби Артур нашел указания, что Лафит поставлял порох республиканцам.

Он пишет, что эволюция бывшего флибустьера в эти годы шла довольно быстро. Жан Лафит был и прежде сторонником равноправия, понимаемого, правда, своеобразно. Он был сыном своего века и продуктом определенной среды. Но идеи свободы и справедливости всегда были близки ему. Вот факты.

11 ноября 1847 года Авраам Линкольн пишет тестю Лафита Джону Мортимеру: «Дорогой Джон! Я все еще нахожусь под большим впечатлением от бесед об эмансипации работников, что мы вели в доме вашего зятя в Сент-Луисе две недели назад...» Далее он останавливается на «агитации в пользу отмены рабства и облегчения жизни неимущих» и добавляет: «...слова вашего зятя не оставили меня равнодушным».

Жан Лафит финансирует издание книг и брошюр, клеймящих рабство, дает деньги в фонд организации, занимающейся выкупом черных невольников и переселением их на Север Штатов. Богатый опыт в налаживании тайных каналов связи пригодился ему и тут. Шестидесятилетний Лафит через верных людей переправляет беглых рабов в Сент-Луис, а позже в Олтон, штат Иллинойс, где он поселяется в начале 50-х годов после трагической гибели младшего сына Гленна.

Последний флибустьер, чья жизнь была насыщена тысячью опасностей, умер в своей постели 5 мая 1854 года, простудившись на реке, где в непогоду встречал тайный транспорт с бывшими рабами. Говоря «река», я имел в виду Миссисипи...

Слово «флибустьер» окружено ореолом романтики. Открывая книгу Жоржа Блона, читатель вспомнил, наверное, и пиратские романы Купера, Саббатини, Хаггарда, и знаменитую «Бригантину» Павла Когана.

...за яростных, за непокорных,
За презревших грошевый уют,
Вьется по ветру Веселый Роджер,
Люди Флинта гимн морям поют.

Как не похожа жестокая правда книги Жоржа Блона на романтический миф о флибустьерстве.

Были, конечно, среди пиратов вольнолюбивые бунтари — о некоторых из них, кстати сказать, Жорж Блон написал в своей книге «Индийский океан». Но в основном не презрение к грошовому уюту, а страстная жажда наживы вела их по морям и океанам.

Пиратство известно с древнейших времен и, к сожалению, процветает в XX веке. Но все же «Флибустьерское море» — особая глава в истории пиратства. Жорж Блон рассказывает об исторических и политических причинах, обусловивших безудержный разгул морского разбоя именно в XVII веке и преимущественно в районе Карибского моря.

Правда, самый удачливый из пиратов всех времен и народов — англичанин Фрэнсис Дрейк — действовал (правильнее сказать, злодействовал) немного раньше — в конце XVI века. В сентябре 1580 года, вернувшись из очередного плавания, он доставил в Англию золото, серебро и драгоценности общей стоимостью около 600 тысяч фунтов стерлингов. Трудно сопоставлять тогдашние фунты и сегодняшние, но размер этой добычи вы сможете себе представить, если узнаете, что годовой доход английской казны не превышал в то время 300 тысяч фунтов.

Дрейк был, вероятно, лучшим навигатором своего времени. Он, в частности, совершил второе в истории кругосветное плавание (правда, спасаясь от преследования испанцев) и открыл значительную часть западного побережья Северной Америки — вплоть до 48° северной широты.

Другой англичанин — Уильям Дампир — на рубеже XVII—XVIII веков трижды обошел вокруг света. Он был избран в Британское Королевское географическое общество и опубликовал описания всех трех своих путешествий. Его портрет в Национальной галерее в Лондоне украшен довольно необычной табличкой: «Уильям Дампир — пират и гидрограф». Часто его называют также «пиратом-натуралистом». Впрочем, как пират он был неудачлив.

Конечно, подобные примеры сочетания пиратской и научной деятельности — только исключение. Не надо преувеличивать географические заслуги пиратов, не надо романтизировать рыцарей наживы.

«Пираты... это были отчаянные люди, известные подвигами, которым не хватало только честности для того, чтобы считаться героическими», — писал в свое время Вольтер.

Рассказ Жоржа Блона хорош уже тем, что он документален. В основе

его знаменитая книга «Пираты Америки», своеобразная «библия пиратства», впервые опубликованная в Амстердаме на голландском языке в 1678 году.

Жорж Блон рассказывает об авторе «Пиратов Америки» А. О. Эксквемелине (Эксмелине), считая его своим соотечественником. Однако стоит заметить, что это только одна из версий, причем не самая убедительная.

Начиная с 1678 года «библия пиратства» издавалась около 60 раз на 11 европейских языках. Автора ее считали в разное время то голландцем, то фламандцем, то французом, то немцем. Фамилия Эксквемелин сама по себе довольно необычна. Ученые утверждают даже, что подобные именные звукосочетания вообще немыслимы ни в одной стране мира. Поэтому наиболее правдоподобным кажется предположение, что Эксквемелин — только псевдоним. Голландские историки склонны думать, что за ним скрылся голландский путешественник и писатель Хендрик Смекс. В 1666—1673 годах, то есть как раз в период описываемых событий, Смекс действительно был в Америке. А испанизованную форму его имени и фамилии (Энрике Смеекс) легко преобразовать в псевдоним Эксквемелин, если заменить «р» на «л». Известно, что Хендрик Смекс постоянно сотрудничал с фирмой Яна тен Хорна, которая впервые опубликовала «Пиратов Америки». Позднее фирма выпустила книгу Смекса «Описание могущественного королевства Кринке Кесмес», в названии которой автор вновь обыгрывает испанизованный вариант своего имени и фамилии.

Но кем бы ни оказался таинственный Эксквемелин — французом или голландцем, ясно одно: он сам был участником многих описываемых им событий. Книга «Пираты Америки» — свидетельство очевидца, и рассказ Жоржа Блона, написанный на ее основе, документален.

Надо сказать, что «свидетельские показания» не так уж часты в книгах о пиратах. По вполне понятным причинам джентльмены удачи не очень-то афишировали свою деятельность. И в истории пиратства много незаполненных страниц.

После 1684 года флибустьерская вольница на островах Карибского моря распалась. Но пиратство в этом районе продолжало существовать и в XVIII веке. Жорж Блон ничего не пишет о последующих событиях, да и вообще сведений об этом в литературе очень и очень немного. Тем интереснее таинственная рукопись, которая хранится в одном из советских архивов. Первые сведения о ней появились совсем недавно...

В 1968 году, когда книга Эксквемелина была впервые переведена на русский язык, доктор географических наук Я. М. Свет — редактор русского издания и автор предисловия — писал: «В век Державина и Карамзина готовился перевод «Пиратов» на русский язык». Тут же было сделано примечание: «Советский искусствовед Ю. Я. Герчук в 1965 году обнаружил в бумагах замечательного русского просветителя Ф. В. Каржавина незавершенный перевод «Пиратов Америки»».

Федор Васильевич Каржавин действительно много переводил. Этим удивительно талантливым человеком еще ребенком попал за границу и в возрасте десяти лет (!) поступил в Парижский университет. В пятнад-

цать — был зачислен на службу в русском посольстве в Париже. Кроме русского и французского он свободно владел древними языками — греческим, латинским, славянским — и современными: английским, испанским, итальянским, немецким, польским, сербскохорватским и чешским.

Кстати сказать, именно Каржавин перевел на русский язык «Путешествие капитана Биллингса», которое было переиздано совсем недавно. Его книга «Французские, Российские и Немецкие разговоры в пользу начинающих», включавшая в себя большой раздел «О географии», с 1784 по 1837 год издавалась 19 раз! По ней училось несколько поколений.

Конечно, Каржавин мог бы стать первым переводчиком Эксквемелина. Однако Ю. Я. Герчук все же ошибся. Более тщательное знакомство с рукописью «Жизнеописание пиратов», которая хранится в Ленинградском отделении Института истории, показывает, что это отнюдь не перевод Эксквемелина. События, описываемые в ней, более поздние и происходят они в XVIII столетии — спустя полвека после выхода в свет «Пиратов Америки».

Рукопись Каржавина — еще одна страница в истории пиратства, страница для нас неизвестная!

Федор Васильевич Каржавин — один из самых удивительных странников своего века, а может быть, и не только своего. Двадцать восемь лет провел он вне России. В одном из писем отцу он напишет: «Я объехал три четверти света, знаю, где пятая часть света, Вам еще не известная; я прошел сквозь огонь, воду и землю». И в другом письме: «Я считаю себя не меньше Христофора Колумбуса, различие только то, что он имел милость от своего государя, я же не имею ни от кого и не стараюсь искать. Пусть ищут милость те, кто того не достойны, а я заслужил своим достоинством, своими трудами и своею наукою...»

Во Франции он снаряжает корабль с «еретическими», «вольнодумными» книгами и отправляется в Новый Свет. Мартиника, Куба, Гаити, Антигуа и другие острова лежат на пути его странствий. Насколько известно, Федор Васильевич Каржавин был первым русским на этих островах. Он добирается до Северной Америки, участвует в Войне за независимость в армии Вашингтона. Дважды — с севера на юг и с юга на север — пересекает Соединенные Штаты. «Исполнен русским неунывающим духом», он разъезжает по всей Америке, неоднократно подвергаясь арестам и тюремным заточениям. Потом живет среди индейцев, изучая их быт, нравы, обычаи. Он постоянно делает записи, ведет дневник, переводит интересующие его книги. С полным основанием друзья назовут его позднее «действительным членом Человеческого общества»...

Вот здесь-то и вернемся вновь к рукописи «Жизнеописание пиратов». Возможно, это перевод какой-то книги о пиратстве, оставшийся неоконченным и неизданным. Но более вероятно, что это материал, собранный во время долгих скитаний самим Каржавиным — хроники, судебные отчеты, рассказы пиратов, с которыми Каржавину не раз доводилось сталкиваться.

«Мы были поневоле в сражении между одним английским капером и

филадельфианским полукупцом-полукапером, где и бот свой мы потеряли», — записывал Федор Васильевич. И в другом месте: «В течение всего января месяца 1779 года я провел на рейде в Гамптоне, чтобы пополнить провизию и экипаж судна «Милая»... Мы ежедневно видели прибывавших с мыса Генриха людей, взятых в плен королевским капером. Мы слышали донесения лоцманов, которые, уходя на разведку, насчитывали от 3 до 15 этих каперов между обоими мысами. Мы узнавали от хорошо вооруженных судов, которые иногда имели счастье избежать их преследования, что они видели остовы кораблей, потопленных или сожженных на берегу или возле мыса Генриха».

Конечно же моряки, только что ушедшие от погони пиратов, возбужденно рассказывали в какой-нибудь портовой таверне о своих приключениях, и их истории переплетались с историями о самых знаменитых пиратах былых времен.

Наверное, Каржавин, особенно интересовавшийся морской историей, записывал эти леденящие кровь рассказы, собираясь издать и свою книгу «Жизнеописание пиратов».

Текст «Жизнеописания» предельно документален. Как и книга Жоржа Блона, записки Каржавина полностью развенчивают дела рыцарей черного флага. Ни тени романтики. Ни доли сочувствия. Морские грабители — и только. «Томас Анстис и шайка его», «Капитан Эдуард Лов и шайка его»... Так и называет Каржавин пиратов — русским словом «шайка». Но в отличие от беллетризованной хроники Блона каржавинские «Жизнеописания» написаны более сухо, напоминая порой просто бухгалтерский отчет. Дни, когда был ограблен тот или другой корабль, место грабежа, точное количество добычи, сколько человек взято в плен, сколько пиратов повешено, каков был состав суда — всем этим заполнен каждый из рассказов. Вот один из фрагментов «Жизнеописания пиратов», дающий представление о духе всей рукописи:

«Джон Эванс родился в провинции Валлийской и был прежде шкипером одного корабля, принадлежащего острову Невису, одному из Антильских островов, что в Америке. Потерявши место сие, он пошел в подшкиперы на ямайском купеческом корабле и подружился с двумя или тремя товарищами, с которыми сел он в американскую лодку и поехал к северному берегу Ямайки; там вышли они на берег ночью, выломали дверь одного домика и все в нем разграбили. Но главная их нужда состояла в судне, и чрез несколько дней они достали себе одно, которое в Дуншоле стояло на якоре, судно небольшое, надлежащее острову Бермудскому. Пришли они на сие судно, и Эванс сказал находящимся на оном матросам, что он того судна хозяин, хотя они, бедные, о таком хозяине прежде и не слыхивали; потом, учредивши все, как ему надобно было, пошел он на берег и пришел в небольшое селение, чтоб повеселиться с товарищами.

Там они ели и пили вдоволь и хозяйке за ея угощение заплатили три золотых пистолы, то есть пятьдесят один шиллинг, за что она благодарила их и сказала, что она надеется видеть у себя дорогих сих гостей опять чрез короткое время, на что они ей ответили, что она их скоро у себя увидит. Но вторичное посещение их было для нее, конечно, не очень

приятно, ибо они в ту же ночь к ней пришли, ограбили всю ее хижину и, что могли взять, все то перенесли на свое судно.

В следующий день они поставили на своем шлупе четыре пушки, назвали его «Сковерер» и поехали к острову Испанскому Сандоминго, где взяли испанский шлуп и нашли деньги, из которых досталось по ступятидесяти фунтоф стерлингов на каждого товарища. Потом попался им купеческий корабль, идущий из Новой Англии в Ямайку; ограбили его, взяли с собою двух или трех человек из матросов.

На другой день взяли судно «Лукрецию-Катерину», неподалеку от острова Дезирады; это было в 1-е число генваря. После сего поехали они к небольшому острову Птичьему, или Авес, в намерении у сего необитаемого островка чистить свое судно; но попался им на дороге шлуп, за которым они погнались. Однако, опасаясь, чтоб не потерять «Лукрецию», судно ленивое на ходу, они пали в подветренную сторону и принуждены направить путь свой к острову Рубину. Чрез несколько часов наехало на них Голандское судно, с которым нельзя им было чтоб не поговорить; тут они достали себе по пятидесяти фунтоф стерлингов на человека; а как сие судно было шлуп гораздо лутчий для промысла пиратов, то они оставили его для себя, а «Лукрецию» отпустили на волю.

Однако, опасаясь, чтоб тут не узнали об них, на другой день поворотили к Большому Караману для чищения своих судов при оном месте. Однако сие не удалось, потому что сделалась ссора между капитаном и шкипером, который был самой горделивой и негодной человек. Несколько раз капитан его побранил, а шкипер вызывал его на берег, чтоб с ним драться. Наконец капитан согласился и позвал его на берег сам, но шкипер струсил и отказался. Эванс тогда схватил свою трость и отвалял ему бока весьма исправно; тут шкипер застрелил Эванса в голову. Весь экипаж, разсердясь на шкипера, положили, что должно ему умереть самою мучительною смертью. Но пока избирали род казни его, констапель застрелил его в брюхо...»

Прервем здесь рассказ о шайке Джона Эванса, ибо и дальше идет лишь перечисление захваченных кораблей, пушек, «фунтоф» стерлингов и «пистолей золотых», описание грабежей и насилий... Все так же и в других рассказах, о других шайках.

Интересен рассказ (отдельные листы его, к сожалению, утрачены) о женщине-пирате по имени Анна Бонни, «которая на всех баталиях отличалась храбростью и смелостью от протчих пиратов». Пират Ракгам — муж Анны Бонни — струсил в бою, был ранен и «пред смертью пожелал видетъся с нею». Каржавин пишет: «Всеутешение, какое он тогда получил от нее, состояло в следующих словах: Естли бы дрался как должно человеку, то бы ты не умер ныне как пес».

Отдельные подлинные детали, которых нет в книге Блона, как бы «раскрашивают» картину «Флибустьерского моря». Вот, например, костюм капитана, в котором он выходит на палубу во время сражения:

«На сей драке Робертс делал из себя хорошую фигуру; одет был в атласное платье кармазинного цвета, на шляпе алое перо, на шее золотая цепь с брильянтовым на ней крестом, в руке блистающий меч; с правого плеча на левом боку, как с леваго плеча на правом боку, висели

две пары пистолетов, по обыкновению всех пиратов; и в сем уборе давал он приказы свои с великой неустрашимостью».

««Веселый Роджер» — черный флаг с черепом и костями — поднимали не все флибустьеры», — пишет Жорж Блон. Каржавин подробнее рассказывает о пиратских флагах. Вот один из них: «Губернаторы Барбадоса и Мартиники, узнавши, что Робертс разъезжает по близости их берегов, выслали военное судно против его; сие так разсердило пирата, что он поднял собственный флаг, на котором написан был он сам в рост, стоящий на двух головных черепах, под которыми написаны были — под одним буквы Б. Г., под другим М. Г., что значило Барбадосская голова и Мартиниканская голова».

А вот флаг, под которым шли за добычей «люди капитана Спригса»: «На сим пути пираты сделали себе черной флаг, в середине которого выдана была остав человеческий, держащий в одной руке стрелу, пронзающую обгаренное кровью сердце, а в другой — песочные часы для показания, что наступает смертный час».

Все это внешнее, показное; реальные деяния, как видел читатель, отнюдь не романтичны. Каржавин то и дело сухо подводит итоги: «В протоколе стоит, что... 52 казнены, 3 отосланы до другаго времени, 20 осуждены быть невольниками, 17 отданы в тюрьму Соутварка; на «Ренджере» убито 10, на «Фортуне» убито 13, на дороге до мыса Корсо померло 15, после в самой крепости Корсо померло 4...» Так же скупко рисует он и картину казни: «Первая казнь учинена над Магнесом, Мудаем, Симпсоном, Суттоном, Ашплантом и над шестым — Гарди. Все шесть были заматерелые злодеи; когда сняли с них оковы и стали надевать им на шею веревку, ни один из них не пришел в уныние; за неимением пастора один корабельный лекарь стал было их увещевать, представляя им, сколь велики были злодеяния их и что они должны молиться богу и просить его о помиловании; но они ему сказали: мы теперь по делам нашим разплачиваемся с законом... и мы не должны никому отдать в том отчета, кроме как самому богу; а тебе какая до нас нужда?.. Однако не все таковы были. ...Бонс был молодой человек двадцати лет, но никто не говорил под виселицею такой речи, как он: в ней жаловался на золотую приманку — богатства, которая принудила его вступить в пиратскую жизнь, а молодость его не в силах была противиться толь великому искушению...»

Атласное платье кармазинного цвета, золотые пистолы и петля у нока на рее — вот и вся жизнь пирата... Так увидел ее Эксквемелин, так увидел ее и Федор Васильевич Каржавин...

Кажется, в наше время пиратство вновь расцветает пышным цветом. То и дело в печати появляются сообщения об ограблении судов в морях Юго-Восточной Азии, у западного побережья Африки. Вероятно, и часть таинственных происшествий в Бермудском треугольнике на совести морских разбойников. Появился в XX веке новый (и не совсем логичный) термин — воздушное пиратство. А зарубежные фантасты уже рассказывают о пиратах космоса, пиратах межгалактических кораблей.

Что ж, их фантазии по-своему «обоснованы». Пиратство будет жить, пока владеет миром жажда обогащения, дух наживы.

ПЕРВАЯ ЭПОХА

**Сыновья
Тортуги**

Первое знакомство	6
Береговые братья	27
Долгожданные женщины	47
Факел и клинок	71

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

**Гроза
двух океанов**

Художества Грамона	206
Приключение в Южном море	226
Сокровища Картахены	248

ВТОРАЯ ЭПОХА ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА

**Генри
Морган,
властелин
Флибустьерского
моря**

Банда с Ямайки	100
Завоевание власти	124
То тигры, то стервятники	139
Достославный панамский поход	167
Статуя Моргана	190

**Последний
флибустьер**

«Милая сестрица»	278
Баратария	290
Черная неблагодарность	307
Заход солнца в Галвестоне	329
Эпялог	341
Послесловие	344

ЖОРЖ БЛОН

Флибустьерское море

ИБ № 2142
Заведующий редакцией
В. А. Колосов
Редактор
А. Е. Попова
Младший редактор
Н. Ю. Лерман
Художественный редактор
Е. М. Омеляновская
Редактор карты
О. В. Трифонова
Технический редактор
Л. П. Гришина
Корректор
Ч. А. Скруль

Сдано в набор 20.03.84. Подписано в
печать 20.11.84. Формат 60×90/16. Бу-
мага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура баскервиль. Усл. печат-
ных листов 22. Усл. кр.-отт. 52,0. Учет-
но-издательских листов 23,53. Ти-
раж 75 000 экз. Заказ № 2936.
Цена 3 р. 10 к.

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Издательство «Мысль». 117071,
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

МПО «Первая Образцовая типогра-
фия» Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. 113054, Москва, Валуевская, 28.

